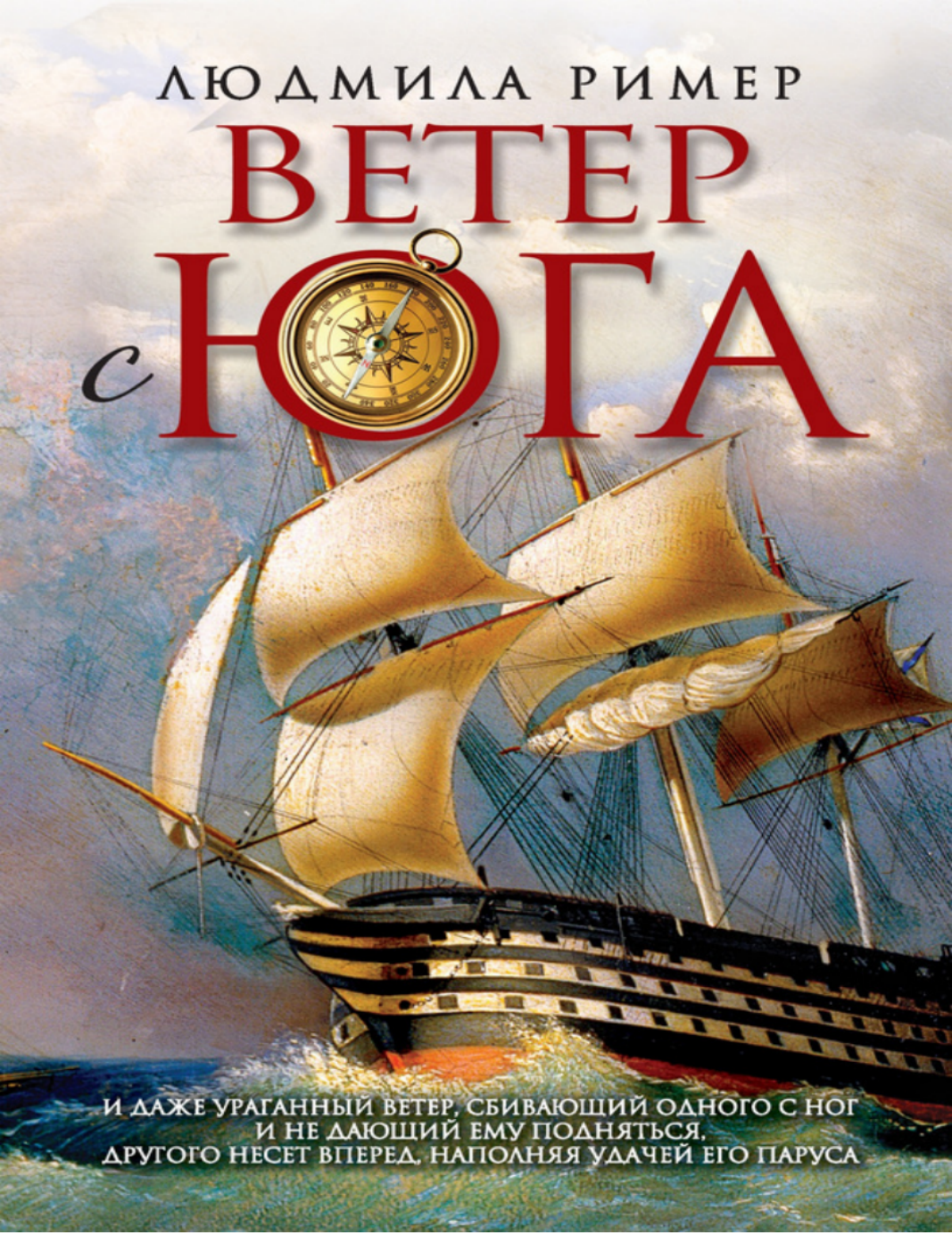
ЛЮДМИЛА РИМЕР

ВЕТЕР С ЮГА



И ДАЖЕ УРАГАННЫЙ ВЕТЕР, СБИВАЮЩИЙ ОДНОГО С НОГ
И НЕ ДАЮЩИЙ ЕМУ ПОДНЯТЬСЯ,
ДРУГОГО НЕСЕТ ВПЕРЕД, НАПОЛНЯЯ УДАЧЕЙ ЕГО ПАРУСА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Шестиклассник Никита, чудесным образом оказавшийся в эпохе Средневековья, становится не только свидетелем, но и непосредственным участником захватывающих событий, происходящих в загадочных городах-государствах Солонии, Нумерии и Митракии, жизнь в которых наполнена ожесточенной борьбой за власть, интригами, предательством, любовными приключениями и подлинной бескорыстной дружбой, которая во все времена является последней спасительной соломинкой, позволяющей героям романа остаться на плаву и сохранить человеческое достоинство.

- Людмила Ример
  -
  - Юнарий
  - Енария
  - Никита
  - Лабус
  - Дарт Засоня
  - Грасарий
  - Рустий
  - Динарий
  - Лея
  - Мирцея
  - Рубелий
  - Лея
  - Никита
  - Туфин Бугвист
  - Эльма
  - Кшыстя
  - Мирцея
  - Эльма
  - Лея
  - Грасарий
  - Рубелий
  - Лабус
  - Рубелий
  - Лея
  - Мирцея
  - Юнарий
  - Мелеста
  - Мирцея

- Грасарий
- Лея
- Галиган
- Хайрел
- Никита
- Хайрел
- Грасарий
- Рустий
- Мирцея
- Динарий
- Никита
- Лея
- Тостин Арвидол
- Мирцея
- Грасарий
- Винт Бригор
- Тван
- Динарий
- Никита
- Тван
- Мирцея
- Патарий
- Тван
- Мелеста
- Юнарий
- Дейв Шорт
- Тван
- Никита
- Турс Либург
- Дейв Шорт
- Патарий
- Никита

Людмила Ример
Ветер с Юга
Книга 1
Часть вторая

В оформлении издания использованы материалы по лицензии Shutterstock

© Ример Л. Г., 2016

Юнарий

– Проклятые родственнички!

Женщина в чёрном отвернулась от окна и взглянула на говорившего. Её лицо со впалыми щеками и бледными поджатыми губами могло показаться безжизненным, если бы не горящие ненавистью глаза.

В молодости она была редкостной красавицей. Даже сейчас её пышные тёмно-русые волосы, убранные под чёрный бархатный головной убор, и стройная девичья фигура с высокой грудью могли бы привлечь взгляды многих мужчин, если бы не каменное выражение её лица.

Эльма Гинратус, вдова богатого торговца Пуниса Гинратуса и дочь бывшего лангракса Солонии Кэстрола Сардивана, посмотрела на ворвавшегося в комнату сына. Ненависть в её глазах тут же погасла, уступив место беспредельной нежности.

– Что-то новое приключилось в этом прогнившем государстве? – Её губы сложились в подобие улыбки. – Или наш дорогой Повелитель успел обзавестись ещё одной парой рогов?

Юнарий шутки не оценил. Он рухнул на стоявший у стены диван и, поджав тонкие, как у матери, губы, зло процедил:

– Хуже… Он, видите ли, сдох! И трон теперь должен перейти к Наследнику. Рубелий даже не скрывает бурной радости – власть сама плывёт к нему в руки. И теперь-то он её уж точно не выпустит! Они с этой сукой гахарской расстарались, настрогали сыновей – целых двух, не считая последнего, недоделанного. И каждый из них, если что, тоже сможет сесть на трон.

Мать молчала. Новость, которую она с нетерпением ждала все эти долгие годы, обрушилась так внезапно, что она, сотни раз представлявшая себе этот момент, вдруг растерялась. Мысли роились в голове, тесня друг друга, но женщина постаралась сосредоточиться на одной. Самой главной… Её сын должен стать Повелителем Нумерии!

Мужчина вскинул глаза и, увидев, как остатки краски медленно сползли с лица матери, хмыкнул:

– Только зря он засуетился! И рановато начал примерять корону на свою тупую башку. Палий, оказывается, успел кого-то там заделать после свадьбы своей заморской невесте. И у меня, может, наконец родится братик… Или очередная сестричка! – Юнарий оглушительно захохотал, став в этот момент удивительно похожим на своего отца.

Эльма, у которой от такой чехарды событий просто подкосились ноги, устроилась на диване рядом с сыном и

заставила его рассказать эти новости ещё раз, но теперь уже со всеми возможными подробностями.

Лазутчик, прибывший утром из Остенвила, не был вхож во дворец Повелителя, но тамошняя прислуга оказалась так же болтлива, как вся прислуга во всех дворцах. За пару дарков или кувшин вина они были готовы рассказать всем и каждому так тщательно скрываемые господами тайны, совершенно не мучаясь при этом угрызениями совести. Одним словом, привезённая из Антубии девка оказалась так плодовита, что зачала в первую же ночь, и именно от Палия. Чему стали свидетелями все члены Большого Совета.

До рождения ребёнка делами государства будет управлять Малый Совет, куда вошёл и прибывший с невестой Великий посол Мардих, на редкость хитрый и вёрткий мужчина. Он изолировал молодую вдовушку от всех, чтобы, упасите Боги, она не подверглась влиянию чьего-нибудь чёрного глаза. Хотя чернее её глаз во дворце, пожалуй, было и не найти. Ну-у, если только очень поискать…

Но на самом деле там всё было не так уж и хорошо. Лазутчику рассказали – за два дополнительных дарка, естественно, – что к девке каждое утро приходит приставленный к ней лекарь. А она становится всё бледнее и худее, и на прогулках просто виснет на своей прислужнице, едва переставляя ноги.

А ещё – тут лазутчик заговорщески сообщил, что эта сплетня стоила ему целых пять дарков – почти каждый вечер в комнату к безутешной вдовушке пробирается её личный переводчик, сынок Великого посла. И судя по тому, что он частенько задерживается там до самого утра, они весьма интенсивно занимаются изучением всех местных наречий.

Оставалось загадкой, знают ли об этих ночных бдениях члены Совета, но пока во дворце спокойно, хотя сразу же после похорон все они страшно переругались. Орали так, что было слышно даже во дворцовом парке. Рубелий сцепился с братом, который никак не хотел признавать его безоговорочное право на трон. Первый претендент выскочил из зала такой красный, что оставалось только удивляться, как его на месте не хватил удар. Но Главный сигурн решительно встал на сторону Главного судьи, и Рубелию таки пришлось согласиться, потому что по закону Нумерии право на трон в первую очередь имеет ребёнок мужского пола, который может родиться у вдовы. И им всем придётся подождать… всего каких-то восемь с половиной месяцев.

Эльма молчала, впитывая каждое произнесённое слово. Любое из них могло таить как опасность для её любимого сына, так и надежду, которая, впрочем, в ней никогда не умирала. С

того самого дня, когда она узнала, что Палий стал Повелителем этого государства.

Она любила и жутко ненавидела этого человека одновременно. Всю свою жизнь Эльма молилась за него Богам и проклинала его, поломавшего ей жизнь. Хотя, разве не сама она её поломала?..

Всё чаще женщина мысленно возвращалась к тому дню, когда впервые увидела Палия Корстака, стройного семнадцатилетнего юношу, приехавшего с дядей и братом Рубелием в их дом с поручением от правившего в то время Повелителя, их отца. Что это было за поручение, она уже не помнила, её больше интересовали пышные волосы и пухлые губы посланника.

Юноша был развит не по летам, что было неудивительно – ему приходилось много времени проводить с мечом и книгами. Наследник трона! И по этой причине вряд ли хоть одна девушка из семейства попроще осмеливалась отказать ему в близости. Увидев, что дочь лангракса не сводит с него глаз, Палий, не особо надеясь на успех, тоже решил попытать счастья.

Эльма пропала. Она совсем потеряла голову. При виде высокого черноволосого юноши она не могла ни есть, ни говорить, ни думать. Ночью девушка с трудом засыпала, а заснув, видела его в каждом своём сне. За две недели его пребывания в замке она похудела и похорошела, напрасно стараясь приглушить радостный блеск своих синих глаз.

Их миссия подходила к концу. Успеха она не имела – несмотря на длительные переговоры, лангракс не согласился на условия, предложенные Повелителем, что вызвало недовольство посланников. Корстаки уже собрались уезжать, когда хозяин, стараясь хоть как-то загладить неприятное впечатление, пригласил их в горное ущелье на охоту на пещерного медведя. Зверь был чрезвычайно редким, и гости не смогли устоять.

Отправились большим отрядом, и Эльма увязалась с отцом. Два часа пути пролетели, как одно мгновение: Палий оказался рядом и всю дорогу развлекал её рассказами о своих успехах. Саму охоту она не помнила – медведь оказался старым и недолго сопротивлялся толпе охотников. Зато потом, когда накрытые столы с вином и угощением надолго приковали к себе разгорячённых мужчин, она вдруг оказалась вместе с Палием за ближайшей скалой.

Он целовал её со страстью дикого зверя, набросившегося на свою беззащитную добычу. Эльма одновременно хотела и оттолкнуть от себя возбуждённого охотой и их внезапной близостью юношу, и теснее прижаться к его сильному гибкому телу. В пылу этих терзаний она не заметила, что они удалились

от пирующей компании, забравшись в небольшую расселину.

Его губы обжигали, язык ласкал её трепещущий язык, и девушка, задыхаясь, поняла, что ноги вдруг отказались её держать. Она обмякла в руках Палия, и он, не отрываясь от нежных губ, уложил девушку на сброшенный плащ. Эльма обхватила руками его шею, не замечая тяжести сильного тела и замирая от жадных поцелуев.

Вдруг девушка почувствовала, как сильная рука скользнула к ней под юбку. Она вздрогнула и хотела крикнуть, но его рот задавил робкий вскрик. Эльма попробовала выскользнуть из-под него, но Палий оказался неожиданно тяжёл. Он придавливал девушку своим телом к земле, всё настойчивей раздвигая ей ноги. Эльме стало невыразимо стыдно от того, что его рука со знанием дела прошлась по бугорку её курчавых волос и скользнула во влажную нежную глубину.

Палий продолжал её целовать, но теперь его настойчивые ласки её лишь пугали. Она возмущённо замотала головой, пытаясь вырваться, и рука юноши вдруг выбралась из-под юбки. Эльма облегчённо вздохнула и даже успела подумать, что тот наконец-то понял, что ей это совершенно не нравится, но тут что-то твёрдое упёрлось в её влажную щель и мощным толчком прорвалось внутрь.

Рвущая боль парализовала всё её существо. Она дёрнулась и впилась ногтями в шею Палия, стараясь оттолкнуть его от себя. Он оторвался от её губ и, влепив Эльме пощёчину, одной рукой придавил её руки к земле. Другой он зажал рот ошеломлённой ударом девушке, при этом продолжая мощно двигаться у неё между ног.

Сила этих толчков, казалось, всё глубже раздирала её внутренности, заливая болью низ живота. По бедру заструилась горячая кровь. Эльма с ужасом смотрела на его искажённое лицо с оскаленным ртом и застывшими пустыми глазами, не понимая, как она могла полюбить это животное.

Палий дёрнулся последний раз, выпустил струю семени, издав при этом утробное рычание. Глубоко дыша, он полежал ещё минуту, затем поднялся и, завязывая штаны и глядя в сторону, пробурчал:

– Надеюсь, ты понимаешь, дорогая, что про это не стоит никому рассказывать. Это любовь. А мы ведь любим друг друга, моя крошка… – На скорчившуюся на плаще Эльму глянули наглые глаза, пытающиеся изобразить смущение.

Девушка промолчала. До этого дня она представляла себе любовь несколько иначе. Пошатываясь, Эльма поднялась и, отвернувшись от Палия, вытерла нижней юбкой стекавшие по

бедру кровь и сперму.

Всю обратную дорогу она молчала, да никто и не пытался её развлекать. Пока они с Палием уединялись, крепкое вино сделало своё дело, и среди гостей пробежала чёрная кошка. Дядя Палия решил ещё раз попробовать склонить хозяина на свою сторону, но тот, запив жареного барашка огромной порцией гахарского, на сей раз не стал церемониться и грубо послал Вилария ко всем дьяволам. Дело чуть не дошло до мечей, другие гости и прислужники едва растащили сцепившихся.

Ни о каком ночлеге в замке речь уже не шла, и гости, переступив порог, тут же отдали приказ немедленно отправляться. Стоя на высокой стене, Эльма сквозь бегущие по щекам слёзы с трудом смогла рассмотреть среди всадников темноволосого юношу в синем плаще. Отъехав, тот развернул коня и, найдя на стене белеющую в сумраке надвигающейся ночи фигуру девушки, весело помахал ей рукой…

Маленькая собачка с гладкой шёрсткой и чёрными блестящими глазками на умильной мордочке пролезла в приоткрытую дверь и, взвизгнув от радости, с разбегу запрыгнула на колени к хозяйке. Эльма почесала любимицу за ухом, вызвав у той новый приступ восторга, и негромко произнесла:

– Это самый благоприятный момент – полное безвластье. Если мы промедлим и власть попадёт к Рубелию, выцарапать её из его жадных рук будет ох, как непросто. Точнее, из рук его жёнушки. Мирцея хитра и коварна, и она все эти годы не сидела сложа руки.

Юнарий слушал мать, склонив лобастую голову. Он всегда знал, что из всех своих детей она его любила больше, но причину этой любви Эльма открыла ему только в день его совершеннолетия. Перед приездом гостей мать позвала его в свою комнату и, усадив на диван, заговорила с ним, как со взрослым мужчиной.

Не вдаваясь в подробности, она объявила ему, что его настоящий отец не всеми уважаемый богатейший торговец Пунис Гинратус, а Палий Первый, Повелитель Нумерии. И Юна-рий должен знать, что только он имеет право на трон Нумерии, так как является старшим и пока единственным сыном Палия.

Юноша был настолько ошарашен известием, что долго молчал. Придя в себя, он задал один-единственный вопрос:

– Повелитель знает о моём существовании?

Эльма, бледная и удивительно красивая в своём великолепном платье из золотой парчи, надетом по случаю совершеннолетия первенца, отрицательно покачала головой.

– Он что, ни разу даже не поинтересовался твоей судьбой?!

Или ты сама не отправила ему весть, что родила сына?

– Нет, не отправила. После их отъезда отец был настолько зол на Корстаков, что запретил всем жителям Солонии под страхом смерти общение с Остенвилом. Да и самого Палия к тому времени, когда я поняла, что беременна, уже не было в столице. Северные ланы подняли мятеж, и он уехал с войском на их усмирение.

Сын ещё помолчал, а потом резко встал:

– Значит, папочка должен очень сильно обрадоваться моему появлению.

– Не думаю. Вряд ли он примет сына торговца, да еще воспитанного врагами Корстаков, как родного. Потребуются долгие разбирательства, чтобы доказать, что меня отдали замуж за Гинратуса уже беременной и что ты сын Палия.

Юноша озадаченно посмотрел на мать:

– Тогда зачем ты мне всё это рассказала?

Эльма усмехнулась и, подойдя к сыну вплотную, погладила его по голове:

– Придёт время, сынок, когда эта тайна перестанет быть тайной. И Нумерия получит своего Повелителя! Только он должен быть сильным и властным, способным управлять страной и вести людей в бой. Мальчик мой, сегодня ты стал взрослым, но ты должен ещё стать мужчиной. Я очень в тебя верю.

Он всегда помнил эти слова матери. И когда через три года после этого разговора умер Пунис Гинратус и на плечи девятнадцатилетнего юноши свалились заботы обо всей торговой империи отца. И потом, когда чёрная смерть, завезённая торговцами из Шабодана, унесла половину жителей Ундарака, прихватив с собой всю семью лангракса Солонии.

Ему, чудом уцелевшему лишь потому, что в это страшное время он выезжал по торговым делам в Трианию, пришлось в двадцать два года занять по закону о наследовании пост лангакса. И если бы не мудрые советы матери, кто знает, удалось бы ему совладать с вольнолюбивым и воинственным народом Солонии.

Эльма встала и подошла к окну. Низкое небо висело над свинцовыми водами залива Привидений. Слоистые тучи сыпали мелким снежком, затягивая белёсой мутью всё вокруг. И остров Утопленников, видимый отсюда в хорошую погоду, сегодня надежно прятался в этой мути.

– Я должна ехать в Остенвил. – Голос прозвучал решительно и уверенно, так говорят о давно продуманном и решённом деле. – Я должна ехать на коронацию Рубелия, чтобы помешать ему взойти на престол.

Юнарий поднял голову и взглянул на мать:

– Ты уверена, что тебя кто-то послушает? И почему Рубелия? Ведь у юной вдовушки может родиться мальчик…

Мать грустно улыбнулась:

– А вот тут я спокойна – этому ребёнку родиться не дадут… – Она провела пальцами по свинцовому переплёту окна. – Послушают. Закон Нумерии на моей стороне. И жив один главный свидетель, который знает, что я была с Палием.

– Главный свидетель? Ты никогда мне не говорила о нём.

– Это сам Рубелий. Когда его брат застёгивал штаны, Рубелий внезапно выскочил из-за скалы, но, заметив нас, сразу же нырнул обратно. Палий стоял к нему спиной и не видел этого, а я очень хорошо запомнила его округлившиеся от удивления глаза и кривую ухмылку.

Юнарий покачал головой:

– Уж не думаешь ли ты, что из-за того, что он тридцать шесть лет назад случайно увидел, как его братец трахнул какую-то девку, он захочет сейчас лишиться трона? Да Рубелий никогда не признается, что видел это! Никогда!

Эльма вздохнула и повернулась:

– Жива повитуха, принимавшая роды. И день твоего рождения записан в «Книге Солонии», которая лежит в читальне нашего замка. Она и подтвердит факт твоего рождения ровно через девять месяцев после… того дня.

Мужчина усмехнулся:

– Это всё слишком неубедительно для Большого Совета. Выжившая из ума старуха может всё напутать, а книга… Пожалуй, надо её понадежнее припрятать.

– И всё-таки я поеду. Мы не можем упустить эту возможность. Другая нам вряд ли представится.

– Я отправлюсь с тобой!

Зная, что своё единственное бесспорное доказательство она конечно же оставит здесь, Эльма улыбнулась:

– Ни за что, мой милый! Ты – моя жизнь, а я не собираюсь рисковать своей жизнью и отдавать её в чьи-то грязные руки! Я поеду одна! И никто в Нумерии не сможет меня остановить!

Енария

– Явился… Старушку проведать решил, или дело какое ко мне имеется? – Тихий шелестящий голос насмешливо зазвучал из груды подушек. В комнате было сумрачно и очень душно, пахло какими-то микстурами, пылью и едва уловимым запахом старческого бессилия. – Подзадержался ты, голубок, со своими соболезнованиями. Но Боги милостивы: дали мне ещё пожить, посмотреть, как мой враг в корчах сдохнет… Мальчонку, правда, жаль – ни за что помер, даже света белого не увидел… Вот и я сейчас не вижу… – Енария пожевала губами и, захихикав, добавила: – Да и ну его – этот свет! Чего я на нём ещё не видала?

Грасарий, чьи глаза постепенно привыкали к полумраку, разглядел на подушках худое, сморщенное лицо с глубокими морщинами и устремлённые на него необыкновенные живые глаза. Енария своими словами пресекла готовящую сорваться с его языка приветственную речь, и теперь мужчина ошарашенно молчал, не зная, правильно ли он вообще сделал, заявившись сюда.

– Ты, милок, присядь, присядь тут – в ногах правды нет. Хотя, кто знает, вдруг и ты когда-то рад будешь постоять, а лежать придётся… Тьфу-тьфу, чего несу-то, старая! Ты ж мне, почитай-ка, во внуки годишься… Ну, так что там у тебя стряслось?

Грасарий подошёл к кровати и, приложившись к почти невесомой руке, больше похожей на куриную лапку, вдруг заговорил, начисто забыв про свою заготовленную речь:

– Каюсь, Енария, прости меня! Но все эти навалившиеся на наше семейство события начисто выбили из моей головы болезнь, так внезапно сразившую тебя в тот злосчастный день…

– Ну, ты-то, сердешный, к ней никакого отношения не имеешь. Это мне надо «спасибо» сказать своей внученьке Кронарии. Учила дуру, учила, а она, как сучка течная, ни одного кобеля мимо не пропускала. Но не могла же я предложить Палию себя в жёны – умницу и красавицу… – Старушка снова захихикала. Грасарий натянуто улыбнулся. – Так что там с новым Наследником? Говорят, наш рогоносец успел-таки!

Грасарий наклонился ближе и заговорил. Енария, чуть приподнявшись на здоровой руке, жадно слушала, иногда согласно кивая головой. Порой её глаза удивлённо раскрывались, а на губах мелькала презрительная усмешка – сейчас она совсем не была похожа на ту хрипящую старуху, корчившуюся на полу Большой Залы.

В хорошо натопленной комнате Грасарий быстро взмок в

своём дорожном костюме из плотной серой шерсти, и хозяйка, дотянувшись до колокольчика, резко дёрнула шнурок. В соседней комнате раздался мелодичный звон, и на пороге сразу же появилась стройная женщина средних лет в белом переднике поверх строгого синего платья:

– Что желаете, госпожа?

– Принеси господину Грасарию холодного сока. И открой ненадолго окно – что-то мне тоже захотелось глотнуть свежего воздуха!

Прислужница бесшумно скользнула к окну, и морозный воздух хлынул в комнату, неся с собой запах дымка из городских труб и свежего хлеба из дворцовой кухни.

Енария повела носом и весело сверкнула глазами:

– А не позавтракать ли нам? Если честно, мне до ужаса надоели сопливые каши, которые наш лекарь-стервец приписал мне, втайне надеясь, что от них я скорее протяну ноги. Иринда, прикажи кухарке подать нам завтрак. Нормальный завтрак! И лёгкого вина! Мы с господином проголодались!

Через десять минут небольшой столик был придвинут к кровати, и на нём появились горка жареных цыплят, паштет из печёнки, нарезанный тонкими ломтиками олений окорок, пирог с рыбой и масса других блюд, достойных любого праздничного обеда в любом замке Нумерии.

Они подняли чаши с белым вином десятилетней выдержки и выпили за здоровье присутствующих. Грасарий с аппетитом накинулся на угощения, от души нахваливая кулинарные таланты местной кухарки. Енария вяло пожевала ножку цыплёнка, отщипнула кусочек сливового пирога и удовлетворённо отвалилась на подушки, внимательно наблюдая за гостем.

– А как здоровье матери будущего Наследника?

Мужчина поперхнулся и закашлялся. Запив кусок оленины добрым глотком гахарского, он утёр слезы и удивлённо посмотрел на хозяйку:

– До вас тоже дошли слухи, что она совсем неважно себя чувствует?

Енария ехидно улыбнулась и поправила складочку на одеяле:

– Если вы думаете, что два дня пути от Остенвила – это уже полная глушь, то весьма заблуждаетесь, молодой человек. Не успеет ваша кухарка продрать глаза и отправиться в погреб за продуктами, а мы здесь уже знаем, что она будет готовить на завтрак!

Грасарий в крайнем изумлении уставился на старуху. Он знал, конечно, что Енария Вермокс всегда была в курсе всех событий во дворце, но ему и в голову не приходило, что дворец

настолько наводнён её соглядатаями.

Он обиженно поджал губы, что не ускользнуло от глаз хозяйки.

– Этого ещё не хватало! Стоило переться в такую дыру, чтобы обижаться на беспомощную параличную старуху! – Енария посерьёзнела. – Я знаю очень много, но мне важно услышать твоё мнение обо всём, что произошло. И увидеть твоё отношение к событиям. Вот теперь мы и дошли до главного… Ты очень хочешь стать Повелителем, но между тобой и троном стоит очередной оболтус и пьяница. При этом имеющий кучу своих собственных наследников.

Грасарий внимательно посмотрел в лицо собеседницы. В этом беспомощном, угасающем теле жил острый ум самого великого игрока, когда-либо рождавшегося в стране. Появись она на свет мужчиной, то совершенно точно нашла бы способ усесться на трон, даже если бы тот со всех сторон обступил целый десяток полноправных претендентов.

– Убивать брата в твои планы не входит.

Её полувопросительная интонация заставила Грасария напрячься. Он ещё не задумывался всерьёз, насколько далеко готов пойти в своей борьбе за власть.

– Кровь есть кровь, и тяжкое проклятье падёт на голову того, кто прольёт хоть каплю родной крови, – тихий голос не давал ему времени ответить. – Но кровь и проклятия ваш род Корстаков никогда не пугали. Может, потому все мужчины рода и умирают, не дожив до преклонных лет. Но самое страшное не это… Убив Рубелия, ты откроешь путь к трону настоящему демону, а это точно тебя погубит.

– Патарий? Племянничек, конечно, имеет дурной характер, но…

– Не разочаровывай меня, молодой человек! При чём здесь твой племянник? Я говорю о Мирцее. Гахарская гадюка спит и видит, как дорваться до власти. А уж она-то, будь уверен, намертво вцепится в неё своими ядовитыми клыками!

Грасарий задумался. Енария была права: старший сын Рубелия боготворил мать и, став Повелителем, вряд ли примет хоть одно решение, не посоветовавшись с ней. А коварная и безжалостная Мирцея сделает всё, чтобы он, Грасарий, со своим сыном скоренько переселились на нижний этаж Главной пирамиды. В компанию к скучающему там Палию.

– Тебе нужны союзники, которые встанут на твою сторону, когда придёт время Патария. И которые смогут на чём угодно поклясться, что он не сын Рубелия…

– Не сын? Но ведь…

– Надеюсь, ты услышал меня! Думай! Думай быстрей! Он что, вылитый отец?

Грасарий замотал головой, лихорадочно соображая.

– Тогда, кто может с полной уверенностью сказать, кроме самой матери, разумеется, что этот ребёнок рождён именно от этого мужчины?

Гость ошарашенно молчал. Это было настолько очевидно, что спорить было не о чем.

Старуха поднесла чашу ко рту и сделала большой глоток вина.

– Я больше тебе скажу. Праведница Мирцея с превеликим удовольствием наставляет рога твоему плодовитому братцу. И кто знает, есть ли среди его потомства хотя бы один его собственный ребёнок. Но только ты сам должен добыть этому доказательства. Да ты пей, пей, вино чудесное… а то я смотрю, у тебя аж во рту пересохло…

Грасарий машинально схватил чашу и осушил её одним глотком, не сводя глаз с хихикающей старушки. Мысли бешено проносились в голове, но у него никак не получалось сложить из рождавшихся смутных образов картинку, нарисованную хозяйкой.

– И… кто этот счастливчик? Или их было много?

– Не думаю, что много, – раньше Рубелий и сам вполне справлялся с обязанностями мужа. А вот последние несколько лет то ли инструмент поизносился, то ли баба стала не в меру похотлива, но его частенько стали замещать в супружеской постели…

Взволнованный Грасарий не замечал, что Енария откровенно наслаждается его нетерпением и растерянностью.

– Кто? – Голос прозвучал хрипло и не в меру резко.

– Бриллиантовый балбес, которого едва не обвинили в том, что он ублажал жену одного Корстака, хотя он в это самое время кувыркался в постели с женой другого. Бывает же такое… Надеюсь, хоть твоя-то корова не от него понесла?

Грасарий подскочил и заметался по комнате, стараясь унять охватившее его возбуждение. Если ему удастся доказать, что Мирцея путается с Галиганом Освелом, то можно заставить некоторых членов Совета усомниться в том, что Патарий является Корстаком и, следовательно, Наследником трона. А это уже было серьёзно.

Мужчина остановился и посмотрел на старуху. Долгая беседа утомила её, она откинулась на подушки и закрыла глаза. Не отрывая глаз от её лица, Грасарий сел на скрипнувший стул. Енария приподняла веки и прошелестела:

– Армия – это хорошо… но тебе нужен Главный сигурн…

Делай, что хочешь, но жени своего Динария на Осмиле… А теперь уходи, милок… и прощай…

Когда дверь за гостем закрылась, старуха вздохнула и сложила на груди свои тонкие, почти прозрачные пальцы.

«Недалёк… а с виду казался умнее… Но клюнул же… Глядишь, и другие члены Совета не удосужатся сосчитать, сколько было лет Галигану, когда он мог стать Патарию отцом… Вряд ли больше двенадцати… – На её бледных губах застыла язвительная усмешка. – Проклятая немочь! Как не вовремя свалила меня с ног… Что ж, придётся издали наслаждаться предстоящей заварушкой. Надеюсь, этот бычок последует моим советам и быстренько начнёт рыть землю вокруг гадюки… если не рогами, то копытами уж точно…»

Никита

Скрючившись так, что коленки касались подбородка, Никита тесней прижался спиной к лежавшему рядом Дарту. Но это помогало мало, и парнишка дрожал от холода под куском грубого холста, служившим одеялом всем троим. Ледяной ветер, уже вторые сутки дувший с моря, легко пробирался сквозь трещины в каменных стенах сарая и свободно разгуливал внутри, шурша подвешенной у самого потолка вяленой рыбой.

Вот и сейчас порыв ветра просвистел в узких щелях и нахально мазнул по щеке ледяной лапой. Никита попробовал натянуть холстину на голову, но Тван, лежавший с другого края, мгновенно пресёк это безобразие. Ну и ладно. Оставалось подождать ещё часок, и наступит его очередь лежать в середине и греть бока о тела своих товарищей.

В этом сарае, стоящем на самой окраине Ундарака, они ночевали уже третью ночь. Кроме них здесь ютились ещё четверо: постоянно кашляющий мужичок с клочковатой бородёнкой и свёрнутым набок носом, представившийся всем как Садуня; испуганная девушка лет семнадцати с братом – худющим вихрастым парнишкой десяти-одиннадцати лет в драной старенькой шубейке, которая была ему впору лет пять назад.

Брата с сестрой звали Мугрин и Ортисса. Они почти не разговаривали с другими обитателями сарая, о чём-то всё время перешёптываясь между собой. Садуня, страстно любивший поговорить и знавший, казалось, всё и обо всём, в первый же вечер доложил друзьям, страшно шепелявя и брызгаясь слюной через давно выбитые передние зубы, что брат с сестрой – дети вейстора Досарты, одного из богатых городов Митракии.

Их отец полгода назад пропал на охоте, мать умерла ещё раньше, в ту страшную зиму, когда едва ли не вся Нумерия валялась в лихорадке. Дети остались одни, чем сразу же воспользовался их родной дядя, брат отца, Венар Паккам. По закону он стал опекуном несовершеннолетних племянников, а чтобы они совсем уж не мешали, устроил сироток в маленькой сторожке, где вскоре внезапно случился пожар. И громко рыдал потом над закрытыми гробами «несчастных, несчастных деток».

Но, кроме полного отсутствия чести и совести, дядя страдал ещё и просто патологической жадностью. Единственное, за что ему всё-таки можно было сказать «спасибо», – он не уморил брата с сестрой в той сторожке, а продал племянников лихим людям за десять литов. С одним условием – эти двое больше никогда не должны появиться в Митракии.

Четвёртый сосед пришёл вчера вечером. Точнее, его принесли – избитого, с заплывшим левым глазом и запёкшейся на светло-русых волосах кровью. Подручные хозяина сарая бросили его, как мешок, в угол и ушли, громко ругаясь и костеря на чём свет стоит какого-то Торвина, подсунувшего им этого не в меру шустрого засранца.

Сердобольный Садуня присел около парня, подсунул ему под голову набитый соломой мешок и прикрыл избитого дырявым куском ткани. Парень стонал весь вечер, а к полуночи затих, только иногда всхлипывая и вздыхая.

Никита открыл глаза – от холода никак не получалось заснуть. Брат с сестрой спали, тесно прижавшись друг к другу и укрывшись драным одеялом. Садуня похрапывал, задрав кверху бородёнку и выводя носом немыслимые рулады.

«Везёт же некоторым… умудряется спать в любом месте… наверно, вниз головой подвесь, и то дрыхнуть будет… Чёрт, как же холодно…»

Ветер снова пошелестел рыбой и попробовал пролезть под дерюжку. Никита сунул руки под мышки и пошевелил пальцами ног. Если завтра пойдёт снег, они тут запросто околеют. А сволочи, закрывшие их в этом конченом сарае, спят сейчас в тёплом доме, сытые и довольные жизнью. Ага, а пленники остались живы в горах – вот пусть и подавятся своим счастьем! Уроды…

Едва они спустились в долину, Морда мгновенно упрятал куда-то своё добродушие и весёлость, и они с Жилой мигом связали ребят. Ещё два дня они шли вдоль реки, пока не добрались до небольшого селения, состоявшего из нескольких убогих лачуг.

Хозяин самой приличной из них, владелец оставленной по ту сторону скал лодки, обычно помогал Морде – естественно, не бескорыстно – доставлять добычу до Ундарака. Вот и сейчас Морда притащил пленников прямиком к его домишке. В дверях соседних лачуг замелькали любопытные жители, но разбойника это нисколько не смутило – в этом забытом всеми Богами краю люди привыкли не совать свой нос в чужие дела и не задавать вопросы. И осуждать кого бы то ни было – мало ли что…

Хозяина дома не оказалось, но его жена, разбитная бабёнка с хитро бегающими глазками, весьма радушно встретила старых знакомцев и, быстро определив пленников в лодочный сарай, принялась угощать столь неожиданных гостей.

Никита с друзьями, проглотив скудный ужин, вскоре услышали, как разгорячённые вином и обществом женщины Морда с Жилой подрались, правда, благоразумно не схватившись

за мечи. А потом как-то затихли – видимо, хозяйка смогла-таки примирить их обоих на своём дородном теле.

Заморока, хозяин лодки, появился только на утро следующего дня. Невысокий, плотный мужик с рыжей шевелюрой и такой же рыжей, но уже с проседью, бородой первым делом поставил фингал своей драгоценной супружнице, особо и не возражавшей против очевидных фактов – это ж надо было так утомиться, кувыркаясь в постели с двумя мужиками, чтобы не услышать, как собственный муж топает по комнате!

Пнув напоследок пышный зад жены, метавшейся в поисках брошенной впопыхах юбки, Заморока мило поздоровался с несколько смущёнными Мордой и Жилой и спокойно сел обсуждать с ними очередную поездку в Ундарак – дело есть дело.

Провинившаяся баба, кое-как прикрыв платком наливающийся синевой глаз, начала споро собирать на стол выпивку и закуску, и уже через час в домике опять царили мир и всеобщее согласие. Ещё спустя часок дверь сарая распахнулась, и на пороге возникли стоящие в обнимку Морда с Заморокой.

Заплывшие жирком глаза с красными прожилками с интересом оглядели сидевших на днище перевёрнутой старой лодки пленников. Заморока слегка покачнулся, покрутил в воздухе пальцами и ткнул указательным в Дарта:

– Этот! – Голос у лодочника был неожиданно тонким, никак не вяжущимся с его крепкой фигурой.

– Не-а! – Морда оглушительно заржал. – Не угадал! Говорил тебе – нечего со мной спорить! Развязывай свой кошель и гони сюда два моих дарка! Эх ты, Заморока!

Хозяин обиженно засопел и, плюнув под ноги, уныло зашагал к дому. Морда окинул пленников весёлым взглядом, ещё раз хохотнул и прикрыл дверь. Снаружи загремел засов.

– Бежать нужно! Этой ночью. – Тван вскочил и заходил по сараю. – Если не свалим, завтра нас погрузят в лодку и повезут в Ундарак. А там выставят на продажу, и всё, попадём в рабство на всю оставшуюся жизнь… Оттуда так просто не удрать.

Никита поёжился. Ему до сих пор не очень верилось, что в наше время вот так просто можно кого-то продать или купить. Хотя какое, к чертям собачьим, «наше время»?! Пора бы и привыкнуть уже, что он конкретно завис в жуткой дыре со средневековыми законами и чокнутым народом, понятия не имеющими о достижениях современной цивилизации! Стоп, а в Средневековье рабство ещё было?..

Ой, да какая к чёртовой бабушке разница, что там было, в том Средневековье! Тван нисколько не шутил, и им всяко светило далеко не светлое будущее. Хорошо, если просто заставят пасти

убогих верблюдов или вонючих овец. А если продадут гребцом на галеру? Или ещё круче – в каменоломню…

Молчавший всё это время Дарт подал голос:

– А ты знаешь, куда нам бежать?

Тван ответил не сразу. Сдвинув брови и почесав затылок, он неуверенно выдал:

– Назад пойдём, по скале… потом через Гиблый Лес. Может, про наших чево там узнаем. Ну, или в Ланджланию сразу двинем… к тётке Мелесты. Они же туда собирались…

В течение всего долгого пути ребята не раз заводили разговор о своих друзьях, оставшихся в том ужасном лесу. И каждый раз вспоминали о них с той необъяснимой надеждой, что с Мелестой, Бракаром и Рулой всё в порядке. И что они непременно выбрались живыми из той непростой, прямо скажем, весьма непростой ситуации.

Никита мигом представил усыпанную острыми камнями бездну у себя под ногами, и по спине побежал предательский холодок.

– А мы… сможем там пройти? Без верёвок… и… – Никите сложно было назвать их конвоиров проводниками, но факт оставался фактом. Без двух сильных мужчин, полдороги практически тащивших мальчишек на себе, это путешествие по скалам могло закончиться весьма плачевно.

– А другого пути туда нет? – Дарт тоже не был в восторге от предложенного варианта.

Тван присел на старую перевернутую лодку и уныло покачал головой:

– Да не знаю. Может, и есть, но я не знаю… Я ж ни разу в жизни дальше Унарии не был. Теперь вот пришлось…

– Может, нам местных спросить? Кто-нибудь точно… – Уже договаривая, Никита понял, что сморозил полную чушь. Неужели хоть один, даже не всегда друживший с головой местный житель станет связываться с Мордой! В два счёта их сдадут, да ещё и по шее накостыляют от излишнего усердия. Вот же поганая страна…

– А чё, если нам в Ундарак податься? Затеряться там, среди народа… – Дарт с надеждой поднял на друзей глаза.

Никита встрепенулся. Предложение выглядело не таким уж и дурацким. В большом городе всегда легче скрыться от преследователей. Да и жратву найти…

Тван тоже одобрил этот план. Друзья решили рискнуть. Весь вечер, сменяя друг друга, они рыли подкоп под дальней стеной сарая, выгребая землю выломанной из лодки доской. Благо их тюремщики вели себя довольно тихо и нисколечко им не мешали.

Ужин принесла хозяйка в сопровождении оставшегося в

дверях Жилы. Она поставила на бочку в углу миску с пшённой кашей, кувшин с водой и положила половину краюхи хлеба. Окинув внимательным взглядом дружно присевших у задней стены пленников, женщина развернулась и вышла. Жила закрыл дверь и задвинул прочный засов.

К полуночи лаз был готов. Первым наружу решил полезть Тван, чтобы оглядеться и обеспечить охрану мальчишкам. С трудом протиснувшись в узкое отверстие, он высунул из лаза голову и замер, боясь шевельнуться. Прямо на него молча смотрела огромная лохматая собака с красными горящими глазами и злобно оскаленной пастью.

От неожиданности Тван охнул, собака глухо зарычала. Услышав этот выходящий из самого нутра могучего зверя рык, парень похолодел. Одно движение, и пёс может вцепиться ему в горло, разорвав его одним рывком. Тван знал эту породу свирепых волкодавов, готовых в одиночку кинуться в бой даже с пещерным медведем, если тот косо посмотрит на его хозяина.

Вдруг пёс оглушительно залаял, оскалив огромные, почти в палец толщиной, клыки. Вскоре за сараем послышался шум, и из-за угла вывалились Морда с Заморокой в наспех накинутых шубейках.

– Ох-хо-хох, ни днём-то, ни ночью покою нету. Что ж за жисть такая! – Хозяин, зевая и почёсывая живот, подошёл к псу, завилявшему пушистым хвостом, и нежно почесал зверюгу за ухом. – И хто ж энто тут у нас вылупился? Никак, сварг, воздухом подышать захотелось? Ну и как, подышал?

Парень не успел ничего ответить – сапог Морды заехал ему по затылку.

– Ой, и надоели же вы мне, мелкие уродцы! Какого дьявола тебе на месте-то не сидится, паразит?! А ну, быстро полез назад, пока я ещё добрый!

Дважды Твана просить не пришлось. Он лихорадочно заработал локтями и коленями, вкручиваясь обратно в лаз, и через минуту, стыдливо опустив голову, уже стоял перед ребятами.

Дверь сарая распахнулась. Заспанный Жила в сопровождении Морды и хозяина с факелом быстренько насовал несостоявшимся беглецам затрещин и, связав им руки и ноги, растащил по разным углам.

Более горького разочарования пленники давно не испытывали. Никита плакал, не скрывая слёз, в соседнем углу хлюпал носом Дарт. Тван сначала пытался сдерживаться, но вскоре всеобщее настроение проняло и его. Он лежал, молча глотая горькие слёзы, и только себя виня в этом сорвавшемся

побеге. Но как он мог предположить, что во дворе имелась собака – никто из них ни разу не слышал её лая.

Следующие несколько дней они просидели в сарае, дожидаясь, когда сменится ветер, и хозяин решит, что пора отправляться в путь. Их развязали и заставили вернуть своей тюрьме первозданный вид. При этом хозяин писклявым голосом прочитал им целую лекцию о своем любимце Тропе, после которой мысль о побеге могла возникнуть разве что у полностью лишённого мозгов придурка…

Наконец ветер сменил направление, бодро погнав речные волны к побережью Красного моря. Хозяин с подельниками нагрузил большую лодку необходимым в пути припасом, махнул на прощание своей непутёвой жене и, усадив предварительно связанных пленников, оттолкнул посудину от берега. Ветер весело дунул в парус, и лодка резво побежала по величаво текущей Ярельде.

Три дня пути по главной реке Солонии, и они прибыли в её столицу – разношёрстный, вечно пьяный, крикливый, грязный и насквозь пропахший рыбой Ундарак. Лодка подплыла к небольшой пристани у двухэтажного каменного дома с вычурными пузатыми колоннами и громоздким балконом.

На грязных деревянных мостках стояли трое. В середине, прищурив насмешливые глаза и поигрывая длинной плетью из сыромятной кожи, стоял сам хозяин, мужчина лет сорока пяти в накинутой на плечи короткой шубейке из меха волка. Уважаемый торговец Рурок Шапп, которого все знающие его называли просто – Зверь. Его высокие сапоги блестели как зеркало. Чёрные густые волосы и такая же борода были коротко подстрижены и тщательно причёсаны.

По обе стороны и чуть позади, возвышаясь над хозяином почти на голову, маячили два мрачных типа – его подручные, а по совместительству и телохранители торговца. Стоявший справа лысый мужик лет сорока пристально наблюдал за причаливавшей лодкой. В его маленьких глазках под низко нависшим лбом плескалась неприкрытая ненависть ко всем этим жалким людишкам, достойным лишь одного – молча склонять голову перед ним и его хозяином.

От одного взгляда на этого охранника в животе у Никиты заныло. «Во ящер… Этот волкодав похлеще Тропа будет… У собаки хоть мозги есть, а у этого упыря одна рожа чего стоит… И почему его хозяина Зверем зовут? Неужели…» – но додумать не получилось.

Лодка ткнулась в причал, Жила бросил конец верёвки, который неожиданно ловко поймал второй подручный Зверя –

высокий рыхловатый парень лет двадцати трёх с усыпанным прыщами круглым лицом. Сонливость и кажущееся безразличие, с которыми он разглядывал прибывших, мгновенно пропали, и в его неторопливых движениях проглянула хорошо скрываемая сила.

– Приветствую тебя, досточтимый Рурок Шапп, всеми уважаемый торговец и житель доброго города Ундарака! – Морда выдал свою самую радостную улыбку, вскинув в приветствии руку.

Шапп захохотал, обнажив крепкие белые зубы:

– Умеешь ты, Морда, красиво изъясняться! Чисто распорядитель во дворце Повелителя! Не пробовал туда пристроиться?

– Не-е, мне и моя шкура не сильно жмёт! А чево, место освободилось?

Зверь хмыкнул и растянул губы в усмешке:

– Э-э, да ты, видать, в своих лесах совсем одичал! Уж больше месяца, как в Остенвиле схоронили прежнего Повелителя.

И управляет там теперь хрен знает кто. Говорят, в пузе у его последней девки кто-то завёлся, вот эти олухи и ждут очередного наследничка.

Морда пожал плечами и неопределённо хрюкнул. Ему было глубоко наплевать, кто сидел на троне Нумерии, его достаток зависел только от того, сможет ли он найти где-нибудь товар на продажу. Но быть в курсе дел всё-таки не мешало. Так, на всякий случай…

Никита с Дартом переглянулись. Пока они жили в деревне и добирались до Ундарака, в стране произошло столько событий. Хотя вряд ли их незавидная участь была с ними как-то связана.

Зверь пощёлкал плетью по голенищу высокого сапога:

– Смотрю, ты кой-чё припёр… – Морда сдержанно кивнул. – А ничево товарец, ничево… Получше того дерьма, что в сарае сидит.

Лысый охранник гоготнул, при этом промелькнувшее подобие улыбки окончательно превратило его лицо в свирепую маску. Он стоял, засунув большие пальцы рук за широкий ремень, и Никита заметил, что на правой руке у него не хватает двух последних пальцев. Короткие обрубки давно обросли кожей, стянутой в безобразные рубцы.

– Барахло! – Мужик хрипло выдавил из себя одно-единственное слово, наглядно отражающее его отношение к уже сидящим в сарае, вновь прибывшим и к этому миру в целом.

Второй парень, намотав пойманную верёвку вокруг столба, вновь впал в полусонное состояние. Казалось, его совершенно не

интересуют ни разговор, ни привезённые на продажу мальчишки. Но стоило Жиле прыгнуть на помост и приземлиться возле Зверя – чуть ближе, чем следовало бы, – его глаза метнули в разбойника острый взгляд, а рука мгновенно легла на рукоять висевшего на поясе длинного ножа.

– Тащи-ка их в сарай, Вурд! Проводи дорогих гостей с надлежащими почестями. А вас прошу в дом. Ты, Морда, как всегда, успел вовремя – торги должны пройти за неделю до Верхушки зимы.

Пленников вытащили из лодки и повели на задний двор. Вурд погремел ключами и отпёр замок на тяжёлой окованной двери низкого каменного сарая. С парней сняли верёвки и втолкнули внутрь, где на них глянули три пары испуганных глаз.

Парень в углу внезапно сел и, протяжно застонав, схватился за голову. Ник приподнялся и тихонько окликнул раненого:

– Что, очень плохо?

Парень ненадолго притих, а потом хрипло выдавил, скрипнув зубами:

– Болит сильно… и мутит… у-у, твари поганые…

– Ты прилёг бы. – Никита вспомнил, как однажды упал и сильно ударился головой. Его тоже тошнило, и вызванный доктор строго настрого запретил ему вставать, прописав постельный режим. Внутри что-то сжалось – как же давно это было… И было ли?

Парень продолжал сидеть, обхватив голову руками. Постепенно стоны перешли в негромкие всхлипывания. Его тело сотрясала крупная дрожь – в сарае было очень холодно. Из угла, где спали брат с сестрой, поднялась девичья фигурка и, тихонько приблизившись, присела около раненого. Ортисса положила руку ему на плечо и мягко сказала:

– Пойдём к нам. Тебе надо согреться… – И легонько потянула парня, помогая ему подняться.

Встав на ноги, он опять застонал и зашатался, но девушка ловко подхватила его и увела в свой угол. Они с братом уложили парня в середину и тесно прижались к нему с двух сторон, укрывшись дырявым одеялом.

Никита поворочался и, решительно растолкав сонного Дарта, быстренько нырнул на его место. До рассвета было ещё далеко.

Лабус

Книга выскользнула из рук и, упав на пол, раскрылась на середине. Из неё выпал небольшой листок бумаги, сложенный вчетверо. Кряхтя и потирая ноющую поясницу, лекарь сполз с лестницы и, кое-как согнувшись, поднял находку.

Неровные строчки, написанные торопливым почерком, заканчивались короткой подписью – «Кронария». Лабус придвинулся к окну, за которым догорал холодный зимний день, и принялся разбирать прыгающие буквы. Чем дольше он читал, тем выше взбирались брови на его лоб.

Кронария – а то, что письмо было написано её рукой, у лекаря сомнений не вызывало – клялась всеми Богами, что отцом несчастного ребенка, представленного народу Нумерии как Наследник трона, был не кто-нибудь, а Галиган Освел, с которым она находилась в длительной прелюбодейской связи.

Дочитав невесть откуда попавшее в книгу самоубийственное откровение бывшей жены теперь уже бывшего Повелителя, Лабус схватился за нос, что для него означало крайнюю степень задумчивости. А подумать тут было о чём. Книга, в которую был вложен листок, стояла на одной из самых верхних полок в комнате, а значит, использовалась нечасто. И тот, кто положил туда на хранение удивительный документ – в этом Лабус ни секунды не сомневался, – был прекрасно осведомлён о такой особенности местной читальни.

То, что положивший бумагу был не Туфин Бугвист, сомнений тоже не было. Вряд ли Главный книгочей, имея в своём распоряжении массу сундуков и шкатулок с крепкими замками, потайных ящиков и ящичков, стал бы прятать такую важную бумагу в книге, которую в этом доме мог взять любой, у кого вдруг проснулось бы непреодолимое желание почитать на сон грядущий.

И очень сомнительно, что это могла быть сама Кронария. У той желание написать что-либо вообще возникало крайне редко, а уж такое-то… – Лабус вцепился в кончик носа – откровенное признание, полностью снимавшее вину с главного подозреваемого в тяжком преступлении, а потому невинно казненного Дартона Орстера!

Лабус ещё раз перечитал бумагу. Занимательное чтение, только совершенно не понятно, когда письмо появилось на свет – внизу не стояло никакой даты. И если Кронария написала его до страшных событий в Большом Зале, то она явно тронулась умом, но такого за ней Лабус точно не замечал. Значит, сей шедевр был

написан после её ареста…

Кончик носа грозил оторваться и оставить своего владельца с уродливой дыркой в центре лица. Лекарь оставил страдальца в покое и со своими размышлениями перенёсся на маленький диванчик у ярко пылавшего камина. Кряхтя, он откинулся на подушку и надолго замер, прикрыв глаза.

…Если Кронария сделала своё признание сразу после ареста, то оно наверняка должно было находиться в бумагах Дворца Правосудия. И Аврус Гентоп, Главный судья Нумерии, надёжно припрятал бы этот документ в своих тайных архивах – слишком уж однозначно он указывал на всю предвзятость самого непредвзятого суда в мире.

А если она всё же каким-то непостижимым образом смогла переправить из Саркела эту бумагу во дворец? То кому она могла здесь предназначаться? И почему ею никто не воспользовался, пока был жив Палий и вся эта тёмная история с несостоявшимся Наследником была ещё кому-то интересна?

Правда, Палий умер слишком уж быстро, и если кто-то строил серьёзные планы по устранению Галигана, то вполне мог и промахнуться. Но кому вдруг понадобилось уничтожать этого великовозрастного шалопая и бабника? Лабус не рискнул снова ухватиться за свой нос и принялся теперь за ухоженную бородку, в которой трагические события последних недель добавили седых прядей.

Освел, Галиган Освел… Насколько лекарю было известно из местных слухов и сплетен, тот вполне был доволен своей ролью наследника огромного состояния лангракса Триании, и дворцовые интриги его волновали только в одном случае – если в них была замешана женщина. Молодая и хорошенькая женщина, по возможности не отягощённая супружескими проблемами.

Боги Истинные, что же тогда могло означать это тщательно спрятанное письмо?! Палий был мёртв и покоился в своём богатом склепе. Кронария также была мертва и закопана в безымянной могилке на кладбище для преступников в долине Туманов, прямо за спиной правого Близнеца. Даже несчастный маленький Аруций, причина и повод всех этих страшных событий, тоже умер, так и не успев понять, что же хорошего есть на этом неласковом свете. Все они исчезли, а странная бумага осталась. И если её никто не уничтожил, значит, ей ещё предстояло сыграть свою роль…

Напряжённые умственные усилия не принесли Лабусу чётких ответов на возникшие вопросы, и он, снова прикрыв глаза и взявшись теперь за кисточку на поясе своего балахона, решил зайти с другой стороны – кто мог положить это признание в

книгу?

Прислужников можно было отбросить сразу. Он ни разу не видел, чтобы кто-то из них что-то читал или тем более писал. Образование в Нумерии не являлось обязательным, и только богатые жители могли позволить себе такую роскошь – обучать своего отпрыска грамоте. Поэтому юноша, умеющий писать и читать, мог с лёгкостью найти себе менее тяжёлую и куда более оплачиваемую работу, чем день-деньской мыть, чистить, скрести и убирать бесконечные коридоры и залы дворца Повелителя.

Главный книгочей тоже отпадал, но в этой комнате трудились ещё и несколько писцов. Они аккуратно вели множество нужных в жизни каждого государства книг, вписывая туда выдачу литов на ежедневные нужды Дворца и особые траты Повелителя и всех членов семьи, расходы на проведение самых разных празднований и учёт всего поступившего во Дворец из всех ланов Нумерии.

Для этих же целей особые книги имелись у каждого министра, Главного смотрителя дворца, Главного распорядителя охоты, и даже у него, Главного лекаря Повелителя, была своя книга, где он должен был регулярно отчитываться, сколько и каких растений он приобрёл для лечения местных обитателей. Единственные, кто не пользовались услугами этих писцов, был министр тайного приказа Тостин Арвидол и командующий армией Нумерии доланит Турс Либург – в их ведомствах имелись собственные писцы.

Следовательно, любой из перечисленных господ и их помощников мог спокойно заходить в читальню и брать здесь любую нужную ему книгу. А уж положить в неё бумажку – это вообще было делом секундным. Кряхтя, Лабус поднялся с дивана и, заложив руки за спину, начал мерить шагами комнату, периодически хмыкая и морща лоб. Склонившиеся у столов писцы вначале с любопытством наблюдали за ним, а потом, видя, что лекарь в сотый раз проходит мимо, продолжили заниматься своими делами.

Внезапно Лабус замер посреди комнаты и, резко развернувшись, бросился к стоявшей в углу лестнице. Забравшись на несколько ступенек, он с интересом уставился на полку, где всего четверть часа назад стояла так кстати выпавшая из его рук книга с незамысловатым названием «Замечательные советы по ловле черепах».

То ли советы были не такими уж замечательными, то ли всех черепах на окружающих Остенвил песчаных пляжах давным-давно переловили, только книгу эту за последние несколько лет никто в руки не брал, на что указывал нетронутый слой пыли на этой

полке. Правда, совсем недавно этот слой явно был нарушен. И не только Лабусом, сдвинувшим эту книжицу с насиженного места только для того, чтобы ловчее достать её столь же популярную соседку – «Занятные истории о внезапных исцелениях».

Стоя на лестнице, лекарь пригляделся, но больше ничего необычного не заметил. Тогда он поднялся ещё на пару ступенек и, затаив дыхание, посмотрел на самую верхнюю полку. Пыль здесь была девственно нетронута. Лабус разочарованно вздохнул и уже собрался спуститься, как в самом углу вдруг заметил стёртый участок. Забыв про ноющую спину, он быстренько слез на пол, передвинул лестницу в этот угол и заново вскарабкался по ней, попутно вознося хвалу Туфину Бугвисту, годами не заставлявшему своего прислужника Риста наводить чистоту в читальне.

Листок был припрятан в третьей открытой им книге. Точно так же сложенный вчетверо, с такими же слегка сползающими строчками и подписью Кронарии. В сгущающейся темноте Лабус читал те же самые слова о длительной измене Повелителю и о настоящем отце ребёнка и уже начал недоумевать, зачем это Кронарии понадобилось каяться в своём грехе в двух экземплярах, как глаз выхватил из потока слов «Сидрак Тортран».

Лабус застыл на лестнице как громом поражённый. Если в начале поисков он хоть что-то понимал, то теперь растерялся окончательно… Два любовника, и оба являются отцами… Если бы он не был лекарем – стоит заметить, очень хорошим лекарем, – то смог бы, наверное, поверить в эту сказку о таком вот необычном зачатии. Но он слишком хорошо знал, как получаются и откуда берутся дети, чтобы принять это признание за чистую монету.

Если есть два, то вполне может быть и третий, и четвёртый. И пятый… Лабус ухватился за пошатнувшуюся лестницу и медленно спустился. Боги Вечные и Истинные! Неужели ему придётся перелопатить всю читальню?

Упав на диванчик и вперив взгляд в стройные ряды книг, лекарь приуныл. Внезапно обретённая тайна была настолько необычна, что он не мог ни у кого попросить совета. Возможно, стоило всё рассказать Бугвисту, но что, если его рассуждения окажутся неверными и Меченный всё-таки причастен к появлению этих писем? В комнате окончательно стемнело, и явившийся с кухни Рист зажёг несколько толстых свечей в витых подсвечниках. Парень работал здесь уже года три и, не особо утруждая себя работой, которая сводилась к тому, чтобы вовремя подлить чернил в чернильницы, заточить перья и быстро найти по просьбе посетителя нужную книгу, постоянно что-нибудь читал, сидя в уголке на низеньком стульчике.

Глядя, как вихрастый паренёк, закончив со свечами, занялся камином, Лабус тихонько прошептал:

– Старый ты идиот! И мозгов у тебя осталось, как в куриной заднице…

Писцы, окончив работу, раскланялись с лекарем и вышли из читальни. Дождавшись, пока Рист, пошурудив кочергой в камине, подложил туда пару поленьев и уселся на своё место, Лабус как бы между прочим спросил:

– И не надоело тебе тут болтаться? Вон, Капрус Адрол, торговец рыбой, подыскивает грамотного парня в учётчики и писари. Будешь как сыр в масле кататься, и всегда со свежей рыбкой! А тут чего – только и знаешь, что по полкам прыгать, как белка.

Рист беззаботно улыбнулся и пристроил на колени отложенную книгу:

– Господин Лабус прав, как всегда. Только мне много не надо, а рыбку и на дворцовой кухне всегда можно отведать. А как её Гулида готовит! – Парень причмокнул языком и мечтательно закатил глаза.

Лекарь решил не отступать и всё же получить ответ на волнующий его вопрос:

– Гулида – мастерица ещё та, но и ты неплох… Значит, работу менять не желаешь?

Парень вздохнул, грубо вырванный из приятных воспоминаний, и, удобнее устраиваясь на стуле, хмыкнул:

– Да зачем? Книгочей мной доволен, да и посетители не замучили пока. Подумаешь, раз пять-шесть за день вверх-вниз по лестнице слетаю. А иногда и того нет – наш народец лучше на кулачные бои пойдёт, чем будет читать. – Рист презрительно ухмыльнулся. – Правда, некоторые сами по полкам книжки ищут, им моя помощь и вовсе ни к чему.

Лабус перестал дышать, чтобы не пропустить главное. Но парень замолчал и снова уткнулся в книжку. Лекарь осторожно выдохнул и, стараясь не показывать своей заинтересованности, весело произнёс:

– Ой, да брось ты врать! Это кто ж из наших толстопузых министров сам рискнёт забраться по такой хлипкой лестнице?

Рист поднял голову и мечтательно протянул:

– Да какие министры, господин лекарь! Есть тут одна прелестная птичка, которая легко вспархивает на самую верхнюю ступеньку! Она осмотрела уже все полки и с каждой что-то брала почитать.

– Кто?! – Внезапно охрипший голос Лабуса прозвучал так напряжённо, что парень с удивлением уставился в застывшее

лицо лекаря.

– Госпожа Лея, конечно.

Дарт Засоня

Ранним утром телохранители Зверя вместе с Мордой и Жилой загрузили пленников в повозку и отвезли на другой конец города, где чуть в стороне от главных улиц была огорожена большая площадка с устроенными на ней скамьями и навесами. Рынок, где продавались лошади, овцы, коровы и масса другой, более мелкой живности.

Часть площадки отделял глухой высокий забор, за которым торговали скотиной несколько иного рода. У ворот стояли четыре дюжих охранника, пропускавшие внутрь только богатых господ, отваливающих за вход звонкий лит, который прямиком отправлялся в казну лангракса Солонии.

Обычно этот закуток пустовал, торги здесь устраивали не чаще шести раз в год, и сегодня как раз был один из таких редких дней. На поставленных вдоль всех стен загона скамьях понуро сидели десятка три несчастных, неизвестно где и как попавших в руки разбойников и привезённых в Ундарак на продажу.

Никита огляделся. В правом от входа углу выделялась группа из четырёх крепких молодых мужчин откровенно бандитского вида. На их ногах гремели цепи, продетые сквозь вбитые в стены железные кольца. Чуть ближе сидели две женщины, скорее всего мать и дочь. Старшей было под пятьдесят, и время уже оставило на её лице свои недобрые следы. Дочка выглядела ненамного лучше. Они кутались в драные шерстяные жилеты и молчали, с полным безразличием ожидая своей участи.

В другом углу расположилась весьма разношёрстная компания. Две девочки-подростка с конопушками на круглых лицах и с полными слёз глазами жались друг к другу рядом с парнишкой лет тринадцати, исподлобья наблюдавшим за прогуливающимся рядом толстым безбородым мужиком в серой потёртой шубейке и высокой шапке из бараньей шкуры.

С другой стороны от девчонок на широкой скамье устроились два мужика в неопределённого цвета стёганых штанах и таких же куртках. У более молодого и высокого на скуле отцветал синяк, а правая рука, обмотанная платком, висела на перевязи. Ещё дальше, закрыв лицо руками, плакала молодая женщина в поношенной, некогда богатой одежде. Её сосед, старый худой мужчина с коротко подстриженной седой бородой, что-то тихо говорил, наклонившись к самому уху женщины, но слова утешения помогали мало.

Ещё один угол загона заняло, по всей видимости, целое семейство: два крепких мужика среднего возраста держались

уверенно, ободряюще поглядывая на трёх хлюпающих носами женщин и двух подростков чуть старше Никиты. Две маленькие девочки лет по шесть-семь жались к матерям и, выпучив круглые тёмные глаза, с любопытством разглядывали всё вокруг.

Зверь с Мордой начали неторопливо прохаживаться вдоль скамьи со своим товаром, иногда перекидываясь парой слов с другими продавцами. Ворота заскрипели и впустили внутрь первых покупателей – благообразного вида старика в длинной, подбитой рыжим мехом шубе и его молодую спутницу, блиставшую серьгами с крупными изумрудами.

Парочка прошлась вдоль всех рядов, потом сделала ещё один круг и, наконец, уселась в центре на приготовленные для покупателей мягкие кресла. Наклонившись к самому уху старика, молодая женщина что-то горячо зашептала, размахивая руками и округляя тёмные глаза с длинными загнутыми ресницами. Старик коротко ответил и отрицательно покачал головой. Женщина продолжила уговоры, и её спутник вскоре сдался. Махнув рукой, он подозвал продавца, выставившего на продажу четвёрку молодых мужчин, и начал с ним спорить. К ним сразу же подскочил распорядитель торгов, и теперь они спорили уже втроём.

Со своего места Никите было плохо слышно, о чём говорили продавец с покупателем. До него донеслось всего несколько слов, из которых мальчик понял, что старик пришёл за возчиком, а эти бандитские рожи у него не вызывали никакого доверия.

Ворота снова открылись, впустив сразу трёх покупателей, и события стали разворачиваться со всё нарастающей быстротой. Пожилая дама в мехах приобрела мать с дочерью, оказавшихся ткачихами из Митракии. Унылого вида господин в костюме из плотного синего сукна с чёрным меховым воротником долго стоял, разглядывая девочек-подростков, и наконец забрал их обеих, чуть не плачущих от радости.

Старик со своей спутницей, не сумевшей скрыть разочарования, когда стало понятно, что нового возчика ей не видать, степенно удалились. Их место сразу же занял толстый невысокий господин, пришедший в сопровождении двух охранников. Он покрутил головой на короткой шее и кивнул на семейство.

Продавец, юркий мужичок с лысой, как коленка, головой и хитрыми бегающими глазками, расплылся в умильной улыбке и принялся нахваливать свой товар. Толстый господин, отдуваясь и вытирая лицо огромным белым платком, молча его слушал, пристально глядя на женщин. Решив, что они ему вполне подойдут, он что-то буркнул, продавец выпучил глаза и замотал

головой.

Никита уже не успевал наблюдать за всеми – покупателей прибавилось, и то в одном углу, то в другом возникали горячие споры. Внезапно перед их скамьёй остановился высокий смуглый господин в белоснежной чалме с чёрным пером, прикреплённым к ней круглой брошью с крупным рубином. Он долго разглядывал Ортиссу, с вызовом смотревшую на необычно одетого мужчину.

Не произнеся ни слова, господин в чалме вытянул руку с длинными пальцами, на которых сверкало не меньше трёх крупных перстней, и указал на девушку. Зверь подскочил к покупателю и что-то произнёс на незнакомом Никите языке. Тот кивнул, и Зверь удовлетворённо улыбнулся. Зазвенели литы, сделка свершилась. По знаку распорядителя два охранника подошли к скамье и, подхватив Ортиссу, потащили её к выходу.

Страшно побледневшая девушка закричала, пытаясь ухватиться за руку брата, который в отчаянии бросился к ней. Зверь вопросительно посмотрел на господина в чалме, но тот отрицательно покачал головой. Жила с Вурдом Недогрызком грубо оторвали Мугрина от сестры, и заливающаяся слезами Ортисса скрылась в воротах. Никита с ужасом смотрел на эту сцену. Только сейчас до него дошло, что их с друзьями реально могут разлучить и они больше никогда в жизни не увидят друг друга.

В центре разворачивалась ещё одна трагедия. Толстяк хотел приобрести только трёх женщин, и больше никого – ему нужны работницы на прядильной фабрике. А маленькие девочки были совсем ни к чему – только кормить лишние рты. Женщины рыдали в голос, мужчины орали на продавца, который обещал продать их всей семьей, как гончаров и художниц по посуде, но всё было напрасно – матерей оторвали от их семей и увели.

Вскоре настала очередь Твана и избитого парня, которого, как оказалось, звали Рольд. Невысокий господин в тёмном строгом костюме покрутился вокруг парней, оценивая их силу, и молча отсчитал Морде со Зверем двадцать звонких литов. Никита с Дартом кинулись к другу, но охранники бесцеремонно отшвырнули их обратно на скамью. В воротах Тван оглянулся и махнул им на прощание рукой.

Никита потерял к происходящему вокруг всякий интерес. Он угрюмо сидел на скамье и пристально разглядывал носки своих поношенных сапог, когда над его ухом Морда вдруг громко и подобострастно произнёс:

– Добрый день, многоуважаемый господин Рагон! Рад видеть вас в добром здравии и полном благополучии! Что бы вы хотели приобрести сегодня? У меня для вас есть очень интересное

предложение!

Слегка картавящий голос негромко ответил:

– А-а-а…Ты опять тут, проходимец! И ещё смеешь глядеть мне в глаза после того, как в прошлый раз сплавил мне порченый товар!

Если бы кто-то знал Морду чуть хуже, он бы решил, что тот искренне изумлён таким поворотом событий, настолько правдиво звучали его слова и так честно глядели на собеседника его наглые глаза.

– Да никогда в жизни, мой господин! Клянусь всеми Богами Нумерии, какие только существуют в этом государстве! Как бы я мог?! Да отсохнут мои руки, бравшие ваши литы! Девка же была кровь с молоком! Неужели заболела чем?

– Хуже! – Голос недовольно крякнул. – Оказалась немая, да ещё и с приплодом!

– Уф-ф, ну вы и напугали меня, господин хороший! Я уж и вправду чего подумал! Эх, знал бы я, что она немая, запросил бы с вас двойную цену! Баба – и немая! Это ж дар Богов! – Морда гулко расхохотался. Жила нервно захихикал за его спиной – приплод был его рук делом.

Никита поднял голову. В двух шагах от него стоял, засунув пальцы за пояс, невысокий круглолицый мужчина с презрительной усмешкой на пухлых губах. Господин был одет в короткую шубу из гладкого чёрного меха, распахнутую на его объёмистом животе. Невысокую шапку, украшенную белым пером с брошью из крупных сапфиров и бриллиантов, он надвинул на самый лоб, что придавало лицу мужчины строгое выражение.

Покупатель разглядывал выставленный на продажу товар маленькими глазками, почти утонувшими в пухлых щеках. А его толстые пальцы, унизанные крупными перстнями, отбивали какой-то ритм на собственном пузе.

– Что-то товарец у тебя нынче дрянь. Облезлый старикашка да два хилых заморыша, которых даже в пастухи не возьмёшь – совсем дохлые. Хотя вон тот парнишка ничего, крепенький. Только сонный какой-то… Не больной, часом?

– Что вы, как можно, мой господин! Я больных и порченых сроду на продажу не выставлял! – Морда заискивающе заулыбался. – А насчёт этого паренька вы ой как не правы. Это он с виду только такой квёлый, а сам силён и вынослив! И в кузнечном деле кое-что смыслит – у него ж отец кузнецом был.

Господин Рагон ещё раз оценивающе оглядел Дарта и громко щёлкнул пальцами. Жила подскочил и, пихнув пленника в бок, заставил подняться. Парень встал, хмуро глядя себе под ноги. Он почти на целую голову возвышался над своим покупателем.

Рагон шагнул ближе и ткнул пальцем в мышцу на руке Дарта. Видимо, результат его вполне удовлетворил, и он довольно хмыкнул. Пожевав губами и закатив глаза, он повернулся к Морде:

– Ну, хорошо. Восемь литов за этого замухрышку я тебе дам. Учитывая прошлые твои нечестные сделки… это очень хорошая цена!

– Да побойтесь Богов, господин Рагон! Это же ни в какие ворота не лезет! Я тащил его сюда почти целый месяц! Да он еды у меня не меньше чем на три лита слопал! Не-е, этот парень никак дешевле двадцати не может быть продан!

Рагон ещё сильнее закатил глазки, почти скрывшиеся в пухлых щеках, и слегка повысил голос:

– Ладно, ладно! Десять. И учти, это уже самый настоящий грабёж!

Морда заметался вдоль лавки и, хлопнув себя по коленям, заявил:

– Восемнадцать! Да вы поглядите на него, поглядите! Он же годика через два настоящим кузнецом будет! И продать его вы сможете уже в пять раз дороже!

Рагон возмущённо заголосил:

– В пять раз?! Да он ведь жрёт как боров! Я же за это время на его кормёжке разорюсь! Двенадцать!

Морда с такой силой замотал головой, что Никите на миг почудилось, что она сейчас оторвётся и покатится по грязи.

– Эт кто ж вам сказал, что он много ест?! Полная брехня! Так, клюёт, как птичка! Зато силищи в нём немерено, едва-едва верёвками его удерживали! Шестнадцать!

– Во-от! Сам видишь, что проблем с ним полно! На кой дьявол мне сдался работник, которого нужно на верёвке держать? Четырнадцать! И ни на дарк больше!

Морда для порядка несколько секунд помолчал, изображая на лице страшную внутреннюю борьбу, и махнул рукой. Они с Рагоном тут же обнялись, закрепляя сделку и, донельзя довольные друг другом, отошли в центр пересчитать деньги.

Дарт, про которого в пылу спора совсем позабыли, внезапно очнулся:

– Я без Ника никуда не пойду!

Жила тут же отвесил ему затрещину, но парень злобно зыркнул на обидчика и упрямо повторил:

– Не пойду! И только попробуй тронь меня ещё раз, гнида!

Покупатель и продавец разом повернули головы, весьма удивлённые таким поведением пленника. Морда уже собрался подскочить и приложить руку к усмирению строптивца, но тут в

его глазах мелькнул хитрый огонёк.

– А ведь парнишка прав, господин Главный сборщик налогов! Ещё как прав! Его дружок, вон тот, с торчащими ушами, совсем не так прост, как кажется. Он весьма умён и знает одну хитрость, которая позволит вам озолотиться… – Морда наклонился к самому уху Рагона и что-то быстро зашептал.

Тот жадно слушал, и выражение крайнего недоверия на его лице постепенно сменилось искренним удивлением. Глазки впились в Никиту, будто желая взглядом пролезть внутрь вихрастой башки и уже там постараться выяснить, не надувает ли его в очередной раз бессовестный проходимец.

Наконец Рагон махнул рукой, прерывая поток слов, льющийся из уст Морды, и поманил Ника пальцем. Тот подошёл и встал на почтительном расстоянии.

– Это правда?

Никита, не зная, о чём наболтал покупателю Морда, вопросительно посмотрел на того. Бандит состроил страшную рожу и, округлив глаза, закивал головой за спиной Рагона. Никита пожал плечами:

– Я без понятия, о чём речь.

Господин недовольно поджал губы и буркнул:

– Ты правда умеешь делать… камни… из глины и они не рассыпаются и не размокают под дождём?

Никита нехотя кивнул. Не рассказывать же этому толстяку, что он и делал их всего-то раз в жизни. И теперь за это горько расплачивается. А-а-а, будь что будет… Морда облегчённо выдохнул и приготовился ко второй части торгов. Но их не последовало.

Рагон повернулся к продавцу и жёстко заявил:

– Шесть литов за этого засранца! Но если ты меня надуешь и на сей раз, я лично позабочусь, чтобы тебя никогда больше в Ундараке не видели!

Морда побледнел – угроза была далеко не пустой. Главный сборщик налогов Солонии одним щелчком своих пухлых пальцев мог упрятать его в тюрьму на весь остаток жизни – официально торговля людьми в Нумерии была запрещена, и Закон карал за это очень строго. Если кто-то вдруг вспоминал, что есть такой Закон…

– Конечно, мой добрый господин, как скажете. Шесть – так шесть. По рукам! И вы до конца своих дней будете с радостью вспоминать и этот счастливый день, и меня, подарившего вам этого чудного мальчишку!

И пока Рагон раздумывал, можно ли считать слова Морды угрозой, тот быстро метнулся к лавке, схватил Дарта за руку и

подтащил к стоявшему Нику.

Оббежав их вокруг, он с радостной улыбкой остановился возле покупателя и напомнил:

– Ещё шесть несчастных литов, мой щедрый господин! И эти красавцы в вашем полном распоряжении!

Грасарий

За два дня до празднования Верхушки зимы было решено устроить большую дворцовую охоту. Как обычно, на неё пригласили членов всех знатных семейств Нумерии. Охотников набралось так много, что Калиус Стейнбок, занявший после высылки домой отца Кронарии пост Главного распорядителя столь ответственного мероприятия, решил поделить их всех на два лагеря.

Первый, во главе с Наследником трона Рубелием, должен был наутро отправиться к подножию левого Близнеца, где на склонах водилось великое множество горных козлов. Второй, во главе с Грасарием Корстаком, ещё накануне отбыл в светлые леса Кватраны – там, среди корабельных сосен, паслись великолепные пятнистые олени.

Большинство молодёжи решило попытать счастья, прыгая по горам. Опытные же охотники справедливо посчитали, что за дичью лучше гоняться, сидя на резвом коне, и выбрали охоту на оленей. Грасарий, все эти дни мучительно размышлявший, как лучше подъехать к Главному сигурну с предложением поженить их детей, с радостью увидел, что Мустин Беркост присоединился к его отряду.

Ранним утром нарядно одетые охотники и сопровождающие их дамы в меховых шубках и замысловатых шляпках потянулись из Остенвила по хорошо наезженной дороге длинной пёстрой лентой. За ними ехало множество повозок с оружием и припасами, палатками, коврами и различной утварью, необходимой для комфортного пребывания на охоте знатных господ и их избалованных роскошью спутниц.

В середине дня остановились на привал. Шатры решили не ставить, расположившись на расстеленных коврах. Прислужники сбивались с ног, поднося господам кувшины с вином и расставляя на низеньких столиках припасы, ещё на дворцовой кухне разложенные по огромным плетёным корзинам.

Привал грозил затянуться, но Грасарий, торопясь до темноты довести свой отряд до места ночёвки, скомандовал отправляться. Разогретые крепким вином охотники, красуясь перед не менее возбуждёнными дамами, тут же захотели устроить настоящие скачки. Победитель мог выбрать себе в награду поцелуй любой из присутствующих здесь женщин.

Два десятка всадников выстроились в ряд и по сигналу Грасария рванули вперёд, нахлёстывая своих коней и стремясь первыми доскакать до одинокого дерева, видневшегося у кромки

леса. Не принимавшие участия в гонке охотники и дамы поспешили за ними в предвкушении развязки.

Кони бешено неслись, закусив удила, подгоняемые орущими во всё горло для них плётки. Вначале вперёд вырвался Рингус Стейнбок, сын распорядителя охоты, на великолепном гнедом жеребце майдожанской породы, стелившемся над землёй чёрной тенью. Всадник в короткой куртке и шапке из меха чёрной лисы почти слился со своим конём, в пылу гонки яростно выкрикивая девиз своего дома: «Только к вершине!»

Когда до леса оставалось чуть меньше половины пути, впереди вдруг оказался другой всадник – стройный высокий юноша на рыжем злом жеребце, выросшем в предгорьях далекой Упраны, восточной провинции Шабодана. Рыжий косил глазом на своего соперника и скалил крупные зубы, закусывая удила. Наездник склонился к лошадиному уху и что-то говорил, понятное только им двоим – коню и человеку.

Всадник в чёрном зло хлестнул своего майдожанца. Тот взвизгнул и, выжимая из своих мощных мускулов оставшиеся силы, прибавил ходу. Рыжий, видя такую прыть противника, тоже рванулся вперед. Его хозяин только ещё ниже пригнулся к шее коня. Все остальные попробовали пуститься за ними в погоню, но совершенно безнадёжно отстали.

Два великолепных зверя некоторое время летели почти рядом, но потом чёрный стал сдаваться, уже не реагируя на окрики и плеть хозяина. Ещё сотня шагов – и рыжий, обогнав соперника на целый корпус, первым достиг заветного дерева. Раздосадованный проигрышем Стейнбок пронёсся мимо, не останавливаясь.

Участники скачки радостно приветствовали Динария, громко нахваливая достоинства коня и соревнуясь в остроумии по поводу полагающегося юноше приза. Через несколько минут подъехала вся остальная кавалькада, и поздравления посыпались на победителя с новой силой.

Страшно гордый тем, что первым оказался его Динарий, Грасарий крепко обнял сына. Красивый юноша с копной тёмно-русых волос и светлыми, как у отца, глазами был явно смущён внезапно свалившимся на него вниманием и упорно отмалчивался в ответ на всё более настойчиво звучавшие вопросы, кого же он выбрал себе в качестве приза. Дамы, раскрасневшиеся от быстрой езды и выпитого гахарского, бросали на юношу призывно-оценивающие взгляды и мило улыбались, видя его неподдельное замешательство.

Царящую суматоху прервал Грасарий, громко крикнув, что им стоит поторопиться, если они не хотят заночевать в чистом

поле. А победитель своё решение объявит на ужине. Искоса бросив на Динария взгляд, лангрин повеселел. У него возник план, как нельзя лучше вписывающийся в то, чем последнее время была занята его голова.

После приезда из Барлонии он заперся с сыном в комнате и впервые за все эти годы заговорил с ним как с равным взрослым мужчиной. Динарий вначале был несколько удивлён прямотой отца, но быстро сообразил, что озабоченность Грасария вызвана вполне реальной угрозой для их семьи.

Парень был далеко не глуп, а последние события во дворце и вовсе заставили его всерьёз задуматься о своём ближайшем будущем. Он уже открыл рот, чтобы сообщить отцу о твёрдом решении вступить в ряды Золотых Мечей, но Грасарий вдруг заговорил совершенно о другом – о его женитьбе.

Юноша не верил свои ушам. Да ему и в самом страшном сне не могло присниться, что отец предложит ему в жёны дочь Главного сигурна! Тем более что сам он вот уже несколько месяцев втайне мечтал о расцветающих прелестях Солиты Стейнбок, младшей дочери Главного распорядителя охоты.

Спокойно выслушав его путаные доводы, Грасарий снисходительно посмотрел на сына. Любовь – чувство захватывающее и увлекательное, но железное правило выживания в этой стране гласило совершенно другое.

– Я прекрасно понимаю тебя, сын мой, но… Сегодня мы не настолько близко стоим к трону, я не говорю уже о праве сидеть на нём, чтобы позволить себе любить. И даже мечтать о любви! Сейчас мы должны просто выжить… А для этого, знаешь ли, все средства хороши…

Динарий опустил голову. В самой глубине души он понимал, что отец, скорее всего, прав, но ему абсолютно не нравилась эта длинноносая девица, острая на язык и вечно подтрунивающая над всем и всеми. Осмила и его не обходила своими колкими замечаниями, и юноша предпочитал держаться от неё подальше.

Мужчина вздохнул и положил руку на плечо сына:

– Девка, конечно, язва ещё та, но я таких знаю – выйдет замуж и угомонится. Будет молчать и мужу в рот заглядывать. Куда ей деваться – начнёт помогать супругу карабкаться на самый верх, если не совсем дура. А не начнёт… Этого добра в Нумерии хоть пруд пруди! Любая за тебя с радостью выскочит. Главное, сейчас нам с тобой остаться на плаву.

– Но… я даже не смогу её поцеловать… противно…

Грасарий невесело усмехнулся:

– Сможешь. И даже трахнешь с превеликим удовольствием. Баба – она баба и есть. И у всех у них одно и то же. Особенно в

темноте…

Вспоминая этот разговор, Грасарий Корстак снова усмехнулся. Он ехал рядом с сыном и, наклонившись к нему, тихо заговорил:

– Сегодня вечером ты выберешь свой приз. И это будет Осмила.

Динарий, едва отошедший от бешеной скачки, резко повернул к нему побледневшее лицо:

– Но…

– Никаких «но»! Подождёт твоя Солита! Мала ещё сиськами трясти перед мужиками! Придёт и её время. Как только мы займём трон, я обещаю тебе… слышишь, обещаю, что Солита станет твоей! – Грасарий на мгновение замолк и твёрдо посмотрел на сына. – А сегодня – Осмила!

Вечером охотников ждал настоящий пир. Кухарки и повара расстарались, и столы ломились от еды. Кухарка Главного сигурна даже умудрилась напечь вкуснейших кукурузных лепешек, которые были чудо как хороши с нежным печёночным паштетом и острым густым соусом из чеснока и запечённого перца.

Дамы, правда, этот соус старались обходить стороной в надежде, что именно им придётся сегодня целоваться с победителем. Чем вызывали ехидные замечания собравшихся мужчин, явно отдающих предпочтение пахучему, обжигающему рот блюду.

Когда выпито было уже достаточно, чтобы крепкое вино развязало языки, в дальнем конце шатра поднялся на ноги Арис Морисар, старший сын и наследник лангракса Митракии, и, откровенно пошатываясь, закричал:

– Досточтимый Грасарий! Народ уже созрел для главного зрелища сегодняшнего вечера…

Молодой голос из другого угла бесцеремонно перебил Ариса, старавшегося бурной жестикуляцией поддержать свой явно заплетающийся язык:

– Неужели это будет твой знаменитый танец с раздеванием, Арис?

Шатёр содрогнулся от хохота. Большинство присутствующих здесь прекрасно помнили, как в прошлом году, под конец празднования дня рождения Повелителя, Арис влез на помост и, разогнав кривлявшихся там шутов, начал под звуки бубнов и визг флейт дико топать, срывая с себя одежду.

Сунувшиеся было стащить его прислужники полетели в разные стороны с расквашенными носами. Палий дико хохотал, утирая выступившие слёзы и с удовольствием наблюдая, как

Золотые Мечи волокут к двери оставшегося в одних носках Ариса, горланившего неприличную песенку.

Морисар запнулся на полуслове и, сделав удивлённо-возмущённую мину, рухнул на свой стул. Когда хохот в шатре немного стих, всё тот же молодой голос выкрикнул:

– А правда, господин Грасарий! Когда ваш сынок заберёт наконец-то свой приз? Мы уже просто умираем от любопытства!

Его поддержали другие голоса, и вскоре уже весь шатёр гудел. Грасарий повернул голову и ободряюще взглянул на сидевшего с опущенной головой сына:

– Давай! Докажи им всем, что можешь поступать как мужчина, а не как молокосос…

Бледный, с лихорадочно горящими глазами, Динарий медленно поднялся, стараясь не смотреть в дальний угол, где весело улыбалась Солита Стейнбок, сидевшая рядом со своим братом. В наступившей внезапно тишине он произнёс дрожащим от внутреннего напряжения голосом:

– Я хочу немедленно получить свой приз… поцелуй самой прекрасной девушки во всей Нумерии… – Стало так тихо, что пирующие услышали, как потрескивает горящее в плошках масло. – Осмилы Беркост!

Вздох удивления пролетел по шатру. Все взгляды метнулись от замершего с каменным лицом Динария к Осмиле, пившей в этот момент разбавленное вино и чуть не поперхнувшейся от неожиданности. Мгновенное замешательство сменилось невообразимым шумом. Мужчины закричали, поздравляя Динария с удачным выбором, при этом пряча в усы и бороды ехидные усмешки. Женщины, нацепив премилые улыбочки, поздравляли Осмилу, сидевшую с красным от возмущения лицом и зло кривившую губы.

Внезапно девушка вскочила и, перекрывая гомон, выкрикнула:

– Я… я не согласна быть призом! Не хочу!

Шум стих. Осмила, упрямо вздёрнув подбородок и глядя в сторону Динария, повторила:

– Не желаю… быть призом… для него!

А вот это было уже просто оскорбительно. Сидевший рядом Главный сигурн схватил дочь за руку и усадил на место. Склонившись к её уху, он зашипел:

– Прекрати немедленно! Ты хоть понимаешь, кого сейчас оскорбляешь – достойного господина Грасария! Тебе что, трудно подарить свой поцелуй его сыну?

Осмила упрямо молчала, не поднимая головы. Мустин Беркост с побледневшим от ярости лицом выдавил:

– Если ты сейчас же не сделаешь того, что требует обычай, я отправлю тебя в Главную пирамиду. Сестрой Тьмы. – И совсем уже тихо добавил: – Ты меня знаешь…

Девушка дёрнулась, как от удара, и подняла на отца полные ненависти и слёз глаза:

– Ненавижу… Я вас всех ненавижу…

Главный сигурн удовлетворённо хмыкнул и объявил:

– Она согласна!

Толпа возбуждённо зашумела в предвкушении следующего акта представления. Сопровождаемый смешками и неприличными шуточками, Динарий прошёл между столами и встал напротив всё ещё сидевшей Осмилы. Выждав минуту, та поднялась. Зрители замерли. Девушка окинула ледяным взглядом стоявшего перед ней парня и презрительно процедила сквозь зубы:

– Смотри не пожалей потом… победитель!

Динарий упрямо тряхнул головой и наклонился к её лицу. Его губы коснулись её зло стиснутых губ и прижались к ним. Девушка попробовала увернуться, но парень положил одну руку ей на затылок, другую на талию и крепко притянул упрямицу к себе, не давая возможности уклониться от поцелуя.

Охотники одобрительно зашумели, вновь осыпая пару шуточками. Кто-то даже начал считать «раз, два, три, чет…». Внезапно Динарий приглушено вскрикнул и отпрянул от девушки, зажав рот руками. Из его прокушенной губы по пальцам заструилась кровь.

Осмила сорвалась с места и под недовольные крики собравшихся вылетела из шатра.

Рустий

Мальчик бесшумно двигался по одному из слабо освещённых коридоров для прислуги, которыми были пронизаны все внутренности огромного дворца. В отличие от парадных покоев, коридоры выглядели весьма скромно, но именно здесь кипела и бурлила скрытая от посторонних глаз жизнь.

Слуги сновали по ним день и ночь, доставляя в покои господ дрова для растопки каминов, воду для умывания, вынося тем же путём ночные горшки и грязное бельё. Если господа желали позавтракать в постели, слуги сломя голову неслись на дворцовую кухню и возвращались с серебряными подносами, уставленными блюдами, распространяющими просто божественный аромат.

Кроме главных коридоров, в недрах дворца было множество боковых проходов и тупиков, которые для непосвящённого представляли собой настоящий лабиринт. Чтобы лучше ориентироваться в этих хитросплетениях, все стены окрасили в разные цвета. Те проходы, что вели к покоям Повелителя и его семьи, имели, например, зелёный цвет; семейство Грасария с изнанки было окрашено в жёлтый, а Рубелия – в розовый.

Остальные тупики и лестницы своего лица не имели, кроме караульного помещения для Золотых Мечей и лекарни – любой обитатель дворца в случае острой необходимости должен был отыскать их даже в полной темноте и с закрытыми глазами.

В этих оживлённых закоулках и переходах порой творились весьма интересные вещи. Прогуливаясь от нечего делать по коридорам, Рустий не раз видел, как парочки страстно целовались, прижавшись друг к другу и совершенно не замечая, что в трёх метрах от них стоит этот гадкий мальчишка.

Да если бы только целовались! Лет в семь он впервые увидел, как прислужник Рубелия, здоровый и угрюмый Фирон, притиснул в угол рыжеволосую хохотушку Ниссу, прислужницу тётки Ортении, и, ухватив её одной лапищей за пышную грудь, другой полез под юбку.

Нисса, вместо того чтобы надавать наглецу по морде, блаженно закатила глаза и с абсолютно дурацкой улыбкой на круглом конопатом лице принялась стонать и извиваться. Да ещё и зачем-то начала развязывать Фирону пояс на штанах.

Сгорая от любопытства, Рустий выглядывал из-за угла, мечтая об одном – только бы парочка его не заметила. Но им, похоже, было совсем не до него. Штаны Фирона свалились на пол, и мальчик с ужасом увидел, что из чёрных зарослей внизу живота

у того торчит огромная бордовая штуковина с набалдашником на конце. Нисса ловко ухватилась за эту штуку и сдавленно ахнула, по-видимому, от страха.

Рустий затаил дыхание. Таких штук он ещё никогда в жизни не видел. Белые и вялые отростки братьев не шли с ней ни в какое сравнение, хотя у старшего Патария он был довольно-таки длинным.

Фирон резко развернул девицу лицом к стене, задрал ей юбку и наклонил вниз так, что стала видна красная щель между её раздвинутых ног. И, утробно зарычав, со всего маха всадил в неё свою штуку. Нисса громко охнула и застонала от боли, но злодей и не подумал прекратить издевательства. Вместо этого он начал сильно елозить туда-сюда своей штуковиной в Ниссиной дырке.

Страшная пытка продолжалась невыносимо долго. Нисса стонала всё громче и громче, Фирон дергался всё сильней, и Рустию стало казаться, что ещё чуть-чуть – и его багровый набалдашник выскочит откуда-нибудь из её пупка.

Прислужник вдруг сильно выгнулся, издал звериный рык и замер, тяжело дыша. Нисса тоже прекратила стонать. Постояв так несколько секунд, она распрямилась и, отодвинувшись от любовника, принялась деловито вытирать у себя между ног нижней юбкой. Рустий был поражён – Фирон наклонился за штанами, и его штука, ещё недавно такая твёрдая и грозная, теперь вяло моталась между его ног.

Спустя минуту любовники, вполне довольные друг другом, вышли из тупичка и, как ни в чём не бывало, отправились по каким-то срочным делам. Рустий примчался в свою комнату и, стянув штаны, долго пристально разглядывал маленький жалкий отросточек, который, как он думал ещё сегодня утром, предназначался только для того, чтобы пописать.

Он попробовал его помять и потереть, чтобы тот тоже превратился в большую и страшную штуку, но отросток упорно не желал вырастать и становиться твёрдым. Захотелось только помочиться, и, горько вздохнув, Рустий прицелился в горшок.

С тех пор он много раз видел в коридорах подобные сцены. Он даже мог сказать, какого размера и формы были члены почти всех мужчин во дворце и какого цвета росли волосы на лобках у большинства женщин. Любовных тайн, хранившихся здесь, для него не существовало. И он веселился от души, наблюдая, как холодно старались держаться на людях некоторые парочки, ещё вчера так страстно стонавшие в тёмном тупичке под его внимательным взглядом.

За эти годы ему пришлось увидеть много такого, что было совершенно не обязательно видеть и знать маленькому мальчику.

Страстная любовь двух женщин или двух мужчин для него также не была секретом, хотя участники этих встреч старались вести себя как можно тише – в Нумерии такие действия не приветствовались.

Мало того, за это можно было легко лишиться своей должности при дворе – извращенцы не имели права прислуживать Повелителю. И тем более его детям. Глупости глупостями, а династия должна быть крепкой и иметь много наследников, чтобы достойно править страной!

Проводя в коридорах дворца всё своё свободное время, Рустий изучил их как свои пять пальцев. Он мог пройти по ним в полной темноте из конца в конец, ни разу не ошибившись, не перепутав ни одного поворота и ответвления. Здесь он придумал себе очередную забаву – на тёмных крутых поворотах плеснуть на пол масло и, спрятавшись за углом, тихонько хихикать, слушая, как очередная прислужница громко ругается, потирая ушибленную задницу, и сгребает с пола обратно на поднос вываленную кашу или паштет.

Или натянуть в плохо освещённом коридоре верёвку и, страшно вопя про пожар, смотреть, как выбегают из караульного помещения Золотые Мечи и валятся друг на друга, неласково поминая при этом дьявола, всех имеющихся в наличии Богов и их близких родственников по всем линиям.

Его неоднократно ловили и приводили к отцу, и тот даже пробовал его пару раз наказать. Но Рустий оба раза устраивал такую правдоподобную сцену внезапно развившегося у него удушья, что Рубелий в конце концов махнул на сына рукой, ограничиваясь только суровым выговором, который мальчишка выслушивал с серьёзно-унылым выражением лица, всячески стараясь подавить довольную ухмылку.

Но всё это было сущей ерундой по сравнению с тем, что можно было увидеть в комнатах тех, ради удобства которых и метались по коридорам десятки прислужниц и прислужников. Чуть больше года назад совершенно случайно Рустий нашёл во дворце первую потайную комнату.

Он шёл по жёлтому коридору. Точнее, крался за одноухим бело-чёрным котом, отчаянным хитрецом и проходимцем, с неизменным успехом воровавшим снедь с дворцовой кухни. Вот и сегодня тот стянул приличный кусок мяса и направлялся к одному ему известному лазу в подвал, но, увидев своего мучителя, помчался в противоположную сторону.

Вооружённый пращёй с небольшим камнем, Рустий припустил за котом, но за очередным поворотом вдруг споткнулся и буквально влетел в стену. Рука инстинктивно

ухватилась за чуть выступающий камень, и часть стены внезапно бесшумно провалилась.

Залетев по инерции внутрь, Рустий с удивлением огляделся. Он стоял в узкой комнатке с небольшим окошком у самого потолка, пустой и пыльной. Стены были гладко оштукатурены, но в центре двух из них имелись квадратные окошки, завешанные некогда белыми тряпицами. Осторожно прикрыв дверь, через которую он сюда ввалился, мальчик внимательно осмотрел запор – ему совсем не улыбалось попасть в какую-нибудь хитрую ловушку.

Дверь изнутри закрывалась на простую задвижку, и мальчик, успокоившись, отогнул занавеску на стене справа. Под ней нашлись две круглые дырочки для глаз. Погибая от любопытства, Рустий привстал на цыпочки, пытаясь дотянуться и посмотреть, что же там такое, но его скрученное тельце не дало ему такой возможности.

Быстро сообразив, что нужно сделать, Рустий осторожно выбрался в коридор и бегом отправился в свою комнату за табуретом, моля Богов, чтобы на обратном пути ему никто не встретился. Боги его услышали, и уже через несколько минут он взгромоздился на подставку и припал глазами к заветным отверстиям.

Вначале он никак не мог определить, в чью это комнату он так беззастенчиво заглядывает. Но внезапно дверь открылась, и в вошедшей женщине мальчишка сразу же узнал Элиду, жену своего дядюшки Грасария. Она медленно прошлась по комнате и уселась на диванчик, задумчиво уставившись в окно.

Понаблюдав за тёткой какое-то время и не увидев ничего интересного, Рустий перетащил табурет к другой стене. Комнату своего кузена Динария он узнал сразу. Но и тут ему не повезло – комната была пуста.

Слегка разочарованный, но воодушевлённый открывшимися перспективами, он забросил все свои проказы и активно занялся поиском новых тайных комнат. И, надо сказать, весьма в этом преуспел. За месяц Рустий сумел заглянуть в покои почти ко всем своим родственникам, найдя в коридорах ещё несколько тайников.

Почти каждый вечер, дождавшись, пока его нянька, толстощёкая Труминда захрапит в соседней комнатке, он осторожно выскальзывал в коридор и, замирая от каждого шороха, устраивал обход своих тайных владений. Ночная жизнь во дворце была намного интересней дневной, и вскоре Рустий стал свидетелем многих интимных секретов своего семейства. И если бы кто-нибудь догадался его спросить, возможно, он и мог

бы рассказать, сколько раз видел в объятиях своего двоюродного брата Сидрака Тортрана роскошную Кронарию, с удовольствием наставляющую рога вечно пьяному супругу.

Частенько он с любопытством наблюдал, как его братья, иногда оба сразу, развлекались с прислужницей их матери. А эта Фасима, строившая из себя такую недотрогу и скромницу, оказалась той ещё штучкой. Патарий, его старший брат, не отказывался и от мужского общества, и его прислужник Нувин с удовольствием делил с ним одну постель.

Новая жена Палия, которую поселили в комнате сгинувшей Кронарии, поразила Рустия своей необычной нездешней красотой, и он часами готов был рассматривать её обнажённое тело, всегда готовое к любви. Наблюдая за тем, как она ласкает себя, гладя чудесные пышные завитки внизу живота и пощипывая бордовые соски, он чувствовал, как его отросток начинает подниматься, становясь твёрдым и большим. Не таким большим, как у Фирона, но всё-таки…

То, что по ночам комнату Гульмиры посещает сын Великого посла, он узнал на третий день после свадьбы, когда, оставив совершенно пьяного Палия, молодая жена вернулась в свои покои. Стоя у пыльной стены, Рустий впервые в жизни испытал жгучую ревность – чувство жестокое и уничтожающее. Видя, с какой страстью сплетаются молодые тела, он яростно скрежетал зубами и плакал от злости.

Всё, что он видел и слышал во время своих скитаний по дворцу, Рустий никому не рассказывал, иначе бы пришлось объяснять, откуда ему это известно. А делиться с кем бы то ни было своими секретами он не привык – зачем добровольно отдавать часть невидимой, но такой волнующей власти? Но сегодня его тайна открылась. Причём весьма глупо.

Про связь своей матери с Галиганом Освелом он узнал месяца четыре назад, когда увидел их днём в её комнате. Мать, с красным лицом и безумными глазами, громко стонала и охала, оседлав усевшегося в кресле любовника. Рустий во все глаза смотрел на этих двоих, и в его душе бурлили самые разные чувства.

Мать он любил, но даже представить себе не мог, что она, отдававшая ему всю свою безграничную материнскую любовь, могла любить ещё и какого-то мужчину. Жалкая похотливая сучка! Нагло изменяющая Рубелию, которого он, впрочем, терпеть не мог, даже не пытаясь найти этому чувству разумное объяснение. Не мог – и всё тут!

Вот и сегодня, накануне отъезда первого отряда охотников к подножию Близнеца, Рустий увидел, как мать, оглянувшись по

сторонам, скользнула в свои покои. Примчавшись в тайную комнатку и взгромоздившись на табурет, он привычно припал глазами к отверстиям, в очередной раз наблюдая за встречей любовников.

Не увидев ничего нового и интересного, Рустий решил, что с него хватит. Он повернулся, но нога вдруг предательски соскользнула с края, и мальчик едва не упал, с шумом приземлившись на пол. Испугавшись, что Мирцея могла услышать грохот и застукать его на месте преступления, он бросился к двери и стремглав выскочил в коридор. И влетел головой прямо в живот задумавшегося о чём-то Рубелия.

За немой сценой последовал допрос с пристрастием, и Рустию пришлось сознаться, что он совсем недавно нашёл эту тайную комнатку. И иногда, всего-то пару раз, в неё приходил. Окинув мальчишку тяжёлым взглядом, Рубелий ступил внутрь и припал к отверстиям в стене. Понаблюдав несколько минут за захватывающим зрелищем, он выскочил с красным злым лицом и, не глядя на бледного, испуганного Рустия, процедил сквозь зубы:

– Надеюсь, ты понимаешь, что об этом никто не должен знать. Ни единая душа! Ты меня хорошо понял? И прикрой наконец эту долбаную дверь!

Рустий в полном изумлении уставился на удаляющуюся широкую спину отца.

Динарий

Утро выдалось морозным. Загонщики ещё затемно отправились в лес, где лесники накануне видели большое стадо пятнистых оленей. Вожак, великолепный самец с огромными ветвистыми рогами, вёл с собой несколько самок и подросший за лето молодняк.

Охотники чертыхались и дружно проклинали вчерашнее неумеренное возлияние. Справив нужду за ближайшим шатром и потерев снегом опухшие мрачные лица, они дрожащими руками хватали поднесённые прислужниками чаши с разбавленным вином и опустошали их одним глотком. Живительный напиток заливался в пылающие недра и тут же творил чудеса – лица светлели, руки переставали трястись, а головы, прекратив раскалываться, начинали что-то соображать.

Молодёжь стояла кружком и, дружески хлопая по плечу, выражала полное сочувствие уныло кивавшему Динарию с распухшей нижней губой. «Стерва» и «сучка» были самыми ласковыми определениями, доставшимися Осмиле после вчерашнего поцелуя.

Хевус Обегар, сын лангракса Гахара и родной племянник Мирцеи, в глубине души был рад неудаче, постигшей троюродного брата. Он стоял, небрежно поигрывая плетью и кривя пухлые яркие губы под тонкими усиками.

– Хм-м! Я бы эту кобылку так отделал… сразу шёлковой стала! Сама бы передо мной на спину падала и ноги раздвигала, только пальцем шевельну! Ха, кусаться! – Плеть щёлкнула по голенищу сапога. – На всю жизнь бы запомнила, как скалить зубы на мужчину из рода Обегаров!

Динарий потрогал губу и поморщился. Он не любил своего заносчивого братца, в котором его южная бурлящая кровь частенько захлёстывала имевшиеся у него весьма скромные зачатки здравого смысла. Хевус даже не скрывал, что считает женщин эдаким второсортным товаром, нужным только для продолжения его рода. А для этого ей совершенно не нужно быть умной, иметь своё мнение или, того хуже, убеждения. Вполне достаточно хороших сисек, красивого лица и умения рожать здоровых детей.

Позавтракали спешно, похватав с накрытых в шатре столов ломти холодного запечённого мяса, варёные яйца и пироги с различными начинками, на ходу запивая всё это крепким травяным чаем с листом кулимки – бодрящим и согревающим в зимнюю стужу напитком.

Первый помощник распорядителя охоты дунул в свой свисток, и охотники, в тёплых меховых шубейках и шапках, кожаных, с мехом внутри штанах и специальных рукавицах для стрельбы из лука, начали усаживаться на подведённых прислужниками лошадей. Почти у каждого имелись небольшой изогнутый лук с десятком стрел и притороченное к седлу короткое копье с плоским обоюдоострым наконечником, способным легко пробить насквозь небольшого зверя.

Кое-кто из молодых предпочёл луку арбалет, ставший в последнее время весьма популярным. Раз в год Повелитель даже устраивал игры, где молодёжь, любившая пострелять, соревновалась с лучниками, служившими в его армии. И далеко не всегда побеждали профессионалы.

Отряд из двух десятков охотников и такого же числа прислужников двинулся в путь. Солнце ещё не встало, и от дыхания людей и лошадей в застывшем воздухе поднимался белый пар. Лес замер в предутренней тишине, и только хруст неглубокого снега и лошадиное фырканье нарушали его величие.

Первый луч неяркого солнца вырвался из-за горизонта, и почти одновременно с ним в противоположной стороне раздался приглушённый расстоянием звук охотничьего рога. Гон начался. Послышались далёкие крики загонщиков, загремели трещотки.

Охотники растянулись в широкую линию, стараясь охватить как можно большее пространство. В лесу почти не было подлеска, и с лошади зверя было видно издалека. Рог протрубил чуть ближе, и охотники взялись за луки и арбалеты, гадая, кому их них первому улыбнётся удача. Динарий наложил стрелу и замер, вглядываясь в частокол голых стволов. Общее напряжение передавалось животным, и его рыжий конь недовольно фыркал и бил копытом по мёрзлой земле. Юноша опустил лук и ласково погладил его по шее, стараясь успокоить любимца.

В это самое мгновение и появился олень. Благородный красавец с ветвистыми рогами на изящной голове, с круглыми карими глазами и раздувающимися от быстрого бега ноздрями. Его пятнистая серо-коричневая шкура почти сливалась с деревьями, и Динарий вздрогнул, увидев зверя так близко от себя.

Юноша вскинул лук и, уже понимая, что опоздал, судорожно отпустил тетиву. Стрела пролетела, лишь скользнув по шкуре и не причинив животному ни малейшего вреда. Справа раздался громкий крик, и в воздухе просвистела другая стрела, на сей раз попавшая оленю в заднюю ногу. Зверь шарахнулся и, пробив грудью мелкий кустарник, вырвался из круга охотников.

Динарий выругался и, развернув коня, направил его вслед за

петляющим между стволов подранком. Слева через кусты ломился Мустин Беркост – это его стрела воткнулась в убегающего от своей смерти оленя. Всадники скакали рядом, стараясь не упустить из вида беглеца, который для раненого бежал довольно резво. Сзади слышались крики других охотников, нашедших и прикончивших свою добычу.

Конь Главного сигурна вырвался вперед и почти настиг начавшего уставать оленя. Охотник уже отцепил от седла копьё и готовился нанести последний сокрушительный удар, должный прекратить это не в меру затянувшееся преследование, как животное внезапно исчезло. Лес вдруг закончился, и разгорячённый жеребец Беркоста вылетел на край глубокого оврага. Не решившись прыгнуть вниз за обезумевшим от боли беглецом, конь испуганно взвился на дыбы и сбросил с седла своего хозяина.

Перевернувшись через голову, Главный сигурн тяжело рухнул вниз и покатился по крутому склону прямо в чащу росших по берегу ручья невысоких деревьев. Тело Беркоста влетело в эти заросли и, сильно ударившись о корявый ствол старой ветлы, беспомощно повисло в его развилке. Рёбра предательски хрустнули, и мужчина, вскрикнув от боли, потерял сознание.

Динарий вовремя увидел, что произошло. Он натянул поводья, крикнул Рыжему «стоять» и, спрыгнув с завертевшегося на месте коня, кинулся к краю оврага. Ни секунды не раздумывая, юноша бросился вниз и заскользил по осыпающемуся склону.

Беркост висел, стиснутый стволом, и тихо стонал. Из приоткрытого рта вырывалось неровное хрипящее дыхание. Динарий попробовал снизу приподнять сигурна и вытащить его из ловушки, но тело мужчины оказалось слишком тяжёлым. И оно совершенно безнадёжно застряло в дереве.

Юноша подпрыгнул, уцепился за ветку и ловко подтянулся. Устроившись над неудачливым охотником так, чтобы Мустин оказался у него между ногами, Динарий подхватил раненого за плечи и напряг все свои мускулы. Рывок – и застонавший сигурн был вызволен из неласковых объятий ветлы. Оставалось самое сложное – аккуратно опустить его на землю.

Ноги Мустина уже коснулись земли, но тут его куртка, как назло, зацепилась за выступающий сучок, и сигурн снова повис. Юноша спрыгнул на землю, оббежал ствол и, полоснув ножом по затрещавшей тисненой коже, ловко подхватил осевшее тело.

Раненый лежал с закрытыми глазами, хрипло дыша. С каждым выдохом на его губах появлялась окрашенная кровью пена. Динарий поглядел на склон оврага. Он был крутой и настолько рыхлый, что песок и небольшие камни осыпались с

него вниз при каждом шаге. Юноша перевёл взгляд на сигурна и принял решение.

Быстро раздевшись, он снял нижнюю рубаху. Отрезав ножом у неё низ и сделав из куска ткани две широкие ленты, Динарий связал их между собой и прикрепил получившуюся верёвку к рукавам своей рубашки. Широкую часть петли он продел под спиной у раненого, пропустив её под мышками. Свободный конец юноша накинул себе на плечи, и придерживая Мустина, начал медленно карабкаться вверх по склону. Он пятился спиной вперёд, упираясь ногами в осыпающийся при каждом движении песок и осторожно подтягивая ставшее невыносимо тяжёлым неподвижное тело.

Камни с шумом покатились вниз, и мужчины скатились следом, почти вернувшись к началу пути. Мустин Беркост громко застонал и затих, и Динарию на какое-то мгновение показалось, что сигурн перестал дышать. Пробившись сквозь неимоверное напряжение, в мозгу тревожно забилась мысль: «Он должен выжить…» Стиснув зубы, юноша метр за метром снова начал подтаскивать вверх раненого, в кровь обдирая руки о мелкие острые камешки.

Внезапно ему под руку попался твёрдый корень, и Динарий вцепился в него, как утопающий цепляется за проплывающую мимо корягу. Дерево росло на самом краю оврага, и коварный склон готовил ему в скором будущем весьма незавидную участь. Немного отдышавшись, юноша с трудом выбрался сам и отчаянным рывком вытащил тело мужчины на пожухлую зимнюю траву.

Сигурн захрипел и приоткрыл глаза. Динарий склонился над ним и выдохнул:

– Сейчас… сейчас… я что-нибудь придумаю… как отвезти вас…

Беркост глянул на него затуманенными болью глазами и еле слышно прошептал:

– Зови… на помощь… я… подожду…

Динарий обернулся и свистнул. Рыжий сразу же появился из-за стволов, отфыркиваясь и кося на лежащего карим глазом. Юноша забрался на коня и погнал его к охотничьему стану. Но не успел он проехать и пары сотен шагов, как увидел спешащих ему навстречу всадников, разгорячённых удачной охотой и обеспокоенных их слишком долгим отсутствием. Крикнув, что сигурн тяжело ранен и ему нужны носилки, Динарий развернулся и поскакал к оврагу. Несколько прислужников тут же бросились в стан, и всё завертелось.

Спешившиеся мужчины окружили лежащего на земле

сигурна. Тот с трудом дышал, но был в сознании. Хайрел Беркост приподнял голову отца и подсунул под неё свою куртку. Выслушав сбивчивый рассказ Динария, он крепко обнял юношу и заявил:

– Спасибо! Отныне и навсегда ты – мой брат! Чтобы не случилось, помни об этом!

Охотники, разглядывая тянущийся по склону оврага глубокий след, только покачивали головами и уважительно поглядывали на измученного Динария. Появившиеся прислужники бережно уложили раненого на широкий полог и бегом понесли его в лагерь. Всадники потянулись следом, горячо обсуждая трагическое событие.

Бисар, помощник лекаря, пробился к Беркосту и, бегло осмотрев его, приказал всем лишним удалиться. Сигурна раздели, и Бисар приступил к лечению. Увидев, что снаружи повреждений нет, он туго забинтовал широкими кусками холста ему грудь и дал выпить содержимое маленького флакончика. Вскоре раненый затих, его дыхание выровнялось. Пена перестала выступать на губах, и спустя четверть часа сигурн уже спокойно спал под присмотром Бисара и не отходившей от отца ни на шаг Осмилы.

Лея

Дверь распахнулась, и два прислужника, согнувшись под тяжестью, внесли в комнату огромную серебряную вазу, полную великолепных бело-розовых лилий. Они сразу же наполнили комнату удушливо сладким ароматом. Третий прислужник шёл следом, держа круглый поднос, на котором лежали голубая бархатная коробочка, перевязанная белой атласной лентой, и небольшой конверт.

Вазу бесцеремонно водрузили в изножье кровати, а прислужник с подносом, низко поклонившись, поставил его на маленький изящный столик из красного дерева. Лея, сидевшая с книгой у окна, удивлённо взирала на это явление:

– Это ещё что такое? Может, кто-нибудь соизволит мне объяснить, что здесь происходит?! Вы, любезные, ничего не перепутали?

– Нет, госпожа! – Тот, что с подносом, покачал кудрявой головой и хитро улыбнулся.

– Неужели? А я думаю, вы точно ошиблись! Мне не нужны никакие подарки! Заберите их немедленно! Тем более, я даже не знаю, кто их прислал! Эй, да куда же вы? Стойте!

Но прислужники торопливо вышли. Уже в дверях кудрявый обернулся и кивнул головой на столик:

– Господин велел сказать, что там всё написано.

«Господин? Этого ещё не хватало!» – Лея озадаченно посмотрела на поднос.

Млава, шившая себе юбку в соседней комнате, выскочила на шум и вытаращила глаза при виде такого великолепия:

– Какие цветочки! А как пахнут! Госпожа, кто это прислал вам такую красоту? – Млава крутилась вокруг букета, ахая и закатывая глаза от восторга.

– Понятия не имею… Да перестань же наконец вертеться! Принеси мне записку!

Млава, только сейчас увидевшая поднос с коробочкой, метнулась к столику и схватила конверт, при этом его зачем-то понюхав.

– Пахнет маслом азантии. Оно же страсть какое дорогущее… – Прислужница едва не подпрыгивала от возбуждения.

Лея повертела конвертик в руках – меньше ладони, из плотной белой бумаги с выдавленным на уголке цветком лилии. Обычный конверт для любовной переписки. Глупость какая-то… Она отложила послание на диван и хотела уже продолжить

прерванное чтение, как внезапно поймала удивлённо-осуждающий взгляд Млавы. Та укоризненно произнесла:

– Госпожа, вы что, совсем не хотите посмотреть, от кого этот подарок?

Лея покачала головой, но потом решительно схватила конверт и открыла его. Развернув листок, она прочитала написанные ровным крупным почерком строчки:

«Ваш недостойный обожатель просит прекрасную госпожу принять скромный дар. Пусть эти чудесные лилии превратят унылый зимний день в летний, и пение маленькой птички напомнит вам о тёплых летних вечерах. А если ваше божественное лицо покажется сейчас в окне, то и мой серый день станет ослепительным! Он будет озарён самым восхитительным солнцем в мире!»

И никакой подписи.

Лея скомкала письмо и бросила на пол. Просто жуткий нахал! Млава, не находившая себе места от любопытства, вскрикнула:

– Госпожа!

– Что – госпожа?! Нет здесь никакой подписи! И не проси меня идти к окну – не пойду! Даже не собираюсь!

Девушка вскочила и быстро заходила по комнате. В очередной раз оказавшись возле столика, она остановилась, взяла в руки коробочку и, повертев, поставила её на место. Коробочка оказалась довольно увесистой и сбоку имела отверстие, в которое, по всей видимости, и вставлялся маленький серебряный ключик, лежавший тут же.

– Нет, ну какой всё-таки наглец! Надо же, придумал! Ведь если я не выгляну в окно, то даже не буду знать, кому вернуть эти дурацкие вещицы! – Лея нахмурилась, но минутку подумав, вдруг улыбнулась: – Млава, а ну-ка быстро иди к окну! Тебе же ужас как интересно, вот и посмотри, что за ухажёр там объявился!

Прислужница тут же метнулась к окну и отдёрнула штору. Маленький двор внизу был усыпан выпавшим ночью снегом. На этом снегу и стояли сейчас трое мужчин, при её появлении заигравшие необыкновенно нежную мелодию, в которой флейта рассказывала о своей любви гитаре и скрипке, а те вторили ей высокими голосами. Девушка покрутила головой, но, кроме музыкантов, никого не увидела. Повернувшись к Лее, она растерянно объявила:

– Нету тут никого, госпожа! Только музыканты надрываются! Да вы сами гляньте!

Лея подошла и выглянула из-за плеча прислужницы. Музыканты увлечённо играли. Чарующая мелодия заполняла

собой дворик и поднималась к серому низкому небу, чтобы спуститься оттуда на сонный город и на весь застывший в зимнем безмолвии мир. И рассказать всем, что только любовь сможет пробудить их от тяжёлого сна и вдохнуть в их души надежду и свет.

Девушки стояли и зачарованно слушали, совершенно забыв о том, что ещё пару минут назад они собирались только взглянуть, кто это там решил так необычно украсить этот невзрачный зимний день.

Инструменты в руках мужчин допели свою песню, и музыканты, глянув на окно, почтительно поклонились стоявшим там дамам. Лея очнулась и отпрянула, спрятавшись за шторой. Млава степенно поклонилась в ответ, но вдруг ойкнула и резко обернулась:

– Госпожа! Госпожа! А вы видели, кто стоял в арке слева?

Лея удивлённо на неё посмотрела и покачала головой.

Прислужница сделала круглые глаза и зашептала, как будто их могли услышать люди на улице:

– Это же Хайрел Беркост! Вот, клянусь всеми-всеми Богами, не вру! Такой красавчик! В тёмно-синем костюме и в чёрном плаще на собольем меху! И шапка такая соболья с белым пером! Ой, госпожа, как он смотрел…

Лея побледнела. Красавчик Хайрел Беркост, значит! А с чего это он вдруг решил, что она примет его дурацкие подарки? Или он думает, что сыну Главного сигурна всё дозволено и любая девица сразу же растает от его слащавой белозубой улыбки и наглого взгляда тёмно-серых глаз?! Любая, может, и растает, но только не она! Девушка подбежала к кровати и сердито позвонила в колокольчик. Дверь открылась, и на пороге возник Золотой Меч.

– Немедленно пришлите прислужников и сейчас же унесите отсюда эту гадость!

Лантар кивнул и спокойно спросил:

– Куда прикажете унести?

Лею просто трясло от возмущения. Она стояла, охватив себя руками за плечи, и не слышала вопроса – слишком сильная буря бушевала в её душе. И только когда лантар во второй раз повторил свой вопрос, девушка обернулась и зло выкрикнула:

– Как это – куда? К господину Хайрелу Беркосту, конечно!

Мирцея

Свернув в коридор, Мирцея поправила высокую причёску и натянула на лицо сочувственное выражение. Два Золотых Меча, стоявшие у входа в покои госпожи Гульмиры, вытянулись при её появлении, стараясь скрыть своё удивлении – в последние недели немногие рисковали наносить визиты вдове Палия. По дворцу ползли слухи, что молодая вдовушка подцепила какую-то заразу, которая теперь медленно, но верно её убивает.

И не только её. У сына Великого посла вдруг начали клоками вылезать волосы, а Эйса, прислужница Гульмиры, уже пару раз падала в обморок после обильных носовых кровотечений. Прибывший с посольством лекарь Трокан Бурсум метался от одного больного к другому, заставляя их принимать всё новые и новые микстуры, но больным лучше не становилось.

Мирцея кивнула, и лантар негромко постучал в дверь. Сначала за дверью ничего не происходило, потом что-то прошелестело, и створка приоткрылась, явив бледное испуганное лицо прислужницы.

Мирцея ласково улыбнулась и заговорила по-антубийски:

– Доброе утро, Эйса. Я пришла навестить мою дорогую сестру Гульмиру.

Девушка испуганно оглянулась и быстро залепетала в ответ, пытаясь закрыть проход своим телом. Но Мирцее эти дипломатические уловки уже надоели, и она решительно шагнула внутрь комнаты, отодвинув в сторону слабо сопротивлявшуюся прислужницу.

В комнате было нестерпимо жарко и душно. Несмотря на солнечное утро, шторы на окнах были плотно задёрнуты, и только несколько свечей пытались рассеять царящий здесь полумрак. В большом камине ярко пылал огонь, но его тепла явно не хватало дрожащей в ознобе больной, возле постели которой прислужники установили ещё и две треноги с жаровнями, полными тлеющих углей.

Гульмира полулежала на высоких подушках, до подбородка натянув тёплое одеяло из меха горных коз. Мирцея не видела её около месяца и внутренне ужаснулась произошедшим за это время переменам. Некогда пышущее здоровьем молодое красивое лицо страшно осунулось и побледнело, под глазами залегли тени. Сами глаза запали и ярко блестели от сжигавшей девушку лихорадки. Губы потрескались, в углах рта появились страдальческие морщины.

На когда-то гладкой бархатистой коже расползлись пятна

неприятного грязно-серого цвета с неровной поверхностью, похожие на сырную плесень. Мирцея, подавив отвращение, приблизилась к постели. Насвира, тоже оказавшаяся в комнате, недобро глянула на посетительницу и метнулась в угол, стараясь заслонить серебряный таз с какими-то бурыми ошмётками.

– Дорогая моя сестра! До меня дошли слухи, что ты приболела и неважно себя чувствуешь. И, Боги милостивые, эти слухи оказались правдой! Я тот час же прилетела, чтобы лично убедиться, что здесь делают всё для твоего скорейшего выздоровления.

Мирцея обернулась к Насвире, оставившей в покое таз и занявшей своё место в ногах госпожи.

Наставница с поджатыми губами и сплетёнными на животе пальцами упорно глядела куда-то мимо непрошеной гостьи.

– Кто из лекарей её осматривает?

Насвира пожевала губами и слегка приподняла брови – ответ был очевиден.

– Лекарь Бурсум. Он всё время лечит мою госпожу.

– Вижу я, как он лечит! Вы что, шакалы вонючие, решили угробить нашу госпожу Гульмиру?! Немедленно отправляйся за Лабусом Сусвинтом! Да живей шевелись, старая корова!

Насвира от возмущения побледнела. Её руки затряслись, и она собралась уже открыть рот, чтобы гневно возразить, но Мирцея так глянула на неё, что та, налетев по дороге на пару-тройку стульев и сундуков, благоразумно заторопилась к двери. За ней тут же метнулась Эйса, пользовавшаяся любой возможностью, чтобы сбежать из гнетущей атмосферы этой комнаты.

Мирцея удовлетворённо улыбнулась – а этой старой сводне тоже досталось! Ничего, скоро весь ваш гадючий выводок отправится в поганую Антубию… если раньше не сдохнет. Придвинув стул ближе к кровати, она уселась у изголовья и принялась с сочувствующим видом наслаждаться открывшейся картиной. Полюбовавшись пару минут, Мирцея отдала приказ пришедшей с ней Фасиме, беспокойно топтавшейся у двери:

– Немедленно открой окно! Здесь невыносимо душно, а девочке просто необходим свежий воздух.

Прислужница метнулась к занавешенному окну, и через секунду яркий солнечный свет наполнил комнату. Гульмира охнула, судорожно дёрнула головой и попыталась закрыть воспалённые глаза исхудавшей бледной ладонью. Край одеяла откинулся, и Мирцея с радостью отметила, что редчайший розовый бриллиант в форме сердца продолжает сиять на груди умирающей.

Фасима немного повозилась со створкой, и в комнату ворвался свежий холодный воздух.

– За…крой…те… мне… хол… лодно… – слабый голос с подушки прошелестел едва слышно.

– Дорогая моя, но нельзя же лежать в такой духоте! Ты ещё больше заболеешь. – Мирцея поправила одеяло, снова укрывая девушку.

Потом сочувственно провела по её голове и в ужасе отдёрнула руку – на ладони остался пучок чёрных длинных волос. Она присмотрелась внимательнее – сквозь редкие пряди безжизненно светилась обтягивающая череп кожа.

«Боги Всесильные!» – Мирцее стало жутко. Ей захотелось немедленно бежать из этой комнаты, из этого ужаса, который она сама же и устроила. Своими руками…

– Я… зам…мёрзла… – Девушку бил озноб, её губы посинели и дрожали.

– Фасима! Ты что, оглохла, дрянь ты эдакая? – Женщина накинулась на вконец растерявшуюся прислужницу. – Закрой немедленно окно! Ей только простыть ещё не хватало!

Мирцея вскочила и нервно зашагала по комнате, стараясь не смотреть на белеющее на подушке лицо. На большом чайном столике строем стояли какие-то склянки и пузырьки с тёмным и светлым содержимым, чаши с отварами и коробочки с порошками. Лечение было в самом разгаре, но, судя по плачевному состоянию больной, не имело ни малейшего успеха. Женщина усмехнулась. Галиган прав – всё идёт как по нотам, и бедной вдовушке недолго уже осталось до свидания с любимым мужем.

– Да, совсем из головы вылетело! Гульмира, дорогая, я же пришла к тебе с подарком! Фасима, что ты стоишь столбом! Подай госпоже конфеты – зря я, что ли, посылала за ними к торговцу Самуму.

Фасима, с круглыми от ужаса глазами, почтительно склонилась и подала больной золотую ажурную вазочку, в которой лежало новомодное лакомство в серебристой бумаге. Гульмира из последних сил отпрянула в сторону, как будто к ней протянулась не девичья рука, а внезапно выскочившая из засады ядовитая змея.

– Милая, да что с тобой? Это же конфеты! Ты всегда их любила! Или ты думаешь, что я способна причинить вред моей дорогой сестре?! Боги Вечные и Истинные – свидетели мои! Я хочу тебе только добра и скорейшего выздоровления…

Увлёкшись своей пламенной речью, Мирцея не услышала, как открылась дверь. Заметив внезапно возникшего у кровати Лабуса,

она вздрогнула и испуганно замолчала. За спиной лекаря маячили Трокан в белом высоком головном уборе и едва не задохнувшаяся от быстрой ходьбы Насвира.

Лабус обошёл кровать и, отодвинув в сторону всё ещё стоявшую с протянутой вазочкой Фасиму, склонился к больной. В нависшей тишине стало слышно, как легонько потрескивают в камине прогорающие поленья. Лекарь разогнулся и строго произнёс:

– Я попрошу всех немедленно покинуть комнату. Мы с лекарем Троканом должны осмотреть больную.

– Но я…

Лабус резко повернул к Мирцее голову и зло зашипел:

– Никаких «но»! Все вон! Это очень срочно…

Мирцея фыркнула, выражая крайнее недовольство, и, махнув рукой прислужнице, вышла из комнаты. Повозмущавшись у дверей спальни Гульмиры – специально для ушей несущих караул Золотых Мечей и проходившего мимо Главного смотрителя дворца, – что «этим заморским коновалам только облезлых верблюдов можно доверить, а девушку они точно угробят», она гордо удалилась.

Внутри неё всё ликовало – всё получилось так, как они планировали! Ужаснувшись тому, как коварное «сияние» жестоко расправилось с молодой здоровой девушкой, Мирцея внезапно осознала, какое могущественное оружие случайно попало в её руки. И кто знает, не придётся ли применить его ещё раз…

Размышляя об открывающихся перспективах, она дошла до своих покоев и, приказав не беспокоить её ни в коем случае, улеглась на диван.

Рубелий

Девочка умирала. Лабус это ясно видел по только ему одному известным признакам, которые он замечал уже сотни раз и которые его никогда ещё не обманывали.

Оставшись вдвоём с Троканом, он отвернул край одеяла и остолбенел – в нос ударил терпкий запах свежей крови, сквозь который отчётливо пробивался тяжёлый неприятный дух гниющей заживо плоти. Под ягодицами девушки на белой шёлковой простыне расплывалось яркое красное пятно.

Насвира, заглянувшая через плечо Лабуса, в ужасе отпрянула и громко зарыдала. Звонкая пощёчина, отвешенная Троканом, остановила надвигающуюся истерику, но положения не исправила – Гульмира истекала кровью. Между её белых исхудавших ног лежал маленький безобразный комочек плоти – несостоявшийся Повелитель Нумерии.

Наставница была срочно отправлена на кухню за куском льда, а оба лекаря, споря и перебивая друг друга, принялись готовить отвар, способный остановить кровотечение. Великий посол Антубии и Главный сигурн были немедленно извещены об ужасном событии, и во дворце сразу же началась суета и беготня.

И если бы кто-то вдруг решил, что причиной этому стало искреннее беспокойство о здоровье вдовы Палия, то он был бы глубоко разочарован. Через час о бедной умирающей девочке помнили, пожалуй, только два лекаря да помогавшая им Насвира, сама с трудом переставлявшая ноги.

Весь остальной дворец гудел в предвкушении важнейшего события – заседания Большого Совета, на котором Нумерии предстояло наконец обрести нового Повелителя. И теперь уже мало кто сомневался, что им станет Рубелий. В связи с отсутствием в столице некоторых членов Совета его решено было созвать через десять дней, о чём Мустин Беркост незамедлительно известил братьев Корстаков.

Рубелий ворвался в покои Мирцеи и с грацией обезумевшего бегемота начал метаться, круша хрупкую мебель. Возбуждённо размахивая руками и брызгая слюной от избытка чувств, он подхватил на руки свою миниатюрную жену и закружил её по комнате, опрокинув высокую подставку с цветущим розовым кустом.

Горшок разбился вдребезги, засыпав землёй дорогой дастрийский ковёр, и Мирцея, собравшаяся уже открыть рот для излития праведного гнева, вдруг увидела лицо своего мужа – абсолютно глупое лицо человека, которому на голову внезапно

свалилось долгожданное, но от того не менее огромное счастье.

– Мирцея! Всё свершилось! Я – Повелитель! Ты слышишь? Я – Повелитель Нумерии Рубелий Первый!!

Жена, стараясь увернуться от его брызжущего слюной рта, пытавшегося приложиться к её губам, упёрлась руками в его широкую грудь и смогла наконец задать вопрос:

– Ну, и что за дикие крики? Не рановато ли ты устроил тут погром, мой милый? Девка, конечно, едва жива, но ведь жива… ещё…

Рубелий, опустив жену на пол и с опозданием сообразив, что она, скорее всего, не в курсе последних событий, радостно заржал:

– Да хрен с ней, с девкой! Пусть она теперь живёт себе, сколько захочет! Нету ребёночка… нету!! Скинула она этого выблядка! О-о-о-о!

Мирцея от неожиданности села на диван. Её план сработал, и она, так долго ждавшая этой минуты, вдруг растерялась. Ещё утром, подходя к комнате Гульмиры, она готовилась к длительной борьбе. И вот сейчас всё закончилось, и она могла вздохнуть свободно и заняться приготовлениями к своей новой роли – жены Повелителя.

Радость захлестнула её, полыхнув румянцем на смуглых щеках. Она смогла взобраться на самую вершину власти, преодолевая все препятствия и толкая впереди себя недалёкого и толстокожего мужа. Но без которого, и это тоже следовало признать, такой взлёт стал бы просто невозможен.

Правда, ощущение счастья длилось недолго. Ей предстояло решить ещё одну сложную проблему – выполнить данное любовнику обещание. Рубелий не отличался острым умом и врождённым коварством, но ослиного упрямства, граничащего порой с полной тупостью, ему было не занимать.

После смерти Палия Главный сигурн вначале занял нейтральную позицию, но потом, как всякий разумный и практичный человек, решил принять в споре братьев сторону Рубелия – как более явного по всем признакам претендента.

Рубелий Корстак, несомненно, был рад такому повороту – Главный сигурн всегда был фигурой влиятельной. А умный и изворотливый Главный сигурн – влиятельной вдвойне. При такой поддержке можно было сразу же заткнуть рты всем его недоброжелателям и приспешникам Грасария, если таковые рискнут образоваться. И, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, он и не подумал бы сейчас убирать Беркоста, заменив того шалопаем, имеющим весьма отдалённое представление об управлении государством.

Задача была не из лёгких, но Мирцея должна была во что бы то ни стало выполнить своё обещание. И дело тут было даже не в её любви к Галигану Освелу. Увидев сегодня умирающую Гульмиру, она страшно испугалась. Беспощадное «сияние», убивающее так жутко и так непостижимо, могло оказаться в конечном итоге и в её комнате, и в комнате её сыновей, если Галиган не дождётся обещанной должности. И ей оставалось только молить всех известных и неизвестных Богов, чтобы этот любитель женщин и прожигатель жизни до этого не додумался!

Конечно, всё следовало тщательно взвесить. Но момент был настолько удачен, что Мирцея решила рискнуть. Присев рядом и погладив по щеке утомлённого беготнёй безобразно счастливого Рубелия, она нежно проворковала, поигрывая мочкой его уха:

– Мой господин, мой Повелитель Нумерии! Рубелий Первый! Боги, Боги, как же мы долго ждали этого!

Муж удовлетворённо фыркнул и расправил обросшие изрядным жирком плечи:

– Теперь они попляшут у меня! Пусть кто-нибудь попробует только пикнуть! Уроды!

– Ты прижмёшь их всех! А кто будет недоволен – Саркел, хвала Богам, освобождается после каждого прилива… Так что места там хватит!

Рубелий довольно захохотал, притянув к себе не сопротивлявшуюся его ласкам Мирцею. Та дала волю рукам, и уже через несколько минут мужчина, давно забывший, как выглядит голая задница его жены, спустил штаны и живо пристроился к лежащей грудью на столе Мирцее, молившей только об одном – чтобы хлипкий столик не рухнул в самый неподходящий момент.

К счастью, столик устоял. И будущий Повелитель Нумерии, издав торжествующий рёв, быстренько отвалился на диван, как и был, с болтающимися у колен штанами. Мирцея одёрнула юбки и привалилась рядом, успев подумать, что так отвратительно она давно уже не трахалась. Поигрывая с быстро увянувшим орудием мужа, которое стыдно было даже представить рядом с уникальным аппаратом Галигана, Мирцея как бы между прочим произнесла:

– Грасарий уже, поди, все волосы на себе выдрал! Пусть утрётся твой любимый братик! Трона ему теперь не видать никогда! – Рубелий хмыкнул и накрыл ладонью её пальцы, мешающие ему полностью расслабиться. – Он такие планы строил, бедолага… даже доченьку свои любимую замуж отдал в семейство Либургов, чтобы покрепче привязать к себе доланита.

Мужчина чуть приоткрыл глаз и посмотрел на жену.

Сказанное тревожило его давно, лишало аппетита и не давало спать ночами. Армия была важной силой, с которой нельзя было не считаться. А её командующий Турс Либург не так давно стал близким родственником его противника. И хотя закон Нумерии о наследовании был на его стороне, Рубелий до сих пор не был до конца уверен, что вёрткий Грасарий не сможет придумать что-нибудь эдакое, чтобы перевернуть всё с ног на голову.

Мирцея, оставив в покое не оправдавшую её надежд часть тела мужа, принялась за другую, тоже никогда не отличавшуюся особой изобретательностью и изощрённостью.

– А ты слышал, что твой племянник Динарий приударил за младшей дочерью Беркоста, и, говорят, небезуспешно – девица вполне созрела и будет только рада побыстрее раздвинуть перед ним ноги…

Рубелий рывком сел и уставился на жену:

– Откуда ты знаешь? – Дыхание перехватило, и слова с трудом выдавились из пересохшей глотки.

Мирцея скривила губы. За столько лет жизни он так и не понял, что в этом дворце ей становилось известно всё.

– Птичка на хвосте принесла… Рубелий, да об этом знает каждый кухонный мальчишка!

Голова будущего Повелителя опустилась, и Мирцея почти услышала, как в ней тяжело заворочались жернова неподъёмных мыслей.

– Я одного боюсь, мой милый, что эта гадюка, которую ты сейчас на груди греешь, погубит тебя, как и Палия! – Видя, что муж усиленно пытается думать и ничего ей не возражает, женщина приободрилась. – Ты же сам слышал, как он ловко – одним словом! – отвёл смерть от своего непутёвого сынка. Хотя именно тот, я больше чем уверена, и наставил рога твоему самодовольному братцу. И Беркост знал это! Ведь Главный сигурн не мог не знать, что творится у него под самым носом!

Рубелий, окончательно выведенный из умиротворённого состояния, вскочил и, сопя и чертыхаясь, начал натягивать штаны. Завязка никак не желала пролезать в петлю, и он, призвав всех дьяволов на непонятно чьи головы, оторвал её совсем.

– Сваргова погибель! Ну, вот при чём здесь его шалопай?! Да любой отец поступил бы так же! Вечно ты к нему цепляешься… Мустин умело руководит… моим государством, и, несмотря на все чудачества покойного Палия, оно процветает! И будет… процветать.

Мирцея посмотрела на мужа как на недоумка, который рискнул выдвинуть научную теорию.

– Согласна. Процветает… сам Мустин Беркост! Да раскрой же

глаза! Таких убогих праздников и церемоний, как в последние несколько лет, я не припомню даже в те годы, когда вы воевали с пиратами Солонии! И когда невиданно холодное лето оставило без урожая всю Нумерию! И когда наводнение смыло половину городов по берегам Вананги и страну заполонил голодный и нищий сброд! А он отстроил себе новый дом – неприступную крепость, которая легко выдержит любую осаду твоего, кстати, голодающего войска!

Оставив в покое штаны, и так не собиравшиеся падать с его объёмистого брюха, Рубелий подскочил к окну и уставился на свинцовую, сливающуюся с таким же небом гладь залива. От недавнего удовольствия не осталось и следа. Как бы ему ни хотелось в это верить, в словах жены правда была. Он и сам многое видел, но за спиной брата не собирался ничего предпринимать. Вот когда он станет Повелителем…

Рубелий молчал долго. Мирцея тоже замолчала, давая мужу возможность додумать возникшие мысли, которые тягуче-медленно ползли в его голове, заполняя все имевшиеся там закоулки.

Но даже если жена и сто раз права и Мустин Беркост в связке с Грасарием становился крайне опасным, сделать его сейчас своим прямым противником было в высшей степени безрассудно. Нет уж! Вот чего-чего, а осторожности у него, Рубелия Корстака, было предостаточно!

Решив для себя, что Главным сигурном при нынешнем раскладе разумнее все-таки оставить Беркоста, Рубелий повернулся к жене:

– Змей он, конечно, и ещё какой! Но… пока он мне нужен, дорогая. Мустин слишком силён, чтобы сейчас делать из него врага.

Лицо Мирцеи оставалось бесстрастным. Она и не думала, что Рубелий так сразу решится избавиться от Беркоста.

– Он будет оставаться сильным, пока ты будешь от него зависеть. Пойми это наконец! Необходим преданный тебе, и только тебе Главный сигурн, который не станет прислушиваться к чужому мнению и будет достаточно богат, чтобы не лазить в твой карман, как последний воришка.

Рубелий удивлённо уставился на жену:

– И ты даже знаешь, кто это?

Мирцея склонила голову, всё ещё раздумывая, стоит ли произносить сейчас имя любовника, но, видя, что Рубелий заинтересованно ждёт, рискнула и как можно небрежней произнесла:

– Ну-у, если делать ставку на молодых, вполне мог бы

подойти Галиган Освел…

Буря разразилась немедленно. Рубелий начал дико орать и метаться по комнате, круша оставшуюся мебель. Одновременно он поливал жену такими отборными ругательствами, какие сделали бы честь любому портовому грузчику. Ошарашенная Мирцея, узнавшая о себе за несколько минут много нового и интересного, даже не пыталась вставить слово в этот неиссякаемый поток.

Одно стало совершенно ясно – недалёкий муж неизвестно откуда, но знал о её отношениях с Галиганом всё. Ну, или почти всё. И ему хватило терпения скрывать это, несмотря на бурливший в его душе гнев, – помощь и советы Мирцеи были несравнимо важнее пикантного семейного скандала. Да и выставленные на всеобщее обозрение рога если и не помешали бы натянуть корону на голову, то смотрелись бы весьма комично. Великое наследие Корстаков, будь оно трижды неладно!

Мирцея, слушая обвинительную речь, ругала себя не менее крепкими словами. Она, провернувшая за свою жизнь столько мелких и крупных делишек, затеявшая не одну интригу, следившая за всеми и каждым в этом дворце, попалась сама, как последняя прачка, решившая согрешить с весёлым матросиком прямо за углом кабака. Ей стало крайне интересно, кто же тот доброжелатель, выследивший Галигана, тайком приходившего в её спальню, и сообщивший Рубелию об этом. На сегодняшний день ответ на этот вопрос был крайне важен, от него теперь могла зависеть её жизнь.

Резко поднявшись с дивана, Мирцея встала перед разъярённым мужем и тихо произнесла:

– Не знаю, кто там тебе и что про меня наплёл, но всё это не более чем злобные наветы. Кто-то очень хочет нас рассорить и сделать тебя слабее и беззащитней. И я даже знаю кто! И ты ему поверил?!

Рубелий от такой наглости так и остался стоять с раскрытым ртом. Он с удовольствием поверил бы сейчас Мирцее, если б только сам, своими собственными глазами не видел, как этот жеребец Галиган забрался на его законную кобылу! Злость, долго сдерживаемая, выплеснулась вдруг наружу, и он, размахнувшись, хлестнул жену по лицу.

Не оглядываясь на упавшую женщину, Рубелий выскочил из комнаты. Постепенно остывая, он топал по коридору, направляясь к Главному сигурну – требовалось обговорить необходимые расходы на предстоящую церемонию. В душе завозился жирный червячок сомнения – не надо было ему бить Мирцею… Но он просто не смог сдержаться, вспомнив её страстные стоны… Хм-м,

а сегодня эта дрянь ни звука не издала…

Стерев кровь, сочившуюся из разбитой губы, и потрогав языком зашатавшийся зуб, Мирцея с трудом доползла до дивана. Перед глазами мелькали яркие точки, в ушах неприятно звенело. Как же ей плохо… совсем плохо… Где-то она совершила непростительную ошибку, и муж впервые за все эти годы поднял на неё руку.

Но хуже было другое. Рубелий закусил удила, и теперь станет очень сложно, а скорее всего, вообще невозможно управлять им. И все её надежды, связанные с высоким положением, могут рухнуть, так и не став реальностью.

Сжав руками виски от всё нарастающей пульсирующей боли, Мирцея застонала. Она не может этого допустить! Ни за что! Слёзы хлынули из глаз, смешиваясь с кровью, но она не вытирала их. Прежняя её жизнь закончилась, а в нынешней места Рубелию Корстаку больше не было…

Лея

Лея шла по внутреннему коридору, сжимая в руках книгу. До поворота, за которым находилась дверь читальни, оставалось всего несколько метров, когда краем глаза она заметила какое-то движение в боковом коридоре.

Сердце ухнуло в пятки, и девушка уже собралась припустить со всех ног, когда негромкий голос произнёс:

– Госпоже не понравился букет? А дворцовый садовник уверял, что лилии вам нравятся. Мошенник, однако… Ну, да ладно, завтра я пришлю розы!

Узнав голос Хайрела, Лея резко обернулась и смерила его с головы до ног возмущённым взглядом. Молодой человек стоял, опершись спиной о стену, и небрежно поигрывал шнурком от своего пояса.

– Ваш следующий букет отправится за первым! И все остальные тоже! А ещё я бы попросила вас, господин Беркост, не утруждать себя мыслями о том, что мне нравится, а что – нет!

Хайрел оставил шнурок в покое и поднял на неё свои выразительные глаза:

– Вы не поверите, госпожа Лея, но мне весьма приятно утруждать себя мыслями о вас. И я готов день и ночь только этим и заниматься.

– И совершенно напрасно! – Лея несколько смутилась от этого спокойного, обволакивающего взгляда. – С чего вы вдруг решили, что мне нужны ваши подарки?

– Они вам, может быть, и не к чему, но я по-другому не могу. Просто мне хочется сделать для вас что-нибудь приятное, госпожа…

– Неужели? Почему это? – Лея с вызовом смотрела в красивое лицо с правильными чертами.

– Потому, что я люблю вас, госпожа Лея. – Его голос дрогнул.

Лея, уже собравшаяся бросить в лицо этому красавчику какую-нибудь колкость, так и застыла с открытым ртом.

– Что вы… меня…?

– Люблю, Лея. Давно…

Девушка закусила губу, чувствуя, как жар заливает её лицо. Она была оглушена этим первым в её жизни признанием. Дартон не смел говорить такие слова, зная, что никогда не сможет изменить своему долгу. И Лея совсем растерялась. Опустив глаза, она брякнула первое, что пришло ей в голову:

– Вы всем женщинам это говорите, господин Беркост? И как вам только разрешает такое ваша невеста Бедитта! Интересно, а

ей вы тоже говорили, что любите её?

Хайрел невесело усмехнулся:

– Неужели во дворец ещё не просочились последние слухи из замка Марталя?

Лея презрительно хмыкнула:

– Не имею привычки собирать сплетни по всему Остенвилу! Мне и без того есть чем заняться.

– Конечно. Читальня здесь богатая. Но, думаю, даже последняя дворцовая прачка и та обсуждает эти новости.

Сравнение с прачкой так возмутило Лею, что она, придя наконец в себя после внезапного признания Хайрела, ехидно заметила:

– Смею вас заверить, что только последней дворцовой прачке и интересна личная жизнь Хайрела Беркоста! – И, презрительно дёрнув плечом, она развернулась и быстро зашагала по коридору, заставив теперь юношу смотреть ей вслед с открытым ртом.

Влетев в читальню и чуть не сбив с ног выходившего оттуда Лабуса, Лея извинилась и прошла к окну. Она уселась на диван и начала бесцельно листать прихваченную по пути со стола книгу.

В голове беспорядочно метались мысли, в которых Хайрелу Беркосту уделялось, на её взгляд, слишком много места. Да как он вообще смеет поджидать её в коридоре и говорить с ней о какой-то любви! Весь дворец знает, что она любит и всегда будет любить только Дартона! А этот напыщенный ценитель доступных женщин пусть дарит свои жалкие цветочки Бедитте Марталь и целыми днями плачется в её жирное плечо!

С чего бы это Хайрелу вдруг начать плакаться в плечо своей невесты, Лея додумывать не стала. Её разобрало жуткое любопытство – на что это он намекал, говоря о последних новостях о семействе Самуса Марталя, министра денежных дел?

Повертевшись у стола с новыми книжками и дождавшись, пока явится с кухни Рист, бегавший за чаем для Главного книгочея, она попросила юношу проводить её до покоев. Рист, всегда готовый услужить госпоже, всю обратную дорогу трещал про новую книгу, которую он сейчас читает: «Течения, приливы и другие явления морской стихии».

Юноша увлечённо рассказывал о разных занятных вещах, проглатывая слова и так размахивая руками, что к концу пути Лея всерьёз стала опасаться, как бы он не поджёг дворец прыгавшим в его руках факелом. У дверей спальни она поблагодарила своего провожатого и быстро шмыгнула внутрь, иначе от Риста было не отделаться.

Млава только недавно растопила камин, и поленья весело трещали, наполняя комнату живым теплом. Прислужница

расположилась в уголке дивана и, старательно шевеля губами, читала небольшую книжицу с любовными историями из жизни смелых рыцарей и прекрасных дам – пример госпожи оказался заразителен.

Лея влетела в комнату, как будто за ней гналось целое стадо диких буйволов. Она рухнула на диван и прикрыла глаза, не обращая ни малейшего внимания на озадаченное лицо прислужницы.

– Госпожа, вы как будто привидение встретили… Чево случилось-то?

Лея приоткрыла правый глаз и весело расхохоталась:

– Не привидение, а господина Хайрела Беркоста. И час назад он был живёхонек. И даже признался мне в любви… – Лея вдруг погрустнела. Как бы ей хотелось услышать эти слова от Дартона…

Млава замерла с приоткрытым ртом и выпученными глазами:

– Так прям и сказал?

– Так и сказал… Что давно меня любит. Кстати, а что там с Бедиттой Марталь? Хайрел прозрачно намекнул на какие-то слухи из её замка.

Прислужница тут же сделала серьёзное лицо, закатила глаза, но потом, не выдержав своей значимости, затараторила:

– Это ужас прям, что делается! Госпожа Бедитта внезапно оказалась сильно беременной! И это перед самой-то свадьбой! Причём господин Хайрел к этому её интересному состоянию совсем не имеет никакого отношения, вот честное-пречестное слово! Драгоценная доченька министра денежных дел, говорят, снюхалась с прислужником отца и кувыркалась с ним, пока папаша выколачивал налоги из народа!

А всё почему? Девка-то уж совсем созрела, даже перезрела, а господин Хайрел всё никак со свадьбой не торопился. Да и правда – чево в той Бедитте, кроме денег, было хорошего-то? Наша кухарка вчерась говорила, что если бы не умер наш Повелитель и свадьбу сыграли месяца три назад, то ей всё и сошло бы с рук – подумаешь, нацепил бы сразу молодой Беркост пару позолоченных рожек!

Ну, а теперь-то дело далеко зашло – пузо на лоб уже лезет! Вот папаша нашего жениха и начал задавать разные вопросы своему министру – чё, мол, да как так. А тот давай потеть и вертеться… Кухарка клялась, что три дня назад в замке Марталей такой крик стоял… как только друг дружку не поубивали…

А молодой господин, только слушок пополз, сразу же явился к своему папаше и категорически так заявил, что не собирается давать всяким худородным ублюдкам своё благородное имя! И

слышать больше ни о какой Бедитте не желает. Вот!

Млава замолчала, отдуваясь после речи, произнесённой на одном дыхании. Лея задумчиво смотрела на весёлые язычки пламени, сноровисто поглощающие сухие поленья. Всё это, конечно, было ужасно интересно, но совершенно не имело к ней никакого отношения. Хайрел Беркост – красивый и достойный молодой человек, но его сегодняшнее признание оставило в её душе неприятный осадок. Во-первых, потому, что его слова больно резанули по сердцу холодной сталью несбывшейся надежды. А во-вторых… он был в её списке. В списке самых ненавистных для неё людей!

Она вспомнила его тёмно-серые глаза и грустную улыбку, которые должна была люто ненавидеть, но с ужасом вдруг осознала, что в глубине своей души не находит этой ненависти. Есть возмущение, жалость, презрение, а ненависти нет!

Лея вскочила и заходила по комнате. Ей нужно немедленно выбросить этого Беркоста из головы, прекратить думать о нём и вспоминать его слова, жесты и взгляды! Он – её враг, и только так она может о нём думать. Лея вздрогнула, вспомнив, как давала страшную клятву убить их всех, причастных к смерти Дартона… И она сделает это!

– Ты принесла мой ужин? – Лея повернулась к прислужнице, с любопытством наблюдавшей за своей хозяйкой.

– Конечно, госпожа Лея! Как вы просили, холодный цыпленок и пирог с грушевой начинкой.

Госпожа кивнула и, невзирая на беспокоящие её мысли, плотно поужинала. Запив еду чашкой вкуснейшего травяного чая, она разделась и улеглась в постель, готовясь бороться с бессонницей. Но уже через пять минут сладко спала, положив под щёку так и не открытую книгу.

Никита

Припекало. Уже дня три, как ветер сменил направление и, разогнав серые мрачные тучи, вытащил из них яркое весеннее солнце. Никита сидел у задней двери сарая и, прикрыв глаза от слепящих лучей, блаженствовал.

Отогревшаяся муха вяло ползла по стене и глухо жужжала, пытаясь взлететь. Петух похлопал крыльями и вытянул шею, громко возвестив подопечным курам, что нашёл для них кое-что вкусненькое. Дождавшись, пока сбежавшиеся дамы активно заскребли на этом месте ногами, он неспешно отошёл в сторону, гордо неся голову с ярким гребнем.

Уже почти месяц Ник с Дартом Засоней жили здесь, в усадьбе богатого и уважаемого господина Сипуса Рагона, ведающего сбором налогов при дворе лангракса Солонии Юнария Гинратуса. Дарта, неплохо разбиравшегося в кузнечном деле, определили помощником к кузнецу Жуке, громадному хмурому мужику неопределённого возраста, по самые глаза заросшему чёрной курчавой бородой. Кожа у Жуки была тёмной и вечно лоснившейся от пота, поэтому именем его никто не интересовался – Жука, он и есть Жука.

Кузнец был молчалив и терпеть не мог кого-то чему-то учить. Его помощник обязан был наперёд знать все его мысли и, ни на секунду не отвлекаясь, улавливать всё его движения. Дарт, не привыкший к такому обращению в отцовской кузне, в первый же день схлопотал от него пару крепких затрещин, буквально на минутку отвлёкшись от процесса изготовления засова.

На Никиту господином Сипусом Рагоном вначале возлагались неясные, но вполне определённые надежды, которые он позорно не оправдал. Ещё по пути в Ундарак Морда пару раз заводил с парнишкой разговор на мучавшую разбойника тему – почему это Гростин Вунк, лодочник из деревушки на границе Унарии, так настаивал, чтобы они непременно лишили жизни именно его, хилого и невзрачного мальца Ника?

Подивившись в очередной раз глубине и безграничности человеческой подлости, Никита сначала промолчал. Но когда через несколько дней Морда опять завёл тот же разговор, обозвав его теперь сосунком и заморышем, Никита не выдержал. И вывалил ему всё про то, какой он умный, и какие сногсшибательные кирпичи он, Никита, научил делать этого бессердечного и бессовестного гада Вунка.

Морда слушал открыв рот. Что уж бандит понял об этом производстве – неизвестно, но зато он сделал совершенно

правильные и далекоидущие выводы: за этого лопоухого пацана можно получить большие деньги. Очень большие деньги!

Правда, на торгах всё прошло не совсем так, как предполагалось, и Морда, засунув в поясной кошель оставшиеся после расчета с рыночным смотрителем литы, быстренько убрался восвояси.

Топая за повозкой господина Рагона, мальчишки с интересом разглядывали город. Улицы, прямые и в большинстве своём вымощенные квадратными каменными плитами, были довольно широкими, но ужасно грязными. Жители Ундарака почему-то считали, что мусор, если его вывалить в канаву возле дома, однажды исчезнет сам, а помои, вылитые едва ли не на головы прохожих, ничуть не хуже, чем освежающий летний дождик.

Нельзя сказать, чтобы власти совсем не боролись с этим безобразием, но делали это как-то вяло, от случая к случаю, и поэтому даже главные улицы столицы Солонии напоминали помойку. С соответствующим запахом, перебивающим сильный и стойкий запах рыбы, который уж, казалось, пропитал всё вокруг.

Красивые двухэтажные дома из серого и белого камня с высокими заборами и ухоженными газонами соседствовали с бедными халупами, чьи обмазанные глиной стены грозили вот-вот завалиться. По обеим сторонам улиц расположилось множество лавок, вывески на которых пестрели красочными изображениями того, чем торговал их хозяин.

От вида нарисованных сочных окороков и колбас в животе Ника противно заурчало. Дарт, сам любивший вкусно поесть, покосился на друга и грустно ухмыльнулся. В душе он был горд своей победой – ему удалось настоять на том, чтобы они пусть и в неволе, но были вместе. А дальше будет видно…

Усадьба господина Рагона располагалась у самого подножия горы, на которой, как объяснил им возчик Ленрук, стоял замок самого лангракса Солонии, достопочтенного Юнария Гинратуса. Повозка въехала в широко распахнутые ворота, и парнишки оказались перед двухэтажным домом из светлого камня, с высокими стрельчатыми окнами, широким балконом и белыми колоннами у центрального входа.

Мальчишек отвели на задний двор и передали в руки управляющему, вёрткому мужику с огромной бородавкой на правой щеке. Управляющего звали Лирс Тумар, и при одном взгляде на недовольно-презрительную мину на его лице у Никиты возникло стойкое убеждение, что ничего хорошего им здесь не светит.

Интуиция не подвела – определили его в коровник. Никогда раньше он не видел коров так близко и теперь с ужасом смотрел

на пёстрых, шумно вздыхающих и вечно что-то пережёвывающих огромных животных с грустными глазами. При его появлении жевание на минуту прекратилось, и одна из обитательниц сарая, с белым круглым пятном на лбу, протяжно замычала, словно приветствуя нового работника.

Управляющий коротко объяснил, что теперь, если не случится никакого чуда, в его обязанности будет входить каждое утро, ещё до того как сюда явится помощница кухарки Гринда, почистить все стойла, обтереть коров чистой соломой и раздать им корм, чтобы они стояли спокойно. Ник угрюмо кивнул, даже не представляя себе, как он подойдёт к этим страшилищам.

Ещё он должен был следить, чтобы у животных в достатке имелась чистая вода, чтобы в стойлах всегда была застелена свежая солома, а вычищенный навоз аккуратно был сложен у дальних ворот. Лирс внимательно посмотрел на вконец растерявшегося парнишку и вкрадчиво спросил:

– Ты что, никогда не чистил у коров?

Никита закивал головой в слабой надежде, что ему сейчас поручат что-нибудь не такое ужасное. Управляющий хмыкнул:

– И чем же ты тогда занимался?

– В школе учился, в шестом классе. – Уже выпалив это, Никита понял, что свалял дурака.

Лирс поджал губы и, зло глянув на подростка, отчеканил:

– А ну, быстро пошёл работать! Через час проверю! И смотри мне, чтоб всё было чисто. Я, знаешь ли, с такими умниками не церемонюсь! – И с достоинством прошествовал из коровника.

Парень совсем скис. После первого же разговора с господином Рагоном на внезапное чудо рассчитывать уже не приходилось. Тот усиленно старался выпытать у парнишки секрет, на который намекал Морда, но Ник занял глухую оборону – хватит с него и одного неблагодарного лодочника! Коровник – ну, что ж, пусть будет коровник…

Никита уныло огляделся. Помещение было небольшое. С каждой стороны прохода имелось по два стойла, и из каждого торчало по одной рогатой голове, с интересом за ним наблюдавшей. В стойло вела дверца, закрытая снаружи на засов. Подойдя поближе и заглянув внутрь, Никита разглядел на передней стенке, прямо на уровне морды животного, вместительное корыто, в которое, похоже, и насыпался корм.

У задней стены сарая нашлись лопата и огромное деревянное ведро для навоза, распространяющее вокруг чудненький запашок. Поморщившись и плюнув на грязный пол, мальчик пнул ведро и тихонько выругался. Коровы повернули к нему головы, не переставая при этом жевать.

Время шло, и нужно было начинать уборку, если он не хотел обрушить на свою несчастную голову гнев управляющего. Чёрт его знает, что за наказание мог придумать этот мужик с бородавкой. «Дуля!» – Ник решил, что эта кликуха к управляющему очень даже подходит, и, воодушевившись, схватил лопату и двинулся к ближайшему стойлу. Откинув засов, он открыл дверцу и решительно шагнул внутрь.

Пёстрая корова с белой мордой шумно вздохнула, переступила на месте и вдруг пошла на Никиту, пригнув рогатую голову. Ойкнув, он бросил лопату и пулей вылетел из стойла, мигом захлопнул дверь и прижал её снаружи своим телом. Корова возмущенно мыкнула и легонько боднула дверцу. Никита нашарил засов, опустил его и без сил уселся на грязный пол.

– Эй, придурок! Ты чево, совсем не знаешь, што ли, как у коров чистят? – Звонкий голос раздался от двери сарая. Никита вздрогнул. Вихрастый мальчишка лет десяти с конопатым лицом, в короткой суконной куртке и таких же штанах, наблюдал за Никитой, привалившись к створке и ковыряя в носу.

Никита поднялся и, отряхнув штаны, буркнул:

– Совсем…

Мальчишка отлепился от двери и подошёл вразвалку, засунув руки в карманы штанов. С любопытством оглядев нового работника, он отшвырнул сапогом клочок соломы, скривил губы и поучительно выдал:

– На рога ей цепь накинь, тогда стоять смирно будет.

Только сейчас Никита разглядел, что у каждого стойла наверху была прибита длинная цепь. Он схватил свободный конец и, перегнувшись через край загородки, попытался накинуть его на голову корове. Та, обалдев от его неуклюжих действий и совершенно не желая быть привязанной, всякий раз сбрасывала цепь, слегка мотнув головой.

Мальчишка схватился за живот и хохотал как сумасшедший, чуть не падая на пол. Никита внезапно разозлился и заорал:

– Тебе тут чё, цирк бесплатный? А ну, заткнись, гадёныш! Взял бы сам да и показал, чем ржать, как скотина!

Мальчишка заткнулся и вытаращился на Никиту:

– А с чево это мне рабу помогать? Сам чисти тут говно, если не хочешь с голоду сдохнуть! Падаль…

– Ну-ка, брысь отсюда, поганец! – Громкий мужской голос заставил вздрогнуть обоих. В коровник вошёл высокий мужчина лет тридцати пяти в рубахе из серого толстого сукна, чёрных штанах и невысоких сапогах. Коротко подстриженные волосы и борода были чёрными, лишь кое-где слегка подёрнутыми сединой.

Мальчишка, мгновенно растеряв всю свою наглость и даже как-то съёжившись, прошмыгнул мимо вошедшего незнакомца и исчез за дверью.

– Ты с ним дружбу лучше не води. Редкостная дрянь. Бусином зовут, сынок нашей кухарки. Непонятно, но с чего-то вдруг решил, что его отец не кто иной, как сам господин Сипус Рагон. Хотя каждый в этом доме знает, что его мамаша нагуляла этого ублюдка с заезжим разбойником с галеры «Душечка». Пиратская галера пропала уже давно, и его папашу, дьявол ему в глотку, сейчас доедают где-нибудь крабы… Куртис. Возчик господина Главного сборщика налогов. И его охранник. – Мужчина протянул широкую мозолистую ладонь.

– Ники… Ник. – Несмотря на мгновенно возникшую симпатию к этому незнакомцу, Никита решил, что время откровенничать пока не пришло.

– Понятно. – Куртис хлопнул его по плечу и улыбнулся. – Ну, пошли, что ли. Покажу, что тут и как.

Он ловко накинул цепь на рога корове, подтянул сразу присмиревшее животное к стенке, зацепив цепь за гвоздь, взял лопату и ловко сгрёб весь навоз в ведро. Затем принёс с улицы охапку соломы и раскидал на полу. Второе стойло Никита чистил уже сам, в точности повторив все действия мужчины.

Оказалось, что всё не так уж и страшно. Не прошло и часа, как в коровнике был полный порядок. Куртис проводил мальчика к колодцу, и они вместе натаскали воды, полностью заполнив стоящие в каждом загоне низенькие деревянные чаны. Коровы косились на Никиту грустными глазами, постепенно привыкая к его ухаживаниям.

Покончив с делами, охранник уселся на стоявший тут же чурбак и принялся рассказывать Никите обо всех здешних обитателях, давая им краткие, но очень ёмкие и образные характеристики. Имён Никита запомнить сразу не смог, но впечатление о каждом ещё не увиденном жителе господского дома у него появилось.

Их милую беседу прервал управляющий, внезапно возникший в дверях. Заглянув в каждый уголок коровника и не найдя, к чему бы придраться, он степенно удалился, бросив на охранника злобный взгляд. Тот ответил ему весёлой белозубой улыбкой.

Во дворе раздался металлический звон, и Куртис сразу встал:

– На обед зовут. И опаздывать в этом доме не рекомендуется, можно и вовсе без еды остаться.

Умывшись у двери, они бодро зашагали к крыльцу небольшого одноэтажного дома, в котором жили все прислужники и работники господина Рагона. В большой комнате,

за столом из струганых досок, сидели человек десять.

Кухарка, дородная бабища с голыми по локоть белыми руками, разливала густой суп по мискам, которые её сынок расставлял перед сидящими. От насыщенного мясного запаха в животе у Никиты громко заурчало, а рот сразу же наполнился слюной.

При их появлении все головы повернулись, и десять пар глаз с любопытством уставились на мальчика. Куртис махнул Никите на свободный стул у самой двери, а сам прошёл на своё место во главу стола. Справа от Куртиса оказался пожилой седой мужчина с коротко подстриженной бородой, одетый в опрятную тёмную рубаху. Он аккуратно нарезал большими ломтями хлеб и раздавал его обедающим.

Напротив старика шушукались две девицы, обе круглолицые, конопатые, с длинными рыжеватыми волосами, заплетёнными в косы, которых Куртис метко назвал «подружки-пеструшки». Это были прислужницы жены и дочери господина Рагона. И что самое удивительное, при всей своей похожести они не приходились друг дружке даже дальними родственницами.

Следом за ними, уткнув в миску длинный прыщавый нос, сидел долговязый парень в синей куртке с серебряными пуговицами – прислужник сына хозяина. В коровнике Куртис презрительно назвал его Задницей и, плюнув на пол, добавил, что говорить о нём больше не желает.

Следующий парень, черноволосый и улыбчивый, что-то тихо говорил сидевшей напротив него молодой женщине, судя по красным рукам, местной прачке. Никита вспомнил, что парня звали Функ, а прачку – Зельма и что в следующем месяце они собрались пожениться. Если господин Рагон, конечно, даст на это своё согласие – прачка не была свободной женщиной.

Рядом с прачкой помешивала ложкой суп рыхлая губастая девица с бессмысленной улыбкой на круглом лице. Помощница кухарки Гринда. Она-то и будет по утрам доить коров, которые к её приходу должны выглядеть как фотомодели. Куртис считал, что она беременна от Хорька – истопника, дворника, а когда было нужно, и возчика. Никита в душе хихикнул – точная кличка! Мелкий остроносый Ленрук был очень похож на этого зверька.

Дверь распахнулась, и в комнату вступил огромный темнокожий мужик с чёрной кучерявой бородой, закрывавшей его лицо по самые глаза. Никита сразу понял, что это кузнец Жука, к которому и был приставлен Дарт. Сердце радостно забилось в ожидании встречи, но дверь закрылась, никого больше не впустив. Кузнец молча уселся и сразу же принялся есть из поданной Бусином миски.

Куртис удивлённо поднял брови и поинтересовался:

– А помощник твой где?

Жука не спеша прожевал кусок мяса и только потом коротко буркнул:

– Работает.

Куртис хмыкнул и зло процедил:

– Ты, Жука, не больно-то распоряжайся хозяйским добром. Хочешь парнишку голодом заморить? Смотри, не одобрит Рагон твоё самоуправство!

– Наказан он! И неча мне указывать, как мне помощников учить! Начальник тут выискался! – Жука хлопнул рукой по столу так, что все миски разом подпрыгнули. – Иди конями своими командуй!

За столом притихли. Было слышно только, как стучат ложки, вытаскивая со дна самые жирные куски. Суп был восхитительный. Никита ничуть не соврал, если бы сказал, что вкуснее ничего в жизни не ел. Хлеб оказался таким мягким, что он умял свой ломоть в мгновение ока. Желудок налился приятной тяжестью, и мальчик уже решил, что обед закончен, но кухарка, которую называли Дрюсса, открыла вторую кастрюлю, и комнату наполнил запах тушённой в сметане рыбы.

Вспоминая сейчас свой первый день здесь, Никита улыбнулся. Как же быстро бежит время! Короткую бесснежную зиму сменила весна, и днём солнце уже вовсю припекало, заставляя траву тянуться к его ласковым лучам.

Кусок свежего навоза врезался в лоб и растёкся по лицу. Ник подскочил, и всё его романтическое настроение мгновенно улетучилось. За углом раздались сдавленное хихиканье и быстро удаляющийся топот. Парень рванулся было за обидчиком, но передумал.

Чем он докажет, что это именно гадёныш Бусин залепил ему в лицо говном? Умеет, сволочь, выбирать место и время. Ну, ничего, он тоже отомстит ему когда-нибудь. И пусть эта тварь потом сколько угодно верещит и сучит в воздухе ногами – придушит падлу, и всё!

Умывшись, Никита взял вёдра и отправился к колодцу.

Туфин Бугвист

Гусиное перо легко скользило по бумаге, оставляя за собой ровные строчки с каллиграфически выписанными буквами. Туфин дописал предложение и поставил точку. Отложив перо в сторону, он задумался. За последние несколько месяцев в Нумерии произошло так много событий, что ему приходилось едва ли не каждый день делать записи в толстой книге под названием «Хроника государства Нумерия».

Вот только вчера он закончил описывать произошедшее на охоте, в результате чего их государство едва не потеряло Главного сигурна. И слава Богам, что там оказался сын Грасария, который – подумать только – в одиночку сумел вытащить сигурна из того страшного оврага, говоря о котором знающие охотники дружно качали головами.

Туфин потёр лысину. Последнее время голова стала часто побаливать, особенно если приходилось долго сидеть, выводя аккуратные строчки. Надо бы сходить к Лабусу, вдруг тот подкинет ему какой-нибудь секретный эликсир против старости. Книгочей невесело усмехнулся, поднялся и бодро прошёлся по комнате, разминая уставшие руки.

Старость… Ему всё ещё не верилось, что его возраст давно перевалил на седьмой десяток и он далеко уже не тот любознательный мальчишка, бегавший к местному лекарю за новыми книжками. В шею будто кто-то забил кол, и, чтобы хоть немного снять напряжение, Туфин резко завертел головой. В ушах вдруг противно зазвенело, перед глазами всё поплыло, и, уже падая, он ухватился за подвернувшуюся под руки стопку книг.

На грохот из дальнего угла читальни примчался Рист и, смешно причитая, забегал вокруг книгочея. Туфин, больно ударившийся при падении затылком, скривился от острой боли и тихо приказал:

– Лабуса позови…

Рист сорвался с места и унёсся, даже не сообразив перенести своего наставника на диван. Кряхтя и чертыхаясь, книгочей кое-как сел, прислонившись спиной к ножке стола, и потёр ушибленный затылок. Под пальцами наливалась приличных размеров шишка.

«Этого ещё не хватало! Вот же старый дурак! Лабус сколько раз предупреждал, что я шею беречь должен – на ней всё мое благополучие держится…» – Туфин со стоном прикрыл глаза и приготовился ждать.

У Повелителя Нумерии он служил уже лет тридцать, начав

ещё при отце Палия, Тавидии Втором, помощником тогдашнего Главного книгочея, глухого и маразматичного старика, делавшего в Главной книге порой весьма и весьма странные записи.

Старик невзлюбил его страшно, не без основания полагая, что Туфин рано или поздно займёт его пост, и тратил остатки своего разума на придумывание разных, не всегда безобидных каверз. Книгочей усмехнулся, вспомнив, как старик подлил в его чернильницу кислоту, и Туфин был страшно удивлён, когда на месте написанного накануне текста утром обнаружил сплошь дырявые страницы.

Он старался не обращать на старика внимания и полностью погрузился в изучение астрологии и истории, благо под руками было богатейшее собрание книг. Параллельно он открыл для себя алхимию, и в маленьком флигельке в дальнем углу сада частенько всю ночь напролёт из окошек лился свет.

Результатом некоторых его опытов явилось изобретение цветных чернил, и теперь в книгах заглавные буквы щеголяли в разноцветных одёжках. Эликсира молодости создать не удалось, но он был весьма близок к получению вещества, стимулирующего умственные способности. Правда, оно имело один весьма неприятный побочный эффект – полную неспособность получать удовольствие от близости с женщинами. Но подобное общение его и в молодости-то интересовало мало…

Шишка отзывалась на каждое движение головы всё нарастающей пульсирующей болью, которая становилась просто нестерпимой. «Где носит этого старого хрыча?» Книгочей был на целый год старше Лабуса, но упорно считал того старым, а себя – до сегодняшнего дня – вполне молодым ещё человеком. «Придурок… ох, и придурок же ты, Туфин. Старый безмозглый придурок…» Он поднёс пальцы к лицу и увидел, как мелко они дрожат.

Дверь распахнулась, и в комнату влетел Рист с сундучком в руках, опередив спешившего за ним Лабуса. Туфин, стараясь не шевелить головой, чтобы не вызвать новый приступ боли и подкатывающей к горлу тошноты, сварливо пробурчал:

– Ну, наконец-то… Не больно торопились, однако…

Лабус упал перед другом на колени и заглянул в его лицо, боясь увидеть там признаки внутричерепной травмы. Необычные, цвета морской волны глаза насмешливо глянули на него, и Туфин показал лекарю язык, скорчив при этом страшную рожу.

– Интересно, ты долго ещё собираешься держать меня на полу? Или тебе нравится стоять на коленях перед величайшим книгочеем всех времён и народов?

– Тьфу, балаболка! – Кряхтя, Лабус поднялся, испытывая

несказанное облегчение. Если больной шутит, значит дело не так уж и плохо.

Он кивнул Ристу, и тот, подхватив на руки не отличавшегося упитанностью Туфина, бережно уложил хозяина на диван.

Открыв свой сундучок, лекарь принялся колдовать над флаконччиками и пузырьками и, находя нужный, сливал его содержимое в серебряный стаканчик. Добавив туда ещё несколько мерзко пахнувших капель из зелёного флакона, он долил немного воды, тщательно всё перемешал и поднёс к губам больного. Туфин с трудом приподнял голову и выпил лекарство.

– Фу-у… потчуешь несчастных больных какой-то отравой… такая жуткая гадость… аж затошнило…

Лабус пристально посмотрел на друга. Тот лежал, прикрыв глаза. На его бледном осунувшемся лице выступил пот.

– Голова болит?

– Сильно… И перед глазами всё вертится…

– Терпи. Скоро должно пройти. Тебе бы сейчас неплохо поспать…

Рист промокнул лоб книгочея смоченной в холодной воде тканью и выжидательно уставился на лекаря, готовясь исполнить все его дальнейшие указания. Лабус отрицательно покачал головой, придвинул к дивану стул и уселся, всем своим видом давая понять, что он здесь надолго. И тоже прикрыл глаза.

В комнате быстро темнело, и помощник книгочея зажёг несколько свечей в невысоком подсвечнике. Он ежеминутно поглядывал на лежащего с закрытыми глазами Туфина и наконец, не выдержав гнетущей тишины, наклонился над больным, стараясь уловить его дыхание. Лабус немедленно приоткрыл один глаз и, злобно зыркнув на Риста, помотал головой.

Тот отошёл в угол и уселся там, обиженно сопя и шурша страницами какой-то книжки. Время текло медленно, как густой сироп по тарелке. Туфин спал, спокойно дыша, иногда только постанывая и вздрагивая. Спустя два часа Лабус смешал в стаканчике очередную порцию питья и легонько растормошил друга. Книгочей очнулся и заговорил:

– Шёл бы ты к себе. Ещё болит… но вполне терпимо… И хватит смотреть на меня как на умирающего… Не дождётесь…

Лабус хмыкнул и, оставив на столе несколько пузырьков и строгие указания, в каких пропорциях смешивать жидкости и когда давать лекарство больному, отбыл восвояси.

Утро наступило туманное и холодное. Рист, всю ночь проклевавший носом на стуле, сладко потянулся, зевнул и занялся камином. Уже через несколько минут огонь резво прыгал по сухим поленьям. Посмотрев минуту на причудливые изгибы

пламени, юноша повернулся к дивану. Книгочей проснулся и теперь с интересом наблюдал за сонными движениями помощника.

– Слушай, вы с Лабусом что, сговорились меня уморить голодом?! А ну, быстро на кухню! И тащи всё, что там найдёшь! – Последние слова были сказаны в убегающую спину мигом взбодрившегося прислужника.

Лабус заявился через час после первого удара гонга Главной пирамиды, возвестившего о начале нового дня. Лекарь застал больного во вполне приличном состоянии – умытого, сытого и полулежащего на диване с новой книжкой в руках.

– Припёрся, старый безбожник! Не сильно-то ты моим здоровьем интересуешься… Или у тебя и без меня, несчастного, работы невпроворот?

– Уж чего-чего, а в последнее время скучать не приходится. И в моей помощи нуждаются не одни такие старые развалины, как ты! – Лабус тщательно ощупал шишку на затылке книгочея, затем внимательно посмотрел на его зрачки и, удовлетворённо хмыкнув, продолжил: – Сам знаешь – сколько больных, столько и болезней, но у меня всё никак не идёт из головы смерть Гульмиры.

Туфин поднял на лекаря глаза. Лицо книгочея стало вдруг необыкновенно серьёзным, а от его всегдашнего лёгкого подтрунивания не осталось и следа.

– Да-а, её странная смерть на фоне такой цветущей молодости и крепкого здоровья меня, признаться, тоже сильно удивила. Я не так силён в лекарской науке, как ты, но кое-какие знания в своё время тоже получил. И ты прекрасно знаешь, что любые упоминания о болезнях и о том, чем они вызываются, всегда занимали моё внимание.

Лабус уселся на стуле поудобней и с интересом уставился на книгочея. Они дружили уже много лет, и если тот вдруг начинал говорить так серьёзно, к нему стоило прислушаться. Туфин подозвал помощника, указал ему на самую верхнюю полку в дальнем конце комнаты и назвал книгу, которую следовало найти. Глядя на ёрзавшего в нетерпении лекаря, он выдержал паузу и продолжил:

– Однажды мне попалась занятная книжица. Это было очень давно, но я как раз вчера, незадолго до того, как приложиться к полу своей гениальной головой, вспомнил её название. «Удивительные приключения в землях Энтопии, записанные мореходом и путешественником Урлимом Тестом в благословенные годы правления Свардана Справедливого из рода Лунтов». Уф-ф, паршивец! Это надо ж так было назвать книгу!

Лабус нервно барабанил по столу пальцами, в глубине души костеря книжного червя за ненужные подробности. Да дьявол её раздери, эту Энтопию! Вместе со Сварданом, который был не таким уж и справедливым…

– Так вот, этот Урлим Тест, исколесив вдоль и поперек Энтопию, добрался до Туманных гор, которые располагались на самом юге, и где у тамошнего правителя имелись алмазные копи. Это шахты по-нашему. И там Урлим совершенно случайно узнал, что пять лет назад, в ужасный год Белой Тигрицы, рабы в одной из этих копей дорылись до странного белого камня, светящегося в темноте.

Вначале на него не обратили никакого внимания – ну, камень и камень. Но потом с рабами, спускавшимися в эту шахту, стали твориться ужасные вещи. Один за другим они умирали в страшных муках. Ещё недавно крепкие мужчины слабели, бледнели, их волосы начинали вылезать клочками. Потом у них открывалась кровавая рвота, и рабы замертво падали, едва выбравшись из проклятой копи.

Лабус вцепился в свой крючковатый нос, снова подвергая его риску быть оторванным напрочь. Глаза лекаря горели, он затаил дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Вот такая весёлая история… Тебе это ничего не напоминает? – Задав вопрос, Туфин улыбнулся и глянул на друга абсолютно невинным взглядом.

Тот подскочил и забегал по комнате. Его серый балахон метался за ним следом. Запустив пальцы рук в свою ещё удивительно густую шевелюру, Лабус напряжённо молчал, обдумывая услышанное.

Рист спустился наконец с книжкой и, сдув с неё пыль, почтительно протянул книгочею. Тот полистал пожелтевшие страницы и, победно вскинув руку, радостно провозгласил:

– Вот, что я говорил! Читай, читай, старый брюзга! И только попробуй ещё раз сказать мне, что я не гений!

Лекарь выхватил у него книжку и уткнулся в открытую страницу, не преминув пробурчать:

– Ещё раз так треснешься башкой, вылетят на хрен все твои уникальные мозги… пень трухлявый…

Чтение длилось недолго, и Лабус громко захлопнул книгу, выпустив облачко пыли. Помолчав минуту, он хрипло выдавил:

– И что ты… об этом думаешь?

– Только то, что Гульмира умерла не сама. Ей помогли.

– Кто?

Туфин погладил свою ухоженную бородку и задумчиво произнёс:

– Не знаю. Пока… не знаю. – И совсем уже тихо добавил: – Но одно могу сказать совершенно точно – зверь вырвался на свободу. И он не насытится кровью одной только этой девочки…

Эльма

С утра ярко светило солнце, но к полудню небо начало затягиваться наползающими с моря тучами. «Ветер с юга… Он никогда не приносит ничего хорошего…» – Эльма стояла у окна на верхнем этаже богатого постоялого двора в Корабельном конце Остенвила.

Комната была заставлена красивой мебелью и увешана чудесными гобеленами, а на полу лежал великолепный митрийский ковёр, достойный быть потоптанным ногами господ самого высокого ранга. «Например, матери нового Повелителя», – Эльма грустно улыбнулась. Пора было собираться на церемонию. Она подошла к зеркалу и поправила свои прекрасные волосы, уложенные прислужницей в простую причёску, украшенную единственной ниткой крупного белого жемчуга.

Даже ради такого праздника она не собиралась изменять своей давней привычке одеваться во всё чёрное, правда, сегодня вместо обычного платья из тонкой шерсти на ней был роскошный наряд из струящегося шёлка с атласным корсажем, украшенным россыпью жемчужин. Из зеркала на неё смотрело усталое лицо далеко не юной женщины, посвятившей всю свою жизнь одной цели – привести к власти сына. Любимого сына… И тот день, когда всё должно было решиться, настал. На обычно бледных щеках Эльмы горел яркий румянец, глаза болезненно блестели.

За долгую дорогу из Ундарака она раз сто повторила речь, которую собиралась произнести на сегодняшней церемонии, пытаясь сделать её краткой и убедительной. У нее был только один шанс, и она во что бы то ни стало должна добиться успеха. Сын всячески отговаривал Эльму от этой поездки, весьма скептически относясь к самой идее, но женщина была непреклонна.

Не желая слушать никаких разумных доводов Юнария, она твердила одно: именно сейчас у них появилась долгожданная возможность заявить свои права на трон. И если они её упустят, то второй такой случай вряд ли представится. Юнарий сдался, когда из Остенвила прибыл очередной соглядатай и объявил точную дату церемонии восхождения на трон нового Повелителя – в праздник Пришествия Весны, день начала новой жизни и возрождения природы.

Гонг на Большой пирамиде прозвенел четыре раза, возвещая жителям столицы Нумерии, что церемония в Большом Зале дворца начнётся через час. Пора…

Накинув на плечи лёгкую шубку из почти невесомого чёрного

блестящего меха, Эльма решительно вышла из комнаты и спустилась на первый этаж, где сидевшие за столами люди проводили её любопытными взглядами. Сев в ожидающую её повозку с гербом лангракса Солонии – огромный золотой спрут в синем море, она отправилась во дворец.

Распахнутые главные дворцовые ворота безостановочно втягивали в себя бесконечную вереницу нарядных повозок и гарцующих верхом богато одетых всадников, разряженных не хуже своих спутниц. За последние полгода это было уже третье грандиозное событие во Дворце. Правда, самое первое – провозглашение Наследника – прошло не совсем так, как следовало, зато разговоров и сплетен после него хватило на добрых три месяца.

Сегодня никаких неожиданностей не планировалось. Даже последнему дворцовому поварёнку было понятно, что по Закону единственным претендентом является Рубелий Корстак. И больше никто. Но унылая рожа его брата Грасария стоила того, чтобы провести пару часов в душном зале.

Повозка медленно въехала в длинную аллею, усаженную ещё голыми в это время года деревьями и причудливо подстриженными вечнозелёными кустарниками. На воткнутых в землю шестах развевались разноцветные флаги с гербами всех знатных семейств Нумерии. Не найдя своего, Эльма усмехнулась – Остенвил и не подумал приглашать их на эту церемонию. Забыли… Ну, ничего, сегодня она им напомнит…

Её повозка остановилась у главного входа, и Золотые Мечи распахнули дверцы. Растерявшийся Главный распорядитель с бегающими глазками бросился к ней и, заикаясь и путаясь в словах, неуклюже выразил «искреннюю радость от присутствия столь высокой гостьи на нашем торжестве».

Эльма выслушала его, поджав губы, и уже собралась прервать не в меру разговорчивого господина, как тот был беззастенчиво остановлен. Выступивший из-за его спины молодой писец, вносивший всех прибывающих в толстую книгу, громко и нагло заявил:

– Как прикажете указать имя гостьи?

Распорядитель изменился в лице и уже открыл рот, чтобы отчитать невежу, как Эльма мягко произнесла:

– Госпожа Эльма Гинратус, мать лангракса Солонии Юнария Гинратуса. Запомни это хорошенько, писец. – И с гордо поднятой головой вошла в огромные двери.

Она никогда раньше не была во Дворце, и его роскошь должна была бы поразить её воображение, если бы только женщина замечала эти великолепные гобелены, картины, изящ

ную мебель и дорогие ткани, огромными полотнищами стекавшие по стенам и массивным колоннам.

Следом за другими гостями Эльма поднялась по огромной лестнице на второй этаж, попав на галерею, где искусными садовниками был устроен великолепный зимний сад со множеством цветущих растений, наполнявших воздух сладким ароматом.

Войдя в распахнутые двери Зала, у которых застыли два красавца в белоснежной парадной форме с золотыми мечами у левого бедра, женщина огляделась. Ни одного знакомого лица. Боги, Боги! Дочь лангракса, обязанная вращаться в самых высоких кругах государства уже по одному праву своего рождения, Эльма прожила почти всю жизнь, не покидая пределов Солонии. И сейчас, когда наступил главный день её жизни, она оказалась здесь абсолютно одна, не имея в этом зале ни одного друга или просто знакомого… «И, надеюсь, ни одного врага…»

Со всё возрастающим волнением разглядывая окружавшие её весёлые, сумрачные, равнодушные, радостные, скучающие или серьёзные лица, Эльма впервые начала понимать, о чём три недели назад твердил ей сын – никто из этих господ не будет в восторге от того, что она хочет им предложить.

Даже если Рубелий со своим взрывным и скверным характером устраивал здесь далеко не каждого, но это был их Рубелий! А что за птица окажется этот Юнарий, проживший все свои тридцать пять лет в пиратской Солонии, с её непредсказуемым народом и суровыми законами? Разве кто-нибудь станет добровольно рушить свой устоявшийся мир ради чего-то неизвестного, грозящего обернуться сущим кошмаром? Едва ли, если он дружит с головой, конечно…

Эльма начала нервничать. Её уверенность, ещё такая незыблемая утром, начала заметно таять. Она прошла в задние ряды гостей и замерла там с побледневшим лицом, ловя на себе удивлённые и любопытные взгляды окружающих.

Зал постепенно заполнялся пёстрой гомонящей толпой. Женщины, увешанные с головы до ног драгоценностями, бросались друг к другу с умильными поцелуями и объятиями и тут же начинали весело трещать, обсуждая последние сплетни Остенвила, чужих любовников и наряды присутствующих дам. Более сдержанные и менее многословные мужчины стояли маленькими группками, красуясь в великолепных одеждах и выставляя напоказ богато украшенное оружие.

Послышался звук трубы, и на помост ступили все мужчины рода Корстаков, за которыми последовали Главный сигурн и остальные члены Малого Совета. Главный судья Нумерии, по

случаю торжества одетый в пурпурную мантию, отделанную драгоценным мехом редчайшей белой куницы, с толстой золотой цепью на шее и с Большой судейской печатью – знаком его высокой должности, – занял место впереди всех.

Дождавшись, пока шум в Зале стихнет, он окинул присутствующих взглядом блёкло-серых глаз, почти утонувших в болезненных мешках на бледном одутловатом лице. Кашлянув, судья высоким голосом возвестил:

– Досточтимые и высокородные господа хранимой Богами благословенной Нумерии! Сегодня, в первый день 558 года от воцарения Первого властителя Нумерии, мы собрались здесь для того, чтобы возвести на трон нового Повелителя нашего государства, достойного представителя благородного рода Корстаков, разумно правящих нашей страной уже вторую сотню лет! И по Закону о наследовании трона, имущества и долгов предков, следующим Повелителем Нумерии я должен объявить первого Наследника трона, любимого Богами и уважаемого людьми… Рубелия Корстака!

По залу пролетел тихий удовлетворённый шёпот. Весьма утомлённый сей торжественной речью, Аврус Гентоп вытер свою обширную лысину платком, извлечённым откуда-то из недр мантии, и, глубоко вздохнув, продолжил:

– Повинуясь древнему обычаю Нумерии, восходящему ко временам первых Правителей, я должен спросить почтенных граждан, представляющих все ланы нашей достославной страны. Если кто-то из вас знает причину, по которой Рубелий Корстак не может сегодня стать Повелителем Нумерии, пусть выйдет вперёд и перед всем народом и Малым Советом скажет об этом. Если же он не сделает этого сейчас, то пусть молчит вечно, иначе будет признан изменником и предателем, достойным смерти.

Толпа слегка заволновалась, по ней прокатился сдержанный гул. Древние слова падали на каждого тяжёлым грузом, придавливая к земле и заставляя почувствовать, какая несгибаемая воля должна быть у того, кто рискнёт поведать миру о столь страшной тайне. О наследнике династии собравшиеся знали немало, но ничего из его «подвигов» не подходило под категорию, делающую невозможным его восхождение на трон: Палий, будучи Повелителем, вытворял и не такие чудеса.

Главный судья, выждав приличествующую моменту паузу, во второй раз произнёс необходимые слова – впрочем, совершенно не ожидая на них какого-либо ответа. Но ритуал, неизменный уже много веков, требовал к себе уважения.

Рубелий Корстак обильно потел в своём торжественном наряде из тёмно-синего шёлка с золотым шитьём по груди и

рукавам камзола. Тугой белый воротник удавкой сжал шею, и ему безумно хотелось разодрать его руками и вдохнуть наконец полную грудь воздуха. С утра его снова мучили головная боль и ощущение разбитости, преследовавшие его последние недели. С раздражением выпив поданный Лабусом мерзкий отвар, он с удовольствием подумал, что завтра же, после никому не нужной нуднейшей церемонии, отправится на охоту и сбросит с себя эту одуряющую скуку.

Внезапно он поймал взгляд Мирцеи. Внимательный, изучающий взгляд. «Добилась своего, жёнушка любимая! Дорвалась до власти!» – Рубелий усмехнулся. В последнее время он почти не видел жены, да и не испытывал ни малейшего желания видеть её после той безобразной сцены, когда он не сдержался и вышел из себя. Ну, ничего, зато почувствует, кто здесь Повелитель, сучка!

Аврус Гентоп в третий и в последний раз произнёс установленную фразу, и зал радостно зашумел, предчувствуя окончание церемонии и начало пира. Судья обвёл безразличным взглядом толпу, протёр в очередной раз лысину и уже открыл рот, чтобы произнести последние, самые главные слова, как из задних рядов раздался женский голос:

– Я… я знаю причину! – Голос слегка дрожал, но звучал весьма решительно.

Шум мгновенно стих. Все головы разом повернулись в сторону немолодой высокой женщины с худым красивым лицом и лихорадочно блестевшими глазами.

С удивлённым шёпотом толпа начала расступаться, и женщина медленно пошла вперёд, туда, где на возвышении в молчаливом изумлении застыли мужчины. Она остановилась напротив Рубелия, буравившего её злым взглядом, и замерла.

Главный судья, несколько растерявшийся от столь непредвиденного хода событий, быстро пришёл в себя. И, придав лицу суровое выражение, строго спросил:

– Назови себя, женщина! И изложи причину! Надеюсь, она достаточно весома, чтобы присутствующие уделили ей внимание…

Эльма вскинула голову и отчеканила, глядя в глаза Рубелию:

– Меня зовут Эльма Гинратус. Я дочь бывшего лангракса Солонии Кэстрола Сардивана и мать нынешнего лангракса Юнария Гинратуса!

Зал зашумел. Долгие годы никто из этой семьи не появлялся в Остенвиле из-за давней вражды с Повелителем.

Решительно тряхнув головой, женщина продолжила, не обращая на шум ни малейшего внимания:

– Я пришла сюда заявить права своего сына Юнария на трон Нумерии!

Толпа вдохнула и застыла, забыв выдохнуть. В наступившей тишине стало слышно, как упал на пол чей-то веер.

Первым от потрясения оправился судья. Потянувшись в очередной раз к своей лысине, он вдруг резко отдёрнул руку и, злобно вращая маленькими глазками, заорал на Эльму:

– Ты сама понимаешь, женщина, о чём говоришь? Или в твоей убогой Солонии совсем забыли, что существует Закон о наследовании? И когда дело касается трона, этот закон весьма и весьма строг!

Не обращая никакого внимания на брызжущего слюной судью, Эльма пристально смотрела на Рубелия, на глазах бледнеющего и покрывающегося холодным потом.

– Ты помнишь меня, Рубелий Корстак? – И, не дождавшись ответа, продолжила: – Вижу, что помнишь. Хотя я сильно изменилась и уже мало напоминаю ту шестнадцатилетнюю девушку, которой была тридцать шесть лет назад. И тебе, несомненно, известно, какие отношения были у нас с Палием в те дни, когда вы со своим дядей Виларием находились в нашем замке с поручением. Перед всем собравшимся здесь народом я признаюсь в своей любви к Палию и в своём падении, плодом которого стал наш сын Юнарий, первый Наследник трона Нумерии!

Зал выдохнул. В поднявшемся шуме невозможно было разобрать ни одного слова.

– Да, я помню тебя, Эльма! Ты была красивой девушкой, дочерью знатного господина. И, если верить твоим словам, оказалась такой же… шлюхой, как и все бабы! – Голос Рубелия прорезал гул голосов, заставив всех затихнуть. – Даже… если ты и переспала тогда с моим братцем, с чего это ты вдруг решила, что все мы должны сейчас поверить, что твой ублюдок от него? Ты ведь была долго и счастливо замужем за каким-то торгашом… Не его ли сынка ты нам пытаешься подсунуть?

Главный судья торопливо вставил:

– Если каждая баба, с которой переспал Палий, начнёт тут предъявлять его детей, то мы и за месяц не определимся с Наследником! У тебя есть какие-то серьёзные доказательства, Эльма Гинратус?

– Конечно. – Женщина скривила в усмешке тонкие губы. – У меня есть доказательства.

Из складок чёрного платья появился свёрнутый лист бумаги, который она передала шагнувшему к ней Золотому Мечу.

– Это же подделка! – Не найдя на бумаге печати и подписей,

Главный судья расцвёл в радостной улыбке.

– Нет. Это копия того документа, который остался в Солонии. Не думаете ли вы, что я настолько глупа, чтобы отдать вам сейчас подлинное соглашение? – Эльма впервые улыбнулась. – Читайте же, пусть все его услышат!

Главный судья пробежал глазами по строчкам, и его одутловатое лицо пошло красными пятнами. Зал зашумел, требуя огласить написанное. И Аврус Гентоп, бросив косой взгляд на Рубелия, начал:

– «Сим соглашением я, лангракс Солонии Кэстрол Сардиван, удостоверяю, что Пунис Гинратус, почтенный и уважаемый торговец Солонии, добровольно и с любовью берёт в жёны мою дочь Эльму и обязуется признать своим её будущего ребёнка, никогда не ограничивая его в правах наследования. И если родится мальчик, обязуется не препятствовать его притязаниям на трон Нумерии, ибо его настоящим отцом является Наследник трона Палий Корстак».

Последние его слова утонули в невообразимом шуме, захлестнувшем Зал. Мужчины и женщины кричали, размахивая руками, и было совершенно непонятно, кто и что пытается кому доказать. Члены Малого Совета сбились в плотную кучку, что-то бурно обсуждая. Во всей этой кутерьме невозмутимыми оставались только Эльма и Золотые Мечи, хотя последним спокойствие давалась всё сложней.

Наконец от совещавшейся кучи отделился Главный судья и, стараясь перекричать возбуждённую толпу, обратился к Эльме:

– Как главный блюститель Законов Нумерии, я не могу принять во внимание эту подделку без предъявления настоящего документа! Есть ли у тебя, Эльма Гинратус, другие доказательства права твоего сына на трон?

Женщина кивнула. Шум вокруг постепенно стих, и в наступившей тишине она объявила:

– В «Книге записей рождений Солонии» есть запись о дне и часе появления на свет моего сына. И если сверить её с хранящейся в вашей читальне «Хроникой государства Нумерии», то станет очевидным, что Юнарий родился ровно через девять месяцев после визита Палия в наш замок.

– Запись можно подделать, для мастера раз плюнуть. И это всё, женщина?

Бледное лицо Эльмы порозовело.

– Теперь мне понятно, насколько законно и справедливо правосудие в вашем государстве! Мы в Солонии не опускаемся до подделок и подлогов! К счастью, ещё жива повитуха, принимавшая у меня роды, и она сможет подтвердить дату

рождения моего сына.

Рубелий, начавший приходить в себя, нервно хохотнул:

– И сколько же лет этой карге? Голову даю на отсечение, что не меньше семидесяти!

– Ты прав, не меньше. Но её разум не уступает молодому…

– Ты и вправду считаешь, женщина, что члены Большого Совета поверят бредням выжившей из ума старухи, которая с трудом уже вспоминает, для чего существует ночной горшок? Долго ты ещё собираешься нас морочить своими сказками?

Эльма повернулась к толпе и звонко выкрикнула:

– Благородные господа Нумерии! Вы своими глазами видите, как эти люди пытаются лишить вас законного правителя! Я предоставила доказательства! Любого из них было бы достаточно, чтобы признать моего сына Наследником. Но у меня есть ещё одно, главное доказательство. И увидев его, вы… – её палец ткнул в сбившийся в кучу Малый Совет, – уже не сможете сказать, что оно – подделка!

– Так предъяви его. – Голос Рубелия предательски дрогнул. – Давай, мы все с нетерпением ждём…

Эльма вскинула голову и, повернувшись, посмотрела ему прямо в глаза:

– Это мой сын Юнарий! Но… его здесь нет.

Несколько секунд стояла мёртвая тишина. Потом в задних рядах кто-то придушенно хихикнул, сдавленно кашлянул, и уже через минуту весь зал бешено хохотал. Истерика длилась недолго. Рубелий, стерев выступившие слёзы кружевным платком, шумно высморкался и скомандовал:

– Взять эту ведьму! В Саркел её! До дальнейших разбирательств пусть там посидит! Да поживей, главные блюда уже стынут!

Два Золотых Меча подхватили Эльму под руки и, пресекая всякое сопротивление, повели через расступающуюся перед ними толпу. Повернув к Рубелию искажённое яростью и ненавистью лицо, женщина выкрикнула:

– Ты очень скоро пожалеешь о своём решении, Рубелий Корстак! Очень скоро пожалеешь! Остановись, не навлекай не Нумерию страшную беду!

– Иди, иди, ведьма! У тебя будет много времени подумать о той беде, которую ты сама навлекла на себя! Одно славно – повеселила ты нас, разбавив эту кислую церемонию!

– Будь ты проклят, Рубелий! И все твои потомки! – Слова донеслись от самой двери, и будто холодный ветерок пронёсся по залу, сметая с лиц улыбки и заставляя мужчин и женщин вздрогнуть под своими нарядами.

Рубелий хмыкнул и кивнул Главному судье, который вдохнул побольше воздуха и произнёс наконец главные слова:

– Да здравствует Повелитель Нумерии Рубелий Первый!

Кшыстя

Девчонка быстро бежала, неуклюже выбрасывая вперёд худые голенастые ноги в старых стоптанных башмаках. Её густые светлые волосы, стянутые на затылке в хвост, растрепались, в огромных ярко-голубых глазах плескался страх. К груди она прижимала небольшую краюшку хлеба, которую стянула у зазевавшегося булочника. За ней, гулко топая и шумно отдуваясь, бежал рыхлый неуклюжий парень в серой рубахе и фартуке, перепачканном мукой.

Голод и отчаяние гнали девчонку вперёд. И преследователь, понимая, что уже безнадёжно отстаёт, остановился и, подхватив с земли увесистый камень, запустил им в спину воровке. Но то ли никогда раньше бросать камни ему не приходилось, то ли счастье было сегодня на стороне беглянки, но булыжник просвистел у неё над самым ухом, не причинив ей ни малейшего вреда. Грязно выругавшись, помощник булочника развернулся и зашлёпал назад, что-то сердито ворча под нос и размахивая руками.

Никита с Дартом проводили взглядами скрывшуюся за поворотом девчонку. Было в ней что-то такое, почти неуловимое, что заставило Никиту внутренне напрячься. Она была какая-то… необычная. Совсем не похожая на всех встречавшихся ему здесь девчонок. И дело было не в близко посаженных глазах цвета летнего неба, и не в курносом носе, щедро обсыпанном мелкими веснушками, и даже не в худой грязной шее или в пухлых губах слишком широкого рта.

Дарт толкнул его в бок. И правда, управляющий послал их на рынок за дёгтем для смазки колес, а они стоят посреди дороги и, открыв рот, наблюдают за наглой воровкой, стащившей у почтенного булочника его товар. Ник ещё раз бросил взгляд на проулок, куда скрылась девчонка, и потопал вслед за другом. Вокруг шумела торговая улица Ундарака, ведущая прямо к рынку, где ежедневно десятки торговцев выставляли на продажу всё, что требовалось жителям столицы Солонии.

Подойдя к распахнутым воротам, Никита поёжился – два месяца назад они и сами были товаром. Но грустные воспоминания здесь никого не интересовали – ныть и жаловаться было не принято. Да и кому он мог пожаловаться?

Заплатив за вход один дарк, ребята прошли в ворота и, повернув направо, начали проталкиваться в задние ряды, где облюбовали себе место продавцы колёс, бочек, гвоздей и прочего железного скарба. Дарт уверенно протискивался сквозь толпу, почти на голову возвышаясь над большинством покупателей.

Никита изо всех сил старался не отставать. Девчонка никак не шла из головы, и он уже почти ухватил за хвост вёрткую неясную мысль, как его имя, громко произнесённое рядом, заставило парнишку вздрогнуть и остановиться.

Слева от него, вытаращив глаза и открыв рот, стояла бывшая жена «убитого» им Одноухого Дрона. Рядом с ней застыли двумя столбиками её сыновья, Буст и Тул, с непередаваемым выражением ужаса на озорных физиономиях. Никита чуть не подпрыгнул от неожиданности. Кого-кого, а уж давних знакомых он здесь увидеть никак не ожидал! Заорав так, что Дарт ломанулся обратно, он кинулся к Феоне, сжал оторопевшую торговку в объятиях и начал забрасывать её вопросами.

Подбежавший Дарт был удивлён и обрадован не меньше. Он стоял, молча хлопая глазами, и жадно слушал, о чём тараторили Ник с Феоной. Женщина привезла на продажу мёд в маленьких бочонках и чистейший воск в круглых чурочках, уложенных друг на друга высокой пирамидой. Торговля шла бойко, и пока они с Феоной обсуждали последние новости Гудвуда и судьбу Никиты, Буст с Тулом распродали чуть ли не половину товара, ссыпая звонкие монеты в кошель на поясе матери.

Домой Феона собиралась везти купленные здесь же сушёные фрукты, шёлковые ткани и экзотические приправы, чтобы с выгодой продать всё это добро в Унарии. Окончательно придя в себя, она сообщила, что в Гудвуде их всех считают погибшими в том страшном пожаре, устроенном проклятыми шаванами, от которого выгорела добрая половина города. Её харчевня уцелела чудом – почему-то пожар сам собой остановился через два дома от неё.

По этому поводу Феона не преминула принести Богам достойные дары, и те теперь её не забывают. Мало того что харчевня даёт ей приличный доход, так она ещё и замуж вышла за очень уважаемого господина Багга Звира, торговца тканями. Он потерял в том пожаре дом и семью, но сохранил, хвала Богам, увесистую кубышку с золотыми литами. Да вот и он сам!

Господин Багг, невысокий коренастый мужчина с заметным брюшком и окладистой чёрной бородкой, подошёл к Феоне и настороженно оглядел её собеседников. Жена в двух словах рассказала ему, откуда она знает этих ребят, и в глазах торговца засветилось узнавание. Оказалось, что он хорошо был знаком с отцом Дарта, рыжим кузнецом Нортом, и даже приходился каким-то очень-очень дальним родственником его жене, матери мальчика.

Но все надежды Дарта сразу же рухнули, едва он набрался смелости намекнуть, что родственник, пусть даже и такой

дальний, мог бы помочь ему выбраться из неволи. Господин Багг, отведя в сторону глаза, сразу же перевёл разговор на тяжёлую жизнь погорельца и страшную голодную зиму, настигшую Гудвуд ко всем его прочим несчастьям.

Феона, не будучи ничьей кровной родственницей, тем ни менее прониклась к ребятам большим сочувствием и пообещала после окончания торговли посетить их хозяина и узнать условия их освобождения.

Вспомнив наконец, ради чего они оказались на базаре, друзья тепло распрощались с земляками и протолкнулись к продавцу дёгтя. Расплатившись за маленький бочонок, они ухватились за его ручки и заторопились в обратный путь.

Дарт всю дорогу молчал, что-то обдумывая, и, только поравнявшись с улицей, в которую шмыгнула убегавшая девчонка, остановился и мрачно заявил:

– Врёт она всё! Ни к какому хозяину она в жизни не пойдёт! Какая мы ей, к дьяволу, родня, чтобы отдавать за нас такую уймищу литов! Да на такие-то деньжищи запросто дом можно купить или хорошего коня с повозкой… Не-е, точно не пойдёт!

Никита был того же мнения, но первым заводить разговор не стал – зачем разочаровывать друга? С чего бы это Феоне раскошеливаться? Хотя, если разобраться по совести, должок-то за ней был… Правда, кому теперь интересно, что золотой дождь пролился на её голову только потому, что именно Никита рассказал всем об убитом Дроне… Ну, не он, так кто-то другой когда-нибудь нашёл бы её пропавшего муженька… Ага, только хрен бы чего ей тогда обломилось…

Они уже собрались продолжить путь, как из улочки, как ни в чём не бывало, вывернула вороватая девчонка и, гордо задрав нос, прошествовала мимо. Она почти миновала мальчишек, когда Никита вдруг сообразил, что в этой девчонке было не так. Хвост! С белой пушистой резинкой! Эту незамысловатую причёску, с которой щеголяла в его классе каждая вторая девчонка, здесь он не видел ни у одной представительницы слабого пола. Да ещё с такой завязкой!

– Эй, погоди! – Ник опомнился и закричал в спину уходящей.

Та вздрогнула, как от удара и, втянув голову в плечи, ускорила шаг.

– Да, погоди ты! – Парень оставил Дарта и рванул следом. – Стой же! Стой, кому говорю!

Она попыталась удрать, но Никита был пошустрее её утреннего преследователя. Быстро догнав, он схватил беглянку за рукав и дёрнул, заставляя остановиться.

– Тебе чего надо? Я тебя не знаю! Отвали, придурок! –

Девчонка заверещала, как сорока, пытаясь вырвать руку. Голос был высокий, и она как-то странно выговаривала слова, словно в каждом из них было сразу по нескольку шипящих звуков.

– Да не шипи ты, как змеюка! Я же просто спросить хотел. – Никита отпустил её руку, надеясь, что та не попытается снова удрать. – Ты здешняя?

Девочка оценивающе смерила взглядом Ника и стоявшего вдалеке Дарта, сощурила свои удивительные голубые глаза и, отрицательно помотав головой, добавила для полной убедительности:

– Нет.

Это «нет» у неё получилось, как «нешт».

– А откуда ты?

Девчонка округлила глаза и ещё сильней замотала головой.

– Из Болотной Пустоши? Из Ланджлании? Из Митракии?

Но та мотала головой, не переставая. Никите это быстро надоело, к тому же, он уже исчерпал все свои познания о географии Нумерии.

– Да ты можешь толком сказать? Чего затрясла башкой, как дурная корова?!

Девчонка на «корову» сразу обиделась, надула губы и буркнула:

– Вше равно не поверишь! Из Вроцлава.

Теперь уже настала очередь Никиты мотать головой и таращить глаза. Он знал этот город в Польше, откуда был родом его прадед по линии отца. Бабка раз сто рассказывала, как тот во время войны влюбился в русскую девушку Варю, угнанную немцами на работы в Германию, впоследствии сбежавшую из подорванного эшелона и прибившуюся к их партизанскому отряду. И как после войны они вернулись в Советский Союз, и как им только чудом удалось избежать сталинских лагерей. Вроцлав, значит…

– Это… в Польше который? – Ник решил уточнить – мало ли что? Вдруг ещё где имеется город с таким же названием?

Девчонка охнула. Губы её затряслись, на глаза мгновенно навернулись слёзы.

– А… ты… откуда знаешь?

– Знаю… – Во рту вдруг пересохло. Охренеть можно! Встретить у чёрта на рогах человека из далёкого мира. Своего мира… – Давай-ка в сторону свалим.

На них стали обращать внимание, и десятки любопытных глаз уже следили за их беседой.

– Тебя как зовут-то?

Девчонка вскинула голову и прошепелявила:

– Кшыстя Бовска.

– Я Ник. А это Дарт. Это он с виду такой грозный, а так Засоня.

Дарт, озадаченный такой характеристикой от лучшего друга, возмущённо шмыгнул носом, а девчонка неожиданно улыбнулась. Её хмурое лицо сразу же расцвело, а веснушки так и кинулись с носа врассыпную.

– Жашоня! Здраво!

Ник почесал переносицу и, поглядев на друга, предложил:

– Пошли с нами. Мы и так подзадержались, точно получим от Дули выволочку. По дороге побазарим.

Кшыстя секунду подумала и согласно кивнула. Хвост уверенно повторил её движение. Пока мальчишки, отдуваясь, тащили бочонок, девчонка шагала рядом и без остановки трещала, найдя наконец благодарных слушателей.

Сюда она попала две недели назад и до сих пор сама не могла понять, как с ней такое приключилось. Ей скоро будет четырнадцать, она обычная девчонка из польского города.

Учится во втором классе сорок седьмой гимназии с углублённым изучением гуманитарных предметов. Ходит… ходила на плавание и бальные танцы, любит клубнику со взбитыми сливками и торт «Наполеон».

А тут чёрт знает, что происходит! И ей, девочке из приличной семьи – мама воспитатель в начальной школе, а папа – владелец авторемонтной мастерской, – приходится воровать хлеб, чтобы не умереть с голоду! В этом месте Кшыстя всхлипнула и замолчала, видимо исчерпав запас слов. Никита, у которого всё это время на языке вертелся один вопрос, наконец смог его задать:

– Слышь, Кшыстя, а ты по играм компьютерным прикалываешься?

Девочка удивлённо посмотрела на Ника и радостно выпалила:

– Ой! А ты правда не врёшь! Классно, что я вас встретила, а то тут одни придурки какие-то! Вылупляют на меня глаза, как на чокнутую, если про комп или сотик говорю! Слушай, Ник, а у тебя мобилка есть? Мне домой жуть как надо позвонить! Очень-очень надо! – Она с надеждой заглянула мальчику в лицо. – Мама там уже с ума сошла, наверное… – И на глазах у девчонки опять выступили слёзы.

– Нету у меня сотика! – Ник в сердцах брякнул на дорогу оттянувший ему все руки бочонок. – Тут ни у кого его нет. И телика, и радио, и даже электричества нет… Он потёр горевшие ладони. – Тут вообще ничего нет… – И, увидев, что слёзы из глаз девчонки полились ручьём, сердито добавил: – А чё рыдать-то?!

Зашибись! Ну, нет Интернета, и нет! Зато пиратов хренова туча… и работорговцев.

Вот тут-то Кшыстю по-настоящему прорвало, и, глядя, как по её грязным щекам потекли полноводные реки, Никита обругал себя самыми последними словами.

– Эй, да не реви ты! Ну, хватит! Я торчу в этой дыре уже восьмой месяц, и ничё, живу себе припеваючи… – Мальчик поймал укоризненный взгляд Дарта и решил благоразумно промолчать, что за это время он докатился до положения раба у богатого хозяина.

Кшыстя не унималась, и Никита решил подкинуть отвлекающую тему:

– Слышь, а ты совсем-совсем не помнишь, как сюда попала?

Шмыгнув носом, девчонка размазала оставшуюся грязь по щекам и искоса глянула на парнишку:

– А ты?

Поняв, что их разговор – дело совсем не нескольких минут, Никита задумчиво почесал затылок и неуверенно произнёс:

– Знаешь… тут такое дело. В поместье… ну, где мы сейчас живём, требуется помощник садовника. Может, тебя примут… тогда и поговорим обо всём.

Девчонка кивнула. Ей было абсолютно всё равно, куда идти в этой чокнутой стране. Главное, выбраться отсюда. И поскорей…

Вернувшись в усадьбу и сопроводив гостью в свои апартаменты на сеновале, Ник отправился разыскивать Куртиса. На его счастье, возчик пока был дома, собираясь в скором времени отбыть с хозяином в замок лангракса. Кшыстя немедленно была представлена пред его ясные очи. Пара вопросов и умоляющий взгляд Ника – и Куртис твёрдо пообещал сегодня же решить с господином Рагоном этот вопрос. А до той поры девчонке не следовало попадаться никому на глаза, особенно управляющему Дуле.

Загнав Кшыстю снова на сеновал и получив взбучку от кузнеца, уже заждавшегося «этих дьявол знает где болтающихся бездельников», мальчишки отправились обедать. Суп из фасоли с куриными потрошками был, как всегда, восхитительным, а вот бараньих рёбрышек Нику в этот раз отведать не удалось. Он постарался незаметно сложить их на ломоть хлеба и, завернув получившийся бутерброд в прихваченный по дороге лист лопуха, затолкал его в карман.

Девчонка спала. Сунув грязную ладошку под не менее грязную щёку, она тихонько сопела, выпустив из уголка рта ниточку слюны. Никита не стал её будить – возможно, впервые за эти дни ей удалось заснуть спокойно. Уложив еду рядом, он

спустился с сеновала и, задвинув лестницу в другой угол коровника, занялся своей ежедневной работой.

Притащив очередные два ведра с водой, Ник похвалил себя за предусмотрительность – Бусин шнырял по коровнику, заглядывая в каждый угол, и уже направлялся за лестницей, чтобы пошарить ещё и на сеновале. Поставив вёдра и отвесив Бусину звонкий подзатыльник, Ник с улыбкой уставился в наглые, злые глаза кухаркиного сына и, растягивая слова, тихо проговорил:

– Пошёл вон, гадёныш! Не хрен тут мельтешить, урод недоделанный! Ты чё, падла, не видишь – коровы тебя пугаются, надои у них падают… А ну, вали на кухню под подол к своей мамке, прыщ вонючий!

Бусин скривил тонкие губы в злой усмешке и зашипел:

– У-у-у, мразь! Падаль подзаборная! Раб проклятый! Чтоб ты сдох со своими коровами! Ну, погоди, я доложу господину управляющему, что ты тут кого-то прячешь… – И, ещё раз окинув помещение острым взглядом, он удалился, успев плюнуть Никите на сапоги.

Угроза была более чем реальной. Ник тут же помчался за Дартом, и они вдвоём, со всеми мыслимыми предосторожностями, вывели Кшыстю через задний двор в заросли орешника, растущего за оградой усадьбы. И приказали сидеть там очень тихо, пока кто-нибудь из них не явится за ней.

Куртис с господином Рагоном вернулись, когда уже давно стемнело и кухарка кормила ужином домочадцев. Ник не находил себе места от волнения, то и дело перекидываясь с Дартом многозначительными взглядами. Что там девчонка делает одна в орешнике, в полной темноте? Вдруг ей надоело ждать и она уже сбежала? Или кто-нибудь спугнул её, и ищи тогда Кшыстю в Ундараке. Никита уже раз сто обозвал себя конченым тупицей и лохом, что не спросил девчонку, где ту можно найти. Если что…

Примерно через полчаса после приезда хозяина управляющий вышел из дома в сопровождении Куртиса и подозвал к себе отиравшегося возле крыльца Никиту:

– Ну, и что за птицу ты притащил в усадьбу? Даже не посоветовавшись со мной! И с каких это пор каждый паршивый раб начал искать работников для нашего хозяина?!

Никита стоял опустив голову. Возражать управляющему было неразумно и небезопасно – Дуля был тот ещё гад и, несмотря на указания хозяина, вполне мог выкинуть какую-нибудь мерзкую штуку и добиться своего не мытьём, так катаньем.

– Да что вы, господин управляющий! Как бы я посмел без вашего ведома привести сюда кого попало! Просто нам с Дартом случайно попался очень знающий в садоводстве человек. И мы не

смогли пройти мимо, зная, что вы и господин Рагон давно ищете толкового помощника Стручку. Мы же всегда о вас с хозяином печёмся, господин управляющий!

«Чё несу-у, господи, чё несу-то? – В голове Никиты бешено металась единственная мысль, пока язык удивительно складно молотил всю эту чушь. – А если она в этом садоводстве вообще… ни в зуб ногой!? Она вроде что-то про танцы с плаванием заливала…»

Дуля поморщился, хотя такая неприкрытая лесть ему понравилась. Он небрежно махнул рукой:

– Пекутся они, бездельники! Поди такого же дармоеда припёрли, паршивцы! Ну, да ладно. Пусть приходит завтра утром, посмотрю на этого… садовода. – И величественно удалился.

Благодарно кивнув улыбавшемуся Куртису, Ник со всех ног понёсся в орешник, моля бога, чтобы Кшыстя оказалась на месте. Стучавшая зубами от холода и страха, она была там, где её и оставили. Чуть отогревшись на сеновале, девчонка перекусила хлебом с сыром и сразу начала говорить.

В её путаном рассказе Ник услышал то, что и предполагал услышать: она тоже была фанаткой компьютерных игр и могла часами проходить уровень за уровнем, забывая обо всём на свете, пока родители не заходили в комнату и, устав произносить воспитательные речи, демонстративно не выключали комп.

Кшыстя дулась на них и пару раз даже грозилась сбежать из дома, но родители были непреклонны – игры ничего хорошего никому ещё не принесли. Одно время она даже думала, что ненавидит своих родителей за их косность и дремучесть, и реально собиралась просить педагога в гимназии передать её в другую, более продвинутую семью. Но у дверей кабинета вдруг остановилась…

Целый месяц они с родителями жили душа в душу, один раз даже сходили в театр и два выходных дня провели в парке. Но внезапно всё рухнуло… Её одноклассник, Марек Листовский, на одной из перемен подошёл к ней и, дёрнув за хвост, нагло заявил:

– Ты чё, Кшыстя, как лохушка стала с родаками в парках гулять? О-о-о, смотрите на неё! Аж противно – такой здоровый образ жизни! Ха, а какую комповую герлу из себя корчила!

– Да пошёл ты, лох тупорылый! Сам-то чё в парке делал? Жир свой растрясал?

– А чё его растрясать? Не-е-е! Хорошего человека должно быть много! – И Марек со зверским выражением на круглой физиономии вцепился зубами в гамбургер из ближайшего «Макдоналдса». – У меня там стрелка была с пацаном одним. Во фан, так фан! Он всю дорогу от айпада не отлипал. – Мальчишка

жевал, не переставая, умудряясь при этом болтать. – Крутой скилл! Я у него новую игру выпросил. Трепал, что суперсложная, типа, никто до конца пройти не может. А девки так дальше первого уровня вообще никак! Буксуют реально…

Кшыстя фыркнула. Марек громко хохотнул, чуть не подавившись при этом остатками гамбургера.

Прокашлявшись, он вытер слёзы и заявил:

– Да, ладно! Ты, конечно, не то чтобы дно тупое, но спорим – до второго уровня за неделю не дойдёшь! Сольёшься!

Кшыстя уже собралась ему ответить что-нибудь исключительно гадкое, но вдруг поймала презрительный взгляд Станислава, с ухмылкой слушавшего их разговор. А выглядеть идиоткой перед Стасиком она себе позволить не могла!

Девочка тяжело вздохнула. Дарт слушал её рассказ с открытым ртом, а у Ника внутри появилась и всё больше крепла уверенность, что он прекрасно знает, о чём услышит в следующую секунду.

– Короче, он принёс тебе эту игру. И она называлась «Нумерия»!

Дальше уже говорил он, а Кшыстя только грустно кивала, когда парень описывал свои ощущения от вращающейся на экране спирали. Они проболтали до полуночи под мерное дыхание коров и похрапывание провалившегося в богатырский сон Дарта. Уже засыпая, они поклялись держать вместе, чтобы скорее найти выход из этого.

Мирцея

Сидеть было очень неудобно. Прямая и твёрдая, украшенная сходящимися вверху огромными золотыми рогами спинка трона из дорогого красного дерева не позволяла расслабить спину, которая отчаянно ныла после трёх часов заседания. Мирцея повозилась, стараясь устроиться поудобней, но набитая шерстью подушка, казавшаяся вначале такой мягкой, теперь превратилась в камень.

Искоса глянув на мужа, Мирцея удовлетворённо улыбнулась – тому приходилось ничуть не лучше. В своей кроваво-красной мантии, подбитой ослепительно-белым мехом горностая, Рубелий нещадно потел, поминутно стирая стекавший со лба пот, хотя в Зале было довольно прохладно. Его одутловатое лицо с воспалёнными глазами покрывали какие-то нездорового цвета пятна, а руки, которыми он суетливо двигал по широкому подлокотнику, мелко тряслись.

«Неплохо. Девка, та быстрей поддалась… но у этого кабана шкура-то непробиваемая… и здоровье всегда было железным…» – Мысли текли в голове, не обращая никакого внимания на бубнёж лангракса Дастрии, уже битый час нывшего что-то о падеже овец и ещё какой-то заразе, делающей их шерсть непригодной для производства великолепных дастрийских тканей.

«Наш-то баран тоже скоро без шерсти останется», – заметив на белом меху горностая несколько чёрных волос мужа, Мирцея подарила ланграксу благожелательную улыбку, весьма его озадачившую в свете крайне унылого доклада.

«Дозу он получил бычью, как и положено Корстаку…» Глядя, как муж откровенно мается на своём троне, Мирцея уже не сдерживала в душе ликования. Осталось подождать совсем немного, и её любимый муженёк отправится следом за своим братом… развлекать его последними новостями из Остенвила. И тогда уже никто и ничто не сможет помешать ей, Мирцее из рода Аштаков, править Нумерией! Пусть даже вместе с сыном Патарием, первенцем и любимцем, в котором явно чувствовалась кровь династии антубийских царей. Её кровь…

Смуглый, с чёрными вьющимися волосами и карими глазами, сын обладал взрывным характером, но был достаточно умён и хитёр, чтобы умело прятать свои чувства. Она не посвящала его во все тонкости своих взаимоотношений с Рубелием, но по некоторым высказываниям ей стало понятно, что Патарию известно многое. И что он, безусловно, на её стороне.

Мирцея сделала ещё одну попытку занять расслабленную

позу, но трон напрочь отказывался становиться удобней. «Дьявольская деревяшка! Как только Патарий станет Повелителем, немедленно прикажу его переделать!» Но тревожные мысли тут же ринулись вперёд, заслоняя собой будущее счастье.

«Эльма…». Эта безрассудно смелая женщина, попытавшаяся своим безумным поступком нарушить запланированное течение событий, никак не выходила из головы. «На что она надеялась…? Неужели не ясно, что никто её даже слушать не будет…» Мирцея всё ещё не могла решить, как будет лучше – убить мать внебрачного сына Палия или отпустить её домой в Солонию?

Ни тот, ни другой вариант ничего хорошего в будущем не сулил. И конечно, не исключал дальнейших притязаний Юнария на престол, хотя Повелителем и был провозглашён Рубелий Первый. И если вдруг случится что-то непредсказуемое, то следующим законным претендентом будет только его, Рубелия, сын, и ничей другой! Не какой-то солонийский ублюдок…

Все последние тридцать с лишним лет Солония оставалась закрытой для правителей Нумерии. Её лангракс не принимал участия в пышных церемониях и событиях двора, не отправлял своих детей и детей из знатных семейств на службу в гвардию Повелителя. И то, что творилось в далеком Ундараке, оставалось для Остенвила тайной.

Единственное, что ещё связывало этот лан с остальной страной, были налоги, которые лангракс регулярно выплачивал в общую казну, тем самым избегая вмешательства в свои внутренние дела. По негласному уговору, ни один сборщик налогов из столицы Нумерии не смел ступать на землю лана, но дважды в год лангракс лично снаряжал корабль, который доставлял в Остенвил по сто тысяч литов – именно такова была величина последнего перед размолвкой налога.

О самом ланграксе Юнарии Гинратусе в Остенвиле было известно крайне мало, да и то только благодаря торговцам, привозившим из Ундарака массу диковинных и необычных вещей, попадавших туда с пиратскими галерами. Собственные соглядатаи, регулярно отправляемые в этот город министром Тайного приказа, назад обычно не возвращались. Иногда только, по особой милости лангракса, до их родных доходили прощальные письма, которые палач разрешал написать, прежде чем утопить несчастного в бухте Предателей на острове Утопленников.

Мирцея вздохнула. Место лангракса Дастрии уже давно занял богатый купец из Ланджлании, сетовавший на то, что богатый урожай льна, грозивший озолотить его и влить в казну ощутимый

поток звонких литов, вдруг был невозвратно испорчен полившими не вовремя дождями. И теперь ему, несчастному, придётся до следующей осени кое-как сводить концы с концами.

«Врёт. Нагло и откровенно… Ну, погоди, дружок, скоро мы с Патарием вытрясем из тебя не только этот налог, но ещё и то, что ты утаил от трона за все годы», – Мирцея подарила торговцу сочувствующую улыбку. Слушая вполуха следующего просителя, она всё никак не могла отделаться от беспокоящей мысли об Эльме. Шлюха ундаракская, откуда только она свалилась на её голову! Выскочила из своей пиратской дыры, создав сразу столько проблем…

А ведь как всё удачно складывалось! Более чем удачно. Галиган Освел, крайне недовольный непредвиденной заминкой в своём продвижении к высокой должности, был всячески обласкан и ублажён всеми любимыми им способами. И в конце концов сдался, согласившись подождать ещё немного.

Правда, просьба Мирцеи об ещё одной порции «сияния» привела его в бешенство, и ей стоило массы усилий и всего своего дара убеждения, чтобы усмирить любовника. Не последним аргументом стало напоминание, что они оба по уши увязли в этом деле. И если что, нижний этаж Саркела примет их обоих. С распростёртыми объятиями…

Галиган ещё долго сыпал ей на голову самые грязные ругательства, но постепенно затих под её насмешливым взглядом. И через десять дней шкатулка со смертоносным содержимым величиной с небольшое яблоко стояла на чайном столике.

В тот же вечер «сияние» в плетёной сеточке заняло своё место под кроватью Рубелия, а Мирцея начала новый отсчёт.

Очередной проситель был отпущен слабым взмахом руки Повелителя, а его место заняла не в меру бойкая вдова торговца рыбой, сыновья которого от первого брака требовали у мачехи свою долю имущества. Её визгливый голос вкручивался в мозг и ёрзал там, как тупая пила, заставляя морщиться всех находившихся в Зале.

Оба сына, здоровых увальня с сонными лицами, явившихся в качестве истцов, что-то невнятно бубнили, постоянно перебиваемые мачехой, и от их совместной какофонии у Мирцеи сразу же разболелась голова. Она взглянула на мужа. Пятна на его лице проступили ярче, пот уже просто струился по щекам, собираясь в углах рта и стекая на воротник.

«А пусть-ка он сам займётся судьбой Эльмы. И её… смерть будет только на его совести! О, Боги, Боги! Совесть… откуда она у него? Корстаки никогда с ней не были даже знакомы…» Мирцее доложили, что Повелитель отдал распоряжение смотрителю

тюрьмы перевести Эльму в одну из камер нижнего этажа. Оставалось только дождаться хорошего прилива, которые в это время года, как назло, не отличались особой высотой.

«Ничего, подожду! Надеюсь, у муженька хватило ума приказать перекрыть все дороги в Солонию? И запретить на время кораблям отплывать в Ундарак… А когда всё свершится… нужно будет представить народу приличную версию её гибели… И с сочувствующими лицами принять посланников Юнария… Что ж, придется свалить всю вину на безвременно покинувшего этот мир Рубелия Первого…»

Окончательно измотанный посетителями, тот вдруг резко встал, давая понять, что приём окончен, и, шатаясь, вышел из Залы. За ним потянулись министры, тихонько перешёптываясь. Вскоре Мирцея осталась одна.

Встав с кресла, она с удовольствием потянулась и, бросив взгляд на своё отражение в огромном зеркале, прошла в открытую дверь. Ещё до заседания она узнала хорошую новость – Пальмина, белокожая танцовщица, подаренная Рубелию своим братом, внезапно сильно заболела. И как утверждал помощник Лабуса, её болезнь весьма напоминала страдания несчастной Гульмиры. Надо же, какая странная зараза нападает на этих девок из Антубии!

Все ещё улыбаясь, Мирцея быстро дошла да своих покоев, по дороге решив, что завтра непременно навестит шлюшку, чтобы своими глазами увидеть, что Бисар не врёт.

Эльма

«Что я сделала не так?»

Серый мышонок забрался на стол и, косясь на Эльму чёрными бусинками глаз, засеменил к куску хлеба, оставшемуся нетронутым. Добравшись до еды, он ещё раз покосился на неподвижную фигуру и весело захрустел.

«Что же я сделала не так?» Мысль настойчиво сверлила мозг днём и ночью, не давая покоя. Снова и снова Эльма прокручивала в голове каждую минуту того дня и каждое сказанное ею слово, стараясь понять, где же она совершила ошибку.

И каждый раз понимала, что никакой ошибки не было. По всем законам Нумерии она, Эльма Гинратус, была права! И любого из представленных ею доказательств с лихвой хватило бы, чтобы признать законным любого наследника в любом из ланов. Если бы только эти законы потрудились исполнить…

Какой же наивной дурой надо быть! Ведь она свято верила, что стоит ей появиться со своими притязаниями, как все эти обличенные властью господа тут же кинутся признавать право на трон за тем, за кем оно и должно быть признано, – за её мальчиком.

Эльма вздохнула, заставив мышонка испуганно притихнуть. Смешно дёрнув носом, он уставился на женщину. Но та больше не шевелилась, поглощённая своими невесёлыми мыслями.

Юнарий не хотел отпускать её, пытаясь убедить, что любая попытка заявить его права на трон неминуемо потерпит крах. Но Эльма ничего не желала слушать – слишком долго она ждала этой минуты. И сын в конце концов сдался. Единственное, на чём он настоял: Эльма поедет на церемонию в сопровождении Суана Дейлопа, друга и главного советника Юнария, который в этом путешествии будет исполнять роль её охранника.

Море в это время года бывало крайне неспокойным, и госпожа Эльма в сопровождении Дейлопа и шести слуг весьма суровой наружности отправилась через Митракию. Уже стоя у повозки и с любовью глядя в хмурое лицо сына, она провела ладонью по его щеке и, пригнув его голову так, что её губы почти коснулись его уха, тихонько прошептала:

– Всё будет хорошо, мой милый! Я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы ты занял то место, которое всегда было предназначено тебе. Верь мне, сынок. Я не говорила тебе раньше, но главное доказательство того, что ты – сын Палия, лежит в моей комнате, в шкатулке. В твоей любимой, помнишь её? С дельфинами и рыбками… поверни морскую звезду, чтобы её

самый длинный луч смотрел на замочную скважину…

Юнарий удивлённо взглянул на мать, потом наклонился и поцеловал её тонкие холодные пальцы. И долго ещё стоял, провожая взглядом удаляющуюся повозку.

Как она только могла подумать, что эти самодовольные, насквозь лживые господа захотят что-то поменять в своей устоявшейся сытой жизни? Пусть даже её Юнарий несравнимо умней и порядочней этого пропойцы и тупицы Рубелия…

Или… именно поэтому? Конечно же эти напыщенные и разряженные, как стая павлинов, министры просто испугались, что её любимый сын будет справедливым Повелителем и заставит их всех жить по их же законам. И наведёт порядок в прогнившем насквозь, погибающем государстве…

Боги, Боги, о чём это она? Какое ей дело до этого государства, которое кому-то надо спасать? Она сама сейчас оказалась в такой ситуации, что спасать нужно её. Как был прав Юнарий, отправив вместе с ней Дейлопа. Тот наверняка уже добрался до Ундарака, а значит, её освобождение – дело если не ближайших часов, то дней.

Эльма встала и прошлась по комнате. Пять шагов от стены до двери, пять шагов обратно… Холодно… Она уже потеряла счёт часам, которые провела здесь, в сырой камере нижнего этажа Саркела, куда лучи солнца не могли пробиться сквозь толщу камня. Единственным светом, разгоняющим по углам дрожащие тени, был слабый огонёк масляной лампы, стоящей на грубом деревянном столе.

Первые несколько дней её держали в одной из комнат на верхнем уровне, где дневной свет оставлял тусклый след под самым потолком, а свежий воздух умудрялся проникать внутрь через крошечное зарешеченное оконце. Каждый день она в сопровождении молчаливого стражника приходила в Зал правосудия, где Аврус Гентоп с двумя помощниками задавали ей одни и те же вопросы о её связи с Палием, рождении сына и его дальнейшей жизни. И каждый раз она вновь и вновь рассказывала им одно и то же, слово в слово.

Угрюмый писарь изо дня в день записывал её ответы в толстую чёрную книгу, водя по листам тонко заточенным пером. На пятый день, видя откровенную скуку на бледном лице Гентопа, вместо ответа на его очередной вопрос Эльма вдруг спросила:

– Когда вы собираетесь выслушать моих свидетелей, господин судья? За ними уже отправлены в Ундарак ваши помощники?

Лицо Главного судьи застыло, только маленькие глазки испуганно заметались. Он кашлянул и неодобрительно

скривился:

– Повелитель Нумерии Рубелий Первый не посчитал нужным выслушивать каких бы то ни было свидетелей, так как нет никаких оснований считать, что сын торговца Пуниса Гинратуса может претендовать на что-то большее, чем лоток с пирожками на Торговой площади Остенвила. Он был рождён торговцем – пусть и остается им в своей Солонии!

– Тогда к чему вы держите меня здесь и задаете эти бесконечные вопросы? Не разумней ли отправить меня в Солонию помогать моему сыну печь эти самые пирожки?

Главный судья презрительно поджал губы и, пожевав их, выдал:

– Повелитель обдумывает этот вариант, но нанесённое ему оскорбление слишком тяжко, чтобы просто так отпустить виновницу такого небывалого скандала.

– Конечно, как же я не догадалась? Ему нужны деньги! Сказали бы сразу, а не морочили мне голову этим спектаклем. Мой сын заплатит любую сумму, которую назовёт Рубелий!

– Повелитель Рубелий! – Гентоп снова пожевал свои бледные губы и внимательно посмотрел на Эльму. – Я передам Повелителю наш разговор, госпожа Гинратус. О результатах я объявлю вам сразу, как только он примет какое-то решение.

Утро следующего дня Эльма встречала с надеждой на скорое освобождение. Когда в замке заскрежетало железо и дверь распахнулась, она была совершенно уверена, что всё решилось и она сегодня же отправится домой, чтобы утешить сходившего с ума от беспокойства сына. Но вместо того, чтобы проводить её на залитый солнцем двор, молчаливый страж подвёл женщину к какой-то двери, и из глубины, куда вели широкие каменные ступени, ей в лицо пахнуло затхлой сыростью и холодом. Не слушая её возражений, стражник жестом приказал ей следовать вниз. Понимая, что этот человек только исполняет отданный ему приказ, она, задавив рвущийся изнутри крик, шагнула на лестницу.

Они вошли в гулкий коридор второго уровня, где из маленьких окошек с толстыми решётками её провожали любопытные взгляды обитателей этой мрачной тюрьмы. Из некоторых камер их приветствовали насмешливые голоса или громкие бессвязные крики, больше похожие на вой, от которых по спине Эльмы бежали мурашки. Вдруг из ближнего оконца в узкое пространство между прутьев просунулась бледная костлявая рука с длинными загнутыми ногтями, и жуткий голос, похожий на шелест ветра в разрушенном склепе, прохрипел:

– Прощай… прощай… прощайся…

Эльма шарахнулась от направленного на неё страшного пальца, отскочив к противоположной стене коридора, где из-за двери на неё глянули дикие глаза другого узника. Тот оглушительно захохотал, обнажив почти голые дёсны с торчащими обломками гнилых зубов:

– Эй, Такин, вонючий придурок! Эт куда ты повёл такую красотку? Давай её сюда! Мы с ней тут славно погреемся!

Такин лениво повернул голову и пробурчал:

– Всё не уймёшься, Хумар? Мало ты на воле баб перепортил, так думаешь, и тут тебе чево отломится… Погоди, вот отведу дамочку на место, зайду к тебе с плёткой, погрею!

Хумар, довольный уже тем, что хоть какое-то событие скрасило его бесконечное одиночество, охотно продолжил зубоскалить:

– Да брось ты, Такин! Дамочке внизу будет ой как одиноко, а тут смотри – парни как на подбор… один краше другого! Заскучает она там, бедняжка, без нашей изысканной компании!

– Угу, убийцы, насильники и разбойники! В волчьей стае спокойней, чем в компании с любым из вас, головорезов!

– Да, стой же ты, титька тараканья! Эт чево же она натворила, чтоб ты её вниз повёл? А с виду, гляди, приличная такая… гладкая!

– Уймись, Хумар, а то, дьявол тебе в печёнку, точно плётки отведаешь! Не твоего тупого ума дело, чево там господа промеж собой не поделили. И не моего тоже. Велено отвести – вот и веду!

– Но там же… – голос Хумара превратился в придушенный шёпот, – там же…

Костлявый палец в окошке напротив дёрнулся, и хриплый голос зловеще прошелестел:

– Смерть… Смерть…

Такин резко обернулся и рявкнул на заключённых:

– А ну, живо все от дверей отвалили! Хватит мне тут дамочку пугать, уроды! Я вам покажу смерть, паршивые ублюдки! Щас вернусь и займусь вашими паскудными душонками… твари вонючие!

Эльма, понявшая из разговора, что стражник ведёт её на нижний уровень тюрьмы, похолодела. Она знала дурную славу Саркела, разнёсшуюся далеко за пределы Остенвила. И то, что человека, попавшего на самый низ, живым уже никто никогда не видел… Неужели Рубелий решится причинить зло ей, дочери бывшего лангракса Солонии и матери нынешнего, благородной даме из знатного семейства Нумерии?

Нет, нет, конечно же он этого не сделает! Не думает же Повелитель на самом деле, что Юнарий молча снесёт обиду,

нанесённую его матери? Слишком мало они его знают. Только ей одной сейчас под силу отговорить своего кипящего от негодования сына от поступков, которые могут дорого обойтись Остенвилу.

Спускаясь вниз по скользкой от сырости лестнице, Эльма убеждала себя, что всё это ненадолго. Просто Рубелий, страшно на неё обиженный, решил таким неуклюжим образом показать ей свою власть, чтобы раз и навсегда отбить у неё охоту говорить о каких-то правах её сына.

Точно так же она утешала себя и в первые дни заточения, сидя на набитом свежей соломой матрасе в маленькой сырой комнатке, глядя на дрожащий огонёк плошки. А потом женщина совсем потеряла времени счёт. Она не могла точно сказать, сколько дней провела здесь – минуты медленно сливались в часы, а те – в дни, похожие один на другой, как капли дождя. Время отмечалось только приходом стражников, приносивших ей то ли обед, то ли скудный ужин, состоявший из куска хлеба, миски жидкой каши и большой кружки сильно разбавленного кислого вина.

Мышонок с круглым животом, раздувшимся после обильной трапезы, окончательно осмелел. Усевшись посередине стола, он лениво покосился на шевельнувшуюся на лежанке фигуру, прикидывая своими мышиными мозгами: а не завалиться ли спать прямо тут, возле недоеденного куска?..

Внезапно вся сонная умильность слетела с его мордочки, и грызун, подскочив на месте, помчался по столу, со всей возможной скоростью волоча свой не в меру раздавшийся живот. Дотащившись до края стола, он секунду постоял, встревоженно поводя ушами, и, быстро спустившись по ножке, рванул в угол комнаты, где в стыке между двух камней имелся узкий проход, служивший ему верой и правдой.

Но не в этот раз. Плотный ужин в теле мелкого обжоры не желал покидать гостеприимную комнату, и зверёк, предприняв несколько безуспешных попыток протиснуться в щель, в панике забегал возле стены.

Эльма, не понимая причины такого поведения мышонка, уже несколько дней делившего с ней скромную трапезу, внимательно наблюдала за его всё возрастающим беспокойством. Тот ещё раз попробовал втиснуться в дырку, с отчаянием царапая камень коготками, а потом вдруг припустил обратно. Вскарабкавшись на стол, мышонок заметался по нему, жалобно попискивая и всё время к чему-то прислушиваясь.

Теперь женщина тоже обратила внимание на необычный звук, то нарастающий, то затихающий где-то вдали, за огромной

толщины стенами тюрьмы. Словно какая-то мощная, рвущаяся из недр земли сила настойчиво и грубо пыталась втиснуться в узкие щели, оставшиеся после укладки огромных валунов, лежавших в основании Саркела.

Эльма поёжилась. Откуда-то из-под пола потянуло ледяной сыростью, и всё скудное тепло из комнаты мгновенно испарилось. Фитилёк в масляной плошке начал метаться, грозя погаснуть совсем и оставить её один на один с темнотой и нарастающим страхом.

Беспокоящий мышонка звук приближался. И в нём всё отчетливей стал проявляться тяжёлый плеск – стонущее дыхание морских глубин, мечтающих поглотить непокорную сушу. Внезапно из дырки в дальнем углу комнаты вырвалась струйка воды и, сразу же потеряв силу, широко разлилась по полу. Новый всплеск, и новая порция воды образовала в углу небольшую лужицу.

Женщина в ужасе смотрела, как вода, бурля и выплёскиваясь, начала быстро заливать пол. Опомнившись, она подскочила к двери и замолотила в неё руками, громко крича и зовя на помощь. Вода неуклонно поднималась и уже доставала ей до щиколоток, сковывая душу могильным холодом. Эльма продолжала кричать, самым краешком сознания понимая, что никто не прибежит её спасать, даже если её крики и будут услышаны. У Саркела слишком дурная слава…

Ноги заледенели, и, стоя в воде по колено, она в полном отчаянии решила, что нужно попробовать забраться повыше – вдруг неведомая сила, загнавшая сюда морскую воду, ослабеет и ей удастся спастись? Эльма быстро вскарабкалась на стол и, стоя на коленях, стала жарко молиться Богам, всем, каких знала и помнила, о своём спасении.

То ли мольбы не доходили к Богам из-под земли, то ли сама молящаяся не очень-то верила в то, что они кинутся спасать её не слишком благочестивую душу, но вода всё прибывала. Когда она начала лизать край стола, Эльма встала на ноги, подняв в руке плошку с ярко и ровно горящим огоньком. Мышонок, метавшийся по столу, вскарабкался по её платью и уселся на плече, дрожа всем своим жалким тельцем.

Она не знала, сколько времени прошло, чувствуя только, как жуткий холод всё сильнее сковывает её тело, забираясь всё выше и выше. Когда ей почудился шум в коридоре, женщина попыталась закричать снова, но ответом был только плеск неумолимо поднимающейся воды.

Ледяной обруч сдавил грудь, не давая вдохнуть, и Эльма с ужасом поняла, что сейчас, именно сейчас она умрёт. И никогда

уже ей не обнять и не прижать к груди своего любимого сына. Она отстранённо заметила, что никак не может вспомнить лица других своих сыновей, перед её глазами был только Юнарий… И он никогда не узнает, что с ней случилось! От этой мысли ей стало так горько, что слёзы покатились по замёрзшим щекам, падая и растворяясь в такой же солёной воде.

Вода уже коснулась её плеч, и мышонок, путаясь в волосах, забрался к ней на голову. Эльма старалась повыше поднять руки с мерцающей плошкой, но от холода они тряслись и почти не слушались, грозя уронить огонёк в воду. Ещё пара минут, и вода стала заливать рот, и ей пришлось из последних сил тянуться вверх, чтобы вдохнуть ускользающий от неё воздух.

Метавшиеся в беспорядке мысли вдруг исчезли, оставив в голове единственную: «Рубелий Корстак и семя твоё! Будьте вы прокляты! Прокляты! Прок…» Судорожный глоток воздуха растворился в лёгких, и в груди нестерпимо зажгло.

Последнее, что Эльма Гинратус увидела в своей жизни, был упавший в воду горящий фитилёк.

Лея

Девчушки испуганно жались к ногам Леи и громко безудержно рыдали, вымочив слезами подол её платья. Она гладила растрёпанные головки младших сестёр, стирала с пухлых щёк крупные слёзы, шептала ласковые слова, но помочь им ничем не могла. Мирцея решила отправить ненужных ей во дворце детей Палия к их родственникам. Первыми уехали к матери в Сенторию Орсула и Марсия, а сегодня настала очередь этих сиротинок.

Сердце сжалось, и глаза защипало от выступивших слёз. Теперь она оставалась во дворце одна – последняя дочь Палия. Последнее бельмо на глазу у нынешнего Повелителя.

Её старшая сестра Мистака уже пять лет, как была счастливой женой Вайдуса Тидора, наследника всех богатств Ланджлании, и готовилась в скором времени подарить ему третьего ребенка. На этот раз все надеялись, что родится мальчик.

Стронтуб Вермокс, поседевший и постаревший за последнее время и растерявший свой щегольской вид, топтался у двери, терпеливо дожидаясь окончания затянувшегося прощания. В душе он был рад не столько тому, что дети его беспутной дочери Кронарии будут воспитываться в его доме, сколько кругленькой сумме с пятью нулями, прописанной в договоре, которую Повелитель обязался отдать за каждой из дочерей Палия в качестве приданного.

Лея опустилась на колени и, вытирая с мордашек безостановочно льющийся поток, зашептала:

– Солнышки мои милые, ну, не плачьте. А знаете что! Я скоро приеду к вам в гости! И привезу в подарок самые красивые куклы, которые только найду в Остенвиле! Скоро штормы утихнут, и кораблики навезут из Солонии много-много разных интересных вещичек. Я обязательно выберу вам что-нибудь очень-очень занимательное…

Старшая Синтия, хлюпая носом и размазывая по щекам откуда-то взявшуюся грязь, пробасила:

– Не хочу я твою куклу! Дай слово, что привезёшь мне маленький меч! Только настоящий, из железа!

Лея удивлённо посмотрела на девочку. Рослая и развитая не по годам, она скорее напоминала мальчишку, для чего-то засунутого в девчачье платье. С вечно ободранными руками и коленями, Синтия терпеть не могла девчоночьи забавы, зато бесстрашно скакала на маленьком пони, доводя до сердечного приступа свою няньку.

«Как же она похожа на отца! – Девушка погладила густые

непокорные волосы на круглой лобастой голове. – Они уже начинают темнеть. И упрямая ведь, как отец…» Вздохнув, Лея улыбнулась:

– А меч-то тебе зачем, милая моя? Ты же не воин.

Девочка насупила бровки и зло выпалила:

– Я хочу быть воином! Вот возьму меч, сяду на пони и поеду убивать всех, кто маму мою убил!

Лея вздрогнула. В своей сжигающей всё внутри ненависти к Кронарии она просто забыла, что эта высокомерная холодная стерва, мимоходом растоптавшая её счастье, была для девочек обожаемой мамой.

– А я хочу куклу! – тоненьким голоском, слегка охрипшим от рыданий, заявила Порсия. Одетая в серое дорожное платье, мешком висевшее на её худеньком тельце, она капризно надула губки и топнула ножкой. – Хочу! И чтоб волосы у неё были длинные и кудлявые, а глаза молгали, и она могла плакать! И колона у неё должна быть. Из золота!

«Ну-у, маменька родненькая… Только недавно ведь говорить научилась – и на тебе, „колона из золота“!»

– Будет, будет из золота! – Лея легонько подтолкнула переставших рыдать девочек к деду, который ловко ухватил их за руки и живо вывел в коридор.

Утиравшая глаза Млава показалась из-за ширмы и начала наводить в комнате порядок.

– Боги милостивые, а ты-то что ревёшь?

– Так сиротки ведь… жа-алко… – Прислужница хлюпнула носом. – Несладко, поди, без отца-матери-то…

Лея грустно улыбнулась и отвернулась к окну:

– Тогда и меня пожалей. Я тоже ведь сиротка. Ни матери, ни отца…

Млава ойкнула и испуганно уставилась на девушку:

– Ой! Простите, госпожа Лея! Брякнула, не подумавши…

– За что простить-то? Так оно и есть. – Лея развернулась и пожала плечами. – Погоди, вот сейчас Мирцея за меня возьмётся. Но так просто я ей не дамся! Я не сопливая Порсия, чтобы можно было легко спровадить меня к родственникам матери или к сестре. Это отец мог топать ногами и грозиться выдать меня замуж за первого встречного. А тётка – вот уж дудки! И закон здесь на моей сто роне!

Млава, усердно стирая пыль с каминной полки, бросила на неё косой взгляд:

– Вы бы, госпожа, на законы особо-то не уповали. Кто по нашему Закону должен сегодня на троне сидеть? Вот то-то же, а на деле что получилось? Плюнули на законы те, кому дозволено

на них безнаказанно плюнуть, и сидит бедная женщина в тюрьме. А может, и того хуже… – Тут голос прислужницы превратился в заговорщицкий шёпот: – Мне нынче Турт рассказал, ну тот, у которого свояк стражником в Саркеле служит, будто два дня назад был самый высокий прилив за последние полгода. А наутро снизу выволокли чей-то труп и тайком свезли его в долину Туманов…

Лея слушала девушку с колотящимся сердцем. Если это так и Эльмы уже нет в живых, то вряд ли внезапно обретённый племянник простит Рубелию это жуткое злодеяние. Неужели никто здесь не понимает, что тогда Нумерию ждёт война?

Провожаемая удивлённым взглядом прислужницы, Лея выскочила из комнаты и быстро зашагала по коридору, направляясь в читальню. Туфин Бугвист вздрогнул всем телом и пририсовал букве «р» уродливый хвостик, когда она, тяжело дыша, рухнула на стул рядом с ним.

– Боги небесные и земные! Лея! Драгоценная моя! Ты испортила труд всей моей жизни! За тобой что, призрак Железной Дамы гнался? – Книгочей пытался сделать вид, что разгневан, при этом не скрывая своей радости.

– Я уже давно не верю в эти сказки, дорогой Туфин. Думаю, её железная челюсть – это не самое страшное, что нам грозит в скором будущем!

Туфин отложил перо, тщательно осмотрел испорченную букву и, решив, что закорючка – далеко не самый ужасный его грех, отодвинул книгу в сторону. Откинувшись на спину стула и скрестив на груди руки с длинными изящными пальцами, он наконец взглянул на Лею и приказал:

– Рассказывай!

Та торопливо пересказала ему всё только что услышанное от своей прислужницы, сдобрив рассказ изрядной порцией своих умозаключений. Книгочей внимательно выслушал, не перебивая и не комментируя, и его обычно насмешливое лицо постепенно приняло серьёзное выражение.

– Лея, во-первых, я очень прошу тебя быть крайне осторожной! – Девушка, ожидавшая от него других слов, удивлённо заморгала. – Да, да, осторожной! Иначе можешь легко погубить и себя, и своих друзей. Ведь ты ворвалась сюда и начала выдавать мне государственные секреты, даже не убедившись, что мы здесь одни. Палия больше нет, а кроме него, тебя защитить некому!

Второе и самое главное. Я не стану отрицать, что нас ждут непростые времена. Иначе какой, к дьяволу, из меня астролог! А когда они наступают, любая человеческая жизнь, я подчеркиваю –

любая! – теряет свою ценность, превращаясь в дорожную пыль. Самый знатный и богатый господин в один миг может потерять всё, что уж говорить о тех, кто не может спрятаться за широкой спиной и переждать бурю… Ну, а если этот слабый, беззащитный человек ещё и владеет множеством чужих секретов… Не пора ли тебе, девочка моя, подумать о замужестве?

Лея сначала оторопела, а затем фыркнула и возмущённо вздёрнула подбородок. Она летела сюда с мыслями о неминуемой катастрофе и надвигающейся войне, а он предлагает ей выйти замуж! Этого ещё только не хватало! Негодование клокотало в ней, не давая словам вырваться наружу.

Туфин внимательно следил за выражением лица девушки и, когда понял, что она уже дошла до высшей точки кипения и сейчас взорвётся, положил ладонь на её руку и тихонько произнёс:

– Это всё для того, чтобы после очередного прилива твоё тело не хоронили в безымянной могиле, девочка. Даже если ты и не любишь Хайрела, это далеко не самый худший вариант, поверь мне!

Лея с пылающим от гнева лицом уставилась на книгочея. Тот весело улыбнулся и кивнул:

– Да, да! И не только звёздам известно, что парень к тебе давно неровно дышит.

– Но, ведь он и Кронария…

Туфин строго посмотрел на неё и отчеканил:

– Я был лучшего мнения о твоих умственных способностях! Слепой, и тот видел, что Кронария, упокойте Боги её грешную душу, крутила хвостом с твоим кузеном Сидраком. Не зря Ортения сразу же отправила этого шалопая с глаз долой. На всякий случай…

Лея молчала. В глубине души она была согласна с доводами Туфина, но даже думать о замужестве ей было противно. Её любовь к Дартону жива, и никто никогда не сможет заменить его.

– Никто и не запрещает тебе его любить. – Туфин как будто прочитал её мысли, и Лея вздрогнула. – Люби, он был достойным юношей. Но услышь меня, девочка! Как бы ни был Дартон смел и хорош, сейчас он не в состоянии защитить тебя. Не дано мёртвым этого, не дано…

Слеза выкатилась и побежала по щеке. За ней вторая, третья, и Лея разрыдалась, как совсем недавно её младшие сестры.

– Поплачь, деточка, поплачь. А когда успокоишься, подумай над моими словами. А чтобы легче думалось, открою тебе ещё один страшный секрет… – Он побарабанил испачканными чернилами пальцами по своему животу. – Рубелий очень тяжело

болен. И Лабус считает, что вряд ли он дотянет до праздника Первого сенокоса.

Лея метнула на книгочея испуганный взгляд в слабой надежде, что тот шутит и на его лицо сейчас выпорхнет всегдашняя ироничная усмешка. Но Туфин был абсолютно серьёзен.

– А что это значит, надеюсь, ты понимаешь и сама…

Она понимала. Если дяде её пребывание во дворце было глубоко безразлично, то Мирцея не потерпит её здесь ни одной лишней минуты.

– Что… с ним случилось? Он ведь никогда ничем не болел!

Книгочей молчал. Сказать правду он не мог – это было бы слишком опасно.

– Его отравили? – Лея была настойчива.

Туфин неодобрительно сощурился и буркнул:

– Лабус считает, что это какая-то заморская зараза. Сначала Гульмира, теперь Пальмина, ну эта танцовщица, начала чахнуть. А от неё и Рубелий подхватил… Надеюсь, я не очень тебя шокировал такими подробностями интимной жизни твоего дяди?

Лея отрицательно помотала головой. Её сейчас больше занимало другое.

– Так это значит, что заболеть во дворце может любой?

Книгочей хмыкнул:

– Не думаю. Если только он не будет крутиться у покоев Повелителя… И слишком много болтать!

Последняя фраза Туфина родила в голове новый вопрос, и Лея уже открыла рот, чтобы его задать, но тут открылась дверь, и на пороге возник, пыхтя и отдуваясь, Главный смотритель дворца Кестин Пундор с объёмистым свитком в руках.

Махнув рукой всем в знак приветствия, он рухнул на диванчик и, едва отдышавшись, принялся громко сетовать, что проходившие во дворце чуть ли не каждый месяц масштабные мероприятия уже почти довели его до несварения и нервного срыва. Особенно теперь, когда Мирцея стала совать свой нос туда, куда ей его совать совершенно не следовало. Боги свидетели, как же он устал!

Послушав пару минут рвущие душу стоны и поняв, что закончится это не скоро, Лея кивнула книгочею на прощание и отправилась к себе. То, что она узнала от Туфина, заставляло её всерьёз подумать о своём будущем.

Ей на самом деле не на кого было опереться. Дядя Грасарий явно озабочен сейчас своим весьма шатким положением, и ему не до племянницы. Если Рубелий вдруг умрёт, Мирцея сделает всё, чтобы тут же избавиться от самых близких родственников. И

дядюшке придётся спасать свою шкуру… Её новому брату Юнарию, которого Лея никогда не видела и, скорее всего, никогда не увидит, она тоже не нужна – представительница гнусной семейки предателей и убийц.

Но разве можно ей сейчас умирать? Её страшная клятва не исполнена, и душа Дартона всё ещё отомщена. Боль, чуть притупившаяся, снова жарко ворохнулась в сердце.

Хайрел Беркост… Встречались они нечасто, и всегда будто случайно. И чтобы она себе там ни говорила, Лее уже начинали нравиться эти мимолетные встречи. Особенно её смущали всегда грустный взгляд его тёмно-серых глаз и словно извиняющаяся за что-то улыбка.

Молодой человек больше не признавался девушке в любви, но при её появлении в глубине его глаз мгновенно вспыхивало счастье. Он продолжал посылать ей подарки и цветы, которые она, если была в комнате, неизменно отправляла обратно. Но Млава, несмотря на строжайший приказ хозяйки, частенько этого не делала. И, округлив глаза и призывая в свидетели всех известных ей Богов, клялась, что ни сном, ни духом не знает, как они вообще сюда попали.

Вот и сейчас, зайдя в свои покои, Лея обнаружила у двери позолоченную клетку, в которой сидел маленький лопоухий щенок с грустным выражением на лохматой мордочке. Увидев девушку, он начал скакать по клетке и отчаянно скулить, выражая коротким хвостом бурю восторга, внезапно ворвавшуюся в его собачью душу.

Лея охнула и, присев на корточки, вытащила щенка на свободу. Тот сразу забрался к ней на руки и начал, скуля и лая, облизывать её лицо.

– Млава! – Лея, хохоча, уворачивалась от любвеобильного щенка. – Млава! Где тебя бесы носят, непутёвую? Скоро мне в комнату медведя приведут, а ты будешь делать вид, что ничего не заметила!

Прислужница выскочила из-за ширмы и сразу же радостно зачастила:

– Боги милостивые, прелесть-то какая! Да вы только гляньте, госпожа, какой он премиленький! Это ж надо, как он вас любит!

Лея оторвала наконец щенка от себя и поставила его на пол:

– Да он всех любит! А кухарку Гулиду как будет любить! Куда уж мне до неё!

– Смотрите, смотрите, тут ещё и письмо! – Млава отцепила от клетки перевязанный синей ленточкой листок и подала госпоже.

Несколько строк были написаны твёрдым почерком Хайрела Беркоста: «Может быть, хотя бы ему удастся растопить ваше

сердце… И покрыть поцелуями ваше прекрасное, но такое холодное лицо. Он слаб и беззащитен, его можно убить или выбросить прочь. Но я верю, вы не сделаете этого… и этот ушастик станет самым преданным вашим другом! А если моя прекрасная госпожа ещё и назовёт его Хайрелом, я буду просто на вершине счастья!»

Лея задумчиво посмотрела на щенка. Тот сидел у её ног и, чуть наклонив голову, преданно глядел на неё круглыми тёмно-серыми глазами.

Грасарий

Приготовления к свадьбе шли полным ходом. До события оставалось всего два дня, и Грасарий волновался, что Главный смотритель дворца, неторопливый полусонный толстяк Кестин Пундор, обязательно что-нибудь забудет или перепутает и вся церемония пойдет наперекосяк.

Дворец был полон слухов, которые сбившиеся с ног слуги усердно перетаскивали из одного конца в другой, и его личный прислужник, бойкий быстроглазый Микон, разводя вечером огонь в камине спальни, вываливал их на хозяйскую голову со своими неизменными комментариями:

– Ваша Осмила закатила вчера отцу очередную истерику. Это ж надо быть такой стервой! Мало того что бедный Главный сигурн почти что поседел за эти два месяца, так теперь ей ещё и ювелир не угодил – изумруды, видите ли, в её диадеме оказались не того оттенка зелёного, как ей виделось! А ничё, что сами они чуть меньше куриного яйца! А башмачник? Тот вовсе был изгнан чуть не пинками! Он, сволочь тупая, посмел сделать застёжки на её туфлях не слишком изящными.

Слабый огонёк лизнул горку тонкой щепы, примеряясь, как бы ловчее на неё наброситься.

– А Зенда, её личная прислужница? Уж на что девушка на редкость кроткая и терпеливая, и та сегодня прям рыдала на кухне, всерьёз пригрозив утопиться в дворцовом колодце! Сам слыхал. Так Гулида еле-еле отпоила её чаем с мятой, битый час уговаривая не делать такой глупости. Вы, господин, не заметили разве, что на обед был подан слишком уж зажаренный пирог с мясом ягнёнка?

Огонь уже ярко горел, наполняя комнату живым теплом.

Грасарий сидел в кресле, вытянув ноги и устало прикрыв глаза. Конечно, он прекрасно знал, что его будущая невестка обладала вне всякой меры заносчивым и упрямым характером. А то, что Мустин Беркост решил выдать дочь замуж помимо её желания, и вовсе уничтожило последние крохи имевшегося у неё благонравия. Не такой хотел бы он видеть жену Динария, не такой, но наступившие времена не располагали к мягкотелости. Ему сейчас, как никогда, требовался прочный союз с Главным сигурном, чья невидимая власть позволила бы Грасарию занять трон в случае прямого противостояния с братом.

Мужчина тяжело вздохнул. Он прекрасно помнил, какую сумятицу в головы присутствующих внесла Эльма Гинратус, вдруг выступив из заднего ряда и предъявив права своего сына на

трон… Да, всё не так просто! И притязания Рубелия оказались далеко не бесспорными. В первую секунду он обрадовался, видя, как занервничал брат. Но отрезвление пришло очень быстро – к их тёплой компании добавился ещё один претендент! А насколько он силён и представляет ли реальную угрозу – покажет время.

И как виделось ему, Грасарию, покажет весьма скоро. Женщина погибла три дня назад и, как все преступники против короны, была похоронена в безымянной могиле. То, что об этом в скором времени станет известно её сыну Юнарию, можно было не сомневаться. Вот тут-то и начнётся самое интересное…

Грасарий открыл глаза. Зажжённые свечи горели ровно, создавая в комнате приятный полумрак. Микон, покончив с камином, приготовил серебряный таз и теперь стоял с кувшином и белоснежным полотенцем, готовясь лить воду на руки господина. Сняв камзол и рубашку, Грасарий с удовольствием ополоснул лицо и грудь прохладной водой и, вытирая крупные капли мягкой тканью, вдруг спросил:

– А что, Осмила по-прежнему страдает по моему зятю? Или уже выбросила его из головы?

Микон сложил пухлые губы в презрительную усмешку и прищурил хитрые глаза:

– Это вряд ли. Судя по её любви к деньгам, она уже давно поняла, что юноша из семейства Корстаков несравнимо богаче сына какого-то доланита. Да каждая поломойка в Остенвиле знает, что Турс Либург никогда не запускал руку в армейскую казну, считая это ниже своего достоинства. А теперь так и вовсе… – Микон округлил глаза и быстро зашептал, – больно шаткая у него должность стала. С вечера лёг спать доланитом, а просыпаешься утром, и – бах! – ты уже и не доланит вовсе! Так-то…

– А как же любовь? Она ведь знала, что Граст не слишком богат, и всё равно его любила.

– Любовь? – Микон скроил кислую рожу. – Скажете тоже! Сказки это всё! Для девственниц, чтоб не так страшно было в первый раз ноги раздвигать! Ну, понравился ей Граст, а кому бы такой красавец не понравился? Ну, порыдала немного, когда на вашей дочери женился, да и ладно. Чем ваш Динарий-то хуже? Да такого другого поискать ещё! Это она сейчас свой гонор показывает, выпендривается перед ним, а заделает он ей ребятёнка, наследничка, – и баста, заткнётся как миленькая! Баба – она ж баба и есть!

Натягивая ночную рубаху, Грасарий краем уха слушал дальнейшие рассуждения прислужника о том, как правильно

усмирять баб с норовом. Выверты Осмилы его заботили мало – в Нумерии с мнением женщины считаться было не принято. И мало кто из них мог поставить себя в один ряд с мужчиной, а если такое и случалось, то это касалось исключительно каких-нибудь торговых или мастеровых дел, а уж никак не управления государством.

Его сейчас куда больше волновала другая мысль – как бы остаться в стороне от неминуемой схватки Рубелия с ланграксом Солонии. Если верить тем немногим сведениям, которые просочились в Остенвил, Юнарий обладал взрывным и упрямым характером и ни за что не стерпит нанесённую его семье обиду.

«А ведь он и вправду вылитый Палий! – Грасарий вспомнил, как два дня назад беседовал с торговцем, прибывшим из Ундарака ещё осенью. Тот, в благодарность за большую покупку, подробно рассказал ему о характере и внешности лангракса Солонии. – И если он хотя бы наполовину также амбициозен и сумасброден, как мой безвременно почивший братец, Нумерии следует ждать бо-ольших неприятностей…

Не думаю, что торгаш стал бы мне врать, какая ему с того выгода… А значит, как ни крути, за эти годы Солония стала самым богатым ланом в стране. И Юнарию ничего не стоит собрать войско… Плати звонкой монетой, и выродки всех мастей быстренько слетятся на их звон… Нужно предупредить Либурга – пусть потрясёт Хальдекаста и Марталя. А то эти два денежных мешка подзабыли, что литы из казны должны в первую очередь идти армии, а только потом – их ненасытным жёнам!»

Грасарий усмехнулся. Надо же. Думает о чужих жёнах, а о своей вспомнил первый раз за весь день. И даже не зашёл сегодня посмотреть на новорождённого сына. Элида после стольких лет разродилась наконец-то наследником, но мальчик был так слаб, что Грасарий первые две недели даже и не надеялся, что ребёнок выживет. Главный лекарь двора только головой качал на все его вопросы – нужно ждать.

Элида сидела у постели сына день и ночь, пробовала кормить его грудью, но ребёнок сосал с трудом и сразу засыпал от слабости. Она за эти тревожные дни даже как-то усохла и постарела, а в глубине её глаз поселилось отчаяние. Но, как ни боялись они худшего, ребёнок выжил, и вот уже несколько дней женщина встречала мужа радостной улыбкой, безостановочно щебеча, сколько раз её дорогой мальчик покушал и сколько раз выдал лишнее, пачкая пелёнки ярко-жёлтым, кисло пахнущим калом.

Эта бабья трескотня раздражала, и, поглядев, как его сын, с ещё желтоватым личиком и какими-то бесцветными глазками,

бессмысленно пялится в потолок, Грасарий быстро покидал комнату. Надо же, сегодня он просто забыл о нём!

Лёжа в постели, Грасарий прикрыл глаза, позволив прислужнику поправить шёлковое, подбитое мехом одеяло. Тот ещё какое-то время потоптался по комнате, гася свечи, и наконец удалился, продолжая что-то бурчать себе под нос про заслуживающих хорошей трёпки коварных женщин.

«Боги всесильные! Другой бы кто послушал – так решил, что этот стервец пять раз был женат и все его жёны – порядочные суки!» – Грасарий ухмыльнулся. Его прислужнику было не больше двадцати трёх лет, и весь его огромный опыт семейной жизни сводился к нескольким скоротечным свиданиям во внутренних коридорах с помощницей кухарки Лисмой, рыжей кареглазой девахой с круглым румяным лицом и пухлыми губами.

«Интересно, почему сегодня Рубелий пропустил заседание Совета? Он в последнее время выглядит каким-то понурым и уставшим… или это власть на него так давит? – Грасарий потёр ноющий висок. Мучившая его весь день головная боль не утихала. – Зато Мирцея сияет, как только что отчеканенный лит!» Он никогда не любил невестку, не без основания считая её жестокой и изворотливой дрянью.

Пока ни она, ни Рубелий ни разу не выказали своего недовольства его семье. Более того, Мирцея даже лично принесла подарок его новорождённому сыну и приняла самое активное участие в подготовке свадебной церемонии, заменив занятую ребёнком Элиду. Но обольщаться не стоило. Его не трогали только потому, что он, Грасарий, не сделал пока ни одной ошибки – ни разу открыто не заявил своих претензий. А значит, мог пока жить спокойно. Пока…

Он уже почти засыпал, когда яркой вспышкой выстрелила мысль: «Мальчика назову Одарий. И нужно послать Великому салвину лишнюю сотню литов – пусть усерднее молит своих Богов о его здоровье…»

Рубелий

Как же ему плохо! Внутри будто что-то зажгли, и этот яростный огонь постепенно пожирает его… Ещё и мутит… Проклятый гусь! Так и норовит выбраться обратно… Зря не послушал Мирцею… Она предупреждала, что гуси нынче слишком жирные…

Рубелий скривился. Тошнота и не думала проходить, накатывая волнами. Как и предательская слабость, выжимавшая из его крупного тела обильный липкий пот. «Придётся вызвать Лабуса. Не верю я этому шарлатану – угробил Палия, сварг, но… не гахарского же звать. Этому паршивому овцепасу Мануку, Мирцееному любимчику, веры и того меньше… Что ему стоит сляпать какое-нибудь зелье, и всё, сдохну в два счёта, как кобель подзаборный… Сволокут в пирамиду, там места ещё полным полно…»

Слабость… Она изводила его больше всего, не давая даже думать, заволакивая мысли какой-то серой пеленой. Два дня назад он не смог заставить себя встать с дивана и пойти в Зал Малого Совета. Конечно, не велика потеря, что не услышал, сколько сена сожрали за зиму лошади мерланов и сколько литов недополучила казна в результате мора от зимней лихорадки в каменоломнях Сентории… Если бы не слабость…

Это не мог быть яд. Он ел и пил только то, что перед ним пробовал специальный прислужник, а тот весел и бодр, как всегда. Придётся всё же позвать Лабуса…

Дьявол бы побрал этих антубийских девок! Сначала Гульмира померла от непонятной хвори, которую подхватил от неё переводчик. Теперь Пальмина безостановочно рыдает в своей комнате, собирая с подушки клочки золотых волос. Странно, переводами они с ней вроде не занимались… Этой сучке трахаться бы сутками напролёт, но ему-то такие излишества уже малоинтересны. Ну да, девка в самом соку, кожа бархатная, у-у, а заводится… Пальцем проведи по нижним губкам – так соком и брызжет! Покувыркались пару ночей – и сердце так прихватило, что аж в пот холодный бросило. Решил уже – всё! Лабус приволок микстуру и ехидно так, паршивец плешивый, заметил, что молодая кобыла, мол, старого жеребца в два счета заездит. Ей-то что, кобыле…

«Идти нужно… Прибыло посольство из Солонии, и мне придётся выслушивать, чего они там просят… Лихорадка их забери! Что они могут просить? Выдать им эту чокнутую бабу, конечно! Мать их драгоценного Юнария, моего новоиспечённого

племянничка! Палий… да мог он, вполне мог, кобель бешеный, заделать ей ребёнка! Он сам хвалился тогда, с мерзкой такой улыбочкой, как поимел дочку лангракса. И, хохотнув, добавил, что был у неё первым. Да уж, порезвились мы в молодости… Может, и мой сынок гуляет где-то…»

Задыхаясь от усилия, он кое-как выбрался из кресла и стащил с себя пропитанную потом рубаху. Его прислужник, стоявший рядом с чистой рубахой, тихонько охнул. Рубелий удивлённо глянул на него и перевёл взгляд на свой живот. На слегка желтоватой коже проступали бесформенные пятна неприятного буро-коричневого цвета.

Тошнота, слегка отпустившая, вдруг накатила с новой силой, и Рубелия вырвало прямо на ноги прислужника, в ужасе уставившегося на Повелителя.

– Дай полотенце! И молчи обо всём. Понял?

Бледный Фирон кивнул и бросился за полотенцем. Спустя полчаса Рубелий, тяжело ступая, вошёл в Зал Малого Совета. Корона чугунным обручем сдавила голову, и он едва передвигал ноги под её тяжестью. Белый воротник удавкой впился в шею, скрывая от посторонних взглядов появившееся чуть выше ключицы пятно.

Усевшись на трон, Повелитель постарался сосредоточиться и унять неприятную дрожь в пальцах. Члены Совета были в сборе. Мирцея с тревогой посмотрела на мужа, но ничего не сказала. Видя, что он не выражает ни малейшего желания начинать Совет, она поправила тонкими пальцами свою причёску и заговорила:

– Вы все знаете, что за дверью нашего разрешения ожидает посольство лангракса Солонии. Хотя, и это известно каждому, в Нумерии посольство может быть только у Повелителя государства, а не у какого-то захудалого лангракса.

Мирцея помолчала, пережидая раздавшиеся возгласы.

– И я уверена, вы знаете, для чего оно прибыло!

Согласные кивания голов присутствующих были вполне достаточным ответом.

– Отдать им женщину мы не можем. Она умерла и похоронена. А то, что предано земле, там и должно оставаться. Самый страшный грех – разрыть чужую могилу, потревожив покойного.

Главный сигурн, усмехнувшись, перебил Мирцею:

– Но они всё равно потребуют её, живую или мёртвую. Ради этого они и прибыли сюда. И чихали они на эти предрассудки.

Мирцея скривилась, как от зубной боли. Этот человек раздражал её с каждым днем всё больше, и она в мыслях уже представляла тот счастливый день, когда с треском выставит

этого умника за дверь Совета.

– Вы говорите очевидные вещи, Мустин Беркост. Конечно же потребуют. Каждый любящий сын должен поступить так. Но… вот тут нам и пригодится ваше умение дипломата, Главный сигурн! Вы должны убедить этих людей в том, что Эльма Гинратус умерла от какой-то внезапной и очень заразной болезни, которую она подцепила в дороге. Несмотря на все усилия наших лучших лекарей и созданные нами идеальные условия, бедняжка всё же погибла. И была похоронена, – голос Мирцеи взлетел над возникшим шумом, – сразу после смерти! Дабы предотвратить распространение этой жуткой заразы по Остенвилу!

Мужчины переглядывались и скептически качали головами, вполголоса обсуждая сказанное. Даже всегда невозмутимый Фортус Хальдекаст был сегодня не похож на себя – на его бледном лице выступил лихорадочный румянец. Тостин Арвидол, министр тайного приказа, потирая покалеченную кисть левой руки, нарушил вдруг повисшее в зале молчание:

– Глупости! Не поверят они. Я бы тоже не поверил, слушая такое наглое враньё. Если бы она умерла в той гостинице, где остановилась со своими людьми, которых мы, надо сказать, бесславно упустили, ещё можно было о чём-то говорить. Но её арестовали и увели в Саркел. И этому было, как минимум, тысячи полторы свидетелей!

Мирцея злобно уставилась на говорившего:

– Да уж, скажите честно, это вы их упустили, драгоценный наш Тостин! Ваши хвалёные соглядатаи, на которых мы каждый год тратим уйму денег! И что-то мне подсказывает, вы вряд ли сможете дать нам полный отчёт, куда уходят все эти денежки!

Министр только пожал плечами. Не имело смысла спорить с Мирцеей. Особенно сейчас, когда нужно было срочно решать проблему, о которой он твердил Повелителю с первой же минуты заключения Эльмы под стражу. Этот Корстак оказался ещё упрямей своего брата… Но какова его жёнушка! Вот же сволочная баба! Он много чего знал о ней, и у него было чем прикрыть её ротик, но… не сегодня.

Тостин Арвидол перевёл взгляд на Повелителя. Тот безучастно сидел, привалившись к спинке трона, и, казалось, с трудом улавливал суть происходящего. «Совсем раскис, дьявол его побери! Что же это происходит? Куда Лабус смотрит, хрен он собачий?! Мирцея и его подкупила? Или запугала? Не похоже на него… Сегодня же зайду к нему и всё выясню…»

Мирцея выждала, пока под её горящим взглядом шум стихнет, и продолжила:

– Мы должны предложить им вместо трупа заключение

нашего лекаря, всеми уважаемого Лабуса Сусвинта. Его репутация высока, и он известен своим непреклонным характером далеко за пределами Остенвила.

– Вот именно! – Главный сигурн ухмыльнулся и с издёвкой посмотрел на Мирцею. – Он никогда не подпишет такое заключение, уж я-то Лабуса знаю!

Женщина поджала губы и, прищурив глаза, одарила Беркоста презрительной улыбкой:

– А вот это уже не ваша печаль, Главный сигурн! Подпишет. А если нет… – И, обрывая дальнейшие возражения, махнула рукой стоявшему у дверей лантару.

В зал вошли трое. Впереди шагал высокий мужчина лет сорока. В его коротких волосах уже кое-где блестели седые пряди, но тёмные глаза оглядели сидящих цепким взглядом. Одет он был в длинный тёмно-синий кафтан и высокие блестящие сапоги из прекрасно выделанной кожи. Крупные пуговицы бежали по его груди серебряной змейкой с сапфировой чешуей. Серебряный пояс, также отделанный сапфирами, туго охватывал его талию.

Вторым шёл грузный мужчина с роскошными рыжеватыми усами, свисавшими ниже гладко выбритого подбородка. Его когда-то восхитительная шевелюра была изрядно потрепана годами, но её с избытком компенсировали густые кустистые брови, из-под которых грозно сверкали зелёные глаза. Ноздри мясистого носа яростно раздувались, красноречиво говоря о кипевших в его хозяине чувствах.

Массивная золотая серьга и чуть раскачивающаяся походка выдавала в нём старого морского волка. Он ступал, широко ставя кривоватые ноги в мягких сапогах из лосиной кожи, как будто под ним стелился не мраморный пол дворца, а деревянная палуба прыгающей по волнам галеры.

Широкий пояс, стягивающий его объёмистое брюхо, был собран из толстых золотых и серебряных пластин с огромной застёжкой в виде головы спрута и был украшен целой россыпью драгоценных камней. Тёмно-бордовая короткая куртка и такого же цвета штаны из бархата довершали его наряд.

Третьим в этой компании был худощавый молодой человек в неприметном сером костюме, единственным украшением которого стала серебряная цепь, каждое звено которой было выковано в виде прыгающих дельфинов. Серые холодные глаза юноши внимательно разглядывали всех присутствующих в Зале приёмов…

Подойдя к возвышению, троица остановилась, всем своим видом показывая, что не намерена изображать почтение к Повелителю Нумерии. Наконец, когда затянувшееся молчание

грозило стать просто неприличным, Мустин Беркост взял на себя обязанности радушного хозяина.

– Повелитель Нумерии Рубелий Первый приветствует вас, достойные граждане Солонии! И готов выслушать ваши просьбы, ради которых вы проделали столь долгий путь.

От глаз Мирцеи не ускользнула ненависть, промелькнувшая на лицах посланников при этих словах. Высокий мужчина сделал шаг вперёд и громко произнёс:

– Рубелий Корстак! Досточтимый лангракс Солонии Юнарий Гинратус требует немедленного освобождения из Саркела своей матери, благородной госпожи Эльмы Гинратус, заключённой туда с нарушением всех законов Нумерии! Я, Суан Дейлоп, главный советник лангракса Солонии, направлен моим господином и Повелителем, дабы сопроводить её домой со всеми причитающимися ей почестями!

Первым пришёл в себя от столь неслыханной наглости Главный судья. Подскочив так, будто его кто-то снизу ткнул мечом в мягкое место, он истошно завопил, брызгая слюной и размахивая руками:

– Да как вы посмели что-то требовать у нашего Повелителя? Вы… вы можете только, преклонив колени, просить его высочайшей милости!! И при этом ещё вы… – Аврус Гентоп закатил глаза и чуть не задохнулся от избытка чувств, – вы посмели назвать Повелителем какого-то… лангракса! Это же гнусное предательство и государственное преступление! – Голос Главного судьи упал до трагического шёпота, должного придать большего веса его словам.

Гости не шелохнулись и не выказали ни малейшего страха перед столь тяжкими обвинениями. Дейлоп ухмыльнулся и нарушил повисшее после слов судьи молчание. Глядя прямо в лицо Рубелия, он повторил:

– От имени моего господина и Повелителя, мы требуем, чтобы Эльма Гинратус была немедленно освобождена и доставлена сюда!

Судья, покрывшийся багровыми пятнами, уже открыл рот, чтобы излить очередную порцию праведного гнева, но Мирцея, подняв руку, заставила его попридержать свой язык.

– Наши гости несколько утомлены дальней дорогой, и поэтому не всегда могут почтительно выразить возникшую у них мысль. Но Повелитель Нумерии великодушен и не собирается считать их нешуточное беспокойство за свою госпожу Эльму государственным преступлением. Это уж слишком, дражайший Гентоп! Слишком! Тем более что досточтимую госпожу никто и не задерживал.

Посланники в замешательстве переглянулись. Мирцея с непроницаемым лицом продолжала:

– Госпожу Гинратус действительно вывели из Зала и доставили во Дворец Правосудия, но… лишь для того, чтобы спасти её! Рассерженная толпа, не поверившая ни единому её слову, уже готовилась наброситься на госпожу Эльму, и тогда даже доблестным Золотым Мечам вряд ли бы удалось предотвратить безжалостную расправу.

Толстяк с серьгой в ухе громко хмыкнул и, уперев крепкие руки в бока, пробасил:

– Глотка Вельзевула! Так это меняет дело! Значит, мы сейчас же увидим свою госпожу!

Мирцея придала лицу скорбное выражение и сочувственно вздохнула:

– Всё не так просто, уважаемый Эйлин Крок. К моему огромнейшему сожалению, в тот же день госпожа Эльма внезапно впала в нервную горячку, вызванную её эмоциональным выступлением, отнявшим у бедняжки столько сил. Наш лучший лекарь Лабус Сусвинт, известный своим искусством далеко за пределами этого дворца и даже Остенвила, приложил все свои усилия, чтобы вылечить госпожу. Но видимо, силы её были слишком подорваны, да ещё в долгой дороге к ней привязалась какая-то жуткая хворь, мгновенно превратившая эту цветущую женщину в умирающий цветок. И через два дня мы уже горько оплакивали её безвременный уход…

Главный сигурн прикрыл лицо рукой, очень надеясь, что его трясущиеся в беззвучном смехе плечи со стороны похожи на рвущиеся из души рыдания. «Вот же сучка гахарская! Врёт так, что вот-вот сама слезу пустит!»

Эйлин Крок, по мере того как до него доходил смысл сказанного, багровел всё больше и больше. От его рёва, привыкшего соперничать с грохотом морских волн, затряслись витражные окна в Зале приёмов.

– Вы подло уморили нашу госпожу?! – Его руки судорожно шарили по поясу, ища оставленный при входе меч.

Не найдя его, он угрожающе двинулся к трону, готовый голыми руками разорвать виновных в этом злодеянии. Рубелий дёрнулся, выходя из прострации, но Мирцея даже не шелохнулась. Золотые Мечи, положив руки на рукояти своих мечей, сдвинулись и преградили толстяку путь к возвышению.

Суан Дейлоп шагнул вперёд и опустил руку на плечо своего товарища. Тот зарычал и сбросил её, но Суан был настойчив. Громко пыхтя и ругаясь самыми грязными словами, толстяк нехотя отступил.

Прошло несколько минут, прежде чем все немного успокоились, и Мирцея смогла продолжить, правда, уже без прежней сочувственной нотки:

– Мы сожалеем, что госпожа Эльма умерла, но даже наш лекарь не способен на чудеса. Она была похоронена сразу же, в этот же день, – мы не могли допустить, чтобы страшная неизвестная болезнь уничтожила всех жителей Остенвила!

– Не думаю, что от этой заразы, которую вы так испугались, пострадал здесь ещё хоть кто-то. – В голосе молодого мужчины, всё время державшегося за спинами товарищей, звучала нескрываемая горечь. – Но если моя мать действительно умерла, мы настойчиво требуем выдать нам её тело, чтобы с полагающимися почестями похоронить в семейной усыпальнице лангракса Солонии.

Мирцея с интересом разглядывала говорившего. Молодой человек был красив, с тонкими чертами лица. На плечи падали густые, чуть волнистые пряди каштановых волос. Тёмные глаза его смотрели грустно-насмешливо.

– Я надеюсь, в нашем требовании нет ничего противоречащего законам Нумерии?

Аврус Гентоп опять подскочил как ужаленный. Его пронзительный голос впился в потолок:

– Конечно же есть! Третий пункт Закона о смерти гласит, что «погребённый покойник, похороненный в земле или в специальном сооружении, не может быть извлечён оттуда ни при каких условиях, дабы не тревожить священный прах усопшего нашими земными делами, а его душу – суетой жизни».

Суан Дейлоп усмехнулся:

– Ничего, госпожа Эльма простит нам суету этой жизни! Но если мы оставим её лежать в чужой неприветливой земле, её душа будет преследовать нас вечно.

Гентоп, усевшийся на своё место с чувством исполненного долга, вздёрнул подбородок:

– Душа не покинет своего тела, так что вам в Солонии она не страшна.

Ярость плеснулась в глазах Эйриса Гинратуса, но он вполне спокойно произнёс:

– Уважаемый судья забыл, видимо, что гласит второй пункт этого Закона: «Каждый усопший должен быть оплакан своими родными и получить все причитающиеся ему почести». Моя мать, увы, была лишена этого, а значит, вы нарушили свой собственный закон.

Быстро моргая своими поросячьими глазками, Аврус уже приготовился вступить с наглецом в перепалку, когда Мирцея,

резко взмахнув рукой, решительно прекратила не в меру затянувшуюся дискуссию, грозившую загнать присутствующих в беспросветные дебри юридических хитросплетений.

– Довольно! Мы понимаем вашу боль, господа, но тело останется там, где ему и положено быть, в земле! И передайте вашему ланграксу наши глубокие соболезнования!

Но Дейлоп не собирался отступать так просто:

– Мы хотели бы увидеть могилу, чтобы украсить её любимыми цветами госпожи Эльмы.

– Это совершенно невозможно! Болезнь слишком заразна, уже умерла прислужница, ухаживавшая за вашей госпожой. Поэтому наш Совет принял мудрое решение сохранить в тайне место захоронения!

Уже две руки с обеих сторон опустились на плечи Эйлина Крока, разразившегося новой порцией отборных ругательств, самыми нежными из которых были «вонючие ублюдки» и «проститутки кусок». Мирцея брезгливо поморщилась, но продолжила, слегка повысив голос, чтобы перекрыть этот бычий рёв:

– Единственное, что мы можем вам предоставить, – подписанное лично Главным лекарем заключение о причине смерти госпожи Гинратус, которое вы сможете отвезти своему ланграксу. Если оно вам потребуется, я готова… мы готовы вам его передать.

Эйрис коротко взглянул на товарищей:

– Хорошо. Мы хотим завтра же получить это заключение. Но… – его глаза впились в лицо Мирцеи, – сначала мы желаем лично побеседовать с вашим Главным лекарем. Причём немедленно!

Смятение, мелькнувшее на лице жены Повелителя, которое она постаралась тут же скрыть за напускным безразличием, сказало ему больше, чем все произнесённые до этого момента слова.

– Мы подумаем и дадим вам ответ позже! – Мирцее хотелось поскорее закончить этот тягостный разговор, и она повернулась в Рубелию.

Тот, изнемогая под тяжестью короны и жестоко потея в плаще из плотного шёлка, решительно заявил:

– Вы получите наш ответ. И заключение тоже. Прощайте.

Дверь за послами закрылась. В мрачной тишине, повисшей вдруг в Зале, было слышно только шумное дыхание Повелителя.

Лабус

Взгляд скользил по полкам, столам и стенам. В этой комнате он провёл последние два десятка лет своей жизни, но сегодня он должен уйти. Если ему хоть чуточку дорога его ещё не совсем надоевшая жизнь.

Час назад он был вызван в покои Мирцеи, причём туда его сопровождали два Золотых Меча, остававшиеся у дверей в течение всего их недолгого разговора. Мирцея, в лиловом халате, невыгодно оттенявшем бледность её усталого лица, не стала ходить вокруг и около. Добавив в свой голос приличную порцию металла, она заявила стоящему перед ней лекарю:

– Надеюсь, ты в курсе, что из Солонии прибыли люди, среди которых младший сын Эльмы Гинратус. Сегодня они потребовали выдать им её тело, чтобы захоронить в семейном склепе. – Лабус слушал, не прерывая. – И совершенно понятно, что этого мы сделать не можем.

Мирцея пристально смотрела на лекаря, не особо ожидая от него ответа, но тот посчитал, что пришло время что-то сказать, и промямлил:

– Пожалуй… Не думаю, что им понравится то, что они увидят…

– Вот именно. Любой деревенский костоправ сразу поймет, что баба утонула, а не умерла от чего-то там ещё. Поэтому… – металла в голосе прибавилось, он уже просто резал слух, – ты к завтрашнему утру должен написать и закрепить своей подписью заключение о смерти этой идиотки от внезапной и крайне опасной болезни, приключившейся у неё на фоне нервного истощения. И что все твои знания и умения как лекаря не помогли справиться с этой пока неизвестной в Остенвиле заразой.

Жена Повелителя умолкла. Молчал и Лабус, обдумывая услышанное. Сердце глухо и тяжело ворохнулось в груди, отозвавшись острой болью. «Ну, вот и всё…». Дальше мысль думаться не хотела, застряв на этой нехитрой фразе. Он поднял голову. Мирцея с напряжённым лицом уставилась на него, в её тёмных глазах застыла тревога.

Лекарь кашлянул и, потерев пальцами переносицу, тихо выдавил:

– При всём моём уважении к роду Корстаков, к которому за эти долгие годы я привык относить и вас, госпожа Мирцея, должен сказать, что не смогу дать требуемого вами заключения. И даже если оно будет написано кем-то другим, я никогда не поставлю под ним свою подпись.

Мирцея откинулась на спинку кресла и нервно улыбнулась:

– Ну, ничего другого я и не ожидала! – Она потянулась за стоявшим на столе кубком и отхлебнула из него большой глоток вина. – А придётся, дорогой мой Лабус, придётся. Или ты считаешь, что какая-то паршивая бумажка стоит того, чтобы рисковать миром и спокойствием целой страны? – Мирцея сделала ещё один глоток. – Не-ет, дражайший лекарь, не стоит…

– Вы ошибаетесь, госпожа. – Лабус прислушался к неровным толчкам своего сердца. – Моя репутация Главного лекаря не позволит мне дать ложное заключение о смерти, как бы вам ни хотелось скрыть гнусное преступление.

– В таком случае – бывшего Главного лекаря! И я не намерена больше тратить время на разговоры! Я слишком устала, уговаривая этих тупоголовых остолопов из Солонии, чтобы ещё и собственному лекаришке объяснять, что для Повелителя Нумерии сейчас важна эта твоя небольшая… услуга!

Лабус упрямо молчал, глядя себе под ноги.

– Иди! У тебя есть два часа на раздумье, и я надеюсь… очень надеюсь, что ты примешь правильное решение. И нужное мне заключение о смерти Эльмы будет на этом столе… – Рука со сверкнувшим в свете лампы бриллиантом легла на круглый столик из красного дерева. – А иначе… – Женщина встала и отошла к окну, за которым уже догорал короткий день ранней весны.

– А иначе?

Мирцея резко обернулась и, окинув лекаря с головы до ног презрительным взглядом, улыбнулась:

– Ты мне казался умнее, Лабус. Или годы сытой, беззаботной жизни и твой ум покрыли плесенью? Тогда хочу тебе напомнить – нижний этаж Саркела свободен. А морской воде всё равно, кто будет в ней захлёбываться!

Визгливый хохот стегнул его по лицу, и, уже покинув комнату, Лабус всё ещё морщился от этих пронзительных звуков. Золотые Мечи, как привязанные, шли за ним, но когда он попробовал свернуть в коридор, ведущий в сторону от его комнаты, один из стражников вежливо, но жёстко пресёк эту попытку.

– Прошу прощения, господин Главный лекарь, но мы должны исполнить приказ жены Повелителя – доставить вас в ваши покои, а через два часа снова отвести в покои госпожи.

Лекарь молча кивнул – они выполняли приказ, и он не мог их за это винить. А вот он приказ Мирцеи выполнять не собирался.

Стражи остановились у его личных покоев, но Лабус прошёл по коридору дальше, к комнате, где он принимал больных и

готовил лекарства. Золотой Меч попробовал возразить, но лекарь сурово глянул на него:

– Госпожа Мирцея попросила меня подготовить документ, а всё, что мне для этого потребуется, находится в этой комнате. Можете убедиться, что в ней никого нет. И попрошу не мешать мне – документ очень важный, и я хочу выполнить поручение в срок!

В комнате действительно никого не оказалась, и лантары заняли свой пост, приготовившись терпеливо ждать. Оставшись один, Лабус упал на высокий табурет. Сердце всё ещё отдавало болью, но уже не колотилось, как пойманная в сеть пичуга. Ему нужно было успокоиться и всё тщательно обдумать.

После смерти Палия он постоянно возвращался к мысли, что вскоре наступит время, когда его услуги перестанут быть нужны новому Повелителю. Появится новый Главный лекарь, а он, наконец, сможет оставить эту суетную должность и купить давно присмотренный домик в Торговом конце Остенвила. И станет блаженствовать с какой-нибудь интересной книжицей в маленьком ухоженном садике, принимая солнечные ванны и слушая пение птиц по утрам.

Вот и чудненько… Лишнее подтверждение тому, что мечты имеют одну постоянную особенность – рушиться в тот самый момент, когда кажется, что ещё мгновение – и всё будет именно так, как ты, старый дурак, себе напридумывал! Будет тебе и домик, и садик, и птички по утрам… если унесёшь отсюда свою задницу! Причём в ближайшие два часа…

Тяжело поднявшись, Лабус дотащился до полки у окна, где отыскал бутылочку из тёмного стекла. Накапав немного жидкости в маленький стаканчик, он плеснул туда воды из кувшина и залпом выпил. Скривившись от горечи, он выждал пару минут и с удовлетворением отметил, что боль отпускает. Сунув почти полную бутылочку в карман своего балахона, он уселся на диван и замер, устало прикрыв глаза.

Если бы он верил хотя бы в одного из предложенных жителям Нумерии Богов, то сейчас бы непременно горячо ему молился. Но, за неимением веры, он мог только похвалить себя за дальновидность и житейскую предусмотрительность, которая при нынешних обстоятельствах оказалась редкой удачей.

Лабус встрепенулся и ещё раз внимательно осмотрел комнату. Всё было как всегда, предметы находились на своих местах. Стена слева от входа сплошь была заставлена шкафами. В них хранились необходимые вытяжки и настойки, из которых сам лекарь или его ученик готовили лекарства на все случаи жизни. Сухие травы лежали прямо на шкафах в полотняных мешках или

свисали с балок по всем углам большой комнаты.

В её середине стоял массивный стол, заваленный множеством книг и бумаг, исписанных быстрым летящим почерком Лабуса. Это были краткие записи о больных и их болезнях, а также предписанных им лекарствах – даже безупречная память начинала теперь иногда подводить лекаря. Справа от входа приткнулся диванчик, на котором обычно осматривали больных, а в углу, у окна, была сложена небольшая печь, где и варились ингредиенты для знаменитых микстур Главного лекаря.

Бывшего Главного лекаря… Лабус невесело усмехнулся. Да пропади она пропадом, эта должность! Было бы о чём жалеть… Остаться без головы куда как неприятнее. Но… тут Мирцея просчиталась. Жестоко просчиталась! Хитрая баба уже решила, что загнала его в угол, наступила на горло и он, одумавшись и отчаянно ухватившись за жизнь, напишет всё, что она ему прикажет… Лабус даже думать не хотел о том, что было бы… если бы всё было именно так.

Встав, он собрал по краю свечи мягкий воск, подошёл к двери и затолкал его в замочную скважину – неожиданности ему сейчас совершенно ни к чему. Массивный засов бесшумно опустился на хорошо смазанных петлях – хвала Богам, помощник Бисар всегда заботился, чтобы лишние звуки не отвлекали лекаря от его занятий.

Пора уходить. Подойдя к открытому шкафу, Лабус пробежал глазами по рядам бутылочек и флаконов, выбрал несколько из них и распихал по карманам своего необъятного балахона. Подумав, он добавил к ним ещё пару флаконов из другого, скрытого в глубине маленького шкафчика – кто знает, вдруг яд потребуется ему уже сегодня…

Оглядев комнату в последний раз, он пошире открыл окно и придвинул к подоконнику низенькую скамейку. Закончив приготовления, лекарь подошёл к крайнему справа шкафу и, встав на колени, нащупал на его задней стенке выступающую металлическую скобу. Шкаф бесшумно отъехал от стены, легко повернувшись на тяжёлых шарнирах.

Этот потайной ход Лабус обнаружил случайно лет десять назад, доставая закатившуюся под шкаф костяную трубочку. Ход шёл, петляя в темноте, и упирался в глухую стену. Лекарю пришлось тогда изрядно попотеть, разгадывая секрет запорного механизма, но результат того стоил – стена сдвинулась, выпустив его в малоприметный тупичок недалеко от дворцовой кухни. И теперь стоило только пройти этот путь – и домик с садиком, пусть и не в Остенвиле, становился вполне осязаемой реальностью. Благо, большинство собранных за жизнь литов дожидались его

тут же, в увесистом кожаном поясе, свернувшемся у входа толстой змейкой.

Надев пояс, и вновь порадовавшись его приятной тяжести, Лабус зажёг приготовленную лампу и ступил в темноту, нажатием рычажка вернув шкаф на место. Его прежняя жизнь окончилась, а что ждёт дальше – можно было только гадать.

Оставив лампу в тупичке, он спокойно вышел во внутренний коридор, но вместо того, чтобы повернуть к кухне, зашагал в другую сторону. Он должен был сделать ещё одно дело, а для этого ему требовалось ненадолго задержаться во дворце. Спрятаться лекарь мог только в одном месте, и он горячо молил свою удачу не изменить ему и на этот раз.

Удача сегодня была милостива, как никогда, – Туфин Бугвист был один. Прикрыв дверь, Лабус тихонько опустил засов и без сил рухнул на диванчик. Книгочей оторвался от лежащей перед ним книги и вопросительно взглянул на приятеля. Тому потребовалось меньше минуты, чтобы объяснить причину своего внезапного появления.

Не проронив ни слова, Туфин кивнул и проводил лекаря в глубь читальни, где за неприметным шкафом находилась небольшая комнатка, обычно пустовавшая, о которой знали только сам книгочей да его личный прислужник Рист. И очень вовремя – в дверь читальни кто-то громко застучал.

Ругнувшись, книгочей отправился открывать. На пороге стоял помощник министра денежных дел, напыщенный и туповатый Жустин Гроль, явившийся за книгой по истории изготовления денег. Туфин быстренько спровадил мужчину, пообещав прислать книгу с прислужником, но как только тот ушел, заявился Главный распорядитель охоты, а за ним – писец из дворца Правосудия за обещанными бутылками с цветными чернилами.

Поговорить им удалась только поздним вечером, когда поток посетителей иссяк, а Рист, принёсший книгочею ужин, был отправлен в свою комнату. Жуя кусок пирога, Лабус с грустью слушал о том, какой переполох вызвало во дворце его неожиданное бегство. Мирцея орала так, что её было слышно на всех этажах дворца, а охранявшие покои Главного лекаря Золотые Мечи были тут же разоружены и арестованы.

Во все концы Остенвила были посланы стражники с недвусмысленным приказом – избегая огласки и лишнего шума, доставить Лабуса Сусвинта во дворец. Незамедлительно. Живого или мёртвого… И лекарь небезосновательно полагал, что в мёртвом виде он был бы короне куда как полезней.

Туфин нервно ходил по комнате. Им нужно было придумать, как спрятать Лабуса, пока не утихнет вся эта шумиха, и Золотые

Мечи не перестанут переворачивать вверх дном всё во дворце и в его окрестностях.

– А почему бы мне не пожить пока в читальне? – Туфин потёр ладони. – В Книгу в последнее время требуется писать всё больше – события валом валят, а руки-то у меня одни! Глядишь, наши правители и оценят моё усердие! Хотя твоё уже оценили…

Улыбка вышла кривая. Ситуация, заставившая Лабуса бросить всё, спасая свою жизнь, вскоре могла повториться уже с ним. И кто знает, как скоро…

Лекарь кивнул и грустно усмехнулся:

– Угу… А повышенные нагрузки потребуют дополнительного питания, и твой горшок будет наполняться в два раза быстрее… Ты уверен в Ристе?

Туфин пожал плечами и глянул другу в глаза:

– А у нас есть выбор?

Рубелий

Медведь навалился на него всей своей тушей, вжимая в жёсткую промёрзшую землю. Из его открытой пасти с жёлтыми истёртыми клыками смердило так, что было нечем дышать. Мужчина пытался столкнуть с себя безумную тяжесть, но руки, такие сильные раньше, теперь были словно ватные и едва могли удерживать страшную морду на расстоянии. Короткое копьё пробило сзади череп медведя, и с тяжёлого наконечника, торчащего из пасти, на лицо Рубелия капала густая горячая кровь. Капала и капала. Кровь…

Рубелий вздрогнул и открыл глаза. Темноту ночи едва рассеивал свет свечи, горевшей в углу на столике. Повелитель Нумерии глубоко вдохнул. Тяжесть исчезла, но выматывающая его последнее время слабость не ушла. Тело сотрясала мелкая неприятная дрожь, хотя в комнате было довольно жарко. Пожалуй, даже слишком жарко – он опять покрылся липким потом под лёгким одеялом из пуха горных коз.

Он медленно повернул голову. Подушка под щекой была мокрой. С трудом подняв руку, Рубелий провёл ею по лицу. Пальцы тут же стали липкими. Он поднёс их к глазам и зачем-то понюхал. «Кровь… А медведя уже унесли… – мужчина снова вздрогнул, вспомнив свой сон. – Боги, я схожу с ума! Откуда в моей спальне пещерный медведь! Но… ведь кровь…»

– Фирон! – Голос прозвучал слабо, и Рубелий был уверен, что прислужник, в последнее время ползавший, как осенняя муха, и засыпавший на ходу, его не услышит. – Фирон, сваргова погибель! Быстро тащи сюда свою зад ницу!

За ширмой завозились, и Фирон, босой и в одной рубахе, зашлёпал к ложу Повелителя. Прислужник был бледен, его слегка покачивало. Остановившись у кровати, он замер в почтительном полупоклоне:

– Слушаю, мой господин.

– Посмотри, что это?

Фирон взял свечу и вернулся к хрипло дышавшему Рубелию. Осмотр продолжался недолго, тем более что вердикт был известен заранее.

– Это кровь, господин.

Рубелий испуганно выдохнул:

– Медвежья?

Прислужник странно взглянул на хозяина, но согласился:

– Если господину угодно… Но она вытекла из вашего носа – вся борода вон сбоку слиплась.

Рубелий прикрыл глаза. Мысли в голове метались и путались, и у него совершенно не было желания в них разбираться. Единственное, чего ему сейчас хотелось, – заснуть. Только без этих кошмаров, преследовавших его которую уже ночь.

– Позови Лабуса… Немедленно…

Фирон развернулся и покорно поплёлся к двери, но вдруг остановился:

– Лекарь ведь сбежал, Повелитель. Ещё неделю назад. А его помощника Бисара под стражей держат… но ради вас могут выпустить… наверное…

– Проклятие! Я совсем забыл… Ладно, дай мне умыться и смени подушку. Я попробую заснуть, а утром… Дьявол, почему его до сих пор ещё не нашли?

С трудом сев в постели, он кое-как смыл с бороды запёкшуюся кровь. Фирон потянул испачканную подушку, из-под которой на пол выпал сложенный вчетверо листок бумаги.

– Здесь письмо какое-то, мой господин.

Мужчина удивлённо взглянул на прислужника:

– Какое ещё, к дьяволу, письмо?

– Здесь написано «Повелителю Нумерии». Вам, значит…

Рубелий повертел листок в дрожащих пальцах:

– Посвети!

Свеча дрожала в руке прислужника, и мелкие буквы прыгали, никак не желая складываться в слова.

– Прочитай! – Он протянул листок Фирону и устало повалился на подушки.

– Но…

– Читай, кому говорю!

– «Рубелий Корстак! Твоя внезапная болезнь является делом рук близкого тебе человека. Слишком близкого и слишком желающего тебе смерти. Тебя убивает не яд, он был бы куда более милосерден. Ищи „сияние“, оно беспощадно ко всем. И покарай убийцу. Твой друг».

Рубелий смотрел на прислужника, который произнёс последние слова побелевшими от ужаса губами, и всё его существо вдруг начал заполнять поднимающийся откуда-то из глубины мутный скользкий страх.

– Что это… за глупость! – Голос мужчины жалко дрогнул. – Какое ещё сияние?

– Это… смерть, мой господин, ужасная и беспощадная… – Фирон, будто из него разом выпустили весь воздух, в полном изнеможении опустился на край постели. – Ещё мальчишкой я слышал рассказ моего дядьки. Тот надсмотрщиком служил на одной шахте в Триании, когда там нашли это самое «сияние».

Хозяин Галиган Освел под страхом смерти запретил говорить о нём, но вино развязывает языки многим… Мой дядька болтал, что нет от него спасения – оно проникает через стены и убивает тихо, так что человек ничего не понимает… сначала…

Повелитель вздрогнул, словно его коснулся порыв ледяного ветра. Галиган Освел… Какой же ты дурак, Рубелий Корстак! Самодовольный дурак, если вдруг решил, что надетая на лысину корона может защитить тебя от всех несчастий. Особенно если это несчастье – твоя собственная жена!

– Ищи его! Немедленно! – Рубелий рявкнул на плачущего в ногах кровати Фирона. – Оно должно быть здесь! Обыщи всё до последней нитки, но найди мне это проклятое… «сияние»!

На то, чтобы найти привязанный под матрасом увесистый холщовый мешочек, понадобилось немного времени – слава Богам, смекалка ещё не покинула прислужника. Рубелий смотрел на тусклый серый камень, лежавший перед ним на серебряной тарелке, и никак не мог избавиться от терзавшего душу сомнения.

– Неужели, это он? Что твой дядька говорил про то, как он выглядит?

– Я не помню, господин. Единственное, что он знал точно, – камень светится в темноте… – Фирон старался держаться подальше от смертельно опасного минерала.

– Свечи! Погаси все свечи! Быстрей!

Утро ещё только-только собиралось заступить на смену ночи, и в густом полумраке комнаты камень действительно начал испускать неяркий мертвенно-холодный свет.

– Боги Истинные и Вечные! «Сияние»! Дьявольское отродье! Я и правда умру? – Рубелий в ужасе закрыл лицо руками. – За что?! Сука, подлая грязная сука! Мерзкая тварь! – Ужас на его лице сменился холодной яростью. – Но ты просчиталась, гадина, я ещё жив! Ещё жив… Быстро сюда Главного сигурна и Главного судью!

– Но… мой господин! Ещё ночь, а господин Аврус Гентоп живёт рядом с Дворцом Правосудия. И Главный сигурн вчера покинул дворец, я сам видел…

Слабость накатила новой волной, выжав из него последние остатки сил, и Рубелий нехотя согласился:

– Ладно. Отдай приказ Мечам – через три часа они должны быть здесь. И закрой же наконец чем-нибудь этот проклятый камень!

Лея

Сердце бешено колотилось в груди, мешая расслышать, о чём говорят голоса за дверью. «Только бы они не начали проверять… Только бы не начали…»

Голоса смолкли, и Лея услышала звук удаляющихся по коридору тяжёлых шагов. Повернув голову, она кивнула Млаве, замершей рядом с белым от волнения лицом. Одними губами, как будто стоявшие за дверью стражники могли их услышать, Лея прошептала:

– Потом ещё стража у главного входа и у ворот…

– Всё будет хорошо, госпожа! Ситус такой проныра, он кого хочешь уболтает!

Лея хитро глянула на прислужницу, лицо которой постепенно покрывалось румянцем:

– А он тебе нравится!

– Да что вы, госпожа, он такой… наглец! Чуть отвернёшься – так и норовит за грудь полапать или под юбку залезть! – Лицо Млавы уже просто пылало.

Лея расхохоталась:

– Будем надеяться, что это его единственный недостаток! Только бы всё получилось!

Страх возвратился и начал терзать её с новой силой. Маленький щенок с серыми глазами, всё время крутившийся под ногами, сел и жалобно заскулил, просясь на руки. Лея подхватила его и зарылась лицом в мягкую шёрстку.

– Берсик, мой маленький! Совсем хозяйка про тебя забыла. Ну, давай, покормлю тебя!

Плеснув в миску молока и отломив кусочек холодного пирога с курицей, она поставила всё это на пол и уселась на диванчик, наблюдая, как щенок с завидным аппетитом набросился на еду.

События последних дней разворачивались стремительно. И девушка до сих пор не верила, что вчера утром сделала то, о чём ещё неделю назад не могла даже подумать. Она доверила Хайрелу Беркосту тайну, которая могла привести её и её друзей в лучшем случае на виселицу. А в худшем… о худшем думать не хотелось. Но ей ничего не оставалось, как положиться на этого человека, – слишком мало у неё во дворце друзей, а те, которые и были, сами нуждались в помощи.

Всё началось с того, что запертый в своей комнате по приказу Мирцеи Лабус внезапно исчез, словно растворившись в воздухе. Открытое окно мало кого обмануло, и стоявшие на страже у его покоев лантары были тут же арестованы и обвинены в

государственной измене, несмотря на их категорическое отрицание своей вины.

Золотые Мечи перевернули комнату лекаря и обшарили все коридоры дворца, но тот как в воду канул. Среди слуг пополз упорный слушок, что всё это не иначе, как дьявольская шутка, и многие, проходя мимо его комнаты, стали делать пальцами оберегающий знак.

Мирцея же ни в какие фокусы с исчезновениями и происки потусторонних сил не верила, а потому приказала проверять всё, что выносится из дворца на предмет наличия в этом спрятавшегося Лабуса. Его помощник Бисар был с пристрастием допрошен старшим палачом о судьбе лекаря, но парень клялся всеми Богами, что даже представить себе не может, как тому удалось покинуть дворец.

Удивительно, но Бисару поверили. Тем более что во дворце в тот злополучный день он отсутствовал – принимал роды у дочери министра денежных дел в их загородном доме, и это мероприятие растянулось почти на сутки. Но на всякий случай помощник был всё-таки помещён под домашний арест и теперь, после проведённой с ним душевной беседы, приводил себя в порядок примочками и мазями в той самой комнате, откуда испарился его хозяин.

Спустя несколько дней суета затихла, но стража продолжала с неизменным рвением проверять каждую выносимую из дворца коробку или корзину. А соглядатаи министра тайных дел неустанно шныряли по Остенвилу, суля золотую монету каждому, кто скажет, где скрывается беглый преступник.

Лея долго размышляла, как лекарь мог исчезнуть из закрытой комнаты. В конце концов она решила, что Лабус воспользовался одним из тайных ходов, которыми был пронизан весь дворец. О том, что такие имеются, пару лет назад проболтался её двоюродный братец Рустий, похвалявшийся, что может пройти весь дворец насквозь и остаться невидимым. Она не поверила тогда мальчишке, считая его признание обычным бахвальством, но сейчас призадумалась. Видимо, Рустий не врал, и эта тайна была известна во дворце не только ему одному.

Её больше мучил другой вопрос – куда же всё-таки делся Лабус? Ведь выйти из дворца он не мог, в этом клялись все стоявшие на входах стражи, и как бы Мирцее не хотелось, не верить им всем она не могла. И если лекарь во дворце, то возможность скрыться у него была только в одном месте – в читальне. К такому выводу Лея пришла только позавчера, и сразу же её сердце тревожно забилось. Раз уж она до этого додумалась – значит, и кому-то другому это обязательно придёт в голову!

Схватив первую попавшуюся книгу, она помчалась в читальню.

В дверях девушка столкнулась с выходившим из комнаты Ристом. При виде неё на лице прислужника мелькнул испуг, но он мигом расцвёл своей самой широкой улыбкой и громко зачастил:

– Добрый день, госпожа Лея! Как я рад снова видеть вас! А вы совсем о нас забыли, не приходите за новыми книгами. Господину Туфину недавно привезли несколько весьма занимательных. Одна из них мне особенно понравилась. «Необыкновенные земли и люди, их населяющие». Автор сам объехал места, расположенные южнее Шабодана, и описал множество увиденных там чудес. Вот, например, дикого тигра, полосатого, как кошка, но такого огромного, что он…

– Ты собираешься мне здесь пересказывать содержание книги или всё-таки разрешишь войти?

Рист несколько смутился:

– Конечно, конечно, моя госпожа, входите! – Но при этом ни на палец не сдвинулся с места.

Лея усмехнулась:

– Если ты сейчас же не впустишь меня, я подниму такой шум, что сюда сбегутся все Золотые Мечи! И тебе мало не покажется!

Рист покраснел и отступил в сторону. Коротко стукнув в дверь, девушка решительно вошла в комнату. Хозяин, как обычно, сидел у окна, но при её появлении обернулся и жестом пригласил занять стул рядом с собой. Лея быстро огляделась, но ничего необычного не заметила.

– Добрый день, Туфин! – Она с тревогой заглянула в его побледневшее лицо. – Вы здоровы? Уже несколько дней я не вижу вас в обеденной зале, а вчера узнала, что вы неважно себя чувствуете.

Насмешливая улыбка тронула его губы:

– Что вы, моя госпожа! Всё прекрасно, просто ужас, как прекрасно! Да и чем может заболеть такой старый книжный червяк, как я? Разве, что поносом от употребления некоторых пресных книжонок!

Лея в ответ вежливо улыбнулась, но сдаваться не собиралась. Она встала и, исподволь наблюдая за реакцией Туфина, начала перемещаться по комнате, разглядывая то одну, то другую книгу, попадающуюся на её пути. И стоило ей приблизиться к небольшому шкафу в глубине комнаты, как хозяин явно занервничал и подскочил со своего места.

– Госпожа, вы что-то хотели взять почитать? Вот совсем новая книга «Необыкновенные земли и люди…».

– «…их населяющие»! – Лея резко обернулась и, наступая на

книгочея, решительно потребовала:

– Я знаю, что вы прячете лекаря! И я хочу увидеть Лабуса! Немедленно!

Туфин изо всех сил старался не упустить сползающую с лица улыбку, но Лея теснила его всё сильнее, и, упершись спиной в стол, он поднял руки:

– Ну, всё, всё! Ты меня победила! Только откуда в твоей хорошенькой головке вдруг такие дикие фантазии? Я – Главный книгочей Нумерии, уважаемый человек – и прячу у себя беглого преступника? С чего бы это?

– С того, что он ваш друг! И если об этом знаю я, то может знать и ещё кто-то во дворце. Теперь понятно, что Лабус в большой опасности? В очень большой! И мы должны придумать, как его спасти!

За шкафом что-то зашуршало, и беглый лекарь появился перед заговорщиками во всей красе. Туфин метнулся к двери и опустил засов. Следующие полчаса они обсуждали все возможные способы вернуть затворнику свободу, но так ничего и не смогли придумать. В конце концов, Лабус переглянулся с книгочеем и выдавил:

– Мы с Туфином уже головы сломали, но пришли только к одному – нам нужен надёжный человек за пределами дворца, который и устроит этот побег. И лишь ты можешь попросить его об этом.

Лея удивлённо смотрела на обоих. В голове мелькали имена её немногих друзей и знакомых, но ни за одного из них в данной ситуации она не смогла бы поручиться. Кто окажется так ей предан, чтобы решиться на столь опаснейший шаг? Разве только…

– Нет! Никогда я не буду его ни о чём просить! Это исключено!

– Даже если от этого будет зависеть жизнь людей, которых ты совсем недавно называла друзьями? – Лабус грустно смотрел на неё своими добрыми глазами, окруженными лучиками морщин.

– Но… я совсем не знаю этого человека! К тому же он сын Главного сигурна! Вдруг после нашего разговора он сразу пойдёт к отцу и вместо свободы Лабус окажется в тюрьме?

– Тогда все твои сомнения в его любви или нелюбви тут же рассеются, не так ли, моя девочка? – Туфин положил руку ей на плечо.

Одиночество, страх, боль потерь и робкое желание любить сплелись вдруг в её горле в тугой клубок, и Лея зарыдала, размазывая слёзы и смешно, по-детски, шмыгая носом. Мужчины молчали – все слова были сказаны, и только она одна могла

решить, готова ли действовать.

– Хорошо, я поговорю с Хайрелом. Завтра же поговорю. – Лея хотела встать, но ладонь Лабуса удержала её на стуле.

– Погоди. Есть ещё кое-что… Я не знаю, как тебя просить… Это очень, очень опасно, но никто из нас, кроме тебя, не сможет попасть к Рубелию…

– Зачем он вам сдался? – Лея была безмерно удивлена таким поворотом событий. – Вы хотите попросить у него прощения за отказ написать ложное заключение? Только, говорят, дядя сейчас не в том состоянии, чтобы это его интересовало. Всем заправляет его жёнушка…

Мужчины переглянулись, и Лабус продолжил:

– Вот именно! В этом письме я обязательно должен его предупредить! Твоего дядю убивают, медленно и страшно. Делает это его жена с помощью своего любовника Галигана Освела. И только сам Рубелий ещё может остановить их. Пока не поздно…

Лея слушала лекаря открыв рот. Мирцея решилась с помощью какого-то жуткого «сияния» избавиться от мужа! А она-то считала, что тот подхватил какую-то дурную болезнь от привезённой из-за моря танцовщицы… Но если Рубелий умрёт, его место займёт старший сын, любимчик матери… и убийца Мирцея станет безраздельно властвовать в Нумерии, прикрываясь именем Патария. Вот же дрянь!

– Пишите письмо! Я передам его дяде завтра вечером! – Девушка решительно встала и пошла к двери.

Млава чуть в обморок не упала, когда хозяйка велела ей немедленно отнести Хайрелу Беркосту одно из подаренных им недавно колец, сказав на словах, что она будет ждать его завтра во дворцовом саду, у дальней беседки, за два часа до полудня – подальше от лишних глаз и ушей.

Лея почти не спала, ломая голову, где проведёт следующую ночь – в своей постели или в страшной камере Саркела. Увидев Хайрела, летевшего к ней по тропинке с огромным букетом белоснежных тюльпанов, девушка совсем растерялась и выпалила, даже не дожидаясь его приветствия:

– Мне нужна ваша помощь! И мне всё равно, кем вы меня будете считать, но я не знаю, к кому я ещё могу обратиться!

Молодой мужчина, сразу став серьёзным, усадил Лею на ближайшую скамью, сел рядом и тихо произнёс:

– Я всегда буду считать вас девушкой, которую люблю. И прошу это запомнить. Навсегда запомнить. И если вам нужна моя жизнь – она ваша. Что стряслось?

Торопясь и перескакивая с одного на другое, Лея рассказала ему всё. Закончив, она выжидательно уставилась на мужчину.

Хайрел сидел и молчал, задумчиво разглядывая носки своих сапог. И когда молчание стало уже просто невыносимым, Лея подскочила и, гневно глядя на молодого человека, выпалила:

– Благодарю за помощь! Прощайте!

Хайрел ухватил её за руку и вновь усадил вырывающуюся девушку на скамью:

– Боги Истинные! Лея, дайте же подумать! Вы что, считаете, мне каждый день приходится вызволять государственных преступников из щекотливых ситуаций?

Лея прикусила губу и замерла. Ну, полная дура! Сама за целый день не смогла ничего путёвого придумать, а он должен сразу же выдать фонтан идей. Каждая из которых обязательно приведёт к успеху. Идиотка!

Минут десять мужчина молчал, вычерчивая на земле сломанным прутиком какие-то сложные фигуры. А потом заговорил. Они обсудили каждую мелочь и каждую незначительную деталь и, встав со скамьи, разошлись в разные стороны.

Лея пощекотала живот щенку, забравшемуся к ней на колени после плотного завтрака. И снова прислушалась. За дверью было тихо, а это значило, что их план почти удался – Лабуса уже вынесли из дворца. А может быть, и за Главные ворота тоже – времени прошло достаточно.

Она встала и подошла к окну. Оно выходило во внутренний дворик, за которым виднелась дворцовая стена. Если всё пройдет благополучно, Хайрел подаст ей знак – из-за стены должны взмыть в небо несколько голубей. Радость от первого успеха сменило острое чувство тревоги, и Лея была готова сама бежать к дворцовым воротам, только бы скорее узнать обо всём.

План, предложенный Хайрелом, был прост. Глубокой ночью девушки должны были перевести Лабуса в комнату Леи и спрятать его за ширмой. Ранним утром четверо прислужников Хайрела принесут ей очередной подарок, один из десятков за последние несколько недель. Правда, это будет скорее не подарок, а своеобразное предложение руки и сердца, о чём сын Главного сигурна известит в прилагаемой к пышному букету записке.

Но главным в этом необычном предложении должен стать огромный сундук, полный золотых слитков, – щедрый дар будущего жениха своей строптивой невесте. Фокус состоял в том, что под верхним слоем слитков будут настелены доски, скрывающие пустое пространство, в которое и должен улечься, свернувшись клубком, лекарь.

Чтобы стража не заметила никакой разницы, в сундуке

действительно принесут золото, вес которого будет почти равен весу не отличавшегося упитанностью Лабуса. Но в этом-то и была главная загвоздка – слитки необходимо будет быстро и бесшумно извлечь, на их место засунуть лекаря и так же тихо воссоздать первоначальную картину.

И только потом поднять крик и шум, вызвать стражу и приказать отправить подарок назад, «этому невозможному наглецу и хаму Хайрелу Беркосту»! И прислужники, снова сгибаясь под тяжестью, должны будут вынести сундук в коридор, а вслед им полетят письмо и прекрасный букет, который Лее было искренне жаль.

Заговорщицы так всё и проделали. Запретив Лабусу помогать им, чтобы его не выдало потом тяжёлое дыхание, они мигом перетащили слитки прямо на кровать Леи. Лекарь живо втиснулся в сундук, едва успев прошептать «Спасибо!», и девушки тут же заложили его золотом.

Едва переведя дух и вытерев пот с раскрасневшегося лица, Лея приказала прислужнице скрыться за ширму. Одна красная от возмущения девушка – это понятно, но ещё и красная прислужница – это уже перебор. А уж заорала она так, что в дверь вломились оба стоявших на стаже Золотых Меча!

Млава радостно закричала, тыча пальцем в появляющихся один за другим над стеной голубей:

– Госпожа Лея! Смотрите! Они взлетают! Они взлетают, госпожа!

Лея улыбнулась. Оставалось самое простое – избавиться от всей этой огромной кучи золота.

Мирцея

«Что это ему вдруг потребовалось в такую рань?» Когда лантар деликатно постучал в её дверь, она мгновенно подскочила в постели, надеясь услышать долгожданную весть о кончине мужа. «Живуч, как гадюка… – Мирцея усмехнулась. – Но ничего, и твой конец наступит… скоро. Скорей бы…»

Она вспомнила недавнюю сцену в своей спальне, когда пьяный Галиган орал на неё, как на последнюю шлюху, требуя давно обещанную ему должность Главного сигурна. Никакие уговоры и просьбы не действовали, мужчина не желал униматься, обдавая её слюной и дико вращая глазами. Только пощёчина, которую она вынуждена была влепить, несколько остудила его пыл.

– Ты можешь понять, что не время оповещать весь дворец о наших отношениях?! Муж ещё жив, и стоит одному из стоящих у двери лантаров открыть рот, как мы с тобой прямиком отправимся в Саркел. Где проживём не дольше, чем Рубелий!

– Когда он уже сдохнет! Старый толстошкурый боров…

– Сдохнет! Судя по его состоянию, осталось уже недолго… И твоя задача – не сдохнуть раньше него!

– А твоя? – Галиган небрежно развалился на диванчике и потянулся за кубком со своим любимым гахарским красным.

– И моя – тоже. – Мирцея плотнее запахнула лёгкий халат.

Желание пропало, и ей захотелось, чтобы этот мужчина скорее ушёл. Сейчас она уже жалела, что увлёкшись погоней за короной, разрешила ему взять над собой слишком большую власть. Галиган знал очень много, и с этим нельзя было не считаться. Один неверный шаг, одно не вовремя сказанное слово, достигшее не тех ушей, – и он погибнет, потянув в бездну и её. «Боги, Боги, ну когда же…»

Золотой Меч почтительно открыл перед ней дверь. В комнате, кроме сидевшего за столом Рубелия, находились ещё трое: Грасарий, откинувшийся на спинку стула и покачивавший обутой в высокий сапог ногой; Главный сигурн, как обычно, в чёрном и, как обычно, с презрительной улыбкой на губах, и Главный судья, нервно моргавший маленькими глазками и жутко потеющий.

– О! Какая изысканная компания! И по какому случаю столь ранний сбор? – Мирцея улыбнулась своей самой приветливой улыбкой. – Рада видеть тебя, дорогой, в добром здравии! – Она поискала глазами стул, чтобы присесть, но такового почему-то не оказалось.

– Ну, так что случилось за ночь в нашем государстве?

Рубелий, по лицу которого струился пот, несколько мгновений разглядывал её тяжёлым взглядом.

– Потрудись объяснить нам, что это такое.

Он слабо шевельнул рукой, и Мустин Беркост убрал со стоящего перед Повелителем блюда перевёрнутую серебряную чашу, явив на свет серый тусклый камень размером с крупное гусиное яйцо. Мирцея вздрогнула от неожиданности и отпрянула от стола, но встретившись взглядом с горящими ненавистью глазами мужа, постаралась взять себя в руки. Хмыкнув и криво ухмыльнувшись, она небрежно поправила волосы:

– И ради этого ты вытащил меня из постели? Кусок серого мрамора, я полагаю… Правда, в минералогии я не сильна.

– Мрамора, говоришь? – Рубелий резко вскочил на ноги, его одутловатое лицо внезапно пошло яркими пятнами. Слова клокотали, пытаясь вырваться наружу из сжимавших горло тисков гнева. – Ты знаешь, что это! Прекрасно знаешь! «Сияние»-вот что! Ты… ты, подлая тварь, решила убить меня! Шлюха! Да ты… всегда… шалава… путалась… – он размахивал руками, всё больше давясь словами и, наконец, не выдержав напряжения, рухнул в своё кресло. – Дети… если… не мои…

Дело принимало скверный оборот. Мирцея подскочила к столу и дико заорала на наблюдавших за этой безобразной сценой мужчин:

– Что вы сидите? Не видите, что Повелителю плохо? Быстро за лекарем! И немедленно все идите прочь – я должна помочь мужу лечь в постель!

Грасарий резко поднялся и тоже заорал на невестку:

– Ещё чего! Я не оставлю брата с тобой наедине после столь тяжких обвинений!

– Обвинений? – Мирцея зашипела, как дикая кошка. – Ты разве не видишь, что он не в себе? Его болезнь прогрессирует, а вам никому и дела нет! Где лекарь?

– Его ищет весь Остенвил, госпожа. По вашему личному приказу. С ног сбились. – Голос Главного сигурна звучал, как всегда, насмешливо.

Мирцея, красная от гнева, обернулась:

– Лекарь у нас Манук, если вы помните, господин Главный сигурн. Он всегда на месте! И будьте любезны отправиться за ним!

Пожав плечами, Беркост вышел. За ним следом засеменил Главный судья. Мирцея, зло глядя на деверя, ткнула пальцем в сторону двери:

– Вон отсюда! Или я прикажу Мечам вывести вас!

Побледневший Грасарий бросил взгляд на тяжело дышавшего

брата и, оставшись без какой-либо поддержки, неохотно двинулся к двери:

– Ты слишком увлеклась! Он – мой брат! И я должен ему помочь…

– Что-то ты не больно вспоминал об этом в последнее время! Ждёшь не дождёшься? Может, это твоих рук дело, братик любимый?

Едва за негодующим Грасарием закрылась дверь, Мирцея повернулась к мужу. Тот обмяк в своём кресле и только беззвучно шевелил помертвевшими губами.

– Ты… ты смеешь обвинять меня в столь тяжком преступлении?! Или уже забыл, благодаря кому сидишь на троне? Ещё и язык повернулся заявить, что сомневаешься в своих детях! Ты понимаешь, недоумок, какой шанс даёшь своему брату? Или твои мозги окончательно расплавились от «сияния»?

– Тварь… ну, ты… и тварь… – В горле Рубелия что-то клокотало, и он едва смог выдохнуть ругательства.

– Да, тварь! И сука, и шалава, раз тебе так угодно! Но я добьюсь, чтобы мой сын сидел на троне! Мой Патарий, а не ты, грязное похотливое животное, перебравшее всех шлюх Нумерии! Я всю жизнь терпела тебя только для того, чтобы своими глазами увидеть, как ты сдыхаешь вот тут, в этой комнате! И никто, слышишь, никто, ни один самый великий Лабус уже не сможет тебе помочь! – Мирцея опёрлась о стол и звонко захохотала.

Лицо Повелителя пошло тёмными пятнами, глаза закатились, и из открытого рта хлынул алый поток крови, заливая всё вокруг. Голова его бессильно наклонилась, и он тяжело рухнул прямо на стол.

Мирцея дико взвизгнула и бросилась к двери:

– Помогите! Он умирает! Да помогите же!

Вдалеке уже слышался топот ног бегущих по коридору людей. Грасарий бросился в комнату мимо привалившейся к двери Мирцеи, но вдруг остановился и, указывая на неё дрожащей рукой, истерично завопил:

– Она! Она его убила! Смотрите, у неё все руки в крови!

Юнарий

– Я не хочу даже слышать об этом! Нет, и ещё раз – нет!

Юнарий грохнул по столу кулаком в кожаной перчатке с нашитыми железными пластинами. Его тёмные глаза метали молнии, и все находившиеся в комнате старались не встречаться с ним взглядом. Только Суан Дейлоп продолжал смотреть в похудевшее и осунувшееся лицо лангракса.

– И всё же я бы… – Юнарий вскинул руку, заставив друга и ближайшего советника замолкнуть на полуслове.

– Я не собираюсь прощать этому подлому шакалу смерть моей матери! И нечего совать мне в лицо эту насквозь лживую бумажку! Ты сам-то веришь хоть одному написанному там слову? Ради власти эта скотина готова на любую низость! А стадо вонючих козлов, считающих себя достойными гражданами Нумерии, согласно блеют в его хлеву, прекрасно зная, что нет у него никаких прав на трон! Я жестоко отомщу им за это преступление! А потом, Рубелий Корстак, мы посмотрим, кто окажется Повелителем этой поганой страны!

Дейлоп только покачал головой. Конечно же он не поверил Мирцее. И пока во дворце спешно готовили заключение, сам навёл кое-какие справки о кончине своей госпожи. Один из его людей был дальним родственником жены стражника с нижнего этажа тюрьмы, и за вполне кругленькую сумму тот поведал, как его напарники недавно вытащили оттуда женский труп.

Когда утром Мирцея всё с той же умильно – скорбной улыбкой вручила им заключение о смерти Эльмы Гинратус, он ограничился лишь тем, что пристально посмотрел в её недрогнувшее лицо, мудро рассудив, что только сам Юнарий сможет решить, какие дальнейшие действия стоит предпринять.

Собравшийся сегодня Совет даже не пытался уговорить Юнария оставить безнаказанным такое зверство. Но стоило кому-то из семерых мужчин, сидящих за столом, заикнуться о том, чтобы отсрочить поход на Остенвил, как лангракс просто взбесился. Сжав в нитку и без того тонкие губы, он на все разумные доводы только упрямо мотал лобастой головой и всё больше мрачнел, сжимая увесистые кулаки.

– Никогда не думал, что меня будут окружать одни трусы! – Голос Юнария дрогнул.

Он обвёл глазами собравшихся. Рядом с ним сидел его ближайший друг и главный советник Суан Дейлоп, нервно барабанивший по столу пальцами. Младший брат Юнария Эйрис Гинратус, главный книгочей и законник Солонии, задумчиво

смотрел поверх головы красного от возмущения главнокомандующего флотом Эйлина Крока, безжалостно терзавшего свои роскошные усы.

Господин Сипус Рагон, Главный сборщик налогов лана откинулся на высокую спинку кресла и непрерывно крутил своими толстыми пальцами пуговицу на камзоле. Его лицо выражало вселенскую печаль, что было вполне обычным явлением, когда жизнь заставляла его идти на огромные траты так обожаемых им литов.

Дальнюю часть стола занимали советник по тайным делам Кварис Мегар, сорокапятилетний лысеющий мужчина с крупным носом и холодными серыми глазами; начальник личной охраны лангракса Нидар Лимп, молчаливый великан, безупречно владеющий мечом, и управляющий делами дворца и лана Тамус Брильт, невысокий крепыш с вечно недовольным лицом.

– Одни трусы! – Кулак лангракса врезался в стол. – Я не собираюсь ждать полгода, когда вы соизволите оторвать свои задницы от стульев и оттащить их в Остенвил, чтобы пообломать рога этому ублюдку! Завтра же он должен узнать, что моё войско готово выступить!

– Юнарий! – Крок не выдержал и вскочил со своего места. – Мои ребятки готовы хоть сегодня сняться с якоря. Ты же знаешь этих отъявленных головорезов! Но мы не сможем пройти дальше Хвоста Дракона, молнию ему в зад! Сейчас сезон бурь, и южные ветры, это проклятие Богов, не пощадят даже тех, кто рвётся наказать злодея за его беззакония! – Командующий флотом оставил свои усы в покое и теперь отчаянно жестикулировал руками. – И было бы совсем не плохо бросить клич по ближайшим бухтам, где братишки уже замаялись от безделья! Они будут только рады услужить своему ланграксу! Десять моих кораблей с добавкой из тридцати – сорока пиратских – и сам Морской дьявол нам не страшен, не то, что гнилые посудины Остенвила!

– Ветреная пучина! – Лангракс заходил по комнате, меряя ее тяжёлыми шагами. – Ветер с юга! Дьявол, как же он не вовремя!

– Мы не властны над ним, господин. Стихия… – голос с дальнего конца стола звучал спокойно и рассудительно. – Но у нас будет чем заняться в это время. Смешно идти воевать с Нумерией пятью сотнями пеших воинов и тремя сотнями конных.

Лангракс остановился за спиной говорившего и прорычал:

– Мне нужна армия! Способная смести с лица земли этого самодовольного наглеца! Камня на камне не оставить от его паршивого государства! И эта армия должна быть у меня через месяц!

За столом поднялся невообразимый шум. Все заговорили

одновременно, стараясь перекричать друг друга. Спокойным оставался один Эйрис Гинратус. Подождав, пока все выпустили пар, он встал с кресла и поднял руку, призывая спорщиков к молчанию:

– Ты сам прекрасно понимаешь, Юнарий, что месяц – это слишком мало, чтобы создать, вооружить и обучить хорошую армию. Граждане Солонии с радостью пойдут за своим господином, но ты своих людей знаешь. Они привыкли к вольной жизни, и командир для них не указ, если впереди светит возможность просто пограбить в своё удовольствие.

Члены совета согласно закивали.

– Думаю, что мы сможем набрать неплохих воинов среди рабов, которые имеются почти в каждом дворе. Если выкупить их у хозяев – а на то потребуется твой особый указ, – они с благодарностью пойдут на службу. Конечно, – в голосе Эйриса появились стальные нотки, – это потребует больших затрат. Но наш досточтимый господин Рагон подтвердит, что казна Солонии способна такое выдержать.

Сипус Рагон страдальчески скривился, будто сейчас у него изо рта клещами собрались вырвать любимый зуб, но под суровым взглядом Юнария тяжело вздохнул и утвердительно кивнул.

– Третье, что нам необходимо сделать немедленно, – разослать тайных вербовщиков в ближайшие к нам ланы. Пусть они потрутся по кабакам и постоялым дворам, и пошепчут на ухо нужным людям о вашем походе. Тайными наши сборы останутся недолго, а вот лихой народец в войско потянется.

– И последнее. – Эйрис посмотрел брату в глаза. – Нам нужны союзники. Глупо рассчитывать, что наша армия легко справится с войском Повелителя Нумерии. Но если привлечь силы всех недовольных ланграксов, это поможет склонить чашу весов в нашу сторону.

Юнарий молчал. Речь брата слегка остудила кипящую внутри него ярость. Эйрис был прав – наскоком Остенвил не свалишь. Он продолжал мерить комнату шагами, пока мысли в его голове принимали всё более стройное течение.

– Союзники… Эти жалкие ланграксы стелются перед Рубелием и его сучкой. Они готовы задницы им лизать, лишь бы Повелитель сквозь пальцы смотрел на их грязные делишки! Кто из них готов пойти со мной на драку? Этот лягушатник Горк? Да он тиной покрылся в своём гнилом замке! Или Тобус Морисар из Митракии? Из него уже песок сыплется, и руки скрючились так, что он не только меч – ложку держать не может! Его сынок? Да-а, этот оболтус своей голой задницей всех врагов, конечно,

насмерть напугает! Триания и Сентория верны не столько трону, сколько своим деньгам, и будут биться за удобную им власть до последнего. Кватрана – вряд ли сестра Повелителя допустит выступлений против их семьи. Гахар – даже и говорить нечего… Что там нам ещё осталось?

Эйрис слегка пожал плечами:

– Есть и другие. В Ланджлании всё решает «командирша» Ликария Тидор, а она на Корстака, правда старшего, Палия, страшно обижена – не захотел в своё время взять её замуж. Вся семейка Вермокс будет рада припомнить трону смерть Кронарии. Поэтому в Барлонию отправить посланника нужно обязательно. Лангракс Дастрии – внук Енарии Вермокс, и если бабка даст добро, он нас тоже поддержит. Есть ещё Унария, лангракса которой можно втянуть в войну, но только посулив немалую для него личную выгоду. Хорошую должность, например… Сколько можно такому умному и талантливому человеку прозябать в лесной глуши?

Юнарий расхохотался. Он как-то имел удовольствие общаться с Мортоном Тупсом и премиленькими дамами из его семейства. И был впечатлён их непробиваемой тупостью и жадностью.

– Возможно, возможно ты и прав… Тупс ещё тот жук, и вполне может клюнуть на кресло министра…

– И мы забыли ещё одного, самого главного врага Корстаков – Поднебесные Зубья. Лангракс Винт Бригор пригрел у себя Стоуна Лунта… а это уже попахивает открытым бунтом!

За столом воцарилось напряжённое молчание. Юнарий ещё несколько раз прошёлся по комнате, затем уселся во главе стола и, положив перед собой тяжёлые кулаки, отрезал:

– Я не верю, что хоть один из этих старых пердунов вступит со мной в союз, но ты прав, брат, попробовать стоит. Чтобы знать потом, с каким дерьмом имеешь дело. Поручаю вам с Кварисом подобрать надёжных людей для такой миссии и снабдить их необходимыми письмами, удостоверяющими, что они прибыли от меня. Всё остальное посланники должны говорить лично ланграксу, с глазу на глаз. Разошлите вербовщиков, выкупщиков и переговорщиков на пиратские корабли. Закупайте, выкупайте, подкупайте, делайте, что хотите, но через два месяца… – голос лангракса перекрыл возникший за столом шум, – и ни на один день позже, армия выйдет из Ундарака!

Мелеста

Мелеста открыла глаза. Ребёнок сильно толкался в животе, будто старался разбудить её и выгнать прочь из душной комнаты. Прикрыв ладонью и легонько погладив маленький бугорок на своём животе, она ласково зашептала сонным голосом:

– Ну, что ты не спишь, миленький мой? Ещё совсем, совсем рано… Спи, маленький, спи, солнышко мое…

Ребёнок притих, будто прислушиваясь к её словам, а потом с новой силой начал бить ей в живот маленькой пяточкой. Мелеста вздохнула. Стараясь не разбудить спавшую в соседней комнатке Рулу, она села в кровати и, опершись руками о край, тяжело поднялась. В спальне и вправду было слишком душно.

Прошлёпав босыми ногами через всю комнату, она отдёрнула штору и открыла окно. Ночью подморозило, и ворвавшийся с улицы воздух был пропитан восхитительной свежестью. Он сразу же стёк на пол и, обернувшись вокруг её голых ног, нагло залез под оттопыренный животом подол ночной рубахи.

Молодая женщина охнула, быстренько прошлёпала обратно и нырнула в спасительную теплоту. Ребёнок удивлённо ворохнулся и замер, наслаждаясь свежими ароматами морозного утра. Весна ещё окончательно не вступила в свои права, и несколько тёплых дней сменились неожиданными холодами.

Мелеста прикрыла глаза, пытаясь вернуться в блаженную дрёму, но сон пропал. Она поворочалась с боку на бок, устраивая живот поудобней, но расслабленное состояние не возвращалось. В голову сразу же настойчиво полезли мысли, которые она в другое время старалась гнать, занимая себя чем угодно. Ранее утро поймало её в капкан, и тяжёлые воспоминания навалились вдруг всей своей тяжестью, выжимая из глаз невыплаканные слёзы. Почти четыре месяца ей не давал покоя вопрос, на который у неё не было ответа и сейчас: живы ли Ник, Тван и Дарт Засоня?

Комок подступил к горлу, и Мелеста всхлипнула. Ей отчетливо вспомнилось то состояние горя, ужаса и глухого отчаяния, заполнившее её душу, когда она смотрела в спину уходящим друзьям. Их уводили избитых, несчастных, отчаянно сопротивлявшихся, но всё-таки побеждённых. Но судьба, приготовленная бандитами для них, связанных и брошенных на поляне, была ещё более страшной. Гиблый лес слыл жутким местом, где частенько пропадали путники. И то, что оставляли после себя волки на двух ногах, с удовольствием подбирали их четвероногие союзники.

Привязанная к дереву Мелеста попробовала растянуть

верёвку, но та только сильней впилась в кисти рук – узлы были завязаны на совесть. Бракар тихо ругался, проклиная разбойников и подлых лягушатников, их подельников, а заодно и свою не вовремя отказавшую конечность.

В одном им повезло. Видя, что Бракар совсем калека, бандит по кличке Драный привязал лекаря только за здоровую руку, и тот смог извернуться и достать зубами до узла на верёвке Мелесты. Холодный дождь, зарядивший с самого утра, вымочил их до нитки, но узел чуть ослабел, и совместные усилия вскоре принесли свои плоды – девушке удалось освободиться.

Дальше пошло веселей, и через четверть часа они уже растирали свои затёкшие конечности. Бракар осмотрел девочку. Та с трудом дышала и всё ещё была без сознания. Соорудив из валявшейся под ногами тряпки нечто вроде гамака, они с Бракаром уложили в него Рулу, повесили сооружение себе на плечи и потащились по дороге в сторону Ланджлании.

Дорога казалась бесконечной, и девочка, такая лёгкая вначале, с каждым шагом становилась всё тяжелей и тяжелей. Едва передвигая ноги по раскисшей от дождя дороге, Мелеста хотела одного – упасть, и больше не подниматься. Пусть их съедят, разорвут, выпьют всю кровь и обглодают косточки – плевать! Лишь бы уже закончился этот ужасный путь…

Ночь они провели в огромном дупле у корней высокого старого дерева. Устроив Рулу, они натаскали толстых веток и кое-как завалили ими вход, теша себя надеждой, что этого будет достаточно, чтобы защититься от голодной волчьей стаи. Трясясь от холода, Мелеста долго молила всех известных Богов помочь им выбраться из этой передряги.

Боги услышали её жаркую молитву, а может, просто волки гуляли где-то в другой стороне, но ночью их никто не побеспокоил. Утро принесло ещё одно радостное событие – Рула открыла глаза и вполне осмысленно посмотрела на них с Бракаром. Лекарь обрадовался – это был хороший знак, и девочка скоро пойдёт на поправку.

Правда, радость оказалась несколько преждевременной. Рула была очень слаба, и с большим трудом держалась на ногах. К тому же девочка перестала говорить. Совсем. Она понимала, что ей говорили лекарь и Мелеста, кивала головой в ответ, но ни один звук не вырывался из её рта. После нескольких безуспешных попыток выразить свои мысли словами испуганная девчушка заплакала, и Бракар бросился утешать её, убеждая, что такое после травм бывает и что скоро всё пройдёт.

Они несли Рулу почти весь день, пока Мелеста, окончательно выбившись из сил, не упала в большую лужу. Лекарь усадил их

под раскидистой елью и велел отдыхать, а сам хотел отправиться поискать подмогу. Но девушка, собрав последние силы, решительно заявила, что ни в коем случае не останется одна в этом лесу.

А потом им повезло ещё раз. В третий раз за тот длинный день. Внезапно они услышали скрип повозки и громкий разговор. Бракар несколько секунд разглядывал из-за дерева проезжающих, а потом смело выбрался на дорогу. Торговец Симор Дюрк с помощниками возвращался из Болотных Пустошей, везя в своей повозке пять мешков с перьями белой цапли и две огромные кадушки живых лягух.

Узнав, что Мелеста приходится племянницей досточтимой госпоже Бегите Броквуд, торгующей тканями и кружевом, он любезно предложил довезти её с друзьями до Таграса. За вполне умеренную плату, естественно. А как же иначе – теперь с ними, при такой-то охране, ничего плохого уж точно не случится.

Этой же ночью у Мелесты началась лихорадка. Нервное потрясение и несколько часов под холодным дождем не прошли бесследно, и девушку, несмотря на укрывавшие её одеяла, сотрясала крупная дрожь. Утром Симор Дюрк, напуганный болезнью Мелесты и уже раз сто пожалевший, что вообще связался с этими жертвами разбойничьего промысла, нервно ходил возле повозки. Нужно было ехать, а калека всё бродил по голым кустам, ища что-то под ногами.

– Эй, любезный! Если вы не желаете ехать дальше, то мы, пожалуй, возражать не будем и сейчас высадим ваших спутниц. Путь неблизкий, а мне надо вовремя доставить свой товар ко дворцу лангракса.

Бракар поспешно вернулся и, метнув в торговца яростный взгляд, пробурчал:

– Сейчас отвар приготовлю, и поедем.

– Но…

Лекарь рявкнул на Дюрка так, что тот шарахнулся в сторону и, оступившись, едва не свалился в лужу:

– Да не сдохнут твои вонючие жабы! А сдохнут – в Таграсе получишь за каждую двойную плату! Это тебе я, лекарь Бракар из Гудвуда, обещаю! – И уже тише добавил: – Эта девушка – самое ценное, что есть в твоей жалкой повозке. И будь так добр, жди!

Через четверть часа вода в котелке забулькала, и лекарь бросил туда найденные бурые листья. Помешивая отвар, он молил о том, чтобы силы этих растений хватило для борьбы с коварной болезнью.

Увидев на пороге бледную и едва держащуюся на ногах племянницу, Бегита охнула и взмахнула руками:

– Девочка моя! Ты жива! А мы уже и дары в пирамиду…

Мелеста слабо улыбнулась:

– Вот, вроде жива… – И слёзы сами собой потекли из её глаз.

Следующие несколько дней тётка не отходила от Мелесты. Она не разрешала девушке покидать постель, особенно после того, как лекарь поведал ей о беременности племянницы. Бегита сама кормила её с ложки, а когда утомлённая этим нехитрым действием Мелеста засыпала, часами сидела у её изголовья, глядя на родные черты.

Рулу поселили в соседней комнате, и девчушка, едва оправившись от собственной болезни, начала помогать хозяйке дома ухаживать за племянницей, строго выполняя все назначения Бракара. Она быстро познакомилась с обитателями дома, которые всей душой жалели эту милую девочку, так сильно пострадавшую от рук разбойников.

Бракар подробно рассказал Бегите и её сыновьям о свалившихся на их головы несчастьях и, поблагодарив вдову за приглашение пожить в их доме, отправился к своему другу, лекарю Мувису Дешону, сразу прилетевшему, как только стало известно, какие гости нагрянули в дом Броквудов.

Мелеста снова всхлипнула и смахнула катившиеся по щекам слёзы, но было поздно – в проёме двери появилось заспанное личико Рулы. Приглаживая растрёпанные волосы, она испуганно смотрела на госпожу.

– Всё хорошо, Рула. Это я так… Ты спи, спи, ещё очень рано.

Но девочка, недоверчиво на неё поглядывая, обошла кровать и уселась в кресло, зябко подобрав голые ноги.

– Да не буду я больше плакать! Правда, не буду! Иди ложись, а то сейчас совсем замёрзнешь! Ну, вот что ты за упрямица! Ладно, прыгай ко мне под бочок!

Рула не стала ждать второго приглашения и ловко шмыгнула под тёплое одеяло. Мелеста обняла её худенькое тельце и прижала к себе. Ребёнок сразу же толкнул её в живот.

– Смотри, он тоже радуется! Маленький мой… сыночек… – И глядя в удивлённое лицо девочки, кивнула: – Конечно, сынок. Просто я знаю…

Днём потеплело, и Мелеста в сопровождении не отходившей от неё ни на шаг девочки долго гуляла в маленьком садике, любуясь первыми ранними цветами. Урсина, жена Тавена, составила ей компанию, и они вместе смеялись, глядя на проделки маленького Гесона, её трёхлетнего сынишки.

– Ты слышала последние новости из Остенвила? – Урсина раскраснелась и обмахивалась вышитым платком – на солнце сегодня довольно сильно припекало.

– Нет. После скандала на коронации Повелителя они решили ещё что-то придумать? Чтобы нам тут было о чём поговорить?

– Да там и придумывать ничего не надо. Было сразу ясно, что лангракс Солонии потребует выдачи своей матери. А она, говорят… – голос Урсины упал до шёпота, – умерла в тюрьме. И не своей смертью…

– Откуда ты знаешь? – Мелеста уставилась на собеседницу.

– Не забывай, что мой дядя, Кестин Пундор, Главный смотритель дворца Повелителя. И ему много чего становится известно.

– И он тебе рассказывает такие вещи?! – Недоверие в голосе Мелесты прозвучало так явно, что Урсина заёрзала на скамейке.

– Ну, не сам, конечно… Моя кузина Висанна ведь тоже живет во дворце, и мы частенько переписываемся.

«С вашими длинными языками Главному смотрителю недолго и в беду попасть…» Мелеста покачала головой, но ничего не сказала. Вот ещё, было бы о чём беспокоиться – Остенвил так далеко, что бури, проносившиеся по коридорам дворца Повелителя, вряд ли долетят до богатого провинциального Таграса. И какое ей дело до столичных интриг…

Она закрыла глаза и улыбнулась солнечному лучу, ласково коснувшемуся её лица.

Мирцея

Без проблесков сознания, медленно истекая кровью, Повелитель прожил ещё два дня. Мирцея ни на шаг не отходила от постели мужа, из его спальни раздавая распоряжения и указания. Она почти не ела и не спала, поддерживая себя какими-то отварами. Манук сбился с ног, готовя то одно, то другое лекарство, настойчиво вливаемое в рот Рубелию, но чуда не происходило – Повелитель никак не желал приходить в себя.

Избавившись под шумок от главной улики, вселяющей в неё неподдельный ужас, Мирцея несколько успокоилась и даже разрешила навестить умирающего всем членам семьи, включая предъявившего ей тяжкое обвинение деверя. Она устала. Схватка за власть отнимала слишком много сил, а впереди был самый главный бой – за Патария. Сын часто приходил в комнату и, устроившись у окна, следил за всем происходящим с плохо скрываемым презрением.

Вот и сейчас Наследник наблюдал, как лекарь, приподняв голову отца, вливает в его безвольный рот тёмную, пахнущую гнилым яблоком жидкость. Лекарство вливаться не желало, стекая тонкой струйкой по бороде и окрашивая рубаху в грязно-бурый цвет. Внезапно Рубелий закашлялся, и из его рта брызнула алая кровь. Патарий брезгливо поморщился:

– Если отца не доконает болезнь, то это с успехом сделает наш уважаемый Манук! Неужели в Остенвиле нет больше никого, кто мог бы лечить отца?

Мирцея промолчала. Не рассказывать же сыну, что только преданному Мануку она и могла открыть тайну внезапной болезни Повелителя. Лекарей было много, и кто-нибудь из них наверняка оказался бы знаком с симптомами болезни, вызванной «сиянием». Но кто мог поручиться, что этот всезнайка станет держать свой язык за зубами? Нет, рисковать она не имела права.

Манук, бросив на госпожу обиженный взгляд, снова приступил к безуспешным попыткам влить в больного хоть чуточку настоя. Мирцея отвернулась. Именно Манук составил то заключение, которого она пыталась добиться от Лабуса, и ей пришлось самой, перепортив не один лист бумаги, подделать подпись этого подлого лекаришки. Боги, Боги, разве кому-то можно доверять в таком щекотливом деле!

Она удовлетворённо улыбнулась. Заключение было вручено в срок, и никто не посмел бы сказать, что она не сдержала своего обещания! Юнария, конечно, это не успокоит, но это уже его проблемы. Пусть бесится в своей забытой Богами дыре – ей сейчас

не до его душевных терзаний.

Дверь скрипнула, и в комнату бесшумно проскользнул Рустий, с всклокоченной шевелюрой и в небрежно застёгнутом сюртучке, помятом и испачканном. Жалость и раскаянье больно полоснули по сердцу – она так мало видела его в последнее время. «Бедный мой мальчик! Он всё время предоставлен сам себе, и я совсем перестала бывать с ним…»

Она кинулась к сыну и с нежностью прижала к себе его искорёженное тельце, не обращая внимания на отчаянные попытки того вырваться из её объятий. Покрыв поцелуями его лицо, она наконец отпустила мальчика. Рустий с любопытством взглянул на хрипящего отца и поднял к матери остроносое лицо:

– Отец умирает?

Мирцея пожала плечами:

– Манук делает всё, что возможно. Но он, к сожалению, не всесилен…

– А почему Лабус его не лечит? – На лице мальчика застыло хитрое выражение.

Мирцея начала раздражаться. Она почти не спала этой ночью, у неё опять начались боли внизу живота, а теперь ещё должна объяснять очевидное вполне смышлёному парню.

– Ты прекрасно знаешь, что Лабус исчез. И его до сих пор не смогли найти… Что за дурацкие вопросы, Рустий?

Мальчишка скорчил рожицу и шмыгнул носом, затем утёр его рукавом и посмотрел на мать с невинным выражением:

– Чево сразу – дурацкие? Я просто… – он сделал значительную паузу, – видел его прошлой ночью. В зелёном коридоре.

– Что?! Ты… ты видел Лабуса… во дворце?

– Мам, ну ты сама-то поняла, чево спрашиваешь? Что мне было делать ночью не во дворце?

Мирцея нервно забегала по комнате, с недоверием поглядывая на младшего сына:

– Ты точно видел Лабуса? Может, ты просто ошибся? Ведь дворец перевернули от подвала до крыши!

Рустий, вполне довольный произведённым эффектом, уселся на диван и, болтая ногами, принялся грызть прихваченное из вазы яблоко.

– Да он! Точно! Света было маловато, и на голове у него был капюшон, но я ж не глухой! Они разговаривали, и я очень хорошо слышал его голос.

– С кем разговаривали? – Мирцея резко остановилась напротив сына.

– А я чё, не сказал? – Мальчишка выдержал ещё одну

театральную паузу, громко чавкая огромным куском яблока.

Проглотив его, он уже открыть рот, чтобы откусить следующий, но встретился с яростным взглядом брата, едва сдерживавшим себя, чтобы не надавать наглецу затрещин. – С Леей, конечно. Мило так беседовали.

Женщина выдохнула. Лея, значит! Вот же паршивка! Змея, которую она пригрела на своей груди! Эта дрянь посмела идти против неё, Мирцеи, и набралась наглости прятать беглого преступника во дворце, прямо у неё под носом!

Патарий решительно шагнул к дивану и схватил брата за шиворот, почти подняв его в воздух:

– Ну, смотри, засранец! Если только ты соврал и оговорил сестру, я ж тебя прибью! У-у-у… паразит!

Рустий вывернулся и обиженно заорал:

– Ничего я не соврал! Они это были! Вот идите, сами её и спросите! Или комнату обыщите – может, он до сих пор там под кроватью сидит!

Мирцея дёрнула за висящий у кровати шнурок. Золотой Меч немедленно возник у двери.

– Быстро сюда вашего командира! Да, погоди, пусть с ним придёт лантар Итрум… Луцак. У меня к нему будет особое поручение.

Вызванные явились через несколько минут, в течение которых она без устали металась по комнате. Девчонка должна быть наказана! Вне всякого сомнения, и по всей строгости закона! Чтобы больше никому из семьи не могло и в голову прийти противиться воле Повелителя! Мирцея взглянула на вошедших. Командир Золотых Мечей держался спокойно и независимо, а вот второй лантар переминался с ноги на ногу, пожирая женщину преданным взглядом.

– Рисон, вы должны привести сюда госпожу Лею! Немедленно! Ничего ей не объясняя. А вы, Луцак, самым тщательным образом обыщите её комнату. И доставьте сюда всё, что вам покажется странным. И… всех, кого там застанете. Выполняйте!

Поклонившись, лантары вышли. Минуты потянулись безобразно медленно. Патарий застыл у окна, внимательно разглядывая плывущие по небу облака, Рустий беспокойно вертелся на диване. Ему было неудобно сидеть, но страшно хотелось досмотреть до конца устроенный им самим спектакль.

Первым явился Рисон и отрапортовал, что госпожи Леи нет во дворце. Ещё час назад она выехала в своей повозке в город, как сказал главный конюший – прогуляться. Стражи у покоев и у ворот это подтвердили.

– А повозка? Её обыскивали перед выездом?

– Да, госпожа Мирцея! Повозка, как и корзина для завтраков, которую она держала в руках, были тщательно осмотрены.

– Идиоты! Вы бы ещё её ночной горшок тщательно обыскали, вдруг там кто-то спрятался! Передай стражникам – как только она вернётся, её нужно немедленно арестовать и доставить сюда! Вам ясно, Рисон?

– Слушаюсь, госпожа Мирцея! Всё будет исполнено!

– Надеюсь, надеюсь… – Женщина уже потеряла к нему интерес.

Луцак явился спустя полчаса и, поклонившись, положил на стол пять золотых слитков и сложенный вчетверо листок бумаги. С удивлением посмотрев на слитки, Мирцея схватила листок. На нём округлым чётким почерком в столбик были написаны имена:

«Кронария
Аруций
Палий
Рубелий
Грасарий
Мустин Беркост
Аврус Гентоп
Тостин Арвидол
Сидрак Тортран
Галиган Освел
Хайрел Беркост
Ортения».

Три верхних имени были жирно зачёркнуты. Ещё не понимая, что это означает и каким образом связаны между собой все эти люди, Мирцея с облегчением вздохнула, не найдя здесь своего имени. Луцак терпеливо ждал дальнейших распоряжений, и она приказала:

– Сейчас же выясни, как попали в комнату Леи золотые слитки. Ты слышишь – я должна знать об этом всё!

Ещё через час ей доложили, что вчера утром в комнату девушки был доставлен сундук с золотом. Сопровождавший его прислужник Хайрела Беркоста, пронырливый наглый парень, с мерзкой улыбочкой заявил, что никак не может понять, что уж такого нашёл его господин в этой костлявой девице с, мягко говоря, отвратительным характером, которая завернула назад все его подарки.

Да он, Ситус, голову даёт на отсечение, что она и этот не примет! Хотя и не подарок это вовсе, а свадебный дар! Он готов на что угодно спорить, что им придётся надрываться и волочить

его обратно. И когда минут через десять Лея действительно, мало выбирая выражения, приказала вытащить вон этот сундук, прислужник шёпотом отпустил в её адрес парочку таких выражений, что у лантаров ещё долго не сходили с лиц кривые ухмылки.

– Уроды! – Мирцея едва сдерживала истерический хохот. – Эти тупицы хотя бы проверили сундук на обратном пути?

– Конечно, госпожа. Самым тщательным образом. И на выходе из дворца, и на воротах. Всё было в порядке.

«Разгоню всех к дьяволу! Не стража, а сборище недоумков и лентяев! Личная охрана Повелителя! Да у них из-под носа его самого вынесут, а они не заметят! Значит, птичка упорхнула… А девочка не так уж и глупа. Ну, тем интересней…»

– Госпожа Мирцея! Рубе… Повелитель умер, госпожа… Отошёл в Вечную Тьму… – Дрожащий голос лекаря вывел её из задумчивости.

Она резко обернулась. Рубелий с белым лицом застыл на подушке. Его глаза в последнюю минуту открылись, и теперь уставились на неё остекленевшим укоризненным взором.

– Закройте же ему глаза! – Мирцея передёрнула плечами и тяжело опустилась на диван. – И оповестите Великого найтора. Пусть готовит прощание.

Грасарий

Прощание не затянулось надолго. То ли кошельки жителей столицы серьёзно оскудели ввиду явной хлипкости здоровья Повелителей, то ли виной были упорные слухи о поселившейся во дворце страшной заразе, но ручеёк желающих своими глазами засвидетельствовать смерть Рубелия Корстака быстро иссяк. И уже к концу первого дня церемонии усопший, под заунывные торжественные песнопения найторов, был отправлен на нижний этаж пирамиды, где ему был обещан Вечный Покой в Вечной Тьме.

Стоя у гроба, Мирцея холодно смотрела на поредевшую кучку родственников, готовых вцепиться друг другу в глотки от избытка любви, если бы им не мешал гроб с покойным, разделивший барьером две непримиримые стороны. Судя по плохо скрываемой ярости, сквозившей во взгляде Грасария, было ясно, что он ринется в бой, как только представится хоть малейшая возможность. Ну что ж, она готова.

И как всегда, Мирцея оказалась права. Едва на следующий день члены Малого Совета заняли свои места за столом, Грасарий вскочил и, ткнув в её сторону пальцем, с пафосом заявил:

– Господа! Я, Грасарий Корстак, требую призвать к ответу преступницу, убившую нашего Повелителя, моего любимого брата, и пытающуюся сейчас посадить на трон своего сына, который, скорее всего, даже не является сыном Рубелия!

Мирцея усмехнулась и небрежно взмахнула рукой:

– Дорогой мой деверь! Здесь всем известно ваше острое желание занять трон, поэтому ваши сказочки мы послушаем позже. А сейчас у нас есть более серьёзные дела. И первое касается вас, уважаемый Главный сигурн!

Мустин Беркост со своей всегдашней улыбочкой сделал удивлённые глаза и повернулся к Мирцее:

– Надо же! Чем это моя скромная персона смогла заинтересовать Совет? Пожалуйста, я очень внимательно слушаю.

– Хм… Это всем нам хотелось бы послушать, дорогой Мустин, где сейчас находится ваш сын, Хайрел Беркост?

Лицо сигурна на мгновение напряглось, но он заставил себя широко улыбнуться:

– Боюсь, что не смогу удовлетворить ваше любопытство! Мальчик достаточно вырос, чтобы научиться обходиться без нянек. А что, он опять что-то натворил, проказник? Неужели, сломал чью-то игрушку?

Глядя в его улыбающееся лицо, Мирцея с закипающим в душе

бешенством покачала головой:

– Думаю, всё значительно хуже, господин Главный сигурн. Мало того что ваш сын поспособствовал побегу государственного преступника, так он ещё в настоящее время скрывает от правосудия истинного убийцу нашего Повелителя! – Все головы разом повернулись к сидящей во главе стола женщине. – А судя по вашей реакции, вы целиком и полностью оправдываете действия сына, покрывая его! Следовательно, по закону нашего государства вы сами являетесь преступником! Лантары! Взять под стражу Главного сигурна!

Два Золотых Меча шагнули от дверей, собираясь выполнить приказ. Мустин Беркост вскочил, отбросив стул, и зычным голосом скомандовал:

– Стоять! Я, начальник личной стражи Повелителя, отменяю этот приказ! Немедленно вызвать сюда командира Рисона!

– Можете не трудиться, Беркост! С сегодняшнего дня вы уже не начальник, а ваш любимец Гис Рисон – уже не командир!

– Да какое вы имеете право! По закону, обязанность назначать командиров Золотых Мечей возложена на Главного сигурна!

– До сегодняшнего дня так и было. Но утром в Нумерии появился другой закон. Не правда ли, господин Главный судья?

Аврус Гентоп сидел белый, как мел быстро моргая своими поросячьими глазками. Ранним утром он был вызван в покои Мирцеи, где ему весьма недвусмысленно намекнули, что судейское кресло вовсе даже не приклеено к его заднице, и если он не начнёт понимать с полуслова… О том, что судья услышал дальше, вспоминать не хотелось.

– Это произвол! Ни один закон в стране не может быть принят без одобрения Большого Совета! Я, Главный сигурн, не позво…

– Бывший Главный сигурн, если быть точнее! – Мирцея взвизгнула, сверля его яростным взглядом. – Мы не можем доверить важнейший пост в Нумерии человеку, обвиняемому в государственной измене!

– Но… но ведь у нас нет никаких доказательств! – Самус Марталь растерянно развёл пухлыми руками. Его второй подбородок от волнения мелко трясся.

– Нет? Их предостаточно, господин министр денежных дел! Более чем! Все подробности вы узнаете во время следствия. Могу только сказать, что убийцей, которую так тщательно скрывают сын и отец Беркосты, является ваша, дорогой Грасарий, любимая племянница Лея!

Вздох изумления взлетел над столом. Мужчины удивлённо

переглядывались.

– Этого не может быть! Как могла Лея убить своего дядю? Бред какой-то… – Грасарий замотал головой в полной растерянности.

– Думаю, вы не станете отрицать, что это написано её рукой. – Мирцея положила на стол и подвинула к деверю листок бумаги.

Тот долго смотрел на столбик имен, потом нехотя кивнул.

Женщина удовлетворённо улыбнулась.

– Надеюсь, вы заметили, что следующим в списке стоит ваше имя!

– Но… как? – Боевой пыл Грасария угас, уступив место полной прострации.

– Вы же своими глазами видели, как! Это ужасное «сияние» убило моего любимого мужа. И кто знает, не подсунула ли эта дрянь что-то подобное и в вашу спальню?

– Полная чушь! Вы специально оговариваете бедную девушку, чтобы скрыть свои преступления! – Беркост смотрел на Мирцею, даже не стараясь скрыть своей ненависти.

– Луцак, почему этот мужчина до сих пор здесь? Кстати, господа, хочу представить вам нового командира личной охраны Повелителя Итрума Луцака. По крайне мере, в его преданности трону мне пока не приходилось сомневаться. Уведите обвиняемого!

После того как дверь закрылась, в комнате повисла гнетущая тишина. Мирцея внимательно оглядела сумрачные лица мужчин и весело объявила:

– Ну, а теперь о приятном! Завтра состоится коронация нового Повелителя! Считаю, не стоит делать её слишком пышной – в казне осталось мало денег, а впереди… – её голос посерьёзнел, – впереди у нас не самые лёгкие времена. Я не очень преувеличиваю, господин министр Тайного приказа?

Лея

Бегство было поспешным. Всё произошло настолько стремительно, что даже сегодня, спустя три дня, Лею начинало трясти, стоило только вспомнить, как им всем повезло. Безумно повезло! Если бы она всего на час позже выехала на прогулку или на несколько минут раньше решила вернуться, то не сидела бы сейчас в мягко покачивающейся лодке, а разглядывала весеннее небо в малюсенькое оконце камеры. И это ещё в лучшем случае!

Весь день после удачного побега Лабуса они с Млавой выносили из комнаты слитки – в подвязанном под юбкой фартуке, в узле грязного белья, даже в грязном тазу, где пришлось помыть возмущённого таким бесцеремонным обращением Берсика. Млава умудрилась пронести пару слитков даже в ночном горшке, и они весело хохотали, когда прислужница изобразила, какую рожу скорчил лантар, когда она предложила проверить его содержимое.

Но как они ни старались, на следующий день больше десятка слитков ещё оставались под кроватью. Прихватив один из них, Лея прошествовала в читальню, где улыбающийся Туфин вручил переданную для неё Хайрелом записку, в которой имелась заранее оговоренная фраза: «Книжка мне понравилась, но прошу передать мне её продолжение. Буду ждать в своём доме с часу до трёх пополудни».

Лея обняла и расцеловала книгочея, который уже и не помнил, когда его так страстно целовали. Девушка бегом вернулась в свои покои и задолго до назначенного срока уже собралась, прижимая к груди не менее возбуждённого щенка. Млава, глядя на раскрасневшуюся госпожу, лукаво улыбнулась и притворно вздохнула – Лее предстоит любовное свидание, а ей, бедненькой, опять горшки таскать…

Каким именно Богам теперь молиться, что они надоумили девушек поступить именно так, а не поехать вдвоём, Лея до сих пор не знала. Но при случае она обязательно щедро одарит всех, чтобы ни один из них не обиделся. Она уже возвращалась домой и до ворот дворца оставалось не больше двух кварталов, когда с обочины дороги под ноги лошадям бросилась растрёпанная Млава и дрожащим от волнения голосом велела срочно поворачивать назад.

Едва отдышавшись, прислужница рассказала, что около комнаты Леи её остановил Вайс Киссар, бывший некогда другом Дартона Орстера, и шёпотом сообщил, что покои госпожи обыскивают и что их новый командир Итрум Луцак отдал строгий

приказ арестовать госпожу Лею, как только она въедет в ворота дворца. Млава охнула и обмерла, а Вайс затормошил девушку и зашептал ещё тише:

– Мы должны спасти Лею! Если вы знаете, где она сейчас, бегите туда и предупредите её! Она не должна возвращаться во дворец! Ни в коем случае! И если госпоже нужна помощь, обязательно найдите меня. Да идите же!

Та дёрнулась бежать, но остановилась.

– Но… меня же могут остановить на выходе! – На глазах девушки немедленно выступили слёзы.

– В приказе сказано только о Лее. И ни о ком другом. Идите, пока они не вспомнили о вас! Только, прошу, не так быстро – незачем привлекать к себе внимание!

Вайс не обманул – на Млаву и вправду никто не обратил никакого внимания. Сдерживая волнение, она степенно вышла из ворот дворца и медленно пошла по улице, разглядывая выставленный в лавках товар. Но стоило ей завернуть за угол, как девушка кинулась бежать со всех ног, с трудом увёртываясь от провожающих её удивлёнными взглядами прохожих. И как вовремя – она буквально влетела под колёса подъезжающей ко дворцу повозки своей госпожи!

Из её сбивчивого рассказа Лея поняла, что их хитрость с сундуком была раскрыта, несмотря на все предпринятые меры предосторожности. И теперь всем участникам побега грозила нешуточная опасность. Спасти их могло только незамедлительное бегство. Мирцея никогда не простит ей этой невинной шалости и, само собой, захочет крови. Много крови. И не успокоится, пока не добьётся своего.

Радость на лице Хайрела тут же сменилась беспокойством, как только девушка сообщила ему о причине своего внезапного возвращения.

– А вот это уже серьёзно! – Молодой человек взъерошил свои густые тёмно-русые волосы. – У вашей тётушки крайне сволочной нрав, и мне совсем не улыбается окончить свои дни в какой-нибудь безымянной яме. Да и вам, думаю, тоже.

Спустя минуту все указания прислужникам были отданы, и Хайрел пригласил девушек пройти за ним. Они вошли в огромную гардеробную, где до сих пор висели вещи его недавно умершей матери.

– Милые дамы! Прошу вас выбрать практичные и не очень яркие платья, хотя с такими красавицами нам всё равно придется туго. – Улыбка мелькнула на его лице и сразу погасла. – Обувь вам тоже должна подойти, но если нет, не отчаивайтесь – сапожники в Нумерии пока ещё не перевелись. Плащи берите

тёплые – ночами бывает очень холодно…

И, уже выходя, предупредил:

– Только побыстрей! У нас крайне мало времени…

Через десять минут девушки были готовы. Тёмно-серое дорожное платье из тонкой шерсти оказалось Лее почти впору, правда, слишком высоко открывало носки её сапожек для верховой езды. Млаве выбранное платье было тесновато, и она всё время наступала на его подол. Но это были такие мелочи! Они ещё умудрились прихватить по паре нижнего белья из тончайшего полотна, спрятав этот небольшой узелок в корзинку Леи.

В комнату вступил франтоватый старик в чёрном шерстяном камзоле и такой же шляпе с пером белой цапли. Его плащ был подбит тёмным блестящим мехом, а в высокие сапоги можно было смотреться, как в зеркало. Лея пристально взглянула на незнакомца и вдруг присела от хохота:

– Лабус! Да я никогда в жизни не узнала бы тебя на улице! Такой важный! Просто жуть! Только по бороде и поняла!

Тот довольно улыбался, поворачиваясь к девушкам то одним, то другим боком. Их веселье прервал Хайрел, появившись в дверях:

– Всё, пора выезжать!

Лея уже шагнула к двери, но вдруг остановилась:

– А как же Берсик? Я хочу забрать его с собой!

Щенок взвизгнул и кинулся к хозяйке. Молодой мужчина нахмурился:

– Лея, это невозможно! Вы поедет верхом, и собака будет только мешать. Ещё неизвестно, вдруг нам придётся уходить от погони! Но я могу вас заверить, что здесь с… Берсиком ничего не случится. И он благополучно вас дождётся.

Наклонившись, Лея поцеловала щенка и быстро вышла, оставив того визжать за дверью – доводы Хайрела были весьма разумны. Во дворе их уже ждали осёдланные лошади. Лея редко ездила верхом, но доставшаяся ей кобыла была само спокойствие, а седло – на удивление удобным. Лабус, кряхтя, взгромоздился на серого жеребца с белым треугольником на лбу, Млаве досталась гнедая кобыла с тщательно расчёсанной гривой.

– Я не вижу моей повозки! – Лея удивлённо посмотрела на молодого человека, разбиравшего поводья у своего ослепительно-белого жеребца с серебристой гривой.

– Вашему возчику выдали целый лит и строгий наказ – пропить его за здоровье нашего нового Повелителя в лучшей харчевне города. И явиться сюда не ранее чем через три часа, чтобы отвезти вас домой. Думаю, он сегодня славно погуляет!

Их маленький отряд выехал из ворот дома и повернул к ближайшему выезду из Остенвила – Северным воротам. Девушки намотали почти до самых глаз шарфы и надвинули на головы капюшоны плащей, лекарь старательно прятал свою бороду в высокий воротник, всячески ругая себя за то, что не расстался с ней ещё вчера.

Хайрел поравнялся со спутницами:

– Мы с Лабусом решили, что он назовётся богатым торговцем Одилом Туртусом, отправляющимся на восток за товаром. Вы – его дочери, а я – муж одной из вас. Надеюсь, никого не расстраивает такая перспектива?

– А это – наши слуги? – Лея кивнула на державшихся чуть позади прислужников. – Тогда нам не помешает узнать их имена.

Молодой человек улыбнулся:

– Ну, с Ситусом, думаю, вы уже знакомы. Надёжный парень, но проныра и наглец редкостный. Хотя я не всегда стал бы это относить к порокам. Вон тот молчун в синем кафтане – его старший брат Ливас. И, поверите, я не встречал ещё двух более непохожих людей. Рыжий с курносым носом – Берсам, он знает о лошадях всё и даже больше. Силён, как дьявол, правда, с виду и не скажешь.

– А вон тот угрюмый, со шрамом. По-моему, он вообще не умеет улыбаться. – Лея уже вполне освоилась, и даже начала получать удовольствие от их неторопливой езды.

– О, это моя тень! Днём, а особенно ночью, он всегда следует за мной по пятам. Я и сам редко слышу его голос. Да он особо и не разговаривает с теми, кого надо сначала убить, а потом уже выяснять, как зовут.

Лея с опаской оглянулась на мужчину и, встретив его острый взгляд, быстро отвернулась.

– Но имя-то у вашей тени имеется? – У неё до сих пор по спине бежал неприятный холодок от цепкого колючего взгляда.

– Конечно. Его зовут Тугрик Дорм, но он предпочитает, чтобы все называли его Бирюк.

– Странное имя, никогда такого не слышала.

– Так на севере называют волка – одиночку, не признающего стаю.

Они благополучно миновали Северные ворота, через которые в это время дня беспрерывным потоком текли в обе стороны пешеходы, повозки и всадники, и на первом же перекрестке свернули на восток, в надежде, что посланная вдогонку стража вряд ли догадается искать беглецов в Га харе.

К концу второго дня пути они уже въезжали в Ремс, богатый город на реке Вананге, одной из четырёх главных рек Нумерии,

берущей своё начало в горах Кватраны. Здесь, вблизи моря, она утрачивала свой стремительный бег и плавно несла мутные от песка и ила воды, чтобы смешать их с изумрудными волнами Красного моря.

Утром Хайрел о чём-то коротко переговорил с хозяином постоялого двора и куда-то отправил Ситуса в сопровождении хмурого Бирюка. Лея выразительно посмотрела на молодого человека, но он незаметно приложил палец к губам. Позже, поднявшись в комнату, он плотно притворил дверь и наставительно произнёс:

– Прошу вас ничему не удивляться и, вообще, задавать как можно меньше вопросов. Для вашей же безопасности. Я спрашивал нашего хозяина, как нам удобнее добраться до Атрухала и у кого из местных торговцев лучше закупить провиант на дорогу.

– Так мы всё-таки отправляемся в Гахар?!

– Для тех, кто пустится за нами в погоню, да. На самом деле Ситус наймёт лодку, и мы отправимся вверх по Вананге. Выезжаем через час, так что будьте готовы.

Ситус с Бирюком явились с двумя вьючными лошадьми, загруженными поклажей. Все уселись на своих коней и под пристальным взглядом толстощёкого хозяина отправились именно туда, куда он им указал. Как только последние дома Ремса скрылись из вида, путники свернули с дороги. Ехавшие последними Ливас и Бирюк вначале поскакали прямо по дороге, но вскоре догнали отряд.

Добравшись до реки, они ещё целую милю ехали по воде вдоль берега, благо дно было пологим, без ям и промоин. Лея уже начала беспокоиться, но за очередным поворотом им открылась песчаная отмель, возле которой причалила огромная лодка под сине-красным полосатым парусом с вместительной деревянной будкой в носовой части.

– А вот и наша повозка! – Ситус расцвёл в улыбке. – Прошу любить и жаловать. Капитана зовут Пузо, и, дьявол его задери, он вполне заслужил своё прозвище!

Невысокий коренастый мужик с огромным животом, из-за которого его кривоватые ноги казались смешными щепками, радостно помахал им с носа лодки:

– Я приветствую вас на моей «Медведице», господа! Она не больно-то красива, но если её раззадорить, то и вправду несётся, как сумасшедшая зверюга! Прошу, проходите, мой сынок уже приготовил вам каюту!

Погрузка прошла быстро. Двух вьючных лошадей оставили на берегу с мальчишкой – юнгой по уговору с капитаном, что они

пойдут тому в счёт оплаты проезда. Остальных завели на борт и привязали на корме. Четыре гребца оттолкнули лодку от берега, и морской ветер весело завозился в надувшемся парусе.

Через пару часов они уже проплывали мимо Ремса, моля Богов, чтобы никто с причала не заметил в их лодке приметного белого жеребца с серебристой гривой.

Слегка прикусив мочку его уха, Мирцея жарко выдохнула:

– Ты был великолепен, дорогой!

Галиган поморщился. Великолепен! Какой, к дьяволу… да у него скоро на неё член не встанет! Старая похотливая сучка! Не успели отволочь муженька в пирамиду, как эта безутешная вдовушка, своими собственными руками его туда и упёкшая, оседлала уже другого конька! На глазах у всего дворца… шлюха. Как же она ему осточертела…

Её рука, поиграв с пышной растительностью на его груди, мягко скользнула вниз:

– Продолжим, мой лев?

Галиган раздражённо сбросил с себя слишком настойчивую руку и резко сел:

– Нет! Не могу… Я слишком устал от серьёзных государственных дел!

Мирцея, облокотившись на подушку, задумчиво наблюдала, как он, грязно ругаясь, старался попасть ногой в узкую штанину.

– Ты чем-то не доволен, мой милый? Мы договаривались с тобой о должности Главного сигурна, и ты её получил! И сейчас у тебя в руках вторая по значимости власть в государстве!

«Дьявол! – Нога наконец скользнула на место, и мужчина рывком натянул штаны. – Лучше бы первая…»

– Это всё прекрасно, но крайне утомительно, дорогая! – Галиган решил несколько смягчить тон. – Ты же знаешь, меня больше интересуют женщины, охота и мелкие интриги, чем скучнейшие отчёты занудных министров, от которых через пять минут начинает сводить челюсти и нестерпимо тянет в сон!

Мирцея расхохоталась:

– А я-то думала, ты закрываешь глаза, чтобы лучше сосредоточиться на докладах! Смотри, Повелителю может не понравиться, если его правая рука будет храпеть на заседании Совета!

«Куда этот щенок денется! Я слишком много знаю о том, как его мамочка пришла к власти… И стоит мне только открыть рот…»

– Я исправлюсь, моя кошечка! – Он застегнул последнюю пуговицу и оглядел себя в зеркало. – Возможно, скоро я полюблю унылые рожи Хальдекаста и Марталя… конечно, не так сильно, как твоё прекрасное личико, и, бойся, начну с ними проводить всё своё время!

Он наклонился и нежно поцеловал Мирцею в подставленные

губы. «Лев… шлюшка ты гахарская… Интересно, как запоёшь, когда свирепый матёрый волк разорвёт твоё горло. А уж с сосунком разобраться…»

Ещё раз улыбнувшись, он быстро вышел из комнаты. Ответная улыбка медленно сползла с лица женщины. «Очень вовремя я решила подчинить лантаров лично Повелителю… Ну, что ж, дорогой мой Галиган, ты совершил свою первую ошибку. Прекрасно! И чем больше ты будешь злиться, тем больше ты их совершишь. И тем быстрее я избавлюсь от тебя, любимый…» Она сладко потянулась и закуталась в лёгкое пушистое одеяло.

Раздражение не утихало, и у своих покоев Галиган рявкнул на лантара, слегка замешкавшегося при открывании двери:

– Заснул, паршивец! Так-то вы охраняете второе лицо в государстве! Имя?!

– Бейлис Румк, господин Главный сигурн!

– Бейлис Румк! – Галиган с силой захлопнул за собой дверь. – Запомню!

Ярость кипела в нём, ища выход. Пнув попавшийся на пути стул и смахнув на пол разлетевшуюся на куски изящную вазу из тонкого полупрозрачного камня, он упал на диван и схватил со столика кубок:

– Туск, жабье отродье! Где вино? – Кубок врезался в стену рядом с ширмой, закрывавшей дверь в комнатку прислужника.

– Я уже бегу, мой господин! Уже наливаю! – В накинутом на длинную рубаху сюртуке Туск вынырнул из-за ширмы и зашлёпал голыми ногами к столу.

– Спишь, наглая сволочь! Ты должен сидеть и ждать своего хозяина!

– Но ведь… вы ушли к госпоже Мирцее… и я думал, что, как обычно… на всю ночь…

– А я вот – необычно! Думал он… – Худой Туск с появившимся у него откуда-то в последнее время круглым брюшком выглядел весьма забавно, и душившее Галигана раздражение разом улетучилось. – Лей больше! Что-то мне пить захотелось после этой преснятины!

Прислужник до краёв наполнил кубок светлым вином, привезённым из солнечных долин Дастрии. Галиган жадно отхлебнул, ощутив во рту привычный терпкий вкус:

– Боги, как вы сумели сотворить такую красоту? От этого мерзкого гахарского у меня сплошное несварение! – Он одним глотком допил остатки вина и кивнул Туску. Довольный тем, что буря просвистела мимо, прислужник снова щедро плеснул в кубок.

– Э-э! Я говорил, что хочу пить, а не напиться! – Галиган

теперь смаковал напиток, наслаждаясь его вкусом и запахом. – Ты выполнил моё поручение?

Туск повернул к хозяину невыразительное вытянутое лицо с близко посаженными маленькими глазками:

– Конечно! Я передал госпоже Осмиле всё, как вы сказали…

– Ну, и? – Галиган погладил свою короткую бородку.

– Госпожа Осмила велела передать, что в Митракии все девушки красивы, но вряд ли имеет смысл менять одну брюнетку на другую. Возможно, господину стоит обратить своё внимание на блондинку? Бедитту Марталь, например. Благо, девушка вполне удачно отделалась от своего недавнего щекотливого положения и уже опять готова заполнить образовавшуюся в ней пустоту.

Галиган выпучил глаза, уставившись на быстро моргающего и медленно бледнеющего Туска, но вдруг прыснул вином и весело заржал:

– Ну, и стерва! Мне – Бедитту!! Вот сучонка! В её-то положении так отвечать мне – Главному сигурну! Да она – чокнутая! – Галиган вскочил и заходил по комнате, не выпуская кубка из рук. – Если ты мне не соврал… – Туск так замотал головой, что она грозила в любой момент отвалиться с его тонкой шеи, – тогда она точно – полная дура! Отец сидит в тюрьме и обвиняется в государственной измене, брат по той же причине в бегах, замок конфискован со всем барахлом, а она кочевряжится! Ну, ничего, тем интересней будет посмотреть на её счастливое лицо, когда я её наконец-то оттрахаю! На глазах у её малахольного муженька!

Туск немедленно выразил полное согласие и бросился помогать своему господину раздеться. Задув свечи, он тихонько пробрался мимо кровати в свой угол, услышав, как Галиган хмыкнул и пробормотал:

– Надо же, Бедитта… Ну, тем веселей будет охота… маленькая ты дрянь…

Хайрел

– За нами следят, Хай!

Бирюк бесшумно появился в дверях, как обычно забыв стуком известить о своём прибытии.

– Не ошибаешься? – Весёлая улыбка, с которой он развлекал компанию рассказами о своей поездке в столицу Сентории Петроссу, где они славно повеселились с Жумаром Стейнбоком, мгновенно исчезла с лица Хайрела.

– Нет. Люди – рваньё, но кони у них приметные. – Бирюк скривился. – Иди, сам глянь.

Приказав всем оставаться в каюте, Хайрел выбрался вслед за телохранителем на палубу. Было ясное утро седьмого дня их плавания по Вананге, которое до этой минуты протекало вполне спокойно. Подозрительно спокойно.

Они почти миновали Барлонию с её бесконечными степями, и левый берег реки уже начал бугриться невысокими холмами, предваряя приближение Кватраны – земли покрытых лесом невысоких гор, среди которых залегали серебряные и железные рудники, проклинаемые рудокопами и приносящие огромные богатства своим хозяевам.

Почувствовав присутствие хозяина, Бирюк кивнул на пологий холм, мимо которого они как раз проплывали. На его вершине застыл всадник, пристально наблюдавший за их лодкой. Одетый в облегающие кожаные штаны и бурый меховой жилет, надетый прямо на голое тело, он необыкновенно прямо сидел на великолепном рыжем жеребце, чёрная грива которого была тщательно расчёсана и причудливо заплетена во множество косичек.

За спиной всадника виднелся небольшой лук, на поясе висел длинный охотничий нож с костяной рукоятью. Густые чёрные волосы мужчины были собраны сзади в хвост, оставляя открытым скуластое обветренное лицо с грубыми чертами.

– Маргоны, паршивцы эдакие! – Капитан проследил за их взглядами и привычно почесал свой толстый живот. – Степные кочевники, а по мне, так чистые разбойники и конокрады. Тьфу, дьявольское отродье! Они за хорошего коня мамку родную продадут и даже не поморщатся, ироды. Да-а, скверное дело… – Пузо повернулся и, что-то бурча себе под нос, пошаркал на корму, отвесив по дороге увесистый подзатыльник парнишке лет тринадцати, не слишком усердно, на его взгляд, драившему палубу.

– Маргоны… – Хайрел озадачено перевёл взгляд на Бирюка. –

Не знал, что они тут обитают.

– Подлый народец! – Бирюк смачно сплюнул на палубу, поймав злой взгляд орудовавшего шваброй парнишки. – Пузо прав. Их ничего, кроме коней, не интересует. Ну, разве что, ещё хорошее оружие. И жизнь коня у них ценится куда выше человеческой, особенно людишек из чужого рода-племени.

Хайрел снова взглянул на холм, но всадник уже исчез.

– Я их ещё вчера вечером заприметил. – Бирюк перебирал в пальцах круглые разноцветные камешки, связанные между собой ниткой. – Если ветер не сменится, завтра мы будем уже в Кватране. Туда они не сунутся – там своих бандитов полно. Прямо на границе живут торки, а они маргонов готовы голыми руками рвать от избытка любовных чувств.

Он опять плюнул на палубу и, скривив злую рожу, показал парнишке кулак. Тот вначале испуганно отпрянул, но кулак разжался, и по палубе зазвенел дарк. Парнишка радостно взвизгнул.

– Балуешь ты его! – От взгляда капитана мало что могло укрыться. – Да ладно, пускай малец себе в Петроссе сластей накупит. Ну, так что решим?

Хайрел на секунду задумался.

– Если мы будем плыть без остановки, они вряд ли нападут. А завтра, если верить моему спутнику, нам маргоны будут уже не страшны.

Пузо вытянул трубочкой пухлые губы и снова почесал живот:

– Может, и отстанут. И такое бывало. Но… – его рука задумчиво поползла по груди вверх, пока не уткнулась в каскад подбородков, – уж больно конь у вас приметный. Редкой красоты и стати. Это даже мне, речной улитке понятно. А этим дьявольским ублюдкам и подавно. Но ты прав, плыть нам лучше без остановок. – И он побрёл к другому борту, на сей раз не удостоив юнгу подзатыльником.

Мужчины переглянулись.

– Я не смог бы его оставить. Ты же знаешь… – В голосе Хайрела проскользнула извиняющаяся нотка.

– Чего теперь. – Бирюк отвернулся.

Помолчав, он уселся на перевёрнутый бочонок и, вытащив из своего мешка точильный камень, принялся полировать свой и без того острый меч.

Едва Хайрел спустился в каюту, Лея набросилась на него с вопросами:

– Нас выследили? Кто это был? Их сколько? Мы дальше поплывём или снова поскачем?

От такого напора молодой человек даже опешил. Оглядев

встревоженные лица спутников, он весело улыбнулся:

– Вы меня просто ошеломили, госпожа Лея! Дайте же хоть слово вставить! – И, увидев полные слёз глаза, быстро добавил: – Всё хорошо! Волноваться не нужно! Это просто кочевники, которых интересует всё вокруг, и наша лодка тоже. Мы поплывём, как и плыли, правда, на ночь останавливаться не будем – хочется побыстрей попасть в Петроссу.

Лея с недоверием смотрела на Хайрала, но на его лице сияла такая радостная улыбка, что постепенно она успокоилась и отправилась с Млавой наружу подышать свежим воздухом.

– Всё крайне паршиво? – Лабус расстался наконец со своей бородой, но сейчас лекарю её явно недоставало, и ему пришлось цепко ухватиться за свой подбородок.

– Думаю, да. Не хотелось пугать девушек. – Хайрел плеснул в кубок вина и залпом выпил. – Более чем скверно, если верить капитану и моей тени. Тем, кто нас преследует, маргонам, приглянулся мой Снежный Барс, дьявол их раздери! И этой ночью они попробуют его заполучить.

День клонился к вечеру. Солнце окрасило кровью столпившиеся у горизонта облака, обещая на завтра ветреную погоду. И, словно опомнившись, что с утра ему предстоит нешуточная работа, дувший исправно весь день южный ветер вдруг стих, заставив повиснуть ненужной тряпкой полосатый парус.

– Глотка Вельзевула! – Капитан готов был отпустить ещё не одно ругательство покрепче, но поперхнулся, уставившись на девушек. – Подлючий ты выползень! Если мои люди будут грести всю ночь, надрывая пупки, мы всё равно ни на хрен собачий с места не сдвинемся. Сам видишь, Вананга здесь та ещё резвая штучка! Это опасно, дьявол знает, как опасно, но ничего не поделаешь – нам придётся причаливать к берегу!

Лодка уткнулась носом в отмель. Лошади дружно заржали, чувствуя возможность вскоре ступить на твёрдую землю и вволю попастись на свежей травке. Пока матросы суетились, привязывая лодку, Берсам с братьями свели лошадей на берег. Ситус с помощью Лабуса соорудил небольшой шатёр, в котором собирались ночевать девушки. Лея решительно этого потребовала, хотя Хайрел настойчиво предлагал им провести эту ночь в каюте.

– Ты же сказал, что нам нечего бояться! К чему тогда лежать в духоте, если можно дышать свежим воздухом. Бедную Млаву тошнит от качки, пусть хоть одну ночь поспит спокойно.

Это была чистая правда. Пышущая здоровьем Млава, едва ступив на борт «Медведицы», начала тихонько зеленеть и в себя

приходила только на твёрдой земле.

– Я раньше никогда не плавала в лодках. Откуда мне было знать, что моё тело не приспособлено к жизни на воде? – ныла она слабым голосом, когда содержимое её желудка в очередной раз выворачивалось за борт.

Вскоре в большом котле уже булькала густая похлёбка из пшена, репы и кусочков солёного мяса, приправленная первой свежей зеленью дикого лука, найденного Млавой прямо на берегу, и её запах заставлял громко урчать пустые животы.

Ужин прошёл в напряжённом молчании. Лея попробовала шутить над уплетающей за обе щеки прислужницей, но её весёлость быстро угасла, наткнувшись на угрюмую сосредоточенность жующих мужчин.

– Сторожить будем по двое. Если люди капитана согласятся нам помочь, не мешает добавить им по паре дарков. Это не их дело, но помощь лишней не будет. – Бирюк хлебал из глиняной кружки травяной отвар, исподлобья поглядывая на хозяина. – Я заступлю в полночь. Самое волчье время…

Услышав их разговор, Лея вскинула глаза на Хайрела и уже открыла рот для очередного вопроса, но Лабус положил ладонь на её руку:

– Потом я всё тебе объясню. Дай мужчинам делать своё дело.

Спать легли рано. Прислужники посовещались и решили, что лошадей безопаснее будет вернуть на лодку, а Берсам устроиться рядом с ними. Матросы весьма обрадовались обещанным дополнительным монетам и с удовольствием присоединились к охране, вытащив из сундуков всё имеющееся на борту «Медведицы» оружие.

Хайрел расстелил на земле плащ и улёгся прямо у входа в шатёр, положив рядом свой меч. Длинный охотничий нож с серебряной рукоятью, украшенной россыпью драгоценных камней, он не стал снимать с пояса.

Лея, замерев на набитом свежей травой матрасе, напряжённо вглядывалась в темноту и прислушивалась к каждому звуку за тонкой стенкой – плеску речной волны, крику пролетевшей ночной птицы, треску проснувшихся после зимних холодов цикад. Разлитая в воздухе тревога заставляла её вздрагивать от каждого шороха, заглушаемого громким стуком сердца.

Она не заметила, как заснула, но мгновенно подскочила, когда Млава затрясла её за плечо:

– Госпожа, госпожа! Вы слышите? Там что-то происходит! Я слышала крик… Ой, госпожа, как я боюсь!

Лея бросилась к выходу и тут же споткнулась, упав на колени от неожиданности. Сердце остановилось от ужаса, но вместо

бездыханного тела Хайрела Беркоста её руки наткнулись на брошенный им плащ.

На лодке творилось что-то невообразимое. Правый борт пылал, бросая на воду неровный жёлтый свет. Лошади дико ржали, пытаясь сорваться с привязи и бешено колотя копытами по настилу. Люди с громкими криками метались по палубе, схлёстываясь друг с другом. Звенели мечи, сталкиваясь с мечами, и от их жестокого пения хотелось заткнуть руками уши и бежать, бежать, бежать…

Млава выглянула из-за плеча хозяйки и заголосила от страха. Лея резко дёрнула девушку за руку и зашипела:

– Тихо, дура! Ещё не хватало, чтобы нас заметили! Бегом к тем кустам! Да тише же…

Они быстро перебежали открытое пространство и затаились в ближайших кустах, с ужасом наблюдая за сражением. И, как оказалось, очень вовремя. Краем глаза увидев какое-то движение у шатра, Лея толкнула прислужницу в бок:

– Смотри!

Гибкая высокая фигура с коротким мечом в руке вынырнула из-за шатра, прислушалась и, согнувшись, шмыгнула внутрь. Мгновение спустя мужчина выскочил, огляделся по сторонам и бесшумно растворился в темноте. Девушки в ужасе замерли.

Бой вскоре закончился, но крики не утихали – матросы спешно тушили горящий борт «Медведицы». Внезапно от лодки к шатру кто-то пробежал и тоже нырнул внутрь. Мгновение было тихо, а затем выбравший наружу мужчина дико заорал:

– Лея! Лея! Боги, где же она? Лея!

Вдоволь насладившись паникой в его голосе, девушка отозвалась, выцарапываясь из куста:

– Здесь! – Хайрел бросился к двум теням, возникшим на освещённом месте. – А вы не очень-то торопились, господин Беркост! Если бы мы с Млавой по вашему приказу до сих пор сидели в шатре, то кроме двух прекрасных тел с перерезанными горлами, вы бы там ничего не нашли! – И, провожаемая взглядом мужчины, она решительно двинулась к лодке.

Пожар потушили, и Пузо, охая и оглашая воздух выражениями, от которых более нежные уши давно бы завяли, оглядывал причинённый лодке ущерб. Лошади всё ещё тревожно ржали, но теперь их беспокоил запах свежей крови, залившей палубу у их ног. Бирюк с оскаленным ртом и яростно сверкавшими глазами встретил девушек на носу лодки:

– Это зрелище не для дам! Шли бы в шатёр, пока мы тут управимся.

Лея зло взглянула на него и молча прошествовала мимо. То,

что она смогла разглядеть в предутренней серости, было действительно ужасно. У борта лежал один из нападавших, худой мужчина с вывалившимися внутренностями и застывшим в смертельной гримасе лицом. Его короткий меч валялся тут же, в луже его крови. Второй кочевник, с отрубленной головой, примостился у ног привязанной с краю лошади, которая дико ржала и рвалась, стараясь избавиться от такого соседства. Лея зажала рот – её желудок едва не вывернуло от вида трупов, но, поймав насмешливый взгляд Бирюка, она отвернулась и выдавила:

– Наши все целы?

– Погиб один матрос, получил нож в самое сердце. Второй ранен в ногу, потерял много крови. Лабус с ним в каюте возится. Да ещё Ливас…

– Что – Ливас?

– В живот ранен. Лекарь говорит, что это серьёзно.

– Вы тоже ранены? Весь в крови…

– Нет, дьявол их раздери! Это не моя кровь…

Возле борта раздался громкий всплеск, и голос Берсама объявил:

– Шесть!

Лея нырнула в каюту и бросилась к склонившемуся над раненым Лабусом:

– Что надо делать? Я могу помочь…

– Очень хорошо! Нужно рану зажать, только сильно жми… Я сейчас ткань нарву… для повязки…

Кое-как отмыв лодку от крови и избавившись от трупов, они не стали задерживаться на негостеприимном берегу и спешно отплыли. Ещё пару дней, и путешественники начнут подниматься вверх по Винтуре, правому притоку Вананги. И если удача будет на их стороне, вскоре беглецы увидят знаменитые белые стены Петроссы, отделанные сверху мрамором цвета утренней зари.

Никита

– Эй, Ник!

Никита уставился на стоявшего у ворот высокого мужчину в новой кожаной куртке и высоких сапогах. Слева на поясе незнакомца висел тяжёлый меч в простых ножнах, а под правой рукой удобно устроился длинный нож с костяной рукоятью.

– Вот здорово! Ты чево, совсем меня не узнаёшь? – Лицо говорившего расплылось в широкой улыбке.

– Тван!! – От неожиданности Никита выронил из рук ведро с водой, и оно покатилось по двору. – Тван! Ты как тут оказался?

Мальчишка в два прыжка преодолел разделявшее их расстояние и замер в объятиях друга. Тот отстранил его от себя и похлопал по плечу:

– А ты подрос, парень! И смотри-ка, крепким каким стал!

– Эт ты ещё Дарта не видел! – Никита от смущения и радости не знал, куда девать свои руки. – Он прям настоящий силач, здоровый такой!

– Здоровей меня? – Тван обнажил в улыбке белые ровные зубы.

– Ага! Будет, лет через пять! – Никита весело рассмеялся. – Слушай, а как ты нас нашёл?

Тван пожал плечами:

– Пара дарков, и стражники у рынка сразу вспомнили, кто купил двух дерзких парнишек. Да уж, впечатление вы на них произвели!

Ник усмехнулся – а то!

– Ты проходи давай! Я щас за Дартом сбегаю! И с Куртисом поговорю – может, отпросит нас у Дули…

– Хорошо бы… А то я не надолго. – Тван положил руку на рукоять меча. – Я теперь нахожусь в войске господина лангракса и должен до захода солнца вернуться в казарму.

Через минуту Ник уже тащил к воротам слабо упиравшегося Дарта. Тот был в кожаном фартуке и весь перемазан сажей, но друг так яростно его торопил, что не дал ему даже времени умыться.

– Да, куда ты меня тянешь? Во, бычара! Случилось-то чево…? – Дарт почти налетел на мужчину у ворот. – Ой, простите, господин! Я не хотел…

– Господин! – Тван перегнулся пополам от хохота. – Разуй глаза, Засоня!

– Тва-ан! – Парнишка сгрёб друга в охапку, и теперь уже тому пришлось кряхтеть в железных объятьях.

– Ну, ты силён, зараза! Настоящий медведище! – Тван потёр бока, со счастливой улыбкой глядя на радостно приплясывающего Дарта.

– Вы тут… я быстро…

Ник метнулся к конюшне, где совсем недавно видел Куртиса. На его счастье, тот всё ещё был там – греясь на солнышке, лениво наблюдал, как Ишван старательно чистит рыжего норовистого жеребца Грома. Выслушав сбивчивую просьбу Ника, мужчина молча поднялся и прошёл к воротам, где окинул придирчивым взглядом топтавшегося там Твана. Затем, так и не проронив ни слова, отправился к хозяину.

Отсутствовал Куртис недолго. Спустившись через несколько минут с крыльца, он небрежно махнул рукой:

– Идите. У вас два часа. Но… чтоб без глупостей – господин Рагон отпустил вас под мою ответственность.

Троица вывалилась за ворота и двинулась по оживлённой улице.

– Эт что за хмырь был?

Никита улыбнулся – Тван помнил его любимое выражение.

– Да нет, он ничё дядька, нормалёк. Ты бы на управляющего поглядел – вот это гнида, так гнида. А пацан тут есть, сынок кухаркин, так тот вааще отстой голимый! Лох утюжный!

И, только заметив, как странно смотрят на него друзья, Ник понял, что слегка переборщил. Хмыкнув, он протянул:

– Короче, всё чики-пуки.

Они топали по вымощенной камнем улице, ведущей от холма к центру Ундарака. Тван внезапно спросил:

– Вы есть хотите?

Мальчишки переглянулись и дружно закивали – обед им сегодня не светил. Тван кивнул на харчевню, мимо которой они как раз проходили, и первым шагнул внутрь. В большом зале было шумно. Почти все длинные столы были заняты, но друзьям удалось найти свободное местечко в самом углу, у двух вместительных бочек, откуда разбитная девица в белой кофте с откровенным вырезом и высоко закатанными рукавами постоянно черпала дешёвое кислое вино, ловко разнося его по залу в огромных кружках.

К ним со всех ног кинулся парнишка почти одних лет с Ником и громко затараторил:

– Щи пустые, мясные, рыбные. Каша со шкварками и без. Рулька свиная, запечённая с репкой и морковью.

Сочные отбивные в приправах. Пироги с капустой, мясом, потр…

– Смуль, не части ты так! – Рядом раздался громкий голос, и

в проход вплыл хозяин, утирая фартуком мокрые руки. – Ну, сколько тебя можно учить, бестолочь? Ты поинтересуйся сначала у господ, есть ли у них монеты, чтобы расплатиться за еду, а потом уж и предлагай! – Хитрые глаза быстро оглядели вновь прибывших, не упустив ни одной детали. – А то что-то мне подсказывает…

Тван, красный от возмущения, вытащил из кармана и бросил на стол золотой лит:

– Быстро еды для меня и моих друзей!

Хозяин мгновенно сменил на своём лице выражение и залебезил перед молодым человеком:

– Конечно, конечно, любезный господин! Всё, что пожелаете! – Его рука потянулась к монете, но Тван ловко накрыл её ладонью. – Всё понял, всё понял! А ты что стоишь столбом, шлюхин выкидыш? Быстро обслужи дорогих гостей! – Звонкий подзатыльник чуть не сбил Смуля с ног. Тот завертелся на месте и сломя голову помчался к огромному очагу, где хлопотала толстозадая краснощёкая хозяйка.

– Вот живоглот! – процедил сквозь зубы вслед хозяину Тван.

– Ага! Лох утюжный! – добавил Дарт с самой невинной улыбкой и, глянув на изумлённые лица друзей, первым весело заржал.

Уплетая сочное мясо, почти мгновенно появившееся на столе, Ник с набитым ртом прошамкал:

– Откуда богатство? Тебя вроде бы тоже в рабы продали… или мы чево упустили?

– Ага, продали. Два месяца я чистил конюшню да таскал воду на кухню. – Тван впился крепкими зубами в большущий кусок свинины, и друзьям пришлось ждать, пока он прожует. – А потом лангракс собрался воевать и приказ издал, что все рабы, желающие вступить в его войско, освобождаются. Вернее, он взял и выкупил нас у прежних хозяев.

– Так ты теперь раб лангракса? – Дарт вытаращил на него круглые глаза.

– Не-а, не раб. Я теперь свободный гражданин Солонии! Юнарий считает, что рабы ни в жисть не станут драться за своего хозяина, а свободные люди ещё как станут. Каждому из нас выдали по пять литов, чтоб мы купили себе одежду и оружие. А я сторговался удачно, вот кой чё и осталось, даже с вами встретиться хватит.

Мальчишки коротко переглянулись и разом зашептали, придвинувшись поближе к молодому человеку:

– Тван, ну, пожалуйста! Мы тоже хотим с тобой! Если рабам можно в войско, пусть и нас возьмут! Ты скажи там кому надо, а

мы согласны!

Парень озадаченно посмотрел на друзей:

– Так вы же… мальчишки ещё… Какая вам война?

Никита ухватил его за руку:

– И что, что война! Ты смотри, какой Дарт здоровый! Он за взрослого мужика запросто сойдёт! И с мечом он управляться умеет, ты сам знаешь! А я могу при лошадях, чистить их там и всё такое. У вас же должны быть лошади!? Дарт, ну чё ты молчишь?!

Дарт только согласно кивал головой, не рискуя перебивать поток красноречия, хлынувший из Ника. Припёртый к стенке настойчивым требованием, он только и смог выдавить из себя:

– Ага!

Тван надолго замолчал. Его самого война не пугала. После гибели Таны он поставил на своей жизни жирный крест, и насколько долгим теперь окажется его существование в этом мире, его совершенно не волновало.

Мальчишки – совсем другое дело. Он до сих пор не мог простить себе того, что из-за его беспечности Мелеста, Рула и Бракар погибли страшной смертью в Гиблом лесу – в этом-то он ни секунды не сомневался. Не хватало ещё подвергать опасности и Ника с Дартом! Война с Остенвилом – это вам не весёлая прогулочка по дворцовому парку.

Но, с другой стороны, как оставлять их здесь бесправными существами, которых запросто могут продать, подарить, убить, наконец, и где он потом будет их искать, вернувшись в Ундарак? Может, Ник не так уж и не прав? Если подойти к делу с умом, всё вполне можно устроить. Он возьмёт под своё крыло и постарается хорошенько обучить Дарта, благо время ещё есть – вряд ли войско выступит раньше чем через три недели. А мальчишка при лошадях едва ли попадёт в самую гущу сражения.

Они поболтали ещё о том и о сём, съели вкуснейший пирог с сушёными абрикосами и черносливом, и, только расплатившись с хозяином и засовывая в карман оставшуюся мелочь, Тван буркнул:

– Обещать ничего не буду. Спрошу. Если что, знаю, где вас найти.

Два дня прошли в томительном ожидании. Никита каждые пять минут бегал взглянуть на ворота, и когда наконец его окликнул знакомый голос, стремглав кинулся к другу. Дарт примчался по первому же зову, и Тван рассказал парнишкам, что ему удалось узнать. Правда – тут ребята тревожно переглянулись, – всё получалось не совсем так, как они себе представляли.

С Засоней проблем не было – его прямо сегодня ждут в

казарме, а вот с Ником… Все места при лошадях уже давно заняты, не нужны были даже поварята и прислужники. Зато – в глазах Никиты снова засветилась надежда – требовались юнги на корабли, и это было единственное место, куда можно было пристроить мальчишку.

Ник с Дартом озадаченно смотрели друг на друга. Их совсем не радовало, что придётся расстаться, и, возможно, надолго… но они ведь будут в одном войске! И конечно же постараются не потерять друг друга из вида.

Тван не торопил их – решение было слишком серьёзным даже для взрослого мужчины, не то что для таких сопляков. Выждав несколько минут, он спросил:

– Так как, засылать выкупщика?

– Да! – Мальчишки перестали шептаться и радостно закивали, но потом почему-то затоптались, смущённо переглядываясь. – Только вот…

– Ну? – Ребята молчали, и Тван уже начал терять терпение. – Чево случилось-то? Передумали? Так и скажите – делов-то! Ник!!

Никита поднял на него глаза и выдавил:

– Ничё мы не передумали… Ну, в общем… тут такое дело… короче…

Парень рявкнул:

– Хватит мямлить! Да или нет!

– Да!! Только у нас это… Тван, мы должны взять с собой девчонку! Кшыстя!

Девчонка мигом вылетела из-за угла дома и встала рядом с друзьями, смущённо улыбаясь. У Твана отвалилась челюсть, и он ошарашенно уставился на это явление. Вдоволь наглядевшись, молодой человек помотал головой и категорично заявил:

– Ну, нет уж! На девчонку мы с вами никак не договаривались! Вы тут охренели совсем? Куда девку на войну тащить?! Ещё и плаксу сопливую! – Камень прямиком полетел в огород Кшысти, из глаз которой при первых же словах Твана потоком хлынули слёзы.

Никита посмотрел на Дарта, потом на девчонку, повернулся к Твану и зло буркнул:

– Тогда, и мы никуда не идём. Она наш друг, и мы её здесь одну не оставим!

– Час от часу не легче! Она тоже тут в рабах?

Ник отрицательно покачал головой.

– Вот и пусть топает к своим родителям! Девкам место у плиты, а не в военном лагере! Если не хочет найти приключений на свою задницу! – Тван не мог понять причины упрямства своих друзей.

– Некуда мне идти. – Девчонка вытерла слёзы и шмыгнула носом. – Я понятия не имею, где мой дом. И как мне вообще выбраться из вашей чёртовой страны!

Тван озадаченно почесал затылок и уставился на Ника:

– Она чево, из таких же? Как ты? – Ник утвердительно кивнул. – Ни фига себе…

Тван критически оглядел Кшыстю. За месяц сытой жизни она слегка округлилась, но всё равно выглядела весьма неказисто. Тощий заморыш с заметно проступающими под рубахой сиськами. Первый же внимательный взгляд – и их план расколется, как ореховая скорлупа под крепкими зубами. И тогда… Троица набычилась и угрюмо молчала. Поняв, что другого выхода нет, Тван распорядился:

– Придётся делать из неё мальчишку! Но, Ник, – он сурово посмотрел на парнишку, – ни одна душа на корабле не должна узнать, что это девка! Если кто-то догадается, её тут же выкинут за борт, а ты полетишь следом! Это пиратское отродье блюдёт свои законы похлеще, чем даже служки в пирамиде… Одежду ей нормальную найдите, волосы обрежьте покороче. И смените имя на приличное… Крис, что ли… А ты за это время, – девчонка не спускала с Твана глаз, – должна научиться вести себя как пацан – говорить, ругаться, двигаться, думать и даже ссать, как они… Не-е-ет, дьявол тебе в печёнку! Я отказываюсь! Втягиваю вас в полное дерьмо! Вы же ни за что не справитесь! Сваргова погибель!

Ребята втроём принялись уламывать Твана, но тот стойко отбивался. И сдался только, когда Кшыстя, разъярившаяся, как тигрица, загнула на него такими ругательствами, что уши у друзей дружно свернулись.

Тван подскочил на месте и, махнув в отчаянии рукой, медленно поплёлся к воротам, ворча под нос:

– Девочка, называется… Голимый отстой…

Хайрел

Белоснежные стены, будто залитые сверху светом утренней зари, внезапно возникли за очередным поворотом. Лея в изумлении смотрела на открывшийся вид – ничего подобного она в жизни не видела.

Хайрел подошёл и встал за её спиной. Помолчав минуту, он выдал:

– На пирог похоже. Обмазанный кремом и облитый клубничным сиропом.

Лея хихикнула. Сравнение было верным.

– Интересно, многие об этот пирожок зубки обломали?

Хайрел хмыкнул. Издали стены города казались воздушными и ярко сверкали в лучах утреннего солнца, но под тонкими пластинами белого полированного мрамора были скрыты массивные гранитные глыбы. И вряд ли кто-то в трезвом уме решится попробовать их разрушить.

– На моей памяти таких сумасшедших не было! Петросса, как любая красотка, весьма обманчива. Манит тебя белизной тела, свежестью румянца, красотой кружевного белья, а внутри – такой неуступчивый каменный характер, что можно лоб в два счёта расколотить.

Лея вспыхнула от пристального взгляда молодого человека, хотя твёрдо решила не принимать ни одного его слова о женщинах на свой счёт. У них с Хайрелом сложились весьма своеобразные отношения. Они много смеялись, беззлобно подшучивая друг над другом, но разговоров о любви старались тщательно избегать.

Пузо задумчиво поскрёб живот и философски изрёк:

– Каждый раз она разная, но всегда дьявольски хороша!

Бросив ещё один влюблённый взгляд на медленно плывущий к нему город, капитан отправился раздавать матросам указания. Их долгое и небезопасное путешествие подходило к концу, и вся команда находилась в предвкушении заслуженного отдыха, пока мастеровые на причале будут приводить в порядок пострадавшую в пожаре «Медведицу».

После нападения маргонов они двое суток плыли, не останавливаясь, благо ветер опять дул в нужную сторону. Нападавшие не успокоились и продолжали своё преследование – команда несколько раз видела их освещённые солнцем силуэты на левом берегу Вананги.

Ливас умер на четвёртый день, несмотря на все старания Лабуса. Меч дикаря нанёс непоправимый ущерб чему-то там в

животе этого великана, и никакие усилия лекаря и чудодейственные настойки не смогли навести в его организме прежний порядок.

Скрежеща зубами от дикой боли, он подозвал к себе брата и долго что-то говорил ему. Ситус слушал последние слава умирающего, только иногда кивая головой. Что сказал ему брат, осталось неизвестным, но Ситус после этого надолго погрузился в непривычное для него молчание.

Похоронили Ливаса на берегу Винтуры. Хайрел заприметил высокое раскидистое дерево, одиноко стоявшее на широкой поляне, и команда решила устроить у его корней последний приют для умершего. Невысокий холмик украсили пирамидой из белых камней, валявшихся тут в изобилии, и «Медведица» поплыла дальше.

Движение на реке заметно оживилось. То и дело стали попадаться тяжелогружёные неуклюжие лодки, перевозившие добытый в каменоломнях камень в Трианию, Барлонию или Гахар. Зима окончилась, и торговцы мрамором и гранитом спешили выполнить поступившие им заказы. Капитаны встречных посудин приветствовали Пузо радостными криками, с любопытством разглядывая обгоревшую «Медведицу». На их вопросы толстяк отшучивался и зубоскалил, но Хайрел всё больше нервничал – лишнее внимание им сейчас совершенно ни к чему.

Главные ворота Петроссы, отделанные золотыми и серебряными пластинами, переплетающимися в сложном узоре, были широко открыты, массивная решётка поднята, и по подъёмному мосту непрерывным потоком в обе стороны двигались повозки, пешеходы и всадники. У обширной пристани стояло с десяток различных судов, одни из которых разгружались, а на другие матросы затаскивали тюки и мешки с товаром.

Чтобы не привлекать внимания к их отряду, Хайрел попросил капитана причалить чуть раньше, в небольшой заводи в миле от города. Поймав удивлённый взгляд капитана, мужчина хмыкнул:

– Хочу сделать сюрприз своему другу! А с пристани в город слухи добегут быстрее, чем крысы свалят с тонущего корабля. Буду и тебе весьма благодарен, если твоя команда пару дней согласится поиграть в молчанку… Двух литов будет достаточно?

Пузо ухмыльнулся и согласно кивнул. Литы никогда ещё никому не помешали, а он в эту поездку порядком натерпелся – лодку чуть-чуть не спалили, палуба была серьёзно повреждена, да и матрос погиб. Правда, пассажир щедро отсыпал в его кошель золота на ремонт, но… сколько предстоит лишних телодвижений. А что до молчания… кто это видел молчащего матроса после двух

кувшинов гахарского?!

Едва разместившись с друзьями на небольшом постоялом дворе у развилки дорог, Хайрел велел Ситусу ехать в Петроссу. Парень должен был отыскать во дворце лангракса Сентории Жумара Стейнбока и передать тому просьбу о встрече. Ехать лично Хайрел опасался – мало ли какие указания пришли за это время из Остенвила.

Время тянулось медленно. Уже совсем стемнело, и все постояльцы давно отужинали и отправились по своим комнатам. Хозяин сидел у очага и откровенно зевал, с неприязнью поглядывая на потягивающего вино припозднившегося гостя. Хайрел начал уже тревожиться, всё ли в порядке, когда дверь открылась и Ситус возник в проёме.

Бухнувшись на лавку, он крикнул хозяину подавать ужин. На столе немедленно появились тарелка с несколькими ломтями холодного варёного мяса, половинка круглого хлеба и огромная кружка тёмного крепкого пива. Утвердительно кивнув на немой вопрос, Ситус быстро проглотил еду и, одним духом покончив с пивом, отправился во двор. Хайрел нашёл его у задней стены конюшни. Понизив голос, прислужник доложил:

– Мне пришлось долго ждать молодого господина. Он жуть как удивился, увидав меня. Аж с лица сменился. Только парой слов и перекинулись. Велел вам передать, что завтра в полдень будет ждать вас там, где пять лет назад вы чуть шею себе не свернули. Это всё.

Хайрел кивнул. Немногословность и осторожность друга подтверждали его самые худшие опасения, и он горячо поблагодарил Богов за дарованную ему предусмотрительность.

– Утром будь готов. И передай Бирюку – он мне тоже будет нужен.

За два часа до полудня они покинули постоялый двор и направились по кидарской дороге. Застоявшиеся кони шли бодрой рысью, и им понадобилось чуть больше часа, чтобы добраться до огромной поляны, по середине которой протекала небольшая речушка, впадавшая в Винтуру. Несколько лет назад именно здесь, увлёкшись погоней за раненым оленем, конь Хайрела сорвался с крутого берега и рухнул вниз, едва не подмяв под себя юношу. Хайрел отделался ушибами и рваной раной на бедре, а вот коню повезло меньше. Сломавшему ногу животному пришлось перерезать горло…

Почти у самого обрыва рос огромный дуб. Объехав великана, молодые люди спешились. Ждать пришлось недолго, и вскоре на поляну выехали четверо всадников. От четвёрки сразу же отделился нарядно одетый юноша и поскакал к поджидавшим его

мужчинам. Остальные остановились на почтительном расстоянии.

Жумар ловко соскочил с лошади и крепко обнял Хайрела. Тот с нескрываемой радостью смотрел на друга. Высокий широкоплечий Жумар нисколько не изменился за тот год, что они не виделись. Густые волосы всё так же опускались на плечи чёрной волной, карие глаза всё так же ярко горели под чёрными прямыми бровями. Вот только взгляд этих глаз был непривычно грустным.

– Рад видеть тебя, дружище! Прости, что не принимаю тебя во дворце, но…

– Друг мой, я и не собирался появляться в вашем доме, пока не разведаю обстановку в Сентории. Мне, знаешь ли, пришлось на некоторое время отвлечься от столичных интриг… Надеюсь, тут у вас всё спокойно?

– Хвала Богам, зима прошла благополучно, все живы и здоровы. Чего не скажешь об Остенвиле… Отец ездил на похороны Палия, а вот с Рубелием проститься не успел – слишком быстро тот последовал за своим братом… А потом, там вообще дьявол знает, что началось!

Хайрел почти не удивился:

– Значит, умер… Эта баба его доконала. Что ж, теперь нас всех ждут те ещё времена. Мирцея почувствовала вкус власти и без жалости разделается с каждым, кто посмеет встать на её пути. Даже не сомневаюсь, что мать лангракса Солонии казнена по личному её приказу. А Лабуса, который отказался писать ложное заключение о смерти, ты только представь себе, она объявила государственным преступником! – Хайрел весело расхохотался.

Жумар искоса взглянул на друга:

– А ты, как обычно, решил восстановить справедливость и спасти невиновного?

– Конечно! Ты ж меня знаешь! Тем более если об этом просит любимая женщина!

Жумар кашлянул и озадаченно потёр нос:

– Так ты ничего не знаешь?

– О чём? Последние две недели я не получал никаких известий из Остенвила – сам понимаешь, нам приходилось быть как можно незаметнее. Единственные, с кем мы тесно пообщались, были маргоны… но эти бандиты оказались не слишком приятными собеседниками.

Жумар пристально посмотрел другу в глаза. От его непривычной серьёзности вся весёлость Хайрела мигом улетучилась.

– Значит, придётся мне сообщать тебе неприятные известия. В

общем, дела обстоят так. Сначала Солнечным Ветром пришло сообщение, а три дня назад уже гонец привёз письменный приказ нового Повелителя о том, что Лабус Сусвинт, Лея Корстак и Хайрел Беркост объявляются особо опасными государственными преступниками. И каждого, кто их поит, кормит, даёт им кров или оказывает любого рода услуги, будут считать их пособником с вытекающими отсюда последствиями. Все ланграксы получили строгое предписание: при появлении в их землях указанных лиц, немедленно арестовать преступников и препроводить под надёжной охраной в Саркел, где уже находится их сообщник…

– Сообщник? – Лицо Хайрела выразило неподдельное изумление. – Кто?!

– Главный сигурн… бывший Главный сигурн Мустин Беркост.

– Но…, – молодой человек только и смог выдавить сразу охрипшим голосом, – при чём здесь отец!?

Жумар пожал плечами:

– Ты только что сам сказал – она убирает всех, кто ей мешает. А твой отец давно торчит костью у Мирцеи в горле. И тут такой прекрасный повод…

– Дьявола ей в глотку! Подлая сука! Если бы Палий узнал, как ловко мы провернули это дельце, только поржал бы от души! А эта мерзкая гадина готова всех сгноить в тюрьме!

– Но это ещё не всё… – Жумар ковырнул носком сапога сусличью норку. – Я бы сказал, что пока были только цветочки…

Хайрел растерянно уставился на товарища. Что ещё такого ужасного они могли натворить, пока плыли по реке? Несколько маргонов, отправившихся на корм рыбам, надеюсь, не в счёт…

– Не всё?! Боги Истинные и Вечные! Да не томи, говори же!

Жумар помолчал ещё мгновение.

– Лея… теперь обвиняется в убийстве своего дяди, Повелителя Нумерии Рубелия. А возможно, и отца.

Хайрел так и застыл с открытым ртом. Вот уж чего-чего, а этого он никак не ожидал. Лея?! И убить отца с дядей?! Да такого просто не могло быть! Почти минуту он переваривал услышанное, пытаясь собраться с мыслями.

– Мирцея сошла с ума от счастья? Или ей короной мозг надавило? У неё что, есть какие-то доказательства?!

– Точно ничего не известно, но говорят о каком-то камне, называемом «сияние», который был найден в комнате Рубелия. Из-за этого-то ужасного камня Повелитель и отправился в Вечный Покой.

– Но Лея… какое она имеет ко всему этому отношение?

Жумар опять пожал плечами и грустно улыбнулся:

– Что ты меня-то мучаешь? Откуда ж я могу знать? Если кто и

в курсе, так это Аврус Гентоп, но с ним у тебя, надеюсь, желания пообщаться нет. Или я ошибаюсь?

Хайрел задумался. Рискованное приключение с лёгким налётом авантюризма, как ему виделось вначале, переросло в большую, очень большую проблему. Реальную угрозу их свободе, да и самой жизни. Неизвестно, что там было на самом деле с этими смертями, но Жумар прав – Мирцея блестяще использовала подвернувшуюся возможность избавиться от неугодных людей. И пожелай они сейчас оправдаться и восстановить своё доброе имя, никто им этого не позволит. Итог разбирательств будет один – жалкий холмик в долине Туманов…

– Нам нужно время, чтобы решить, что делать дальше. Я прошу тебя помочь нам укрыться на время в вашем лане.

Жумар потёр переносицу, что у него всегда свидетельствовало о сильнейшем волнении.

– Сам понимаешь, во дворце я вас спрятать не могу. Мой отец, учитывая, как он тебя любит, явно не кинется исполнять указания нового Повелителя, то ты же знаешь, на ком я женат. Телия любит свою тётку больше родной матери и изо всех сил старается на неё походить. Особенно, по части стервозности. Спит и видит, как побыстрее очутиться в Остенвиле, под её крылышком! Если она вдруг узнает о вашем прибытии…

Жумар Стейнбок только удручённо вздохнул. Хайрел усмехнулся. Телия, жена друга, даже внешне была похожа на свою тётку Мирцею, и он нисколько не сомневался, что молодой человек абсолютно прав. Стоит им появиться во дворце – и через час гонец с письмом уже помчится в Остенвил.

– В Медвежьем ущелье, ты должен его помнить, у меня маленький охотничий домик. Я отправлю туда надёжного человека со всем необходимым, чтобы вы смогли пожить там, пока не определитесь. – Жумар растерянно посмотрел на друга. – Но… я даже не представляю, где ты сможешь найти сейчас безопасное место… И знаешь, я не припомню, чтобы кого-то так усердно ловили.

– Нумерия не так мала, как кажется. Спасибо, друг мой! Мы отправимся в ущелье немедленно, если позволишь, хватит уже мозолить всем глаза на постоялом дворе.

Друзья обнялись, и молодой Стейнбок вскочил на лошадь. Уже отъехав, он обернулся и крикнул пристально смотревшему ему вслед Хайрелу:

– Удачи, дружище! Время бежит быстро, а правители, слава Богам, не вечны! Кто знает, кто будет на троне завтра! А на свадьбу пригласи! Обязательно!

Всадник помчался по полю, и ветер отнёс в сторону его

последние слова.

Хайрел вернулся на постоялый двор мрачнее тучи и, не объясняя ничего, приказал тот час же выезжать. Они отправились по дороге в сторону Сагры, городка, обосновавшегося в месте впадения Винтуры в своенравную Ванангу. Но отъехав от Петроссы миль десять, свернули в лес и, петляя и запутывая следы, поехали в обратную сторону.

Путь до Медвежьего ущелья был неблизким, и заночевать им пришлось в лесу. Истерзанная любопытством Лея за всю дорогу так и не услышала от упорно молчавшего Хайрела ни одного слова. И, едва спрыгнув с лошади, уже хотела подступить к нему с расспросами, как молодой человек кивнул Лабусу, и они все вместе отошли подальше от своих людей.

То, что рассказал Хайрел, привело девушку в ужас. Она зажала рот руками и уставилась на него испуганными глазами.

– Я… убить отца… да, как им такое… – И Лея залилась слезами.

Лабус прижал её к груди и, гладя по голове, начал тихонько утешать:

– Ну, всё, всё, успокойся, моя милая… Думаешь, кто-нибудь поверит этой сволочной Мирцее и твоему недалёкому кузену Патарию? Да ни одному их слову! Ты же знаешь, эта сука на всё готова, на любую самую низкую подлость, чтобы не выпустить власть из своих рук. Но Боги… они видят…

Лея смахнула слёзы и решительно тряхнула головой:

– Вы должны оставить меня! Я не имею права подвергать ваши жизни такой опасности! Одно дело – помочь Лабусу, а совсем другое – помогать мне, обвиняемой в таких страшных преступлениях. Если нас поймают, смерти нам ни за что не избежать.

Мужчины закричали на неё одновременно. Недолгая перепалка закончилась тем, что пристыженная Лея попросила у них прощения, и беглецы принялись бурно обсуждать дальнейшие планы. Перебрав немногие имевшиеся варианты, они остановились на том, что единственное место, где они станут недосягаемы для жадно тянущихся к ним рук остенвильского правосудия, это Солония.

Впереди у них было достаточно времени, чтобы тщательно подготовиться к поездке. Хайрел предложил пробираться через Ланджланию, где в Таграсе жила его тётка, вдова Делина Броквуда, старшего брата его недавно умершей матери. Бегита Броквуд успешно продолжила дело своего мужа и была, если не богата, то очень богата. Но главное, она всегда с радостью принимала у себя своего племянника. По крайней мере, до

сегодняшнего дня…

Грасарий

– Думаю, вам пора навестить мою сестру и вашу тётку Ортению.

Динарий с Осмилой удивлённо уставились на шагающего рядом с ними Грасария. Троица неспешно прогуливалась по дворцовому парку, уже радовавшему глаз буйной молодой зеленью и первыми яркими цветами.

– Ты получил от неё какое-то известие? – Динарий был рад, что вырвался из угнетавшей его атмосферы дворца, и полной грудью вдыхал насыщенный ароматом цветущих деревьев воздух.

– Нет. Она мне ничего не писала. Но из других источников до меня дошли слухи, что со здоровьем у неё не всё в порядке. Чему тут удивляться – она уже не молода, а несчастья так сыплются на её голову одно за другим. Сначала муж свернул себе шею на охоте, потом вот её братья… Да и единственный сынок, знаешь сам, радует мало…

– Что там опять натворил мой братец? – В детстве Динарий частенько гостил у тётки в Кватране, и редкостный шалопай Сидрак был ему намного ближе сыновей Рубелия – Патария и Норсия, хотя с последним они и были одногодками.

– Ничего нового. Целыми днями пьёт, куролесит и волочится за каждой встречной юбкой. Весь в своего пьяницу-отца, а таких жизнь ничему не учит.

Они замолчали, всё дальше удаляясь от дворца по безукоризненно вычищенным и посыпанным песком аллеям парка.

Грасарий специально начал этот разговор здесь, подальше от дворцовых стен, в которых в последнее время стало слишком уж много ушей. Не он один стал замечать, что любое слово, произнесённое в комнатах или в коридорах, рано или поздно обязательно становилось известно Мирцее. А это Грасарию было сейчас нужно меньше всего.

– Вам следует начинать готовиться к отъезду немедленно. Но хочу вас предупредить – делать это нужно тайно. – Молодые люди недоумённо переглянулись. – И посвящать в наши планы придётся только самых надёжных людей.

– Что случилось, отец? – Юноша пристально смотрел на Грасария.

– Пока ничего. Но времена стали весьма беспокойными, и никто не может обещать, что завтра не произойдёт что-то страшное. Дети мои, нам всем нужно быть настороже. Особенно сейчас, когда кое-кто из получивших власть спит и видит, как бы

достичь своих подлых целей.

Осмила, поймав взгляд свёкра, опустила глаза, и на её щеках вспыхнул яркий румянец. Динарий, от которого этот взгляд тоже не укрылся, зло процедил:

– Я не позволю Мирцее причинить вред моей жене! Если тётка гоняется по всей Нумерии за её братом и держит в тюрьме её отца, это совсем не значит, что Осмилу некому защитить!

«Наивный дурачок! Совсем ничего не понимает в интригах двора. Хотя он по-своему даже прав. Всё сейчас исходит от этой взбесившейся бабы. Стоит Мирцее узнать, о ком втайне вздыхает её неверный любовник, и никакие наши усилия мою невестку не спасут…»

В последние дни Грасарий места себе не находил от волнения. Конечно, молодожёнам, ради их же спокойствия, стоило уехать куда-нибудь подальше. Но дело было совершенно в другом. То, во что ему придётся их втянуть, могло обернуться для всех заговорщиков очень большими неприятностями. Если кому-то случайно станут известны истинные мотивы их путешествия…

– Отправитесь через три дня. Никаких пышных проводов и минимум вещей. Денег в дорогу возьмёте достаточно, чтобы не отказывать себе ни в чём. Вам приготовят лучшую повозку и лучших лошадей. Вы доедете до Шанта, где остановитесь на постоялом дворе «Белая роза», и будете ждать там… – он совсем понизил голос, – одного человека.

– Кого? – У молодых людей вопрос вырвался одновременно.

Грасарий уже хотел продолжить, но внезапно насторожился и сделал предупреждающий жест:

– Там кто-то есть…

Динарий мгновенно выхватил из ножен короткий меч и метнулся к пышному кусту, возле которого они стояли. Через секунду он уже тащил оттуда за шиворот отчаянно упиравшегося Рустия. Поставив его на дорожку, юноша рявкнул:

– С каких это пор брат Повелителя шарится по кустам, как сварг? Ты почему не на занятиях?

Рустий, на лицо которого уже успела вернуться его всегдашняя нагловатая улыбочка, передёрнул плечами, развернулся и двинулся ко дворцу, бросив опешившим родственникам:

– Хм… А тут намного интересней!

Проводив мальчишку взглядом, Грасарий потёр висок, снова напомнивший о себе болью:

– Интересно, что он мог услышать?

– Какая разница! Этого недоумка вообще не касается, кто куда едет и по каким делам! – Динарий был удивлён, что отец

придаёт такое значение этой встрече. На его взгляд, в поездке ничего необычного не было – ни в первый, и даже ни в десятый раз он отправлялся в Кватрану.

Грасарий взглянул на сына и промолчал. В молчании они дошли до пруда, вокруг которого садовники разбили прекрасные цветники. Убедившись, что до ближайших деревьев и кустов далеко, Грасарий заговорил:

– Надеюсь, теперь вы понимаете, что в этом дворце нигде нельзя быть уверенным, что кто-то не слушает ваш разговор. – Он поморщился от нового приступа острой боли в виске. – То, что я хочу вам поручить, дети мои, чрезвычайно опасно. Но я абсолютно уверен – вы сделаете всё, чтобы тот человек, который присоединится к вам в пути, благополучно достиг Кватраны. Потому что этот человек – твой отец, Осмила.

Девушка охнула и побледнела. Динарий растерянно переводил взгляд с жены на отца:

– Но ведь он… Как же вы сумеете…

Грасарий сделал ему знак замолчать и заговорил сам. Он подробно рассказал им, как решил вырвать своего друга из лап Мирцеи. Разве он мог позволить ему погибнуть из-за дикого, надуманного обвинения! Никто из членов Совета ни на мгновение не поверил, что Лея была каким-то образом причастна к смерти своего отца и дяди. Помочь скрыться лекарю – вполне возможно, но если разобраться… какой из Лабуса преступник?! Несчастный упрямец, отказавшийся выполнять бредовый приказ, и загнанный обстоятельствами в угол – да. Но – преступник?! Немногие бы решились поступить так же, но не убивать же их за это.

И то, что сын Главного сигурна по просьбе Леи придумал хитрый план и вызволил лекаря из дворца, утерев при этом нос хвалёной охране Повелителя, в свете отсутствия вины Лабуса тоже нельзя было назвать преступлением. Но кто из отважных, облечённых властью мужчин рискнул бы сказать об этом Мирцее?

Он не стал называть сыну и невестке имена людей, помогавших ему проникнуть в Саркел – мало ли что. Но при первых его слова о том, в каком состоянии он застал своего друга, из глаз Осмилы потекли слёзы. Две ночи назад Грасарий шёл по коридору тюрьмы следом за нёсшим факел стражником. Тот был предупреждён, кого хочет видеть ночной гость, и, ощущая в кармане тяжесть кошеля с золотыми литами, быстро шагал, не оглядываясь и не задавая вопросов. У дверей камеры стражник остановился, погремел в замке ключом и, открыв протяжно заскрипевшую дверь, пробурчал:

– Я тут буду. Стукните, как надумаете обратно…

Сунув в руку визитёра факел, он уселся у стены и приготовился ждать. Грасарий шагнул в комнату, плотно прикрыв за собой дверь – его разговор с Беркостом не предназначался для чужих ушей.

Узник лежал на деревянном топчане, укрытый до подбородка тонким старым одеялом, совершенно не спасавшим от холода. На грубом столе догорала почти оплывшая свеча, лишь слегка разгонявшая царивший здесь мрак.

При виде вошедшего Мустин встрепенулся и попробовал сесть. Со стоном он спусти на пол ноги, и Грасарий ахнул – они страшно распухли и были все в синяках и кровоподтёках. Поймав взгляд друга, Беркост ухмыльнулся и вытащил из-под одеяла свои руки. Пальцы посинели и напоминали колбаски.

– Твоя родственница основательно взялась за дело. Правда, Гентоп первые три дня ещё пытался по-хорошему уговорить меня сознаться во всех мыслимых и немыслимых преступлениях. – Узник поморщился. – Но потом до него дошло, что я этого делать не собираюсь, и наш законник начал потихоньку свирепеть. Оказывается, наши палачи не зря жалованье получают…

Улыбка криво скользнула по его лицу. Грасарий подскочил к другу и помог снова улечься, повыше взбив тощую подушку.

– Все их обвинения – полнейший бред. Любому тупице понятно…

– Рад слышать, что ты так считаешь. Правда, мне от этого не легче. Логика Мирцеи проста – во всех последних бедах Нумерии должен быть кто-то виноват. Сама она, естественно, чиста и непорочна. Но есть вполне приличная парочка козлов отпущения. И лучше, пусть это буду я, чем мой сын…

– Неужели, ты и вправду считаешь, что, угробив тебя, эта гахарская ведьма успокоится? Как только соглядатаи разнюхают, где они скрываются, за их жизни никто не даст и коровьей лепёшки.

– Это меня больше всего и гнетёт… Если бы только я мог оказаться на свободе… – Беркост пристально посмотрел в глаза другу. – Но, нет… это безумно опасно, друг мой. Одно неверное слово, и эта тварь с превеликим удовольствием отправит и тебя в камеру по соседству.

– Хм, это может случиться в любой момент. И совершенно не важно, сделаю я при этом что-нибудь или нет. Я с каждым днём всё острей чувствую, как над моей семьёй сгущаются тучи. А если гром грянет, вряд ли кто-то сумеет уцелеть. Но в твоих силах мне помочь, если ты будешь живым и на свободе, а не унылым мертвяком под холмиком в долине Туманов…

Узник невесело улыбнулся. Грасарий прав, но и риск

слишком велик. Кивнув, чтобы друг подсел ближе, Мустин рассказал ему свой план, возникший в его голове за эти долгие бессонные ночи. Ещё какое-то время они обсуждали детали, потом Грасарий встал и опустил руку на плечо товарища:

– Я не прощаюсь. Надеюсь, что Боги на нашей стороне, и они не допустят твоей гибели. Всё будет сделано так, как ты сказал. Единственное, о чём я прошу, не вздумай умереть… на самом деле.

Лёгкая улыбка скользнула по исхудавшему лицу пленника, и он едва слышно прошептал:

– Не дождётесь…

Задумка Мустина была проста и сложна одновременно. В ту ночь, когда ожидался большой прилив, два стражника Саркела, которые были в неоплатном долгу перед бывшим помощником сигурна Орисом Кирваном, поменяют местами Главного сигурна с одним из узников верхнего этажа, похожим на Мустина комплекцией.

Утром, когда вода сделает своё дело и вернётся обратно в море, они переоденут утопленника в одежду Беркоста и вызовут на опознание лекаря из дворца. Так как Манук терпеть не мог таких процедур, он обычно отправлял в тюрьму кого-то из помощников, чаще всего Бисара. Но если приходил сам, то никогда не притрагивался к трупу, зажимая свой нос надушенным платком. В лучшем случае, пинал мертвеца ногой.

Как только лекарь удостоверится, что сигурн мёртв (уговорить Бисара в очевидности этого факта, если у того и возникнут какие-то сомнения, Грасарий вызвался сам лично), труп несчастного снова переоденут и водворят в его бывшую камеру, а живого Беркоста завернут в холстину и на повозке вывезут хоронить. И где-нибудь в тихом месте эту повозку уже будет ждать другая, которая и доставит сигурна на постоялый двор в Шанте.

Чтобы бегство осталось незамеченным, многострадальному трупу предстояло ещё раз поучаствовать в деле. Стражники подвесят его в камере и ближе к обеду «найдут» самоубийцу, не выдержавшего мук совести и суровости заключения. И вряд ли Манук удостоит эту жалкую дохлятину большим вниманием, чем некогда всесильного Мустина Беркоста.

Осмила уже не плакала, внимательно слушая свёкра.

– А в «Белой розе» люди надёжные? – Её голос дрогнул от волнения.

Грасарий кивнул. Хозяин «Розы» получил этот постоялый двор лично от него за верную службу, когда был тяжело ранен, защищая своего господина от банды разбойников. На этого

человека можно было положиться.

– Я вызвал его сюда, и завтра мы с ним всё обсудим. По всем расчётам, это произойдёт через пять дней, но прилив штука капризная. Поэтому вы отправитесь заранее, поселитесь в Шанте и не станете особо скрывать, что надолго застряли в пути из-за того, что молодой жене внезапно стало плохо. Так что, Осмила, дорогая, придумай, какую болезнь ты будешь изображать, чтобы никто из посторонних ничего не заподозрил.

Рустий

Он скучал. То, что ещё вчера казалось смешным, интересным или просто забавным, сегодня вызывало жуткую скуку и нарастающее в глубине души раздражение. Рустий шёл по дорожке между подстриженными вечнозелёными кустарниками, стараясь ступать так, чтобы песок не скрипел. Лёгкий ветерок разносил по саду насыщенный запах цветущих плодовых деревьев и первых весенних цветов.

Мальчик бесшумно приблизился к склонившемуся над клумбой садовнику. Тот, не замечая его, усердно рыхлил землю под розовым кустом, напевая себе под нос весёлую песенку. Рустий ухмыльнулся, вытащил из воротника длинную булавку и с наслаждением ткнул ею в мягкое место мужчины. От неожиданности тот дёрнулся и свалился прямо на куст, который до этого любовно обхаживал. Выдав изрядную порцию грязных ругательств, садовник с трудом выбрался на дорожку и, обернувшись, так и застыл с открытым ртом.

Рустий с откровенной скукой на лице оглядел онемевшего мужчину, презрительно хмыкнул и, развернувшись, двинулся прочь. Отойдя на несколько шагов, он услышал, как кряхтевший за его спиной садовник тихонько прошипел:

– Урод проклятый…

Рустий замер. Ему льстило, что люди при его появлении вздрагивали, бледнели, теряли присутствие духа и обмирали от страха. Ему даже нравилось, когда он слышал в свой адрес «дьявольское отродье» или «бесовский выродок», – внутри себя он действительно ощущал порой какую-то дьявольскую ненависть ко всему роду человеческому. Но тому, кто посмел упомянуть о его физическом недостатке, он мстил всегда. И жестоко.

Решительно подойдя к застывшему в страхе садовнику, мальчик негромко спросил, растягивая слова:

– Что ты сказал?

Не поднимая глаз, тот едва выдавил затрясшимися губами:

– Ни-ичего, мой господин…

С бурлящей внутри злостью Рустий уставился на покорно стоявшего перед ним мужчину:

– Быстро отвечай мне, тварь!

Садовник потоптался на месте и нехотя произнёс:

– Я сказал, что маленький господин… любит шутить над бедными прислужниками…

Лицо Рустия перекосилось от ярости. Наглая ложь садовника мгновенно привела его в бешенство. Он выхватил из ножен

маленькую шпагу, с которой в последнее время не расставался, и резко ткнул ею в пах мужчины. Тот охнул, отпрянул от мальчишки и вытаращил на него округлившиеся от ужаса глаза. На грубой ткани штанов расплывалось красное пятно.

– Когда в следующий раз будешь открывать свой поганый рот, знай, услышу что-то подобное – мигом лишишься яиц! – И Рустий выразительно покрутил концом шпаги.

Оставив садовника зажимать трясущимися руками свою рану, он, вполне довольный собой, отправился к дворцовым воротам. Путь пролегал мимо длинной грядки с ранними цветами, и Рустий шел, с удовольствием срубая своим смертоносным оружием изящные головки разноцветных тюльпанов и нежных нарциссов, раскрывших солнцу лепестки с яркими жёлтыми сердцевинками.

Поднявшись на одну из надвратных башен, он принялся разглядывать бурлившую у его ног Торговую улицу, по которой безостановочно двигались люди, всадники и гружёные повозки. Лавочники надрывали горло, нахваливая свой товар, а уличные музыканты, подыгрывая себе на звучной гитаре, пели какую-то разухабистую песню весьма фривольного содержания, имевшую, судя по взрывам смеха, большой успех.

Попрошайки и мелкие воришки так и шныряли по обеим сторонам улицы в надежде прибрать к рукам чужой дарк. В дверях харчевни «Моя малышка» два довольно пьяных для столь раннего часа мужика что-то настойчиво доказывали друг другу, ухватив собеседника за грудки и распаляясь с каждой минутой всё больше.

Чем закончилась их беседа, Рустию узнать не удалось. Внезапно всё его внимание привлёк высокий темноволосый мужчина лет двадцати пяти в потёртом кожаном костюме, прогуливающийся возле лавки суконщика. Камзолы и шляпы, выставленные на продажу, его, по всей видимости, не интересовали совершенно, зато он исподтишка, но очень внимательно, разглядывал всех входивших и выходивших из Главных дворцовых ворот.

Окинув взглядом очередную повозку, которую стражник придирчиво осматривал на наличие в ней беглого преступника, мужчина уже собрался продолжить свою прогулку, как вдруг к нему подскочил оборванец лет десяти и молниеносным движением срезал с его пояса висевший там тугой кошель.

Подхватив на лету добычу, парнишка уже намеревался нырнуть в ближайший проулок и раствориться в запутанном лабиринте дворов, но произошло непредвиденное. Мужчина стремительно развернулся на месте и со скоростью падающего

ястреба метнулся за воришкой. Мгновение, и тот уже висел в его руках, болтая в воздухе ногами в драных ботинках и задыхаясь от сдавившего горло воротника.

Рустий подался вперед. По закону Нумерии пострадавший должен был сейчас крикнуть стражников, маячивших в дальнем конце улицы, и в первый же базарный день малолетний паршивец лишился бы руки. А то и двух, если украденная сумма была приличной. Но, к полному разочарованию мальчика, мужчина только что-то сказал вору, поставил его на ноги и, забрав из грязных рук свой кошель, отвесил мальцу увесистый подзатыльник. Парнишка пролетел кувырком пару метров и, не оглядываясь, скрылся в уже облюбованной им подворотне.

Незнакомец поднял голову и встретился с негодующим взглядом стоявшего на башне Рустия. Несколько секунд они молча глядели друг на друга, потом мужчина отвернулся и не спеша удалился, оставив мальчика гадать о причине его столь благородного, но противоречащего законам поступка.

Настроение опять испортилось. Рустий с огромным удовольствием посмотрел бы на настоящую казнь – голуби и дворцовые коты, которых он частенько казнил, ему уже порядком надоели. Спустившись с башни, он побрёл во дворец. До обеда было ещё далеко, и нужно было как-то убить время. Мимо него проехала нарядная повозка с гербом семейства Корстаков, которой правил личный прислужник Динария.

Рустий проводил её взглядом, и ему вдруг вспомнился подслушанный пять дней назад разговор дяди Грасария со своим старшим сыном. На первый взгляд вполне обычный разговор о поездке молодожёнов в гости к тётке Ортении. Но почему их лица, когда родственники вычислили его за кустом и вытащили на всеобщее обозрение, были такими встревоженными? И почему они укатили тайком, даже не взяв с собой прислугу?

Размышляя над этими событиями и, в конце концов, так и не решив, стоит ли о них рассказывать матери, Рустий почти добрался до своей комнаты, но тут в его голову внезапно пришла новая мысль. И, резко свернув, он нырнул во внутренний коридор, ведущий к покоям Грасария и его семьи.

Ему вдруг захотелось увидеть своего двоюродного брата. Одарию было уже больше двух месяцев, но суеверная Элида никуда не выносила ребёнка из комнаты и никому не разрешала даже смотреть на него. Нырнув в тайное убежище, из которого он вёл наблюдение за покоями родственников, мальчик припал к глазку. Элида в бесформенном домашнем халате стояла у кровати сына, но тут же обернулась на шум открывшейся двери. В комнату влетела раскрасневшаяся молоденькая прислужница

Тусса и доложила, что ванна с цветочным отваром готова и госпожа должна поторопиться.

Элида кивнула и вышла. Тусса, повертелась немного, собрала у кроватки грязные пелёнки и, кинув взгляд на спящего ребенка, выпорхнула из комнаты. Рустий услышал, как она быстро прошла по коридору. Прачки находились в другом крыле дворца, а значит, на то, чтобы поближе познакомится со своим братцем, времени было предостаточно. Афишировать свой визит он не собирался и, покинув наблюдательный пост, ловко проскользнул в оставленную приоткрытой дверь комнаты прислуги.

Ребёнок спал. Он был крепко спелёнат, а на его головёнке с тонкими тёмными волосиками красовался смешной белый чепец. Круглое личико с пухлыми щёчками жило какой-то своей жизнью: реснички чуть заметно трепетали, носик смешно морщился, а ротик то расплывался в бессмысленной улыбке, то снова собирался в маленькое влажное сердечко.

Рустий легонько тронул пальцем гладкую кожу щеки, и ребёнок внезапно открыл глаза. Взгляд мутно-серых глаз сначала ничего не выражал, но потом Одарий увидел склонённое к нему лицо и сосредоточился на нём. Несколько секунд он молчал, разглядывая открывшуюся картину, а потом, решив, что она ему совсем даже не нравится, громко пискнул.

От неожиданности Рустий отпрянул. Ребёнок вздрогнул и заплакал сильнее. «Вот зараза! Чего орёт-то? Ещё не хватало, чтобы меня здесь кто-нибудь застукал…» Парень уже пожалел, что отправился знакомиться с этим заморышем. Он попробовал скорчить весёлую рожицу, но ребёнок его усилий не оценил, только добавив громкости.

Дело могло принять неприятный оборот, если вдруг лантар, стоявший у дверей покоев, решит сюда заглянуть, чтобы успокоить ребенка. Рустий огляделся. Увидев на кровати Элиды небольшую шёлковую подушку, он схватил её и быстро опустил на лицо ребёнка, стараясь прикрыть маленький орущий рот.

Крик сразу же затих, но младенец под его руками начал корчиться и изгибаться. «Ничего, подёргайся, подёргайся! В следующий раз будешь знать, что старшего брата нужно встречать с улыбкой, маленький говнюк!» Через минуту движения прекратились, и Рустий с облегчением убрал руки с подушки. Ребёнок молчал. «Ага, понял, засранец, что был неправ… Молодец, сообразительным будешь! Вот, смог же заткнуться, если брат приказывает! Ну, а теперь можешь на меня посмотреть. Разрешаю!»

Он сдёрнул подушку и остолбенел. На посиневшем личике глаза были плотно сжаты, а рот, сведённый судорогой, застыл в

каком-то жутком оскале. Ребёнок был мёртв. Рустий ошарашенно смотрел на брата. Он никак не мог поверить, что так быстро и легко убил человека, пусть даже такого маленького и слабого. Но… он же не хотел! Нет, это Одарий решил его попугать и просто притворяется! Рустий протянул дрожащую руку и слегка потряс тельце. Голова безвольно мотнулась по подушке.

Внутри возник и мгновенно заполонил собой всё колючий комок страха. Ноги вдруг стали ватными, и, чтобы не упасть, Рустий ухватился за кроватку. Сердце бешено колотилось, не давая сделать глубокий вдох. Если сейчас его застанут здесь, с подушкой в руках, то сразу же обвинят в убийстве. А значит, он будет казнён…

Он услышал какой-то звук за дверью, тут же его обдало жаркой волной ужаса, и Рустий, почти ничего не соображая, бросил на лицо ребёнка злосчастную подушку и бесшумно метнулся в комнату прислуги. На его счастье, путь в коридор был свободен.

Мирцея

– Убийца! Мерзкая убийца!

Дверь с треском распахнулась, и в Зал Малого Совета ворвалась Элида с перекошенным от ярости лицом. Она визжала на такой высокой ноте, что сидевшие за большим столом члены Совета вначале не смогли разобрать ни слова. Пролетев разделявшее их расстояние, Элида бросилась к Мирцее и, уставившись на неё бешеными глазами, заорала:

– Это ты! Ты убила моего мальчика! Тварь поганая!

Только сейчас собравшиеся увидели, что женщина прижимает к груди маленькое тельце с безвольно откинутой назад головой. На пугающе синем личике малыша застыло выражение чудовищной боли, терзавшей его в последние мгновения жизни. Дрожащая рука Элиды ткнула в лицо Мирцеи, от ужаса забившейся в самый угол своего кресла.

– Убейте эту суку! Она задушила моего сыночка! Только она одна могла сделать это! Ну, чего вы все стоите? Убейте её!

Первым в себя пришёл Галиган Освел. Он вскочил со своего места и, оббежав стол, схватил Элиду за плечи, стараясь оттащить её от побледневшей любовницы. Женщина вывернулась из его рук и, подняв тельце над головой, дико завизжала:

– Не-е-е-ет! Не смей трогать меня своими мерзкими руками! Ты её сообщник! Ты всегда помогаешь этой подлой суке, этой шлюхе гахарской! Вот! Смотрите все, это их рук дело!

Она повернулась к застывшему Грасарию, по лицу которого так же разливалась мертвенная бледность:

– Что ты молчишь? Что??? Раскрой глаза – эти ублюдки уже добрались до твоей семьи! Мой мальчик… мой бедный маленький мальчик… о-о-о-о… – Она обвела сидящих долгим взглядом наполняющихся безумием глаз. – Но ты не бойся, мой милый, я сама накажу эту плохую тётю. Очень, очень плохую тётю… А ты поспи, родной. А хочешь, мама покормит тебя. Конечно, покормит…

Элида нашла глазами пустое кресло, с которого вскочил Галиган, обошла стол и уселась в него. Устроив ребёнка у себя на коленях, она расстегнула пуговицы и вытащила полную набухшую грудь с крупным тёмным соском, который приложила к синим губам младенца:

– Вот и хорошо… Кушай, мой мальчик, кушай. Расти большим и сильным, и тогда нам с тобой никто-никто не будет страшен… Ни эта тётка, ни её гадкий любовник… – Молоко текло по мёртвым губам ребёнка. Элида погладила маленькую головку

с редкими волосиками и вдруг дико захохотала: – Ха-ха-ха! Ты только посмотри, какие рожи у этих недоумков! Смотри, смотри, как они выпучились на тебя! Боятся… Они все тебя боятся, мой сыночек… все… Потому что, когда ты вырастешь, ты всем им отрубишь головы… Ты будешь смелым, не то что твой отец… Он спит и видит себя на троне, но боится пойти и отрубить несколько голов… Три или четыре… а лучше все пять… И они будут катиться по залу, катиться, катиться… А ты, сладкий мой, будешь пинать их ножками и смеяться… смеяться…

Мирцея вскочила и дико заорала:

– Кто-нибудь! Прекратите это немедленно! Вы что, не видите – она сошла с ума!

Элида внезапно выпрямилась в кресле и громко приказала:

– А ну заткнись, дура! Чего разоралась! Разбудишь моего мальчика, и он будет плакать. А вы что все уставились? Пошли все вон, вы мешаете моему сыну кушать. Вот видите, он опять выплюнул сосок… Во-он!

Мужчины вскочили со своих мест и в замешательстве сгрудились на противоположной стороне стола. Грасарий, мгновенно постаревший и осунувшийся, тяжело поднялся и, шатаясь, подошёл к жене, всё ещё пытавшейся засунуть сосок в рот ребёнка:

– Элида, давай уйдём отсюда. Пойдём в твою комнату. Дай мне сына, и пойдём.

Грасарий протянул руки и дотронулся до мёртвого тельца, но Элида вдруг оттолкнула его и с силой прижала ребёнка к груди:

– Нет! Никуда я не пойду! Я и так в своей комнате и никуда не собираюсь уходить! Это они пришли! Зачем они сюда пришли? – Она заглянула в лицо мужа, и в глубине её безумных глаз вдруг вспыхнула радость: – А-а, я знаю! Знаю! Они пришли нам сказать, что все-все дети Рубелия сдохли… И мой сынок с сегодняшнего дня будет Повелителем! Да, смотри, они и корону ему принесли! Эй, парень! Ты, ублюдок вонючий, ты! А ну-ка сними со своей башки корону и быстро подай её сюда! Как ты посмел надеть на свою поганую нашлёпку корону Повелителя! Одарий сейчас же прикажет отправить тебя в Саркел! И ты будешь там плавать… плавать… плавать…

– Боги всесильные! Да отправьте же кого-нибудь за лекарем! – Мирцея сжала руками лопавшиеся от боли виски. Она повернулась к белому, как полотно сыну, смотревшему на всё происходящее остановившимся взглядом, и зашипела: – Прикажи же им наконец! Тряпка!

Дёрнувшись, как от пощёчины, Патарий с ненавистью взглянул на мать и заорал:

– Лантары! Выведите отсюда эту женщину! Заприте её в комнате! И лекаря к ней! Живо!

Двум крепким мужчинам потребовалось немало времени, чтобы вытащить из кресла и вынести отчаянно сопротивлявшуюся женщину. Грасарий вначале пытался её успокоить, произнося какие-то слова, но, поняв, что жена его просто не слышит, умолк. С окаменевшим лицом он вышел вслед за Золотыми Мечами. В наступившей тишине стало слышно, как тяжело дышит, вытирая багровое лицо, Самус Марталь. Молчание нарушил Патарий:

– Главный судья! Я поручаю вам расследовать это… происшествие. А так как здесь затронута честь моей семьи, приказываю сегодня же лично доложить мне всё, что удастся выяснить.

Мирцея обвела взглядом мрачные лица занявших свои кресла мужчин:

– Повелитель прав. Честь семьи затронута. Нас… – она кивнула в сторону сына, – обвинили в страшном преступлении! Хотя, клянусь всеми Богами, никто из Корстаков к этому не причастен. Вы сами всё видели – она сошла с ума и готова обвинить в своём горе весь белый свет!

– Но ребёнок ведь умер… – Турс Либург откашлялся и поднял на Мирцею глаза. – И мы все свидетели тому, что он мёртв.

– В вашем войске детей нет, уважаемый долонит, поэтому вам простительно не знать, что такое случается. Не часто, но случается, когда здоровый с виду малыш засыпает и больше уже не просыпается. Умирает во сне. И любой лекарь подтвердит вам мои слова. Но, довольно об этом! – Мирцея вяло махнула рукой и встала, давая понять, что заседание на сегодня закончено. – Все свободны!

Патарий покосился на мать и тоже встал. Члены Совета поднялись и, возбуждённо переговариваясь, потянулись к выходу.

– Ты не должна себя так вести! – Голос сына звенел от ярости. – Здесь я – Повелитель, и только я имею право отдавать приказы!

– Конечно, только ты! Но сначала научись это делать, мой дорогой! – Она устала. Безумно устала, и ей абсолютно не хотелось спорить с этим строптивым мальчишкой. – Тренируйся… и когда-нибудь у тебя это обязательно получится!

Мирцея повернулась и медленно пошла к двери, оставив за спиной кипящего от негодования Патария.

Коридор был бесконечным. Она шла, шла и шла, а он всё никак не кончался. Боль, вонзившаяся в правый висок ещё в Зале, теперь расползлась, нагло хозяйничая во всей правой половине головы, вызывая подступившую к горлу тошноту. Перед глазами

мелькали какие-то серебристые мушки и вертелись блестящие змейки, и женщина начала бояться, что не разглядит за их сумасшедшим танцем нужный ей поворот.

Низ живота пронзила дикая боль, и Мирцея, охнув, присела. Вокруг всё плыло, и она, чтобы не упасть, ухватилась рукой за стену. Боль не отпускала. Казалось, кто-то невидимый воткнул в её лоно раскалённый кинжал и проворачивает его там с какой-то звериной злобой.

Она закричала, с ужасом понимая: её голос в пустом коридоре оказался таким слабым, что его вряд ли кто-то услышит даже за ближайшим поворотом. «Умираю… Боги, я же умираю… Почему… Я не хочу… Нет, только не сейчас… я не могу умереть сейчас… Ведь я только… Какая бо-оль… Я… я не хочу прямо здесь… в этом коридоре… Больно-о… не-е-ет… только не зде-е-есь…»

Боль исчезла так же внезапно, как и появилась. Мирцея, скорчившаяся у стены, замерла. Она боялась шевельнуться, ещё не веря, что мучение прекратилось. Больше всего ей сейчас хотелось добраться до своей постели и уткнуться в мягкую подушку, укрывшись с головой лёгким одеялом из шкуры лесной рыси.

Женщина тихонько распрямилась, глубоко вдохнула и решительно двинулась по коридору. Она не сделала и нескольких шагов, как между её ног что-то хлюпнуло, и по бедру потекла горячая струйка. «О, Боги, нет… Опять! Когда же это закончится?!» Эта мысль была последней. В голове вдруг жутко зазвенело, будто кто-то настойчиво начал колотить маленькими молоточками по большому золотому блюду. Свет померк, и Мирцея потеряла сознание.

События следующих нескольких дней она не помнила. В ушах стоял гул, мешающий сосредоточиться на какой-то одной мысли. Женщина то открывала глаза, с трудом пытаясь понять – это дневной свет пробивается через неплотно задёрнутые шторы, или мерцание множества свечей старается побороть ночной мрак, – то снова проваливалась в за бытье.

Чьи-то руки протирали прохладной водой её лицо и тело, придерживали ей голову, вливая в рот какую-то жидкость, вкуса которой она не ощущала. Она с жадностью пила, стараясь тёплым отваром растопить образовавшийся внутри мерзкий холод, сковавший там всё и не дававший ей вздохнуть полной грудью. Иногда её начинала бить такая сильная дрожь, что тело сотрясалось под несколькими одеялами, и только прислужница Фасима, прижавшись к ней своим молодым горячим телом, могла слегка согреть Мирцею.

Из окружавшей её серой мути к ней выплывали лица, но женщина не всегда понимала, кто это. Однажды ей стало невыносимо страшно, и она дико закричала, пытаясь оттолкнуть от себя Рубелия, который держал на руках мёртвого синего ребёнка и презрительно ухмылялся… Но из её пересохшего горла выполз только жалкий хрип.

Как-то муть внезапно рассеялась, и Мирцея увидела, что над ней склонилось испуганное лицо её лекаря, что-то говорившего. Но, как она ни вслушивалась, не смогла понять смысла его слов и опять устало прикрыла глаза.

Мирцея пришла в себя только на утро третьего дня. Сквозь полуприкрытые веки она разглядела неяркий свет, и её сознания достиг резкий звенящий звук. Она испугалась, что всё начинается снова, но тут же сообразила, что слышит удары гонга Главной пирамиды Остенвила.

– Пить… – голос прошелестел чуть слышно, словно осенний ветер протащил по камням упавший пожухлый листок.

Фасима, разводившая в камине огонь, резко обернулась и, зарыдав, бросилась к своей госпоже:

– Слава Богам Вечным и Истинным! Как же вы напугали нас всех, госпожа! Мы решили, что вы умерли, когда вас принесли… Такая вы были белая, прям как мрамор… даже белей! А Манук, он вообще чуть с ума не сошёл, так переживал, что вы умереть можете. Извёлся весь, всё твердил, что ему тогда не миновать Саркела!

– Воды… дай…

– Сейчас, сейчас! Манук вот это велел давать, если вы пить запросите… Слава Богам, вы очнулись! Пейте, пейте, я сейчас за ним сбегаю! Он ещё наготовит, лишь бы наша госпожа скорей выздоравливала!

Больная жадно глотала отвар, впервые почувствовав его горьковатый вяжущий вкус. Жидкость приятно растекалась внутри, согревая её своим чудодейственным теплом. Фасима радостно щебетала, продолжая с неугасающим пылом славить милостивых Богов, обещая немедленно сбегать в пирамиду и одарить каждого из них хоть чем-то за такое радостное событие.

Мирцея её уже не слушала. Она дико устала. Проглотив последние капли, женщина откинулась на подушку и, закрыв глаза, прошептала:

– Спать… буду…

Следующие два дня она почти всё время спала, открывая глаза только для того, чтобы выпить отвар, проглотить пару ложек ароматного куриного бульона или съесть кусочек нежнейшего паштета из печёнки молодого телёнка. Мирцея

видела, что к ней приходили, и даже могла различить сквозь опущенные ресницы задумчивые, радостные или озабоченные лица своих посетителей. Но она была ещё слишком слаба, чтобы вести с ними беседы или даже просто отвечать на их приличествующие ситуации вопросы.

На пятый день своей болезни Мирцея смогла полулежать в кровати, опершись спиной на груду подушек. Навестивший больную Галиган с шумом уселся в придвинутое к кровати кресло и стыдливо отвёл глаза от её белого исхудавшего лица с тёмными кругами вокруг лихорадочно блестевших глаз.

– Что выяснили… о смерти ребёнка? – Она уже могла говорить, хотя каждое слово давалось с трудом.

Галиган развалился в кресле и небрежно поигрывал пышной кисточкой на поясе домашнего халата из плотного гахарского шёлка. Он вздохнул и снова украдкой взглянул на лицо любовницы:

– Ты ещё не совсем здорова, дорогая! Зачем тебе эти унылые государственные дела? Набирайся сил, приходи в себя, потом и побесе…

– Говори! – Мирцея сделала над собой усилие, и её голос почти не дрожал. – Я хочу знать всё!

Сигурн устроился в кресле поудобней и поведал, что Главный судья провёл самое тщательное расследование, но никого, хотевшего причинить смерть ребёнку Грасария, не нашёл. Как оказалось, Элида вошла в комнату и увидела, что на лице сына лежит маленькая шёлковая подушка, а мальчик уже не дышит. Как попала в кроватку к Одарию эта подушечка, никто не видел, но именно она и задушила ребёнка. Аврус Гентоп с пристрастием допросил всех, имевших доступ в покои Грасария и его жены. И хотя все прислужники в один голос клялись, что в руки не брали эту злосчастную подушку, судья решил, что Тусса, личная прислужница Элиды, вполне могла положить её в кроватку, чтобы ребёнок, проснувшись и повернув голову, не ударился о прутья.

Девушка рыдала и призывала в свидетели всех Богов, но Гентоп был неумолим, и преступницу отправили в Саркел дожидаться суда. Правда, ввиду того, что явных доказательств её вины всё-таки нет, Главный судья склонен назначить ей самое мягкое наказание – десять лет работ в каменоломнях.

Мирцея усмехнулась. Десять лет… Да она и год там вряд ли протянет. Конечно, никто не заставит её обтёсывать огромные глыбы мрамора или откалывать куски от залегающих в глубине пластов. Женщины в тех краях были большой редкостью и использовались совсем для других целей. Каторжникам, день и ночь ковырявшим внутренности скал и шлифовавшим плиты,

понятно, было не до любовных утех – хватило бы сил добраться до своей убогой лачуги, а вот надсмотрщикам…

– Нужно было лучше за ребёнком смотреть. Как Элида?

Галиган неопределённо хмыкнул и пожал плечами:

– Я её больше не видел. Манук даёт ей какую-то гадость – она и сидит весь день как неживая. Но если вдруг пропускает приём очередной дозы, то начинает беситься, мечется по комнате и орёт. Говорят, пару раз её даже связывать пришлось.

– И… нет никакой надежды?

Галиган скорчил презрительную рожу и махнул рукой:

– А ты много видала свихнувшихся, чтоб они потом стали прежними? Вот и я про таких не знаю. Боюсь, у них это семейное – твой деверь с того дня ни одного слова не проронил. Ходит как живой труп, только в глазах огонь полыхает, как у дьявола.

Мирцея устало прикрыла глаза. Для неё не было тайной, что Грасарий её всегда недолюбливал. И теперь, как бы она ни пыталась его переубедить, он уже наверняка решил, что только она одна, и никто другой, виновна в смерти их долгожданного ребёнка. И кто знает, что этот упрямец предпримет сейчас, когда она не захотела умереть…

– Его сын вернулся из поездки?

Галиган удивлённо вскинул брови:

– Динарий?

Женщина распахнула глаза и недобро усмехнулась:

– А у него что, есть ещё сыновья? Он никогда не был таким кобелём, как его старший братец…

– Хм-м… Нет, не вернулся. До Кватраны путь неблизкий, да и тётушка Ортения всегда привечала его больше, чем твоих сыновей.

Мирцея пропустила колкость мимо ушей. Она уже устала, но мысль о племяннике и его внезапном отъезде отчего-то не давала ей покоя.

– Не нравится мне эта поездка. Не знаю почему, но что-то в ней не так. Отправь кого-нибудь в Ормину, пусть там всё разнюхают…

Галиган нехотя кивнул. Он поднялся, небрежно поцеловал восковую щёку любовницы и уже дошёл до самой двери, когда его остановил новый вопрос:

– Что с Беркостом?

Резко обернувшись, Главный сигурн широко улыбнулся:

– Если ты о Мустине, то хочу тебя порадовать – два дня назад прилив был настолько высок, что утром от твоего бывшего могущественного недруга остался только жалкий, мерзко пахнущий труп!

Мирцея вздрогнула:

– Ты уверен?

Поджав губы, любовник снисходительно посмотрел на женщину:

– Абсолютно! Мертвей не бывает!

– Заключение давал Манук?

В глазах Галигана промелькнуло вырвавшееся откуда-то беспокойство, но он заявил бодрым голосом:

– Он! Твой лекарь только и может, что отличить живого от покойника. Шарлатан гахарский… – И, вполне довольный собой, вышел из комнаты.

«…могущественный недруг… даже слишком…» – мысль настойчиво пыталась выкарабкаться из дремотного бессилия, но Мирцея была очень слаба, чтобы помочь ей. Спустя минуту она спала беспокойным сном всё ещё тяжело больного, но уже не умирающего человека.

Динарий

Стоя у окна, он разглядывал проезжавшие по улице повозки, спешащих куда-то по неотложным делам всадников и уныло бредущих под дождём пешеходов. Капли уже вторые сутки настойчиво молотили по стеклу, делая серое настроение обитателей комнаты ещё более мрачным.

В дверь негромко постучали. Осмила, читавшая в постели, быстро сунула книгу под подушку и закрыла глаза, натянув одеяло до самого подбородка, – ей уже несколько дней приходилось изображать из себя больную.

– Войди!

Дверь приоткрылась, и в комнату протиснулся сам хозяин постоялого двора Хорин Грос, невысокий располневший мужчина лет пятидесяти. Прихрамывая на правую ногу, он прошёл через комнату и, почтительно поклонившись, протянул Динарию сложенный лист.

– Я только что получил письмо из Остенвила, господин. И в нём есть кое-что, адресованное не только мне.

Молодой человек схватил листок. Неровные строчки были написаны твёрдым почерком отца:

> «Мой друг! Боги безжалостны, и они снова показали нам своё лицо. Два дня назад они забрали моего Одария и наградили безумием мою жену. Душа моя разорвана на части, а сердце обливается кровью, но я не сдамся! То, о чём мы мечтали, свершится со дня на день. Жди и молись за мою душу – может быть, хотя бы твою молитву Боги услышат…»

Побледневший Динарий застонал и сжал письмо в руке. Осмила соскочила с кровати и, как была, в длинной ночной рубахе кинулась к мужу. Выхватив листок, она быстро пробежала глазами написанное.

– Я должен ехать к отцу! – Юноша решительно стиснул кулаки и заметался по комнате. – Там случилось что-то страшное, и ему нужна моя помощь!

Осмила, тоже бледная, следила за ним горящими глазами. Хорин Грос кашлянул, прочищая горло, и несколько смущённым, но довольно твёрдым тоном произнёс:

– Ваш отец, уважаемый господин Динарий, ясно написал, что наш план не отменяется и всё произойдёт в ближайшее время. А это значит, что вам никак нельзя сейчас покидать «Розу»

и возвращаться в Остенвил.

– Дьявол! Могу поклясться всеми Богами, что смерть Одария – дело рук моей тётки! Эта тварь спит и видит, как бы избавиться от всех родственников!

– Тем более, ты не должен сейчас плясать под её дудку и возвращаться во дворец! Она только обрадуется, если ты сам полезешь прямиком в приготовленную петлю. – Осмила дрожала всем телом, словно её и на самом деле поразила лихорадка.

Динарий молчал. Его лицо окаменело, хотя в душе бушевала настоящая буря. Скрипнув зубами, он выдавил:

– Хорошо. Будем ждать. Но если завтра к ночи мы не получим никаких новых известий, я поскачу в Остенвил!

На следующий день после ужина, когда все даже не в меру буйные постояльцы уже отправились на покой, в дверь их комнаты снова постучали. Осмила, которой до жути надоело изображать хворающую бездельницу, на сей раз была одета в серое дорожное платье. Появившийся на пороге хозяин молча кивнул, и молодые люди, стараясь не шуметь, двинулись за ним. Спустившись на первый этаж, они пересекли тихий и тёмный зал со множеством столов и, пройдя мимо остывшего очага, вышли в заднюю дверь, ведущую к конюшне.

У невысокого крыльца стояла небольшая повозка, запряжённая парой лошадей весьма унылого вида. Возчик, невысокий мужик со свирепым выражением лица, привалился к её облупленному боку и с полным безразличием разглядывал каменную стену. Его товарищ, жилистый и худой, с клочковатой рыжей бородой, что-то тихонько ему рассказывал. Увидев вышедших из дома людей, оба мужика почтительно поклонились. Хозяин постоялого двора подошёл к ним и вполголоса спросил:

– Он здесь?

Худой что-то забубнил, но Динарий не смог разобрать ни одного слова. Хорин Грос выслушал доклад и, приоткрыв дверцу повозки, заглянул внутрь. То, что он там увидел, его совершенно не порадовало, и мужчина озадаченно закряхтел.

Динарий не выдержал. Он решительно спрыгнул с крыльца и широко распахнул створку. Отец Осмилы, Главный сигурн Нумерии, лежал на соломенном тюфяке, укутанный до подбородка старым шерстяным плащом. Его заросшее седой щетиной лицо было мертвенно бледно, глаза закрыты, но самым страшным было то, что Мустин Беркост не подавал никаких признаков жизни.

Осмила оттолкнула мужчин в сторону. Увидев столь ужасную картину, она вскрикнула и зарыдала:

– О, Боги! Отец…!

На её плечо легла рука хозяина постоялого двора.

– Тише, госпожа. Он жив, просто сейчас сознание покинуло его…

Привезшие сигурна мужчины осторожно вытащили его из повозки и понесли в дом. Хозяин шёл впереди с фонарём, освещая путь, молодожёны замыкали шествие. Никто из них не заметил лицо, белевшее в окне второго этажа.

Немолодой лысоватый мужчина с мясистым носом и круглым брюшком, мягко шлёпая босыми ногами, пробрался к двери и, чуть приоткрыв её, стал наблюдать. Через несколько минут два бандитского вида мужика в сопровождении хозяина пронесли мимо его комнаты завёрнутого в плащ негромко стонущего человека. За ними шла молодая пара.

Стараясь не шуметь, процессия скрылась в дальней комнате. Вскоре два носильщика протопали обратно. Выждав ещё несколько минут, мужчина тихонько прикрыл дверь. В коридоре было тихо. Повернув легко скользнувший в замке ключ, толстяк улёгся на кровать и задумался, уставившись в потолок.

«Голову даю на отсечение, что юноша – Динарий Корстак. Следовательно, рыдающая девица – его жена Осмила. И о каком отце тогда речь? Неужели, Грасарий? Но… чего бы ему так странно приезжать – в убогом возке, без пышного эскорта, да ещё и в сопровождении каких-то сомнительных типов… Значит, Мустин Беркост… Бывший всесильный Главный сигурн. Ох-хо-хошеньки, как всё шатко в этом мире… Но, когда неделю назад я уезжал из Остенвила, он находился в тюрьме по весьма существенному обвинению. Неужели Мирцея смилостивилась и отпустила его? Не очень-то на неё похоже… Весьма, весьма интересно…»

Решив, что вернувшись в город, он обязательно постарается разузнать все подробности этого загадочного происшествия, Главный помощник министра денежных дел Дусан Истрис повернулся на бок и спустя пару минут сладко засопел.

Осмила хлопотала возле отца. Она укрыла его одеялом, подсунула под голову две подушки и, налив в кружку сладкий чай, поднесла к его сухим потрескавшимся губам. Мустин судорожно глотнул живительную влагу и открыл глаза.

– Хвала Богам! – Вздох облегчения вырвался у всех одновременно. Девушка тихонько заплакала, гладя заросшую щёку отца. – Всё будет хорошо! Ты на свободе, и теперь мы тебя спасём…

Мустин слабо кивнул. Следующие дни ушли на то, чтобы хоть как-то привести Беркоста в состояние, позволившее бы ему совершить длительное путешествие. К концу второго дня он уже

улыбался, сидя в кровати, и с присущей ему иронией, рассказывал историю своего побега.

Строить планы – занятие весьма неблагодарное. Мы пыхтим, пыжимся и в конце концов всё красиво придумываем. Но в глазах Богов это выглядит несколько иначе, и, презрительно усмехнувшись, они делают так, как считают нужным. Поэтому нечего даже и удивляться, что с самого начала всё пошло наперекосяк.

Началось с того, что один из подкупленных стражников, согласившихся провернуть это дельце, накануне надорвал спину. И, хотя ему было положено таскать вверх-вниз покойника, едва таскал свои собственные ноги. Его напарник, пыхтя и поминая всех его родственников до седьмого колена, с делом, конечно, справился, но был жутко зол.

Чтобы заключённые на втором уровне тюрьмы ничего не заподозрили, накануне вечером стражники угостили всех их вином под весьма благовидным предлогом – рождения у Рыжего Брайта, старшего в этой смене, долгожданного наследника. Но то ли снотворное, загодя влитое в вино, не подействовало на костлявого жилистого Хумара, то ли тот не выпил всю свою порцию, заподозрив какой-то подвох в столь небывалой щедрости, но утром оказалось, что этот придурок видел всё.

Кривляясь и пуская слюну, он начал орать на весь второй ярус, что, если Рыжий говнюк Брайт со своим дружком сейчас же не припрёт ему из ближайшей харчевни молочного поросёнка и молоденькую шлюху с большими сиськами, он всем, всем расскажет, что творилось тут этой ночью!

Переглянувшись с напарником, Брайт помянул нехорошим словом теперь уже родню Хумара, если таковая вообще имелась у этого ублюдка, и, выдернув из-за пояса тонкую кожаную плеть, шагнул в вонючую камеру. Возня и крики прекратились быстро, и пришедший после полудня Манук констатировал смерть уже двух внезапно повесившихся в эту ночь преступников. К счастью, лекаря массовое обострение совестливости у закоренелых негодяев не заинтересовало, и, бросив на самоубийц презрительный взгляд, он заспешил во дворец, события в котором его тревожили несравнимо больше.

Спустя час Мустин Беркост, точнее, его «труп», завёрнутый в сырую, гадко пахнувшую дерюжку, уже ехал в скрипучей повозке к месту своего упокоения. Из Дворца Правосудия они выехали без приключений – никто и не подумал проверить, настолько ли мёртв покойник, как предполагалось.

Но по дороге к месту, где Главного сигурна ждал другой возок, Боги решили ещё раз пошутить. Со склона ущелья сорвался

камень и выкатился прямо под ноги тянувшей его повозку лошади. Обычно невозмутимая кляча вдруг встрепенулась и понесла, не обращая никакого внимания на крики и угрозы возчика. И, как в таких случаях обычно и бывает, на повороте повозка перевернулась, и Мустин, запеленатый, как младенец, вывалился на дорогу и славно приложился головой о подкинутый судьбой специально для этой цели камень.

Дальнейшее он, естественно, не помнил, но, судя по тому, что очнулся бывший сигурн всё-таки в «Белой розе», передача тела прошла успешно. Голова ещё сильно болела, иногда подташнивало, но в целом ему было значительно лучше, чем принявшему вместо него морскую ванну Щуру и оказавшемуся ни в меру любопытным Хумару.

Через два дня молодожёны отбыли наконец в Кватрану. Вполне пришедший в себя Мустин Беркост был удобно устроен в потайном отсеке повозки, подальше от слишком любопытных глаз.

Никита

– Эй, ты, засранец! Тащи сюда свою грязную задницу! Я кому говорю, хрен лопоухий?! Да поживей! Тебе босс чё приказал? Чтоб палуба блестела! А тут какой-то гад… – плевок смачно шлёпнулся о палубу, – всё загадил!

Толстый мужик с тусклыми сальными волосами и свёрнутым набок носом громко заржал, демонстрируя крепкие зубы, жёлтые от постоянного жевания табака.

– Ну, и чево ты к мальцу прискрёбся, Шип? Он с утра сегодня шваброй машет, не разгибаясь.

– Хреново машет, если грязи вон – ступить некуда! – Толстый сунул в рот новую порцию табака и лениво задвигал челюстями. – А кто ещё научит этого паршивца всем премудростям морской жизни? Сделает из него настоящего морского волка?

– Угу, волка… Я тут только волчонка вижу. Ишь, глазищами как сверкает. Не боишься такого за спиной оставлять, когда на абордаж пойдём? – Худой цепкий мужичонка с длинными руками, тонкой жилистой шеей и пышными усами на вытянутом лице уселся на борт. Опёршись локтем о согнутое колено, он с интересом наблюдал за происходящим.

Шип почесал свой сломанный нос и, запустив пальцы за кожаный пояс, отделанный серебряными пластинами, хохотнул:

– Да брось ты, Паук! Этот заморыш шелудивый? Да я его одним щелчком уделаю! Я тебе, хвост свинячий, чево сказал? Быстро сюда метнулся, шкиря!

Ник, насупившись, стоял со шваброй в руках и с ненавистью глядел на самодовольную рожу матроса. Он только что до блеска отдраил палубу у левого борта, и теперь предстояло всё начинать сначала. Поняв, что Шип не отвяжется, он макнул швабру в ведро и отправился вытирать плевок.

Шип, успевший ещё раз плюнуть на палубу, сощурил и без того маленькие глазки, внимательно наблюдая за работой юнги.

– Лучше, лучше три, раздолбай! Распустил тебя боцман. Ну, ничего, я научу, как надо!

– Ноги убери! – Ник елозил шваброй у самых ног матроса, пытаясь стереть коричневые табачные потёки слюны.

– Работай, работай, засранец! – Шип набрал побольше слюны и плюнул как раз туда, где Никита только что тщательно вытер. Развернувшись к нему спиной, Ник буркнул себе под нос: – Свинья косорылая…

От сильного пинка в зад он пролетел метров пять и врезался головой в стоявшую у борта бочку. Зубы звонко щёлкнули, в

глазах потемнело, а в ушах противно зазвенело. Кшыстя, вернее, юнга по имени Крис, вылетела из-за мачты и яростно обрушила на спину зло ухмылявшегося Шипа град ударов своих маленьких кулачков:

– Не тронь его, гад! Сволочь! Крэтын! Иджъ до пэкла!

Верзила от такой наглости вначале слегка опешил, но потом, почти не размахиваясь, ткнул рукой в лицо накинувшемуся на него юнге. Тот отлетел и, усевшись на задницу, замотал головой.

– Да я тебя щас, защитничек! – Туша нависла над Крисом, и Шип, ухватив мальца за шиворот, потащил к борту. – Щас охолонешь малость!

– Отвали от него, гнида! – Никита сорвался с места, и головой, как тараном, воткнулся в живот толстяку.

Тот охнул и, выпустив Криса, согнулся пополам. Кровь бросилась ему в лицо, и он зашипел, медленно выдавливая из себя слова:

– Ну-у, падаль! Это я тебе, ублюдок вонючий, никогда не прощу! Падла!

Изогнутый нож хищно блеснул в его руке, и Шип медленно двинулся на побледневшего мальчика.

– Кар-рамба! Всем стоять! – Кнут остро свистнул в воздухе, выбив нож из руки матроса. Тот взвизгнул и схватился за кисть. – Какого дьявола тут происходит?!

Ощупывая свою руку и злобно вращая глазами, Шип заныл:

– Да они первые, босс, кинулись! Дикие, как волчата, дьявол им в зад! А я всего-то хотел научить, как палубу надо драить…

– Первыми, говоришь? – Боцман внимательно поглядел на медленно заплывающий глаз Криса и быстро растущую шишку на лбу Ника. – Значит, первыми… А ведь я тебя уже предупреждал, Шип, чтоб ты не задирался и не махал ножом. Я не потерплю разборок на своём корабле! Ещё раз узнаю, что ты зазря хватаешься за нож, ссажу на берег к такой-то матери, и потопаешь ты в Остенвил пешком, как сухопутная крыса!

Шип насупился и молча слушал отповедь боцмана. Эрвис Буссон, которого все за глаза, да и в глаза тоже, звали Скорпионом, никому не позволял с пренебрежением относиться к своей высокой должности. Второй на корабле. Если не считать, конечно, трёх помощников капитана «Ласточки» – высокого широкоплечего красавца Тамина Гриса, низенького, с вечно сонными глазами и сизым носом любителя гахарского Жемара Ройса и молчаливого стройного юноши, едва начавшего сбривать скромную растительность с ещё пухлого лица, Сесвила Грумма, племянника капитана.

Капитан Дейв Шорт, сорокапятилетний мужчина с рыжей

шевелюрой и такими же огненными усами, командовал «Ласточкой» уже лет десять, сменив прежнего, умершего от тяжёлой раны в живот. Обладая взрывным характером и железной волей, он твёрдой рукой руководил своей командой, одна половина которой были отъявленными головорезами, а вторая – настоящими бандитами.

Скорпион усмехнулся. Кто бы что не говорил, а настоящим Богом и Повелителем на этой посудине был только он, боцман. Своё прозвище Скорпион получил за умение виртуозно пользоваться кнутом, и, судя по тому, как почтительно вели себя в его присутствии матросы, почти каждому из них довелось с ним познакомиться.

Сложив кнут змейкой и заткнув его за пояс, Скорпион окинул взглядом поле боя и, удовлетворённо хмыкнув, удалился. Шип ушёл ещё раньше, отправившись куда-то зализывать физическую и душевную раны. Сохранявший во время побоища полный нейтралитет Паук спрыгнул с борта и, мягко приземлившись на свои короткие, чуть кривоватые ноги, кивнул Нику:

– Слышь, малец! Он чево к тебе привязался?

Никита, у которого противный звон в ушах сменился всё усиливающейся головной болью, болезненно поморщился и потрогал уже достигшую приличных размеров шишку:

– Да тварь он! Гнида вонючая! Вот и цепляется ко всем! – Ему было стыдно рассказывать кому-то, как в первый же вечер появления на «Ласточке» Шип зажал его в углу и, обдавая тошнотворным запахом немытого тела и любимой жвачки, начал лапать своими потными ручищами, откровенно заявив, что он совсем не прочь провести ночку с такой упругой задницей.

Никита тогда едва вырвался, и с тех пор старался держаться подальше от Шипа. Сначала он испугался, что тот и к Крису полезет с таким предложением, но, к счастью, костлявая девчонка матроса совершенно не заинтересовала.

Паук ещё раз внимательно оглядел смутившегося Ника и хмыкнул:

– Угу… Ну, лады… Тока ты, малец, смотри теперь под ноги лучше. А то и сам не поймёшь, как за бортом окажешься. Случайно… – И небрежной походкой, чуть враскачку, отправился на корму.

Они остались вдвоём. Крис потрогала почти заплывший глаз и всхлипнула.

– Больно? Ну, и чё ты… полез? – Ник всё никак не мог привыкнуть, что она теперь мальчик. – Этот лосяра своим копытом мог тебя запросто прибить!

– А если тебя? – Крис округлила здоровый глаз. – Я чего тут

тогда… один делать буду?

– Чего…чего… На берег сойдёшь, мы ещё не плывём никуда… – Ник был несколько обижен таким беззастенчиво-потребительским к себе отношением.

– Да не на «Ласточке», придурок! Я про Нумерию говорю! – Крис впервые улыбнулась. – Матка Боска, я ж без тебя тут никак не смогу!

Подходила к концу вторая неделя их пребывания на службе у лангракса Солонии, и ребята уже начали привыкать к своей новой жизни. Распорядок на корабле был строгим, и боцман с неизменным трепетом следил, чтобы все его поручения исполнялись чётко и максимально быстро. В противном случае он с превеликим удовольствием пускал в ход свой любимый кнут.

Никита никогда в жизни не видел, чтобы человек владел им так виртуозно. Кнут был словно продолжением его руки, да что там продолжением – самой рукой, с одним очень вёртким и жёстким пальцем. Однажды мальчик оказался свидетелем того, как Скорпион, поспорив с худым горластым Вороном, сбил жирную муху с носа спящего Сыски, который при этом даже не проснулся.

Ник и на себе попробовал один раз жало Скорпиона. Неделю назад он тащил с камбуза в капитанскую каюту таз с горячей водой, сосредоточив всё внимание на том, чтобы не расплескать её себе на ноги. Внезапно что-то обвилось вокруг талии и так рвануло его назад, что Ник плюхнулся на задницу, выронив из рук злополучный таз. И когда он глянул вперёд, внутри всё замерло. Ещё пара шагов – и мальчишка полетел бы в открытый трюм, наверняка переломав себе чегонибудь…

Поднявшись, ошеломлённый Никита оглянулся. Позади него метрах в трёх стоял Скорпион и сворачивал свой кнут.

– Смотри, куда прёшься, щенок! В следующий раз я прикажу выкинуть то, что от тебя останется, нашим подружкам! Милейшие твари! Так и шныряют вокруг этих посудин, дожидаясь обеда из таких вот олухов!

Свои обязанности Ник усвоил быстро. Ему снова приходилось почти всё время мыть, скрести, драить и начищать, но здесь хотя бы не было той вони, которая прочно поселилась в коровнике досточтимого господина Рагона. Морской ветер пах солью, свежестью чистейшей воды, водорослями и ещё сотней необычных и приятных ароматов, совершенно не сопоставимых с запахом навозной жижи, оттаскиваемой на задний двор.

Единственное, о ком Никита явно сожалел, – это о мирных обитателях так нелюбимого им коровника. Спокойные коровы с грустными глазами выглядели просто ангелами в сравнении с

шумной злобной толпой матросов, которые, по своей сути, были не кем иным, как настоящими пиратами. Большинство из них и не думало скрывать своё туманное прошлое, нанявшись на «Ласточку» только с одной целью – по убивать и пограбить в своё удовольствие. Благо, объявлена самая настоящая война, а значит, за все эти безобразия можно было не опасаться строгого суда лангракса.

У всесильного боцмана на судне имелся ещё и помощник – Горвин Краб. Его искалеченная правая кисть действительно напоминала клешню краба, но он и левой рукой управлялся с оружием так, что немногие оставшиеся в живых после стычки с ним долго ещё вспоминали бешеный свист его пиратской сабли. Остальные члены команды представляли собой разношёрстную толпу самых отъявленных негодяев, случайно объединившихся для большого и важного дела. Матросов было всего двадцать.

В первые дни Ник думал, что самый милый и доброжелательный из них – корабельный кок Свирт Рубака. Но заметив однажды, с каким ожесточением тот рубит тяжёлым кухонным ножом кусок баранины и какая бешеная ярость плещется при этом в его серых глазах, парень про себя решил, что прозвище кок получил не зря.

В рулевых на судне ходил коренастый крепыш Дрон, но, в отличие от своего тёзки, не Одноухий, а Туча, с вечно мрачным недовольным лицом и голым, как коленка, круглым черепом. Его помощник Туск – смешливый кареглазый парень без двух передних зубов, из-за чего он просто жутко шепелявил, – внешне был его полной противоположностью – длинный и худой, с вечно растрёпанными чёрными волосами.

Но, из уважения к должности, Шепелявым его никто не называл. Для этой клички имелся толстогубый увалень с огромными ручищами, которого все без исключения звали Сыска. Парень обижался, пытался отмалчиваться, но подлое «с» так и норовило соскочить с его губ и основательно подпортить ему жизнь. Добродушным Сыска был только с виду – Никита пару раз видел, с какой радостью тот отрывает головы отловленным в трюме крысам.

Особняком от остальной компании держались два закадычных друга – Майлин Крюк и Арвис Шея, вместе сбежавшие из сенторийской каменоломни, куда попали за тёмные и кровавые делишки. Крюк, курносый и разговорчивый мужчина лет тридцати, с чёрной опрятной бородкой, вполне мог сойти за писца или управляющего имением, если бы не вывернутые нижние рёбра и безобразный рваный шрам на боку, оставленный железным крюком, на который его за эти самые рёбра и

подвешивали.

Шея, в отличие от друга, был молчалив и крайне редко улыбался. Услышав его голос впервые, Ник сначала испугался. Ему показалось, что мужчина чем-то подавился и сейчас начнёт задыхаться, а потом упадёт на пол и умрёт. Но ничего такого не произошло. Уже потом мальчик узнал, что горло Арвиса было повреждено, когда того ещё в молодости пытались повесить.

Самым мелким и жилистым среди всей команды был Нос, получивший своё прозвище за весьма очевидное – огромный крючковатый нос, сразу бросавшийся в глаза. Пират, видимо от своей мелкости, отличался ещё и весьма задиристым характером, особенно когда в его щуплое тело попадала всего-то пара глотков хмельного напитка.

Самым здоровым среди матросов был Шерстяной Вик, от пяток и до глаз почти полностью заросший чёрным жёстким волосом. Никите он напоминал умеющего ходить на задних лапах медведя, ещё и великолепно владеющего всем имеющимся на корабле оружием. И если в стрельбе из огромного лука и в бою на тяжёлых мечах равных ему здесь не было, то в метании ножей он все-таки уступал Табольду Горшку, совершенно лысому, но с длинными седеющими усами мужчине лет сорока. Ник про себя сразу прозвал его «меткая рука» и в душе очень даже позавидовал такому умению.

Но, пожалуй, самой загадочной и непредсказуемой личностью на «Ласточке» был Бесшумный – молодой темноволосый парень с маловыразительным, спокойным лицом. Когда тот впервые возник за спиной Ника, сидевший на бочке Паук расхохотался, заметив явный испуг на лице парнишки:

– Видал? Как тень! А потом так удавочку лёгонько на шейку набросит – и всё, каюк! Да не боись ты, он своих не трогает! – И ещё сильней растянул в улыбке свой и без того не маленький рот.

Остальных – Одноглазого Рэйса; всё время что-то жующего Жмырю; круглого, как колобок, Зугу; вечно сующего свой нос, куда не следует, Шило; хромоногого Пирона; обладающего немереной силой Бугая и хитрого и осторожного Лиса – Ник знал меньше. Скорпион так загрузил его работай, что ему некогда было шататься по палубе и трепаться с матросами. Вымотавшись за день, они с Крисом забирались в самый дальний угол той части трюма, что служила команде спальней, и мгновенно засыпали. Чтобы утром опять что-то мыть, чистить и скрести.

Кроме них, на «Ласточке» имелся ещё один юнга, попавший на судно на пару дней раньше Ника и потому считавший себя здесь чуть ли не старожилом. Худой остроносый парнишка с копной тёмно-русых, торчащих во все стороны волос очень

напоминал Домовёнка Кузю из некогда любимого Ником мультика. Но если мультяшный Кузя был весел и бесхитростен, то характер местного представителя нечистой силы оказался на редкость поганым. Видя, что Ник с Крисом держатся вместе, он не придумал ничего лучше, как начать подстраивать каждому из них мелкие гадости, надеясь, что ребята подумают друг на друга и в конечном счёте рассорятся.

Но этот фокус не прошёл, и Кузя, которого на самом деле звали Бэйст, начал из-за каждого пустяка жаловаться на ребят Крабу. Тому это быстро надоело, и он в один прекрасный момент так огрел ябедника своей клешнёй, что надолго отбил у того охоту говорить вообще. При этом помощник Скорпиона вкрадчивым голосом предупредил засранца, что «если тот не уймётся и не перестанет без толку трепаться, то он, Краб, сделает это очень быстро и, главное, качественно, вырвав его поганый язык». Потому как «драить палубу и чистить гальюн хорошо получается и без этого малопригодного для этих целей органа. Хотя можно прям им и попробовать – он, Краб, не возражает…»

Кузю после такого душевного разговора словно ветром сдуло, и в последние несколько дней он притих, старательно обмозговывая, как бы теперь половчее подъехать к друзьям с предложением влиться в их тесную компанию.

Свирт Рубака, стоя в дверях камбуза, поманил мальчишек к себе. Они подошли, не совсем понимая, чего от них понадобилось коку, – сегодня была очередь Кузи драить чугунные котлы и мыть серебряные тарелки из капитанской каюты. Глянув на унылые физиономии, кок покачал головой, сунул ребятам в руки тяжёлый кухонный нож и начищенный до блеска медный котелок и велел приложить их к ушибам.

Гладкая сталь приятно холодила лоб, и даже голова стала болеть меньше. Крис, кося здоровым глазом из-за котелка, попробовала пошутить о шрамах, украшающих мужчину, но, увидев кислую рожу Ника, замолчала. Из-за спины Рубаки возник Кузя и, будто извиняясь, протянул юнгам по куску холодного пирога с капустой и мясом. И, не дожидаясь благодарности, шмыгнул обратно.

Не очень понимая, с чего это Кузю прорвало на такую щедрость, друзья переглянулись и начали дружно жевать. Ещё один их день на «Ласточке» подходил к концу. Часть команды неспешно занималась погрузкой на корабль припасов, пока их сменщики блаженствовали на берегу. Времени было предостаточно. Как обещал капитан, ещё несколько недель – и сезон штормов закончится. И тогда корабль, приняв на борт добрую сотню солдат из войска ланкракса Солонии, возьмёт курс

на Остенвил. И смилуйтесь Боги над теми, кто попадётся им на пути…

Лея

Всё оказалось совсем не так просто, как им вначале представлялось. Боги, глядя на их усилия, тихонько посмеивались, безжалостно внося в человеческие планы свои коррективы.

Вместо нескольких дней беглецам пришлось задержаться в охотничьем домике на две недели. Берсам, гоняясь по горам за оленем, свалился с коня и затылком ударился о корень сосны. Пролежав без сознания пару часов, он кое-как выбрался на тропу, где его поздним вечером и нашли обеспокоенные его долгим отсутствием товарищи.

Отправляться в дорогу, пока Берсам находился в таком состоянии, было невозможно – ехать верхом он не мог, а повозка никогда бы не прошла по тем узким горным тропам, по которым отряду предстояло пробираться в Ланджланию. Лабус без устали потчевал раненого отварами из трав и кореньев, прикладывал к его затылку холодные компрессы, и его усилия увенчались успехом – уже через пять дней прислужник довольно бодро прогуливался по небольшому дворику и даже пытался выполнять свои обязанности – чистить и кормить лошадей.

К концу первой недели Жумар Стейнбок навестил своего друга и, как обещал, привёз с собой припасы в дорогу и человека, который должен был провести беглецов к месту назначения одному ему известными тропками через глухие места на границе с Трианией.

Проводника звали Пайер Зумк, но Жумар и все его спутники почтительно обращались к нему – «Медведь». Угрюмый бородач огромного роста и недюжинной силы был молчалив – за все дни его пребывания в охотничьем домике от него едва ли услышали с десяток слов, отрывисто произнесённых глухим надтреснутым голосом.

Да и сам он появлялся в домике нечасто, предпочитая шумному обществу шатания в одиночку по горам. Он уходил до рассвета, вооружившись коротким копьём с широким наконечником и длинным охотничьим ножом, всегда висевшим на его поясе. Возвращался охотник поздним вечером, бросал на пол кухни косулю или нескольких зайцев и отправлялся на конюшню, пугая лошадей запахом своего плаща, сшитого из шкуры огромного пещерного медведя.

В путь они отправились рано утром на тринадцатый день. Лабус, суеверный, как почти все лекари, долго что-то шептал себе под нос и несколько раз даже плюнул через левое плечо, надеясь,

что все злые духи, увязавшиеся за ними, тут же отстанут. Увидев исполненный лекарем магический ритуал, Хайрел захохотал, а Бирюк криво ухмыльнулся. Лея попыталась весело улыбнуться, но от страха неизвестности, застывшего в её душе ледяным комком, улыбка вышла совсем уж вымученной.

– Наш могучий Лабус своими плевками разогнал всех местных демонов! И теперь хоть ори, хоть заорись, ни один из них даже не отзовётся! О-хо-хо-о-о! Эге-ей! – Хайрел громко крикнул, встревожив коней.

– На твоём месте я бы не был так самоуверен. – Медведь, ехавший впереди на низкорослой лошадке, похожей больше на застрявшего у него между ног пони, обернулся и окинул молодого мужчину недовольным взглядом. – Демоны – они злопамятны.

От этих слов радостное настроение, охватившее небольшой отряд в начале пути, мгновенно испарилось, и они несколько часов ехали молча, настороженно поглядывая по сторонам.

Местность в этом краю была гористой, и едва заметная тропа, по которой уверенно ехал проводник, то карабкалась вверх по почти лишённым растительности скалам, то ныряла в ущелья со стремительно несущимися по дну горными ручьями. Кони Хайрела и его спутников, привыкшие к сумасшедшим скачкам по широким равнинам, волновались и упрямились на петляющей тропе, заставляя седоков успокаивать их.

Несмотря на мрачное предупреждение, день прошёл спокойно. И у вечернего костра, взбодрившись вином из привезённых Жумаром припасов, беглецы снова развеселились. Хайрел принялся смешить девушек рассказом об очередной дворцовой охоте и почти добрался до самого интересного места, как вдруг в той стороне ущелья, откуда они пришли, раздался жуткий вой.

Девушки испуганно вскрикнули, лошади в страхе забились на привязи. Мужчины вскочили, хватаясь за висевшие на поясах мечи. Только Медведь, который сидел поодаль и с философским видом наблюдал за бурлившей у его ног водой, не шелохнулся. Вой прокатился по ущелью, отражаясь от скал, и затих.

– Что это? – Голос Хайрела предательски дрогнул.

– Пандора. Горная кошка. Размерами она намного больше самой огромной собаки, но куда как быстрей и проворней. Хитра что дьявол. – И, видя, как бледнеют и вытягиваются лица слушателей, проводник добавил: – Сейчас она сытая, вот и воет. Голодная, она просто нападает. Бесшумно и безжалостно.

Спали беспокойно, ворочаясь и прислушиваясь. И когда солнце первыми лучами рассеяло лёгкий туман, все уже были на

ногах. Пока варилась каша, мужчины собрали и увязали нехитрую поклажу, оседлали и накормили коней. Медведь предупредил – идти придётся быстро, чтобы, выбравшись из ущелья и обогнув по краю небольшую долину, перевалить через хребет и заночевать в большой пещере на той стороне.

Долина, внезапно открывшаяся за поворотом, почти сплошь заросла высокими раскидистыми деревьями, среди которых приткнулись несколько домов небольшой деревушки. Её жители, по словам Медведя, граждане в общем и целом законопослушные, не брезговали при случае разным не совсем честным промыслом, грабя зазевавшихся путников или одиноких старателей, на свой страх и риск ищущих по горам золотишко и камни.

С опаской поглядывая на видневшиеся вдалеке строения, Лея спросила у необыкновенно разговорчивого сегодня проводника:

– А лангракс? Он разве не знает, чем они тут занимаются?

Медведь насмешливо покосился на взволнованную девушку и скорчил зверскую рожу:

– Может, и знает. Только… вряд ли найдётся хоть один живой свидетель, желающий вывести их на чистую воду. Ну, а с мертвяков какой спрос…

Лея поёжилась. Проведя всю свою жизнь во дворце, она даже не подозревала, что в Нумерии есть такие глухие места, населённые людьми, столь вольно обращающимися с законом.

Они почти оставили позади долину, когда из-за ближайших деревьев на дорогу вдруг выехала троица вооружённых мужчин. Заняв середину тропы, они молча наблюдали за приближающимся отрядом. Затем старший, сутулый мужик лет сорока с притороченным к седлу арбалетом, узнал ехавшего первым Медведя и громко заорал:

– Вот так встреча! Медведь! Когда я нынче утром садился срать, то даже и подумать не мог, что тебя встречу!

– А это всё потому, что ты всегда жопой думаешь, Щербатый!

Щербатый громко заржал, демонстрируя всем отсутствующие передние зубы – следствие бурно проведённой молодости. За его спиной покатывались со смеху два его хорошо вооружённых товарища.

– Я гляжу, ты не один! Решил с господами прошвырнуться по нашим убогим местам? А чё, зашибись, какая получится прогулочка! Только, я чево-то не припомню, чтоб такие важные гуси тута ошивались. Вай-вай-вай, а крали у тебя какие! Везёт же некоторым! – Мужик восхищённо зацокал языком.

– Вот живёшь ты, Щербатый, живёшь, а совсем не меняешься! Ты бы язык свой длинный-то попридержал! Я сопровождаю господ по личному приказу лангракса! И не твоего вовсе ума дело, кто

они и куда едут.

Мгновенно перестав смеяться, Щербатый цепко оглядел всех членов отряда. От него не укрылись богатые одежды Хайрела, драгоценности женщин, а при взгляде на лошадей в прищуренных глазах явственно заметалась жадность. Но вид пятерых вооружённых мужчин, неласково разглядывавших хозяев, быстренько придушил мелькнувшую в его голове шальную мысль.

– Ха, любишь же ты, Медведь, сказочки рассказывать! Какие такие дела могут быть у нежных и сочных дамочек в нашей-то дыре? Неужели решили сами алмазики для своих колечек из горы повыковыривать? – Щербатый ловко сплюнул. – Да таким мужики чево хошь приволокут, успевай только ножки раздвигать!

Побледневший Хайрел схватился за меч, чтобы немедленно разобраться с наглецом, но Медведь резко вскинул вверх левую руку:

– Хватит трепаться! Ты меня знаешь, Щербатый! Не люблю я таких разговоров! И терплю их от тебя только потому, что отец твой когда-то спас жизнь моему отцу. Но смотри, и моему безграничному терпению может прийти конец…

Мужик насупился и уже открыл рот, чтобы выдать очередную порцию своих умозаключений о женской половине человечества вообще и о присутствующих здесь бабах в частности, но, встретившись с тяжёлым взглядом Медведя, криво ухмыльнулся и милостиво разрешил:

– Ладно, чево уж там! Ехайте себе куда надо! Мы люди тихие и мирные, мухи не обидим. Во, и дружки мои это подтвердят! Ланграксу пламенный привет!

И, провожаемый смешками и придирчивыми взглядами отъехавших в сторонку мужчин, отряд двинулся дальше. Хайрел просто кипел от негодования, и только брошенный на него суровый взгляд Медведя удержал молодого человека от нападения на обидчиков. Отъехав настолько, чтобы их уже не могли услышать, Медведь повернулся к Хайрелу и жёстко выговорил:

– Пора вам отвыкать от дворцовых привычек, господин хороший! Здесь глухие места и страшные люди. А эти – ещё самые безобидные. Но даже их не стоило дразнить выставленным напоказ богатством. И красотой. – Последние слова были явно адресованы Лее, чьи щёки ярко пылали от возмущения. – И если вы хотите добраться живыми до берега Устаки, не советую при каждом слове хвататься за меч. Было бы из-за чего…

Едва только долина осталась позади, как дорога резко пошла вверх, и Лее стало не до обдумывания неприятных слов разбойника, прикинувшегося их проводником (да по его роже

видно, что он разбойник!). Лошади упрямились, оступались на узкой каменистой тропе, и всадникам частенько приходилось спешиваться, чтобы перевести их через опасный участок.

Когда тяжёлый подъём закончился и они вышли на большую и ровную площадку, все были вымотаны донельзя. Медведь зажёг вытащенный из сумки смолистый факел и первым двинулся к пещере. Он несколько мгновений постоял у входа, к чему-то прислушиваясь, и смело шагнул внутрь. Через полчаса там уже ярко горел огонь, распространяя вокруг блаженное тепло. Снаружи быстро сгущались сумерки, и горный воздух, остывая, щедро отдавал скалам припасённое за день тепло. Весна уже давно вступила в свои права, балуя долины по-летнему жаркими днями, но здесь, в горах, ночи были ещё очень холодными.

Этой пещерой частенько пользовались для ночлега, и компания с комфортом расположилась вокруг выложенного из камней очага. Лошадей привязали у входа к огромному бревну, невесть как и кем притащенному сюда. Выпив по небольшой чаше вина, все с удовольствием набросились на сытную похлебку из вяленого мяса и овощей, которую Лабус приправил для вкуса разными пряными травами. Когда допивали душистый чай, глаза у девушек уже слипались.

Дежурить первым вызвался Бирюк. Он уселся у самого входа и замер, положив на колени обнажённый меч. Последние неяркие лучи солнца покинули вершины хребта, и всё вокруг быстро погрузилось в темноту. Недолгая тишина сменилась новыми звуками – криками ночных птиц, слабыми шорохами и уханьем филина где-то вдалеке.

Бирюк прислушался – со дна ущелья донёсся волчий вой. Ему ответил другой, и вот уже вся стая возвещала миру, что готова к охоте. Лошади встрепенулись и испуганно заржали. Бирюк встал, подошёл к коновязи и тихонько успокаивающе заговорил с ними. Вой вскоре затих, и больше ничего не нарушало спокойствия обитателей пещеры.

Лея проснулась внезапно. Она сама не смогла понять, что её разбудило, но какой-то необъяснимый ужас, от которого сдавило горло и бешено заколотилось сердце, вдруг вырвал её из сладких объятий сна. Девушка приподняла голову и вгляделась в темноту.

Вокруг всё было спокойно. Костёр давно догорел, возле него, завернувшись в свои плащи, лежали трое мужчин. У стены слева тихонько похрапывал Лабус, спавший рядом с Хайрелом. Вход в пещеру выделялся едва светлеющим пятном, на фоне которого она заметила сидевшего у стены дозорного.

Млава во сне что-то невнятно пробурчала. Лея глубоко вздохнула, и уже собралась повернуться на другой бок, чтобы

продолжить прерванный сон, но вдруг краем глаза уловила, как в пещеру молнией метнулось что-то большое и бросилось на спину ближайшей лошади.

Лошадь дико взвизгнула и начала бешено брыкаться, стараясь сбросить со спины непрошеного наездника. Её соседки шарахнулись в сторону, пытаясь порвать держащие их поводья. В поднявшемся невообразимом шуме девушка увидела, как с громким криком кинулся к лошадям дозорный, как вскочили, хватаясь за мечи, мужчины и как чёрная тень сорвалась с лошадиной спины, в последний раз полоснув несчастную по шее хищно блеснувшими огромными когтями.

Дозорный Берсам, дико крича и размахивая мечом, вылетел из пещеры следом за метнувшимся зверем, несмотря на яростный окрик Медведя:

– Стой! Назад!

Сам Медведь, в два прыжка очутившийся рядом с бешено рвущимися с привязей лошадями, старался успокоить испуганных животных. Бирюк и Хайрел бросились ему на подмогу, а Ситус дрожащими руками лихорадочно пытался поджечь факел.

Внезапно снаружи раздался злобный вой хищника, а следом крик ужаса, вырвавшийся из горла встретившегося с ним человека. Медведь дико зарычал и кинулся из пещеры в начинающую сереть темноту. За ним выскочили и остальные мужчины.

Дикая кошка стояла у самого начала тропы. Её глаза горели дьявольским огнём, в открытой пасти белели оскаленные клыки. Она яростно шипела, ни за что на свете не желая распроститься со своей добычей, в которую она намертво вцепилась своими жуткими когтями.

Берсам лежал на спине, безвольно откинув руку с уже бесполезным мечом. Его открытые глаза бессмысленно уставились в бездонное небо с гаснущими звёздами, а чуть ниже кадыка на его шее зияла страшная рваная рана, из которой толчками всё ещё вытекала кровь. Он сумел нанести хищнице всего один удар, скользнувший по её шкуре и почти не причинивший ей вреда, когда затаившаяся пандора бросилась на него из-за камня и вцепилась в горло.

Зверюга снова зашипела и изготовилась к прыжку, яростно молотя длинным гибким хвостом. Она уже выбрала себе новую цель среди застывших в ужасе людишек, когда влетевший в её распахнутую пасть тяжёлый охотничий нож пробил шею хищницы. Пандора упала на землю, корчась и истекая кровью. Она ещё судорожно скребла когтями неподатливый камень, когда подоспевший Бирюк загнал нож ей под левую лопатку.

– Я же кричал ему, чтоб остановился… – Медведь с трудом выдернул свой нож, застрявший в шее зверя. – Не послушал…

Они похоронили Берсама на рассвете, выбрав ему могилой узкую расщелину в скале. Заложили тело камнями и воткнули в изголовье срубленное дерево – больше для своего друга они сделать ничего не могли. Лошадь Лабуса пришлось прирезать – пандора разодрала ей шею, задев шейные позвонки, и бедняга доживала в мучениях свои последние часы. Мужчины сбросили труп в ущелье, и над ним сразу закружились в жутком танце стервятники. Быстро собравшись, отряд покинул страшное место.

Следующие два дня они двигались без приключений и уже предвкушали скорое окончание пути, как Боги решили немного поразвлечься, подкинув беглецам новое испытание. На закате отряд остановился на берегу небольшой речушки, гдето там впереди, за грядой пологих холмов впадающей в Устаку. Негустой лес расступался, образуя уютную поляну, и Медведь, внимательно оглядевшись, скомандовал устроить здесь привал.

Мужчины занялись лошадьми и костром, а девушки решили пройти чуть подальше, чтобы вымыться. Хайрел предложил свои услуги в качестве охранника, но Лея весело рассмеялась и заверила всех, что они с Млавой справятся как-нибудь уж сами. Спорить с ней было бесполезно, и Хайрелу только и оставалось время от времени поглядывать в сторону разросшихся у берега реки кустов. Не прошло и десяти минут, как оттуда донёсся испуганный крик. Выхватив меч, он помчался на звук борьбы.

Лея отчаянно отбивалась от волосатого крепыша в грязных лохмотьях, который старался завернуть ей руки за спину. Млава, лягаясь и царапаясь, пыталась вывернуться из рук высокого одноглазого мужика со страшной дырой вместо носа.

– Отпусти её! – Хайрел с обнажённым мечом уже летел к Лее и незнакомцу.

– Ага, щас! – Тот с силой дёрнул девушку к себе и приставил к её горлу невесть откуда появившийся нож. – Ещё шаг, и твоя шалава сдохнет! Мне терять нечего! Ну-у-у…

Лея охнула. Острие ножа впилось в её кожу, и по шее потекла тонкая струйка крови. Хайрел остановился, тяжело дыша, и опустил меч. Безносый верзила совладал с Млавой, наконец-то закрутив ей руку за спину, и теперь девушка с расширившимися от ужаса зрачками смотрела на эту сцену, не в силах даже пошевелиться.

– Чего вы хотите? – Хайрел старался говорить спокойно, но при виде крови, струящейся по нежной шее, его голос дрогнул.

– Ха! Трон Нумерии, молодую сисястую бабёнку и большую кучу золота! А мой дружок, Одноглазый Фирт, согласен на место

Главного сигурна! Ты ж согласен или я чево не так сказал?

Фирт, крепко стиснув одной рукой запястья Млавы, а другой прижав к её груди короткий широкий нож, криво ухмыльнулся:

– А чё? Пойдёт!

– Только вот всего этого дерьма ты мне дать не смоожешь… А жаль… – Мужик выразительно сплюнул и растянул в улыбке рот, полный гнилых зубов.

– Ты… кончай трепаться! Отпусти девушку, и давай поговорим, как мужчина с мужчиной! И если сможешь меня одолеть, возьмёшь всё, что у меня есть!

– Фирт, нет, ты слыхал?! Меня назвали мужчиной! Надо же! А то я уж лет десять, как только падаль, тварь и раб… Да за одно это я готов отпустить шлюшку! Но… не буду! Ты ж меня сразу своим мечом в капусту порубишь… А мне ещё пожить ох как хочется-я! Да не дёргайся ты, дура! Вишь, какой душевный у нас тут разговорчик идёт, а я в такие моменты всегда страсть какой нервный становлюсь!

Лабус подбежал к Хайрелу и, едва отдышавшись, решил вставить слово:

– Послушайте, любезный! Смерть этой девушки вам не принесёт никакой пользы. Даже наоборот! Но если она останется целой и невредимой, я могу помочь вам.

Крепыш удивлённо уставился на лекаря:

– Боги, забывшие нас! Чем это мне поможет какой-то старикашка? Ты это… в своём уме или давно с ним не дружишь?

Лабус окинул разбойника строгим взглядом и гордо заявил:

– В течение многих лет я был Главным лекарем Повелителя Нумерии! И мне понятно твоё невежество – откуда тебе об этом знать! Но я вижу, ты не знаешь и другого – если твою рану немедленно не вылечить, через несколько дней она убьёт тебя!

Разбойник дёрнулся, как от удара. Вся левая половина его лица была сплошной гноящейся раной, кое-где покрытой жуткого вида коркой. Он на мгновение задумался, но вдруг радостно заулыбался – за спиной Хайрела раздались крики и звон скрестившихся мечей.

– О! Дружата подоспели! Теперь вы всё и так отдадите! А лекаришку мы к себе в отряд возьмём, не всё ему Повелителей пользовать… Ну, чево, неплохо я придумал?

Хайрел резко обернулся. На полянке шёл настоящий бой. На Медведя насели трое разбойников, вооружённых длинными мечами, ещё двое атаковали Ситуса. Здоровый детина с косым шрамом на щеке возился у дерева, отвязывая лошадей.

Хайрел хотел кинуться к нему, но громкий окрик заставил его замереть:

– А ну, стоять, падла! Дёрнешься – живо девке горло перережу!

Яростный бой продолжался без явного преимущества какой либо из сторон. И только тут Хайрел с удивлением сообразил, что среди сражавшихся нет Бирюка. Не успев понять, что бы это могло означать, он увидел, как его телохранитель бесшумной тенью возник за спинами державших девушек мужчин. Мгновение, и нож, вылетевший из его руки, вонзился под левую лопатку одноглазого. В ту же самую секунду Бирюк оказался за спиной второго разбойника и, жёстко ухватив его правую руку с ножом, второй резко свернул ему голову. В шее разбойника что-то хрустнуло, и он тихо осел за спиной окаменевшей от ужаса Леи.

Видя, что с девушками всё в порядке, Хайрел бросился к лошадям. И очень вовремя. Мужик отвязал уже двух из них и, видя, что дело на поляне принимает крайне нежелательный оборот, у остальных решил просто обрубить поводья. Хайрел налетел на верзилу и без предупреждения ударил мечом по руке. Тот вскрикнул, выронил своё оружие и, зажимая здоровой рукой отрубленную руку, бросился бежать в лес. В два прыжка Хайрел догнал его, повалил на землю и приставил острие меча к горлу:

– Лежи, мразь, если хочешь жить!

На поляне раненный в ногу Медведь уже расправился с двумя нападавшими, и теперь теснил третьего, отбивавшегося от него тяжёлым зазубренным мечом. Ситус, вымотанный своими противниками, уже готовился к худшему, но вовремя появившийся Бирюк быстро прикончил одного, а со вторым, юрким худым мужичком, они справились сообща.

Девушки, подбежавшие вместе с Лабусом, увидели лишь финал кровавой бойни – издав страшный рык, Медведь вогнал свой меч в грудь противника. Тот захрипел и, дёрнувшись несколько раз, умер ещё стоя на ногах. Лея, зажав неглубокую рану на шее, молча и как-то отрешённо смотрела на всё происходящее. Млава, напротив, громко рыдала и никак не могла остановиться, трясясь всем телом.

Ночевать им пришлось здесь же – темнело слишком быстро, а искать новое место ночевки было небезопасно. Ситус с Бирюком оттащили тела в небольшой овражек и забросали срубленными ветками. Лекарь перевязал пытавшегося сопротивляться Медведя и Лею, напротив, совершенно спокойную.

Помощь получил даже верзила, которого Хайрел был готов живьём растерзать, не то чтобы лечить.

Ужинать не стали – все безумно устали, да и какая еда полезла бы в горло при таком соседстве. Правда, костёр развели. Лекарь приготовил отвар из каких-то росших на поляне травок и

приказал его выпить всем, особенно раненым. То ли отвар помог, а может, усталость взяла своё, но через четверть часа все крепко спали, за исключением Бирюка, который опять вызвался караулить первым.

Утром, после того как Лабус осмотрел рану и был удовлетворён увиденным, разбойника было решено отпустить – ещё не хватало тащить его с собой. Крайне озадаченному верзиле Хайрел напоследок пообещал, что если тот не оставит своё неблаговидное занятие, то при следующей встрече он лично отрубит ему все оставшиеся конечности.

На закате следующего дня беглецы спустились к реке. Бурная Устака, сбегавшая с Сенторийских гор, на границе с Трианией преображалась – впитав в себя множество мелких речек и ручьёв, она текла спокойно и с видом избалованной светской дамы наслаждалась жизнью, позволяя всем и каждому любоваться её чистыми зеленоватыми водами.

Тостин Арвидол

К дождю рука, как обычно, сильно заныла. Пальцы немели, и ему приходилось всё время их растирать. «Проклятый хряк!» В такие дни Тостин частенько вспоминал огромного секача, в предсмертной атаке пробившего клыком кожаную перчатку и раздробившего ему кости левой кисти.

«Лучше уж так, чем уродливый обрубок или надетая на него железная болванка». Лабус совершил тогда настоящее чудо и спас руку, из которой долго ещё сочился отвратительного вида и запаха гной. Правда, кисть не гнулась, пальцы почти не шевелились, и ему, выходя из комнаты, приходилось натягивать на неё чёрную перчатку. Но рука у него всё же была.

Министр тайного приказа, в чьи обязанности входил сбор информации обо всём, что происходило в Нумерии и за её пределами, поджал свои и без того тонкие губы и, усевшись на диван, отхлебнул из кубка терпкого красного вина. Обычно вино расслабляло его и хоть на какое-то время позволяло забыть о боли, но не сегодня.

По роду своей деятельности он всегда находился в курсе всех событий, а события в последнее время его крайне тревожили. Соглядатаи, постоянно шнырявшие по всем большим и малым городам, в один голос твердили, что на западе, в Солонии, зреет огромный нарыв, который очень скоро грозит выплеснуть на Остенвил своё омерзительное содержимое.

Тостин сделал жадный глоток. А чего они, в сущности, хотели? Рубелий, видно, совсем распрощался с рассудком, если решился так поступить с матерью лангракса этой беспокойной Солонии! А ведь он, Тостин Арвидол, тайное око государства, не раз докладывал своему Повелителю, что Юнарий вспыльчив и злопамятен и не прощает никому даже мелких обид… И его никак нельзя недооценивать. Не послушал. Или… не захотел слышать?

Рука ныла, как гнилой зуб. Отставив кубок, Тостин снова потёр её, разминая скрюченные пальцы, которые отзывались привычной болью на каждое его прикосновение. «Заварил, паскудник, кашу… А этот молокосос, его сыночек, будет расхлёбывать…» Воспоминание о новом хозяине дворца вызвало очередную гримасу. На сей раз полного презрения.

Тостин Арвидол, невысокий мужчина, давно разменявший шестой десяток, но ещё полный сил, терпеть не мог Мирцею и её старшего отпрыска. Из трёх сыновей Рубелия он неплохо относился только к Норсию, среднему, похожему на отца, но с

более незамысловатым и покладистым характером. Все интересы Норсия сосредоточились на оружии и лошадях, и даже женщины, до которых был падок его отец, а тем более дядя Палий, его интересовали мало.

Самого Рубелия, бывшего только тенью своего старшего брата, Тостин всегда и воспринимал, как его тень. Но в последнее время, под влиянием своей властолюбивой жёнушки, Рубелий вдруг встрепенулся и выпятил на всеобщее обозрение свою невиданную твердолобость и неприкрытую тупость – да упокойте его Боги в Вечном мире Вечного Блаженства.

Министр задумчиво глядел на пляшущие в камине языки пламени. День выдался жаркий, но его слегка знобило, и он велел разжечь в своих покоях огонь. Сколько же лет он занимает эту должность? Шестнадцать? Нет, уже семнадцать…

Умный, внимательный и хитрый, он знал многое и обо всех. Тайная жизнь обитателей дворца никогда не была для него секретом, но он предпочитал владеть этими знаниями в одиночку, только в самых крайних случаях доводя до своего Повелителя то, что считал нужным. Многие прислужники, в своё время пойманные им за руку на каком-нибудь неблаговидном деле, с радостью делились с ним подробностями из интимной жизни своих господ, членов их семей, а то и просто своих подруг и приятелей. И только сложив все эти обрывочные знания в кучу, можно было получить весьма цельную картину.

Фасима, тихоня из бедной гахарской семьи, до мозга костей преданная своей госпоже, долго не давала повода, чтобы так же занять место в рядах его информаторов. Тостин уже начал обдумывать план по её устранению, но тут ему совершенно случайно стало известно, что девушка частенько передаёт с торговцем пряностями Шураном деньги своей семье. Зная, что Мирцея никогда не баловала слуг, министр начал действовать.

Припёртая к стенке неопровержимыми уликами, Фасима долго рыдала, умоляя его ничего не говорить её госпоже, и Тостин снизошёл. Он пообещал не посвящать Мирцею в детали их беседы, но взамен милостиво разрешил девушке приходить к нему иногда ночью… Поведать старику последние дворцовые сплетни. Обычно рассказы Фасимы бывали бурными и эмоционально насыщенными, и после её ухода он испытывал полное удовлетворение – от обладания бесценной информацией и… от её умелого язычка.

Зная о связи Мирцеи с Галиганом и о данном ею обещании сделать любовника Главным сигурном, он со всё возрастающим интересом наблюдал, как та пыталась осуществить задуманное. И чуть не захлопал в ладоши, когда она так изящно подстроила

обвинение и арест Мустина Беркоста.

С бывшим Главным сигурном они никогда не были друзьями, слишком уж честолюбивы и амбициозны были оба. Но поверить в то, что прямолинейный Беркост оказался причастным к каким-то там заговорам против Повелителя… Полнейшая дурость, граничащая с самоубийством! Рискнуть остаться в такое время, когда о войне говорят в каждой подворотне, без опытнейшего сигурна… Боги милостивые, чего только не сделает стареющая женщина, чтобы удержать молодого любовника!

Тостин усмехнулся. Галиган и раньше не пропускал ни одной юбки, а сейчас, во время болезни Мирцеи, только и был занят тем, чтобы завести себе побольше новых любовниц. Осмила ускользнула из его лап, и он решился приударить за Джаррой Стейнбок, женой Рингуса Стенбока, сына недавно назначенного Главного распорядителя охоты.

Томная красавица, с пышными чёрными волосами и обволакивающим взглядом зелёных глаз, отвечала на его заигрывания полуулыбкой на пухлых алых губах. И не на шутку распалившийся Галиган уже рисовал в воображении живые картинки их предстоящих бурных встреч. Дело было за малым – сплавить куда-нибудь явно мешающего муженька, будь он трижды неладен! Неужели посмеет будущий рогоносец отказаться от поручения Главного сигурна? Например, разведать новые охотничьи угодья где-нибудь… в Дастрии?

Допив вино, Тостин встал и прошёлся по комнате. Было уже очень поздно, но сон не шёл. Тревожные мысли не давали покоя, заставляя вновь и вновь мерить шагами комнату. Десять шагов от двери до окна, потом развернуться и снова пройти десять шагов. Если надоест, можно начинать от камина – двенадцать шагов до стены с чудесным гобеленом, изображающим тонущий в бурном море корабль. И столько же обратно…

Он поднял глаза на знакомую до мелочей картину. Белая от клочьев пены громадная волна нависла над потрёпанным бурей кораблём, который уже смирился со своей судьбой. Как и его команда, с перекошенными лицами взирающая на приближающуюся смерть.

Весьма символично. Под этим кораблём можно смело писать – «Нумерия». И вряд ли ошибёшься. Неопытный капитан, ошарашенная внезапно налетевшей бурей команда, часть которой уже смыло за борт… и самое большое зло на корабле – пролезшая на мостик женщина, зычно раздающая сумасшедшие приказы…

На гобелене никакой женщины, конечно, не было, но воображение так и рисовало в толпе обезумевших матросов вопящую Мирцею. Верх глупости – посадить в это неспокойное

время в кресло Главного сигурна ловеласа, у которого все познания в управлении ограничивались одним рудником в Триании, добывавшим для него алмазы!

И поставить во главе государства сопливого юнца, избавившись – у Тостина не было пока прямых доказательств, но интуиция его редко подводила – от своего мужа, тоже не ахти какого Повелителя. Правда, внезапно оставшись без мамочкиного влияния, юнец начал активно вникать во всё, изводя своими вопросами министров и доланита. Причём, выслушав их пространные ответы и дельные советы, умудрялся делать потрясающие по глупости и недальновидности выводы.

Чего стоило его вчерашнее решение срочно начать строить каменную стену вокруг Остенвила и спешно возводить в направлении западной границы двенадцать дозорных башен. Дело, конечно, нужное, но весьма длительное и затратное, и вряд ли оно будет окончено к началу войны – последний соглядатай, вернувшийся вчера из Митракии, твёрдо уверил Арвидола, что приказ о наступлении будет отдан Юнарием не позднее начала следующего месяца.

А ведь взбесившийся лангракс готовится воевать не только на суше. Его небольшой флот уже существенно пополнился за счёт пиратов, с радостью откликнувшихся на призыв пограбить богатый процветающий Остенвил. И адмирал флота Повелителя Тиссар Лекс небезосновательно считает, что в итоге там соберётся весьма серьёзная сила.

Руку прострелило болью, и Тостин поморщился. До побега Лабус готовил ему мазь, слегка разглаживавшую грубые шрамы и заставлявшую боль ненадолго стихать. Оставшимся во дворце шарлатанам министр не доверял, да и толку от их лечения не было никакого. Избавилась дура от хорошего лекаря – и сама ведь едва не сдохла! Только её змеиный характер и помог Мирцее выцарапаться…

Улыбнувшись, Тостин вспомнил, сколько шума наделало исчезновение Лабуса из закрытой комнаты. Посмеиваясь в душе, он наблюдал за метаниями по дворцу Золотых Мечей и истериками Мирцеи. Для него не стало тайной, что лекарь укрылся в читальне, но выдавать человека, который неоднократно спасал ему жизнь, министр не собирался. Больно надо! Позже его соглядатаи засекли счастливо улизнувшую от лап Мирцеи компанию в Ремсе, но тут же, олухи безмозглые, совершенно бездарно потеряли их след. Оставалось надеяться, что беглецы сейчас в каком-нибудь надёжном убежище пережидают надвигающуюся бурю.

Тостин шагнул к столу и плеснул себе ещё вина. Он

отчётливо понимал, что его теперешнее положение становилось весьма щекотливым. Нераскрытый побег Лабуса, Хайрела Беркоста и объявленной врагом «номер один» Леи, внезапная смерть ребёнка Грасария, которая, по сути, так и осталась необъяснимой, уже вызвали массу вопросов у новых правителей. А если им вдруг станет известно, что якобы утонувший в Саркеле бывший Главный сигурн вовсе не закопан в безвестной могиле, а находится где-то на пути в Кватрану…

Три дня назад к нему явился Главный помощник министра денежных дел и, смущаясь и потея, поведал об удивительных событиях, свидетелем которых он оказался недавно на постоялом дворе в Шанте. Внимательно выслушав его рассказ, Тостин поблагодарил Жустина Гроля за бдительность и пообещал незамедлительно со всём этим разобраться. А пока, в целях сохранения важнейшей государственной тайны, настойчиво порекомендовал толстяку держать язык за зубами.

Стражники, дежурившие в тюрьме в ночь смерти Беркоста, тут же были вызваны на ковёр и после недолгой душевной беседы, бледнея и заикаясь, чистосердечно признались, что не смогли отказать Грасарию в его маленькой просьбе. Исключительно из любви к бывшему Главному сигурну и, естественно, совершенно бескорыстно.

После их ухода Тостин отдал приказ немедленно отправить этих прохвостов под благовидным предлогом в Сенторию – для усиления охраны в одной из неспокойных каменоломен. А там… да мало ли что там может случиться с охранником! А вот помощник Марталя – это уже серьёзная проблема. Вряд ли тот будет долго молчать, начнёт опять спрашивать, что да как, и поползут ненужные слухи. А лишние неприятности министру тайного приказа были сейчас совершенно ни к чему…

Они, эти неприятности, и так росли как снежный ком. Сегодня утром к нему привели пастуха. Заросший щетиной худой мужик в холщовых штанах и меховом жилете, страшно волнуясь и путаясь, рассказал, что около месяца назад, разыскивая отбившихся от отары овец, он заночевал в горах и случайно наблюдал, как в бухте Чёрный Глаз стал на якорь корабль, очень сильно похожий на крутобокую антубийскую галеру. В утреннем тумане от корабля отошла лодка, из которой на берег вынесли и положили прямо на песок мужчину.

Лодка сразу же отплыла обратно, а мужчина, шатаясь и падая, потащился по тропе, ведущей в ближайшую деревню. Пастух вскоре благополучно забыл и про этот корабль, и про странного мужчину – мало ли кто и зачем приплывает на пустынный дастрийский берег. Но неделю назад он надумал

навестить своего брата и завернул в эту самую деревню.

То, что он там увидел, привело пастуха в ужас. Брат лежал чуть живой, истекая кровью. Его трясла лихорадка, он бредил, непрерывно прося пить. Но вся выпитая вода тут же выходила из него с окрашенными кровью потом и рвотой. Рыдающая кровавыми слезами жена брата, сама едва державшаяся на ногах, непрестанно молилась всем Богам, прося отвести от них неведомое проклятие.

На вопрос пастуха, откуда оно вдруг взялось, женщина рассказала, что всё началось после того, как в их деревне появился незнакомец. Ранним утром мужчина, едва не валясь с ног, проковылял по улице и уселся на главной площади у общего колодца. Попросив у набиравшей там воду бабы попить, он надолго припал к кружке, а потом вдруг выплеснул в колодец остаток воды. И только тогда сбежавшиеся любопытные жители увидели, что мужчина болен и что пот, обильно стекавший по его лицу, имеет какой-то странный бурый цвет.

Застонав, незнакомец потерял сознание, и сердобольная вдова, напоившая его из своего ведра, попросила перенести его в свой дом. Два дня она пыталась лечить страдальца, но безуспешно – мужчина умер, так и не открыв больше глаза. Тело отнесли в горы и предали земле, закидав небольшую ямку камнями.

Наверное, умерший за что-то сильно обиделся на обитателей деревни или ему просто наскучило лежать одному в горах, но вскоре жители, один за другим, начали заболевать странной болезнью и умирать в страшных муках, трясясь в ознобе и истекая кровью. Первой умерла вдова, подобравшая незнакомца, потом настал черёд членов её семьи, а потом болезнь стала косить всех без разбору, не щадя ни старых, ни малых.

Пастух в ужасе покинул это страшное место и, вернувшись в свою деревню, рассказал обо всём старосте. Тот сначала пастуху не поверил, но когда из соседних деревень стали доходить слухи о расползающейся жуткой заразе, против которой были бессильны все известные местным лекарям средства, он отправился с докладом в столицу лана Кабусту.

Лангракс Герген Вотран отнёсся к известиям серьёзно, и через день пастух уже ехал в повозке в Остенвил. Подробно расспросив очевидца и пожалев в очередной раз об отсутствии во дворце Лабуса, министр тайного приказа велел вызвать Манука. Известие, принесённое дастрийцем, привело нового Главного дворцового лекаря в шоковое состояние. Он долго что-то лепетал, бледнея и вздыхая, и только твёрдое обещание Арвидола немедленно отправить его в тюрьму заставило Манука хоть как-то

собраться с мыслями и более-менее стройно изложить свои скудные знания.

Из речи едва не падающего в обморок лекаря стало ясно, что эта зараза хорошо знакома жителям Антубии, куда она периодически пробирается из ещё более южных земель. Известное под именем «кровавая лихорадка», это проклятие Богов косит всех подряд, не щадя никого. Из пяти заболевших четверо умирали, а немногие выжившие долго ещё не могли прийти в себя, больше напоминая собой ходячих мертвецов.

Как уберечься от мора, не знал никто. Но было очевидно, что если люди ели с заболевшим из одного котла или спали с ним в одной постели – жди беды. И самым страшным было то, что ни один человек до последнего часа не мог сказать, болен он или нет. Вроде с утра здоров и весел, а к вечеру уже лежит пластом и стонет, выпуская изо рта кровавую пену.

Тостин допил оставшееся вино и снял камзол. Пора было ложиться. На завтрашнем Совете он доложит Повелителю о новой напасти. Интересно, что предпримет сосунок?

Мирцея

Пора было идти. Мирцея оглядела себя в зеркало. «Кошмар…» Она провела дрожащими пальцами по бледному лицу с тёмными кругами под глазами, тонким и совершенно безжизненным губам. Жестокая болезнь навалилась внезапно и едва не убила её.

«Ну, не так уж и внезапно…» Мирцея тяжело вздохнула. А она ведь слышала эти звоночки, слышала… Но происходящие вокруг события развивались так стремительно и требовали столько её внимания, что времени на себя совсем не оставалось. «Вот и получила… как ещё вообще выжила…»

Эту неделю она усиленно пила всё, что готовил ей Манук, но кровотечение так до конца и не остановилось, периодически пугая её чёрными страшными сгустками. Лекарь умолял госпожу ещё полежать в постели, но женщина была непреклонна – наступили тревожные времена, и она должна помочь своему сыну. Бросив на своё отражение последний взгляд, Мирцея решительно оперлась на руку Фасимы и отправилась в Зал Совета.

Двери распахнулись, и головы мужчин, сидевших за столом, повернулись в её сторону. В полном молчании женщина прошла к креслу, на котором раньше сидела. Самус Марталь, мгновенно ставший пунцовым, как садовая роза, вскочил, собираясь уступить место госпоже Мирцее, но злой голос Повелителя остановил его:

– Сидеть, Марталь!

– Но… – На потном лице толстяка застыло полное непонимание.

– Мы собрались обсудить важные государственные дела, и мне некогда отвлекаться на визиты женщин! Прошу вас, матушка, покинуть Совет и вернуться в свою комнату. И впредь появляться здесь только по моему приказу! Думаю, вам есть чем заняться – чтобы поправить пошатнувшееся здоровье, нужно много времени!

Мирцея не верила своим ушам. Её сын, которого она сама, сметая на пути все преграды, посадила на этот трон, теперь отказывает ей в праве давать ему советы! Кровь бросилась ей в лицо.

– Патарий! Я являюсь членом Совета и должна присутствовать на его заседании!

Молодой человек резко вскочил и с вызовом уставился на мать:

– Вы забываетесь, госпожа! Здесь нет Патария! Перед вами Повелитель Нумерии, а не ваш сын! И я не нуждаюсь ни в каких советах! Править государством – не бабское дело! И благодарите

Богов, что вы – моя мать, иначе я давно приказал бы выставить вас отсюда силой!

Мирцея пошатнулась и вцепилась в спинку кресла. Металл в его голосе безжалостно резал её душу, но она никак не могла поверить его словам:

– Но… сынок… я же…

– Довольно! Марталь, выведите госпожу из Зала! К делу! Либург, продолжайте!

Толстяк резво подскочил к ней и, подхватив Мирцею под руку, почти поволок женщину к двери. Она шла, с трудом переставляя ноги и ничего не видя перед собой. В голове шумело, отзываясь тупой болью на каждый толчок гулко колотящегося сердца. Прикрыв дверь, министр денежных дел отпустил её руку и, вытащив из кармана огромный платок, утёр блестевшее лицо:

– Я очень извиняюсь, госпожа Мирцея, но мне нужно идти… срочные дела. Желаю вам скорейшего выздоровления. – И Марталь, всё ещё отдуваясь, юркнул обратно.

Силы окончательно покинули Мирцею, и Фасиме с помощью лантара пришлось отнести её в покои. Прибежавший следом Манук только руками всплеснул, увидев страшно осунувшееся лицо женщины. Она лежала, отвернувшись к стене, и слёзы безостановочно текли из глаз. В голове хаотично метались отрывки каких-то мыслей, не давая сосредоточиться и понять, когда её сын, её любимый сын, успел стать таким жестоким. Всегда такой внимательный, послушный и преданный сын…

После обеда в комнату ворвался мрачный как туча Галиган. Пнув попавшуюся на пути скамеечку, он завалился на диван и заорал на Фасиму:

– Что вылупилась, сука гахарская? Вина тащи! И не вздумай разбавить его – башку мигом отверну!

Прислужница пулей вылетела из комнаты. Мирцея с трудом села и привалилась спиной к подушкам. Уставившись на любовника опухшими от слёз глазами, она спокойно произнесла:

– Ты со словами-то поосторожней… А то договоришься…

Галиган удивлённо вскинул голову:

– До чего это… договорюсь?

– До того, что и я – сучка гахарская!

Любовник долго пристально смотрел в её осунувшееся лицо с мешками под глазами и вдруг захохотал:

– Не-е-ет, ты не сучка! Ты гахарская шлюха! Которая прыгала на всех членах, лишь бы урвать самый сладкий кусок! А когда тот уже замаячил у её ненасытного рта, какой-то наглый сосунок протянул свою жадную лапку и – фьють – спёр сладенькое! Так что ротик-то свой захлопни! Ничего другого тебе уже не светит…

Мирцея молчала. Галиган, при всей его откровенной грубости, был прав. И ей сейчас ничего не оставалось, как проглотить нанесённую сыном обиду. Проглотить и ждать, когда ему понадобятся её советы, житейская мудрость и женская хитрость. Патарий достаточно умён и изворотлив, но при этом крайне упрям и резок – кровь двух родов причудливо смешалась в его жилах. Но у него не было того, что имелось в избытке у неё самой: опыта долгой и успешной борьбы за власть.

– Ты тоже решил меня бросить?

Галиган взъерошил свою шевелюру. Он уже не смеялся, и его тёмные брови снова съехались к переносице.

– А что ты можешь мне сейчас предложить? – Прищурившись, он посмотрел прямо в глаза своей любовнице. – Или твоя дырка уже готова заскочить на моего коня? Давай раздвигай ноги!

– Ну, ты и кобель!

– Тоже мне тайна! Ты ж всегда об этом знала! И ничего не имела против! А вот этот задок мне бы подошёл! – Мужчина снова заржал и звонко шлёпнул по заду проходившую мимо с полным кувшином вина Фасиму.

Девушка охнула и присела, чуть не выплеснув на пол его содержимое.

Мирцея криво усмехнулась:

– Хорошо, согласна! Ты прав – сейчас я не в самой лучшей форме, но пройдёт совсем немного времени… – Она помолчала, что-то обдумывая. – У меня есть одно предложение. Ты же знаешь моё доброе к тебе отношение, и потому я разрешаю… попользоваться прелестями моей прислужницы. Пока…

Галиган так и замер от неожиданности, а Фасима ойкнула и уставилась на госпожу круглыми от ужаса глазами.

Та слабо махнула рукой и улыбнулась:

– И в знак особого расположения, разрешу это делать в моём присутствии. Более того – в моей постели! Ну, ты готов?

Через полчаса, когда заплаканная Фасима подобрала с пола своё разорванное платье и скрылась в соседней комнатке, а довольный Галиган завалился на диванчик, потягивая густое красное вино, раскрасневшаяся Мирцея подсела к нему. Глотнув из его кубка, она погладила любовника по бедру и словно бы невзначай поинтересовалась:

– Ты доволен, дорогой? Девка, конечно, немного неуклюжа, но ничего, скоро сообразит, что от неё требуется.

Галиган хохотнул и провёл пальцами по её шее:

– А хотелось ведь… правда? Я же видел, как твои глаза блестели… и рот пересох…

– Ещё как! И сейчас хочу… – Мирцея глубоко задышала, вся

отдаваясь ласкам его пальцев. – И больше всего мне хотелось придушить эту паршивку…

– Ну, и что же тебя остановило? – Его пальцы настойчиво мяли её мгновенно затвердевший сосок.

– Только то, что кроме моих мозгов тебе частенько нужна обычная дырка! Которая без мозгов стоит немного, но так уж вы, кобели, устроены! И, согласись, я нашла способ тебе её предоставить… А что ты готов сделать… ради меня?

Галиган оставил её грудь в покое и жадно отхлебнул из кубка.

– Тебе непременно нужно знать, что говорилось на этом долбаном Совете? – Любовник не скрывал своего раздражения. – Отчёт тебе нужен…

– Ни в коем случае! – Мирцея легко пробежала пальцами по его затылку. – Никаких отчётов! Мне просто интересно твоё мнение о последних событиях. И о решениях нашего мудрейшего Повелителя!

Покосившись на женщину, Галиган помолчал, а потом его словно прорвало. Бурно жестикулируя и яростно сверкая глазами, он не пожалел самых отборных ругательств для этого ублюдка Юнария, собиравшегося вот-вот двинуть войска на Остенвил, для треклятых министров, вечно ноющих о пустой казне и для самодовольного адмирала, уверявшего Патария, что его корабли одним только своим видом распугают трусливую солонийскую падаль.

А тут ещё объявилась какая-то жуткая зараза, наверняка специально привезённая из Антубии! Видно, несостоявшийся родственник остался очень недоволен приёмом, оказанным его драгоценной дочурке, и решил отблагодарить таким образом негостеприимную Нумерию.

Мирцея ловила каждое слово любовника. Когда поток его красноречия иссяк и он, раскинувшись на диване, занялся вином, женщина прикрыла глаза. Прав Манук – она ещё слишком слаба, чтобы вникать в сложные и запутанные дела, связанные с управлением государством. Она устала, и сейчас хотела только одного – хорошенько выспаться. Потом она начнёт думать над тем, что произошло в стране, пока она валялась в постели, и над тем, что может случиться в ближайшее время.

Галиган одним глотком осушил кубок и, бросив взгляд на бледное лицо Мирцеи с плотно сжатыми губами, хмыкнул и не спеша вышел из комнаты.

Грасарий

За столом царила неловкая тишина, прерываемая только постукиванием приборов по золотым и серебряным блюдам, да бульканьем наливаемого в кубки вина. Не было никаких визгливых шутов, несущих всякую чушь, разухабистых песен фривольного содержания и откровенных танцев, обычно сопровождавших дворцовые обеды при Палии.

Патарий сидел во главе стола, развалившись в просторном кресле, и потягивал своё любимое красное вино с освежающе-терпким вкусом. С плохо скрываемым презрением он разглядывал сидевших в Зале людей. Кроме матери, двух его братьев и дяди Грасария с младшей дочерью Лесминой за столом отдавали должное искусству дворцовой кухарки только члены Малого Совета.

– А почему я не вижу сегодня доланита и министра снабжения? – Патарий поставил на стол кубок, в который стоявший за его спиной прислужник тотчас долил вина.

– Турс Либург отправился осматривать укрепления на реке Лагусте, а господин министр изволил… приболеть, Повелитель. – Тостин Арвидол почтительно наклонил голову.

– Приболеть? Ещё вчера он чувствовал себя превосходно! Или прошлый Совет вызвал у него внезапные колики? Пошлите за ним немедленно! И впредь запомните – вы все только в случае полного помешательства или смерти имеете право не наслаждаться лицезрением своего Повелителя! – Патарий, уже основательно захмелевший, вскочил, размахивая руками и кривя губы в недоброй усмешке. – Я всем покажу, как не исполнять мою волю! Вы все узнаете, что такое власть Повелителя Нумерии!

Собравшиеся за столом притихли. С самого первого дня своего правления Патарий стал позволять себе пренебрежительно-высокомерный тон в разговорах с окружающими его людьми, но так откровенно по-хамски вёл себя впервые.

«А парнишка-то трусит… Ой, трусит… Боится, что кто-то за его спиной переметнётся к Юнарию, вот и пыжится. Дурак… Было бы желание – связаться с ланграксом можно, даже не выходя из дворца… Сидя за одним столом и преданно глядя в глаза Повелителю… Глуп, упрям и самоуверен… Я был уверен, что он проявит больше терпения и хитрости… И совершенно напрасно он так с матерью – она бы сейчас ему пригодилась, как никогда… И никто ведь не подскажет, что при таком раскладе править ему ровно столько, насколько хватит терпения у его дядюшки…

Хотя… старина Грасарий последнее время смурной какой-то… слишком обижен. А обида мешает мыслить трезво… Палий, тот был более толстокожим… да-а, как тут не вспомнишь старого хрена добрым словом… Быстро семейка развалилась, а казалась такой незыблемой… И всё из-за бабья! Эти паршивки вечно вокруг мужиков крутятся, а сами даже наследника родить не могут…»

Дальнейшие раздумья Тостина Арвидола о своём собственном несостоявшемся когда-то наследнике прервал стук упавшего на пол кубка и громкий, с нотками истерики, вопль Патария:

– Свинья косорукая! Пошёл вон, ублюдок!

Побледневший юноша с пустым кубком в руках в полной растерянности застыл на месте, не зная, что ему дальше предпринять. К прислужнику уже спешил Главный смотритель дворца Кестин Пундор, отчаянно жестикулируя. Добежав до кресла Повелителя, от вырвал из рук юноши злополучный кубок и, шикнув на провинившегося, согнулся в подобострастном поклоне:

– Господин Повелитель! Мы всё сейчас исправим! Незамедлительно исправим!

И сам торопливо наполнил кубок. Патарий окинул толстяка брезгливым взглядом и, жадно отхлебнув, уставился на Грасария:

– А что твоя жена, дядя? Всё ещё… не в себе?

– Спасибо, ей лучше. Вашими молитвами… – нехотя выдавил мужчина, почти не разжимая губ.

– Да-а? А мне докладывали, что она совсем того… не выкарабкается… Значит, и ей пора занять место за этим столом. Среди самых родных и близких людей!

– Лекарь ещё не разрешает ей покидать комнату.

– Это Манук, что ль? О-о, этот старый пердун – известный знаток женских душ и тел… правда, матушка? Вон, как быстро поставил на ноги ваше тело! Говоришь, лучше… Чудненько! Значит, скоро я смогу лицезреть всю твою семью, дорогой дядюшка! И моего братца Динария с его прелестной жёнушкой тоже… А кстати, чего это они так загостились у моей любимой тётушки Ортении?

Грасарий пожал плечами, так и не подняв головы:

– Не знаю. Давно не имею от них известий.

– Это плохо… не иметь известий. А то мы уж начинаем волноваться, не случилось ли там чего… необычного? Или Динарию не очень нравится, что нынче подают на обед в моём дворце? Тётка всегда его баловала сладеньким…

Грасарий, стараясь скрыть сжавшую сердце тревогу, поднял

на племянника глаза и вздрогнул от неожиданности – тот пристально смотрел на него совершено трезвым взглядом. Видя замешательство дяди, Патарий неожиданно расплылся в пьяной улыбке и, взмахнув рукой, припечатал кубок об стол. Остатки вина выплеснулись на скатерть, расплывшись по ней кровавым пятном.

– Вот же дерьмо! Однако придётся мне, Повелителю, забросить все дела и начать интересоваться, что да как там с моими драгоценными родственничками! Если вам всем нет до них дела, говнюки! Вот сегодня и пошлю туда людей! И чтоб через неделю… – Патарий приложился к уже наполненному кубку, но поперхнулся и закашлялся.

Тостин Арвидол искоса наблюдал за Грасарием. Тот сидел с мрачным лицом, разглядывая кусок мяса на своей тарелке. Он слишком многим рисковал, отправляя сына в эту поездку, и в его планы не входило столь скорое возвращение юноши в Остенвил.

Дверь комнаты с шумом распахнулась, и на пороге возник один из стоявших на карауле лантаров.

– Повелитель! Прибыл гонец со срочным донесением!

Все головы разом повернулись к Золотому Мечу, а с трудом прокашлявшийся Патарий уставился на того свирепым взглядом:

– Ты не видишь, лантар, что я изволю обедать? Пошел вон!

– Сожалею, мой господин, но сообщение весьма срочное!

Неслыханная настойчивость стража наконец возымела своё действие – Патарий недовольно поморщился, но разрешающе махнул рукой.

В дверь сразу же вошёл клантор в запылённом плаще. Он остановился перед столом и приложил руку к груди в приветствии:

– Приветствую Повелителя Нумерии! Срочное известие от доланита Турса Либурга!

– Это что ж такого спешного приключилось у моего доланита, что Повелителю нужно бросать свой обед?

Разведчик замялся, поглядывая на сидевших за столом детей. Патарий проследил за его взглядом и хохотнул:

– Верно, нечего мелюзге слушать наши секреты! Женщинам и детям приказываю убираться прочь! И вас, матушка, это тоже касается! – Патарий повысил голос, видя, что Мирцея даже не шелохнулась.

Та бросила на сына быстрый взгляд, но осталась сидеть на месте. Глядя на постепенно закипающего от злости Патария, Тостин Арвидол поднялся и, почтительно поклонившись, жёстко произнёс:

– Сейчас не время для выяснения отношений, мой

Повелитель! Доланит не станет беспокоить по пустякам! Наверняка это что-то крайне важное! – И отвернувшись от юноши, приказал клантору: – Говори!

Суть доклада командующего армией сводилась к тому, что его разведчиками было схвачено несколько человек, которые вели на территории Митракии наблюдение за укреплениями и отдельными отрядами войска Нумерии. И один из них в ходе непринуждённой дружеской беседы поведал, что Юнарий уже собрал армию для похода на столицу и даже назначил дату её выступления. И произойдёт оно ровно через три недели.

За столом повисло гробовое молчание. С самого начала печальной истории с Эльмой Гинратус они предполагали, что лангракс Солонии захочет отомстить за её смерть. Но в глубине души каждый надеялся, что тот не решится развязать войну – к слишком тяжким последствиям для обеих сторон это могло привести. Первым заговорил министр тайного приказа. Он обвёл присутствующих строгим взглядом и сухо произнёс:

– Что ж, именно об этом я и предупреждал. И в очередной раз настаиваю – не нужно недооценивать Юнария. Он упрям, настойчив и сейчас горит праведным гневом…

– Да псу под хвост его гнев! Нет у него никаких прав на этот трон! Нету! И наглая выходка его чокнутой мамаши – это бунт против законного Повелителя! – Патарий взвизгнул, чуть не подпрыгнув на своём стуле. – И если он посмеет двинуть на Остенвил жалкую кучку своих рабов, он станет подлым изменником, достойным самой жестокой казни!

Тостин кивнул клантору и, когда за тем закрылась дверь, повернулся к юноше:

– Я могу понять ваше негодование, Повелитель, но если уж зашёл разговор, то по Закону у него прав никак не меньше, чем у вас. И вы прекрасно об этом знаете! Как ни верти, ваше пребывание на троне – случайность, и ничего больше!

Патарий так и замер с выпученными глазами. Его рот сначала захлопнулся, но через секунду снова открылся, выдав порцию безобразных воплей:

– Предатель! Подлая скотина! Да я тебя в порошок!.. Лантары!!

Видя, что другого пути нет, Арвидол внезапно рявкнул, перекрывая визг бьющегося в истерике Повелителя и возникший за столом шум:

– Всем заткнуться! Нумерия! О ней мы должны сейчас думать, а не искать врагов среди самых преданных людей! Все, кто сидят за этим столом, свой выбор сделали, назвав тебя своим Повелителем! И теперь от каждого из нас зависит будущее

страны, и твоё будущее, Патарий! И мне очень жаль, если ты этого до сих пор не понял!

Речь министра произвела на Повелителя эффект внезапно хлынувшего с потолка водопада – он растерянно заморгал, медленно бледнея и покрываясь потом. Минуту помолчав, Патарий выдавил:

– Кто ещё… так думает?

Красноречивые взгляды присутствующих были ему ответом. Даже Самус Марталь нашёл в себе глубоко зарытую храбрость и выдержал направленный на него сверлящий взгляд Повелителя.

– Отлично… – Патарий отрывисто дышал, будто втащил в гору тяжёлый камень. – Значит, вы все считаете, что я глупый мальчишка, который нагло влез на трон, и теперь не знает, что с ним делать. Так вот, вы сильно ошибаетесь! Знаю!

Через десять дней соберётся Большой Совет, и там я оглашу своё решение!

И, выбравшись из кресла, он вышел из зала не очень уверенной походкой. Стоило двери захлопнуться за ним, как за столом будто взорвалась бомба. Все закричали разом, яростно споря и размахивая руками. Понадобилось довольно много времени, чтобы страсти несколько поутихли и Галиган Освел смог наконец взять в свои руки обсуждение.

Спустя час было решено следующее. Министру снабжения требовалось немедленно начать закупки продуктов и оружия для армии и тех добровольцев, которые пожелают вступить в ряды защитников Нумерии. Набирать этих людей поручили Калеусу Стейнбоку – Главному распорядителю охоты, до которой сейчас никому не было дела.

Самус Марталь должен был основательно тряхнуть государственной мошной и выделить достаточно средств и на армию, и на привлечение на сторону Остенвила вольных капитанов (проще говоря, пиратов), и на срочное приведение в порядок городских стен, давно уже требовавших основательного ремонта, который каждый год отодвигали в сторону другие, более насущные дела.

Марталь в ужасе закатил глаза и с пеной у рта бросился доказывать, что таких денег в казне нет, на что Галиган со злобной усмешкой предложил членам Совета отправиться поискать недостающее золото в подвале дома самого нищего из министров Нумерии. Марталь захлопнул рот и уже не открывал его до самого окончания заседания.

Кестин Пундор неожиданно для себя стал ответственным за все строительные работы на городских стенах, но прилива счастья совершенно не испытал, в душе справедливо полагая, что эта

должность ничего хорошего ему точно не принесёт. Никаких трёх недель и даже трёх месяцев ему не хватит, чтобы поправить городские стены, кое-где сильно обветшавшие и сроду не ремонтировавшиеся в связи с отсутствием каких бы то ни было реальных угроз для жителей Остенвила.

Пару недель назад разговор о стройке уже заходил, и на стены даже привезли несколько повозок с камнем, но то была просто капля в море! В сотый раз протирая огромным платком потеющую лысину, он уныло представлял, каких собак спустят на него вот эти самые господа в случае поражения в предстоящей войне. Хотя очень сомнительно, что при поражении кто-то из них останется на своём месте. А если и останется, то будет занят не его жалкой персоной, а исключительно сохранением своей собственной шкуры. Последняя мысль внушила Главному смотрителю дворца некоторую надежду, и толстяк слегка повеселел.

Все ланграксы должны немедленно прибыть в Остенвил на чрезвычайное заседание Большого Совета. И каждый обязан был явиться не с пустыми руками, а с пятьюдесятью тысячами литов – своим посильным вкладом в дело защиты трона от коварного врага. Галиган, предвидя недовольство некоторых ланграксов, велел составить текст письма максимально жёстким, грозя им всяческими карами за неисполнение приказа. Но тут вдруг возмутилась молчавшая до сей поры Мирцея.

Окинув любовника недобрым взглядом, она насмешливо заявила, что писать письмо нужно именно так, если они ко всем своим бедам хотят добавить ещё и бунт. Сентория или Триания, отдав в казну названную сумму, даже не заметит, что их кошель полегчал. А вот Кватрану или, того хлеще, Болотные Пустоши этот взнос обдерёт как липку, заставив их жителей голодать. И если кто-то из голодающих вдруг решит податься и попытать счастья в армии, то далеко не факт, что это будет армия Остенвила.

Довод был вполне разумным, и после бурных обсуждений Совет решил увеличить взнос богатых ланов до семидесяти пяти тысяч, а бедным уменьшить первоначальную сумму вполовину.

Идя после затянувшегося обеда в свои покои, Грасарий никак не мог избавиться от неприятного чувства, возникшего при разговоре о его сыне. Вопросы пьяного Патария выдали его крайнее беспокойство столь долгим отсутствием кузена. И если в голове этого выскочки засядет мысль, что Динарий что-то против него замышляет, кто знает, на что он может решиться.

Ох, как же не вовремя было сейчас возвращение сына! Как не вовремя… Но наплевать на недвусмысленный приказ – означало

стать в глазах Повелителя явным предателем, не поднявшимся на защиту семьи и трона. Лично вложить меч в руки своего собственного палача… Ну, уж нет, этого он никогда не допустит!

Неделю назад Грасарий получил от сына послание. Тот писал из Аска, маленького городка в Триании, где они заночевали перед тем, как их лодка начала подниматься по шумной и быстрой Эйре – главной реке Кватраны. В заранее условленных выражениях юноша сообщил, что путешествие протекает нормально, все живы, но часть груза немного подпортилась. А это означало одно – со здоровьем Мустина Беркоста были серьёзные проблемы.

Всё, что осталось между строк короткого письма, должен был рассказать надёжный человек, которого Динарий намеревался отправить к отцу по прибытии на место. Но по всему выходило, что сын сам скоро расскажет ему о своих приключениях. Грасарию оставалось только одно – ждать.

Винт Бригор

Лангракс стоял у отрытого окна и смотрел на долину Эйры, терявшуюся в лёгком тумане раннего утра. Поздняя весна окрасила всё вокруг в нежнейшие оттенки зелёного, розоволилового, нежно-белого и пурпурно-красного. Последним великолепный пейзаж был обязан макам, во множестве цветущим по горным склонам.

Долина представляла собой ухоженную плодородную равнину шириной не более десяти миль и раза в три длиннее, почти по середине которой протекала бурная, кристально чистая Эйра. Вокруг громоздились Бархатные горы, до самых голых скалистых вершин покрытые густым хвойным лесом. За долгие годы местные жители отвоевали у леса часть склонов, и теперь там благоухали фруктовые сады и даже имелись виноградники. В мягком климате росло всё, хотя, по правде говоря, вино всё-таки получалось слишком кислым.

За южным отрогом Бархатных гор раскинулась ещё одна долина, но её дно, каменистое и безжизненное, было совершенно непригодно для земледелия. Зато здесь в избытке имелось то, за что её и назвали Серебряной, – драгоценный белый металл. На двух рудниках день и ночь слышались удары молотков наёмных рабочих, дробивших руду.

Серебро выплавлялось тут же, в огромных печах, и приставленный к плавильням учётчик внимательно следил за всем процессом. Готовые слитки с гербом лангракса – изготовившимся к прыжку снежным барсом – увозили в столицу лана по горным перевалам. И совсем нередки были стычки стражников с лихими людьми, мечтавшими прибрать к рукам хотя бы часть этих богатств.

В том месте, где Эйра, ревя и яростно швыряясь во все стороны пеной, обрушивалась с утёсов и врывалась в долину, начиналось дикое и почти непроходимое Мёртвое ущелье, ведущее в край горных великанов, теснившихся друг возле друга в своих нетающих белоснежных шапках. Нагромождение голых скал, обрывающихся в узкие ущелья, безмолвных каменных изваяний и причудливых деревьев, цепляющихся своими мощными корнями за расщелины.

Этот безлюдный суровый край назывался Поднебесные Зубья. И именно там дед нынешнего лангракса построил свой знаменитый Жёлтый замок – яркое пятно на серо-чёрном фоне скал. Сорок лет велось строительство, преодолевая неимоверные трудности, но, назло неласковой природе, замок был построен.

Почти все его залы и комнаты были вырублены в скале на высоте мили от подножия главного великана – горы Тэсмус, и только основная сторожевая башня и приёмная зала были вынесены вперёд и словно парили над бездной. Наружные стены отделали белым мрамором с золотистыми вкраплениями, и на ярком солнце замок был даже не жёлтым – золотым.

Винт Бригор отвёл взгляд от ущелья. Увидеть отсюда чудесный замок было невозможно. Требовалось преодолеть много миль по коварным горным тропам, чтобы перед тобой вдруг открылся потрясающий вид – сверкающее изящное сооружение, припавшее к груди сурового великана. И очень немногим в Нумерии удавалось лицезреть эту красоту.

Горные перевалы после зимы открылись лишь недавно, и первый гонец из замка уже прибыл. Он передал ланграксу письмо от его друга, Стоуна Лунта, в котором тот сообщал, что долгие зимние месяцы заточения подошли к концу и все обитатели замка вполне здоровы.

Винт зябко повёл плечами – утренний ветерок был весьма свеж. А каково же там, в горах… Место совсем не для нежной женщины. Но ему так и не удалось уговорить свою любимую сестру Дианору провести эту зиму здесь, в долине. Она ничего не хотела слышать, твердя только о том, что ни за что не оставит мужа одного. Слава Богам, что у них хватило благоразумия оставить во дворце хотя бы детей – десятилетнюю Ханиссу и шестилетнего Самина.

Мягкие ладони закрыли его глаза, и Винт вздрогнул – задумавшись, он не услышал, как подошла Кармила. Жена весело рассмеялась и, нырнув под его локоть, прижалась к нему всем телом. Нежные руки обвили его шею, и она игриво поцеловала его своими пухлыми губами:

– Я напугала тебя, любимый? О чём это ты думал?

Её тёмные глаза радостно блестели, на лице играла лукавая улыбка.

– Конечно, о тебе, солнце моё! Ты же знаешь, что все мои мысли только о тебе… особенно по утрам… – Он зарылся лицом в её пушистые рыжеватые волосы, вдыхая лёгкий аромат розового масла. – Моя развратница…

Женщина счастливо засмеялась и, отстранившись от мужа, легонько провела пальцам по его губам:

– Тс-с-с… замолчи немедленно! А то я снова потащу тебя в спальню!

Винт дурашливо замотал головой и закатил глаза:

– О-о-о, нет! Только не это! Если я сейчас же не съём целого быка, то умру от истощения прямо на твоём теле!

Кармила довольно улыбнулась и величественно взмахнула рукой:

– Я разрешаю тебе пойти и вкусить других плодов! Бесстыдник! – И первая прошествовала в соседнюю комнату, где для супругов уже был накрыт стол.

Винт шёл за женой, с удовольствием разглядывая её фигуру. Они были женаты почти десять лет, и за это время, родив ему двух сыновей, Кармила из худышки превратилась в зрелую стройную женщину с пышной грудью, полными бёдрами и довольно тонкой талией. Она расцвела и похорошела в руках любящего мужчины и сама научилась дарить ему незабываемые наслаждения. После вторых родов она стала просто ненасытной в постели, и они с удовольствием проводили там всё своё свободное время.

Усевшись за стол, Кармила расправила на коленях салфетку и, подняв кубок с лёгким вином, пристально посмотрела на мужа. Он уже нацелился на сочного цыплёнка с чудесной золотистой корочкой, но, поймав её взгляд, так и замер с протянутой рукой:

– Что-то случилось, моя любовь?

– То, что и должно было случиться. Я хотела узнать наверняка… И если Боги будут милостивы, то следующей зимой ты снова станешь отцом! Лангракс уставился на жену. По его лицу расползалась глупо-радостная улыбка:

– Надеюсь, на этот раз Боги дадут нам девочку! Такую же рыженькую и пухленькую…

Кармила рассмеялась и бросила в мужа салфетку:

– Ты невыносим!

И с аппетитом принялась за стоявшие на столе блюда. Винт ел, улыбался и шутил, стараясь ничем не выдать теснившихся в его голове невесёлых мыслей. Рано утром он принял гонца из Кватраны. Тот привёз приказ нового Повелителя Нумерии. Обычно такого рода срочные сообщения доставлялись через установленные по всей стране башни Солнечного Ветра, но вот уже три дня по ту сторону гор в долинах Кватраны шли дожди, и всё небо было затянуто плотными тучами.

В приказе говорилось, что через восемь дней в Остенвиле состоится Большой Совет и ему, ланграксу Поднебесных Зубьев, следовало очень поторопиться, чтобы явиться на него вовремя. С пятьюдесятью тысячами литов. Если же он решится не выполнить этот приказ, то может считать себя государственным преступником. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Винт усмехнулся. Немного найдётся в Нумерии отчаянных голов, желающих повоевать в этих суровых краях, чтобы жестоко покарать его, Винта Бригора, поэтому прозвучавшая в приказе

угроза представлялась ему несколько преувеличенной. Но идти на откровенное противостояние с Повелителем ланграксу тоже не хотелось – пример друга и родственника Лунта был у него перед глазами. Изгой, живущий в диких горах, обречённый на всеобщее презрение, – такой судьбы своим детям Винт не хотел.

Кармила слизывала розовым язычком взбитые сливки со сладкого пирога и лукаво поглядывала на мужа. Тот улыбнулся в ответ и, сделав серьёзное лицо, проговорил:

– Я смотрю, тебя совершенно не тошнит. А с нашими мальчишками ты утром вообще не могла на еду смотреть… Точно, там завелась девочка…

Жена пожала плечами и радостно улыбнулась:

– Пусть будет дочка! Совершенно не возражаю! Главное, что это наш любимый ребёнок.

– Конечно, конечно. И мы оба готовы ради наших детей на всё, не правда ли, моя дорогая?

Женщина удивлённо посмотрела в глаза мужа, и радость на её лице мгновенно сменилась тревогой.

– Что-то не так, Винт? Что произошло?

– Ничего особенного. Повелитель прислал приказ, и я должен немедленно отправляться на Большой Совет.

– Боги! Неужели в Остенвиле опять смена власти? Но… ведь Патарий был совсем молод!

– Нет, с ним всё в порядке. Но, боюсь, нас всех ждут нелёгкие времена. Лангракс Солонии затевает войну с Остенвилом. Юнарий кипит от ярости и готов отомстить за гибель своей матери, перевернув всё вверх дном в Нумерии и сровняв с землёй дворец Повелителя.

– Но… при чём здесь мы?! Уже долгие годы мы почти не ездим в столицу, да и Повелители не балуют нас своими посещениями. Мы спокойно живём здесь, и до нас не долетают бушующие на побережье бури. Зачем ехать сейчас? Тем более когда в нашем лане скрывается Стоун Лунт…

– Я должен, Кармила. Должен! Ради наших детей.

– Но ведь…

– То, что Юнарий будет разбит, нет никаких сомнений. Остенвил силён, и его поддерживает почти вся Нумерия. А после победы… Наш новый Повелитель нетерпелив, заносчив и упрям, и он не намерен никому ничего прощать. Я не хочу, чтобы после Юнария они все повернули сюда и принялись за нас! Ну, что ты, любимая, не плачь! Всё будет хорошо! Обещаю, что не позже чем через месяц я вернусь домой.

Сборы не заняли много времени, и в два часа пополудни лангракс выехал из главных ворот дворца. Его сопровождали

Главный советник Шердан Роумс, суровый горец лет сорока пяти, и двадцать стражников в полном вооружении, не спускавших глаз с двух навьюченных лошадей, везущих на своих спинах оговоренную приказом сумму.

Стараясь выглядеть веселой, Кармила стояла на балконе и махала рукой, украдкой стирая предательски льющиеся слёзы. Всадники скрылись за поворотом дороги, и женщина в очередной раз тяжело вздохнула, пытаясь унять рвущее душу беспокойство.

«Боги милостивые! Пусть он вернётся живой и здоровый! Пусть он вернётся…»

Тван

Золотистая каша лениво пыхтела в котелке, выпуская клубы ароматнейшего пара, от которого у сидящих вокруг костра мужчин всё сильнее сосало под ложечкой.

– Ты нас голодом решил уморить? – Тван громко сглотнул слюну и неодобрительно посмотрел на коренастого Сугра, до самых глаз заросшего бородой. Тот хмыкнул, невозмутимо помешал кашу и, в очередной раз сняв пробу, торжественно объявил:

– Кушать подано!

Четыре головы склонились над котелком, и ложки дружно замелькали. Каша была хороша. Пшено, сдобренное кусочками сала, разварилось до той самой густоты, когда его почти не надо было жевать, и каша сама текла в наголодавшиеся за день животы. Подцепив со дна последний кусочек сала, Дарт облизал ложку и довольно вздохнул:

– Ну, так-то оно лучше!

Сугр налил себе чай из душистых трав, заваренный в другом котелке, и беззлобно пробурчал:

– Не знаю, какие из вас будут вояки, но пожрать вы мастера! Дай вам волю, так вы все запасы армии за месяц себе в пузо запихнёте!

Тван с Дартом с улыбкой переглянулись. Они уже привыкли к шуткам товарища, а вот Ронгут, весь день ходивший мрачнее тучи, неожиданно возмутился:

– А чево тут делать-то? Жрать да спать! Сидим, как заноза в жопе!

Сугр, прихлёбывая чаёк, миролюбиво протянул:

– Не в жопе, а в Кишке Дракона. Разница существенная.

– Да какая, на хрен, разница! – Ронгут уже не на шутку рассвирепел. – Я весь насквозь провонял этим дерьмом, которое тут из каждой дырки лезет! Я на войну идти подписывался, а не сидеть в ублюдочной заднице и жрать дерьмовую кашу!

Сугр медленно поднялся и, глядя в искажённое яростью лицо товарища, тихо проговорил:

– Всё сказал? Или ещё хочешь чево добавить про своих дерьмовых товарищей, с которыми только что хлебал из одного котелка?

Тихий голос подействовал на Ронгута, как ушат холодной воды. Он захлопнул рот и, отвернувшись ото всех, уселся на ствол поваленного дерева.

– Дьявол рыжий! Не дал чаёк спокойно попить! – Сугр

скривился, от чего его далеко не ангельское лицо приняло совершенно зверское выражение. – Если ты думаешь, прыщ свинячий, что я всю жизнь только и мечтал варить кашу таким паскудникам, как ты, то сильно просчитался! В передовой отряд для того и идут, чтобы быть первыми. Но… приказы есть приказы, дьявол их раздери! А если зуд в жопе – дуй в пираты! Или в Гиблый Лес обчищать торговцев. Хотя с таким длинным языком ты бы и там долго не протянул!

– Ладно, чё разошёлся-то! Жучишь меня, как мальчишку, мать твою… – Ронгут остервенело поскрёб давно небритую щёку. – Осточертело тут всё! У меня руки уже прям чешутся срубить башку какому-нибудь остенвильскому хмырю.

– И припрятать снятое с него золотишко!

– Ну, не без того! – Лицо Ронгута расплылось в щербатой улыбке, ничуть не смягчившей его жёсткого выражения. – Я ещё и бабу его пощупать не откажусь!

Сугр тоже почесал шею и тяжело вздохнул:

– Смотри, как бы тебя самого мечом не пощупали! И не срубили с плеч твою пустую кочерыжку! В армии Остенвила далеко не слабаки служат. Я сам почти год пробыл в сланитах, и скажу вам, мужики там подобрались нехилые.

– Ты служил в тяжёлой пехоте? – Дарт от удивления выпучил глаза.

Сугр пожал плечами и отхлебнул большой глоток остывшего чая:

– Служил, пока муштра не достала. И жалованье урезали – начали платить, как нищему подаяние совали. Вот я и свалил на вольные хлеба.

– А какое у них вооружение? – Тван с любопытством прислушался к разговору.

– Тяжёлые щиты, длинные мечи и доспехи, защищающие грудь, голову и конечности. Они движутся мощной стеной, за которой прячутся веланты и норланы. В бою за каждым сланитом топает мальчик и несёт тяжёлое копье, которое используют, когда в бой вступает конница врага.

Дарт хмыкнул:

– Не-е, не завидую я этим пацанам! У них, кроме копья, хоть какое-никакое оружие имеется?

Сугр поднял на юношу глаза:

– Только длинные ножи. Им, и вправду, частенько достается в бою. А ты не будь дураком – держись за спиной хозяина, и цел останешься!

– Всё равно, не хотел бы я быть на их месте! Сам – это сам!

– Сам! Давно от сиськи мамкиной оторвался, вояка! – Ронгут

презрительно сплюнул. – Эт тут хорошо трепаться, у костра на жопе сидя. А как схлестнёшься в бою с вооружённым до зубов воином, так я на тебя погляжу!

Дарт обиженно засопел. Почти месяц он находился в армии Солонии. Три первых недели они с Тваном жили в казарме, ежедневно по многу часов упражняясь в сражении на мечах. И редко кто из новобранцев мог долго противостоять его напору. Обучавший их воин показал юношам несколько хитрых ударов, и теперь Дарт самонадеянно считал, что готов к встрече с любым врагом. Тван не совсем разделял его уверенность, и здесь, в передовом отряде, они продолжали ежедневно совершенствовать своё мастерство.

– Да видел я, как ты мечом машешь. Сильно. Но… коварства и хитрости в тебе маловато. А без этого хрен выживешь в серьёзном бою, – Ронгут снова сплюнул и скривился. – Думаешь, кто-то пожалеет тебя, дуралея? Ага, жди!

– Ты бы не языком молотил, а показал мальцу пару-тройку хитроумных приёмчиков. – Сугр вычистил оба котелка и теперь уселся точить свой меч, и без того острый настолько, что им запросто можно было бриться.

– А давай! Хоть разомнусь! – Ронгут легко вскочил на ноги и сделал несколько резких движений руками, разогревая мышцы. – Оба вставайте. Покажу кой-чё…

Взяв вместо мечей тяжёлые палки, они больше часа прыгали по полянке, нанося друг другу увесистые удары. Ронгут ловко уворачивался от обоих друзей, сам без конца пробивая их защиту. К концу занятия парни почёсывали бока с наливающимися синевой ушибами, но зато овладели двумя ударами, в пах и в шею, от которых их противник должен непременно упасть замертво.

В полдень прибежал вестовой и передал приказ – командир сотни собирает десятников на совет. Сугр пригладил всклокоченную бороду и вразвалочку направился к палатке командира.

Вскоре он явился, уселся на бревно и объявил:

– Завтра мы идём в дозор. Прогуляемся по Митракии и разузнаем, что там да как.

Ронгут осклабился, похотливая улыбка заиграла на его губах. Сугр тут же нахмурился:

– Мы в разведку отправляемся, а не по бабам. Ясно? Если нет, то лучше сразу здесь оставайся. Ты меня, Ронгут, знаешь, нянькаться с тобой я не собираюсь!

Тот зло сверкнул на десятника глазами, но промолчал.

– Оружия не брать. Только ножи. Мы не воины какие-то,

пойдём под видом мирных лантаков – землепашцев.

– Ты рожу-то свою видел, мирный лантак? – Ронгут громко заржал. – Да на тебя ж как глянешь, так сразу и скажешь – землепашец!

– Ну, ты тоже на салвина не сильно-то смахиваешь! Те с умильными рожами у людей монеты отбирают, а ты так поглядишь ласково – несчастный под себя сразу и наделает! – Сугр расплылся в улыбке, но через мгновение посерьёзнел. – Кончай балаболить! Наша задача – раздобыть как можно больше сведений, что творится в этом долбаном лане от Дракона до самой Лагусты.

Наутро, ещё до восхода, они были готовы. Сугр распрощался со своей бородой, оставив только пышные усы, но это помогло мало – за лантака его принял бы разве что слепой. Ронгут тоже кое-как поскрёб свою щетину острым ножом, при этом порезавшись в двух местах и покрыв отборными ругательствами всех, на его взгляд, причастных к этой процедуре.

Оставив кожаные доспехи в лагере, они переоделись в простую одежду из грубого холста, тёмные шерстяные плащи с капюшонами и круглые шапки из овечьей шкуры – обычный наряд небогатых жителей Митракии. Ножи тщательно припрятали под рубахами и в складках плащей. Дарт сунул в карман пращу, с которой никогда не расставался, и несколько круглых камешков.

– Ну, ты и придурок! Каменюки с собой таскать! – Ронгут недовольно оглядел свой наряд и скроил унылую рожу. – Мы ж в горах, красавчик! А тут вокруг одни камни, будь они трижды прокляты! Да и чем тебе эта верёвочка поможет? Дурость одна…

Дарт пожал плечами и промолчал – спорить с Ронгутом себе дороже. Сугр махнул рукой, и маленький отряд двинулся по едва заметной тропинке вверх по склону. Перевалив хребет, они должны были выйти на восточный склон Спящего Дракона и, обогнув возможные засады, пробраться в Митракию. Одновременно с их отрядом отправились ещё четыре, и, если Боги будут милостивы, кто-нибудь из них и вернётся назад.

Динарий

– Да наплюй ты на все эти приказы! Братец что-то совсем обнаглел! Повелитель Нумерии! Охренеть можно, какая важная персона! Нет, оно, конечно, так, только пусть он пальцы гнёт перед этими убогими ланграксами. А для нас с тобой он как был сопливым Патом, писающим по ночам в постельку и теребящим свой жалкий член при виде голых девок, так им и остался!

Динарий невесело улыбнулся и посмотрел на развалившегося в кресле двоюродного брата. Тот закинул ноги в высоких сапогах на небольшой изящный столик из красного дерева и расслабленно потягивал терпкое вино из серебряного кубка.

– В другое время я так бы и сделал, Сидрак. Но нынче сильно попахивает войной, а это лишний повод объявить предателем каждого, кто осмелится не исполнить его приказы. Он всегда был злопамятным, наш тихий и застенчивый Пат. А сейчас подлости в нём только прибавилось.

– Да начихать! Война! Я тебя умоляю! Армия раздавит этого самозванца, как клопа! Сразу на выходе из Кишки, где Юнарию самое и место! Не бери в голову – это не война, а так, лёгкая разминка для нашего застоявшегося войска.

Пусть эти дармоеды наконец отработают свой хлеб, который у них, кстати, весьма жирно помазан маслом!

– Я за отца боюсь. Он там полностью во власти Пата и страшно подавлен смертью Одария. Если я не явлюсь во дворец, кто знает, как братец решит повернуть дело. Дьявол! Я даже не удивлюсь, если он возьмёт и обвинит отца в измене!

– Ну, ты уж слишком палку не перегибай! Не посмеет он! Одно дело – какие-то ублюдки, тянущие свои грязные ручонки к трону, и совсем другое – священная кровь Корстаков! Да такого не было никогда, чтобы члены семьи уничтожали друг друга! Даже если и было за что… – На лице Сидрака появилась похотливая улыбочка.

– Так это был ты! – Кубок в руке Динария замер на полпути. – И Аруций – твой ребенок!?

Сидрак самодовольно хохотнул и сделал большой глоток вина:

– Ага. И наш дядюшка-рогоносец прекрасно знал об этом! И заметь, такое положение дел совершенно никому не мешало. Да, что там говорить, все были просто счастливы! Я имел страстную любовницу, Кронария тоже не скучала в постели, а Палий наконец-то получил своего наследника. До сих пор не могу понять, что случилось со старым хрычом? Взбеленился ни с того

ни с сего… Ну, да дьявол с ним! Я сейчас не о том.

Сидрак сбросил ноги на пол и рывком сел, потянувшись за почти пустым кувшином:

– При всей его злости на мои похождения, он ведь не посмел меня тронуть – схватили какого-то парня. Казнили невиновного – это прискорбно, но бывает. Зато кровь рода не пострадала!

Динарий молчал. Он любил Сидрака – баламута, пошляка и пьяницу, – но такое откровенное признание его отчего-то неприятно покоробило.

– Так что, не бери в голову – ничего с дядюшкой Грасарием не случится! Ну, протрясётся до границы с Солонией, посмотрит на позорное бегство Юнария – и снова нырнёт под бочок к своей жёнушке! Делать тебе нового братика!

– Сидрак! – Голос Динария зазвенел от гнева. – Как ты можешь так говорить? Ты прекрасно знаешь, к чему привела смерть ребёнка!

– Ну, прости! Прости меня, Дин! Я выпил лишнего и несу теперь дьявол знает что! Ну, я – дурак! Циник, похабник и последняя сволочь! Если ты меня не простишь, щас же пойду и повешусь прямо во дворе! Ну, мир? Или я пошёл?

Динарий нехотя кивнул головой, хотя в его душе всё ещё бушевала ярость. И её причиной была вовсе не пустая трепотня брата. Эту ярость породила всё усиливавшаяся тревога.

– Во-от и славненько! Завтра же отправляемся в горы! Горные козлы, хи-хи, расплодились в прошлом году в невероятном количестве! Пора заиметь и тебе парочку ветвистых рогов!

Сидрак закатил глаза и скорчил такую дебильную рожу, что Динарий не удержался и расхохотался:

– Ну, уж нет! Прибереги их для своей ветреной башки! Женишься же ты когда-нибудь, потаскун! Вот сразу и нацепишь!

– А вот уж хрен! Слушать ежедневное и еженощное бабское нытье – оно мне надо? Мне вполне хватает матушкиных нравоучений, от которых у меня и так стойкая изжога!

– А как же наследник?

– Ба! Да этого-то добра у меня и сейчас уже половина Кватраны бегает. Помру – пусть они тут сами как хотят разбираются… Ну так что? Решено?

Динарий посерьёзнел и отрицательно покачал головой.

– Выезжаю завтра в Остенвил. Я должен быть рядом с отцом. И если мы вернёмся, то вернёмся вместе. Могу я попросить тебя об одной услуге?

– Дин, ты собрался меня сильно обидеть? Да всё что угодно!

– Я хочу, чтобы Осмила со своим отцом остались у вас… Сам понимаешь, Мустин ещё очень слаб, чтобы куда-то его везти… Да

и некуда, если честно, его пока пристроить. Всё закрутилось так быстро, что у меня не было времени подумать об этом.

Сидрак понимающе кивал, не переставая при этом прихлёбывать крепкое вино. Он совсем не удивился появлению в своём доме опального министра и совершенно не возражал, что тот останется у них.

– Да пусть живут! Не объедят, поди!

– И ещё… – Динарий замялся, не зная, как сказать.

Сидрак удивлённо смотрел на его мучения, а потом со всей силы хлопнул себя по лбу и радостно проорал:

– О-о, я понял! Ты боишься, что я начну приставать к твоей драгоценной Осмиле?! Упасите меня Боги от этой стервы! Она же как гадюка в кактусе – отовсюду иголки, и хрен знает, когда вырвется оттуда и укусит! Нет уж, трахай ты её сам! А мне и кватранских девок успеть бы всех перещупать!

Динарий улыбнулся, настолько искренне прозвучали слова брата, уже несколько раз схлестнувшегося с Осмилой за эти дни. Вчера за обедом девушка так его отчитала, что Сидрак всё оставшееся время просидел молча и даже выпил всего два кубка вина вместо своих обычных пяти.

– Значит, договорились!

Динарий кивнул брату и отправился к двери. Оставалось самое сложное – уговорить Осмилу.

– Я еду с тобой! – Девушка была непреклонна, и на все доводы мужа отвечала только одной фразой: – Ты можешь сколько угодно тут распинаться, но я поеду с тобой! А если ты вздумаешь ускользнуть тайком, тем хуже для тебя. Я отправлюсь следом одна, без всякой охраны. И если в дороге со мной что-то случится – а в этом бандитском краю со мной обязательно что-нибудь да случится, – то моя смерть будет на твоей совести!

– Но… А как же твой отец? Ему нужен уход, и кто лучше тебя…

– Успокойся! Ты что, ещё не успел заметить? Хотя когда тебе – целыми днями заливаешься вином в компании своего драгоценного Сидрака! Тогда хоть я открою тебе глаза! У отца и без меня есть кому принести бульон в постель. Твоя тётушка Ортения с большим знанием дела взялась за его лечение, и им обоим этот процесс очень даже нравится!

Динарий озадаченно уставился на жену. Он тоже заметил, как тяжело перенёсший дорогу Мустин на глазах повеселел, но даже подумать не мог, что к этому причастна его тётка, неустанно суетившаяся возле кровати больного. Местный лекарь, осмотрев Беркоста, приготовил необходимые отвары, и Ортения взялась лично контролировать, чтобы они давались тому строго по часам.

– Но ведь дело не только в болезни твоего отца, как ты не понимаешь! В Остенвиле сейчас просто небезопасно! Кто знает, что взбредёт в голову Патарию завтра и кого из своего окружения он назначит преступником в следующий раз!

– Тем более! Если всё так плохо, то я должна быть рядом со своим мужем, а не сидеть в паршивой Кватране, любуясь на пропитую рожу твоего братца! Всё! Я не намерена больше ничего слушать! – На глазах девушки выступили злые слёзы, и она яростно сверкнула глазами. – Я еду, и это больше не обсуждается!

Никита

– Смотри, смотри! Щас этот говнюк навернётся и загадит всю палубу своим дерьмом!

Шип громко заржал, демонстрируя жёлтые зубы, и ткнул локтем в бок Жмырю, примостившемуся у ванта. Тот сквасил презрительную гримасу и громко икнул.

Паук, уже минуты две наблюдавший, как Ник, резво поднимавшийся на марс по верёвочной лестнице, вдруг застыл на полпути, одарил говорившего злобным взглядом:

– Ты бы заткнул свое хайло, Шип, а то на палубе уже стоять невозможно – воняет!

Шип перестал хохотать и, грозно выпятив вперёд нижнюю челюсть, двинулся на Паука:

– Ах, ты падла кривоногая! Да я тебя щас урою, гадину!

Паук внезапно пригнулся и, оскалив зубы, зашипел. В его руке хищно блеснул длинный изогнутый нож, похожий на коготь огромного тигра.

Увидев оружие, Шип опешил, дёрнулся и, растеряв свой боевой пыл, отступил:

– Ты чево, Паук, взбеленился? Шуток не понимаешь? Пошутил я, не видишь, што ли! Совсем сбрендил! Кидаешься на людей как бешеный из-за всякого дерьма! – На всякий случай Шип сделал пару шагов назад, видя, что Паук смотрит на него взглядом, не предвещающим ничего хорошего. – Тю, скаженный!

И нервно сплюнув под ноги, он благоразумно отошёл на корму. Паук недобро посмотрел ему вслед и опустил нож. Тот тут же нырнул в кожаный чехол на его поясе. Легко подпрыгнув, Паук ухватился за перекладину и начал быстро карабкаться по лестнице к Нику, ловко перебирая руками и чуть кривоватыми ногами. Оказавшись за спиной мальчика, он одной рукой зацепился за грот-мачту, а другой отвесил тому вполне ощутимый подзатыльник:

– Ну, и чё ты повис тут, как член у старого пердуна? Быстро тащи вниз свою задницу!

– Не – е… мо-огу… кач-чает…

Паук хохотнул, сверкнув своими мелкими острыми зубами:

– Качает?! Во сказанул! Качает, это когда посудина переваливается с боку на бок так, что бортами волну черпает! А это так, покачивает… как в мамкиной люльке… У тебя была люлька?

– Не-ет… не… помню…

– А мамку-то хоть помнишь? – Паук легонько начал

подталкивать Ника вниз, с трудом оторвав от перекладины его негнущиеся пальцы. – Была же у тебя мамка… наверное…

– Бы…ла… – Голос мальчика всё ещё дрожал, но дикий ужас в глазах постепенно начал уступать место осознанию происходящего.

Спустя несколько минут они уже стояли на палубе, и Паук, хлопнув юнгу по плечу, весело поинтересовался:

– Штаны-то сухие?

Ник мрачно кивнул. Он ещё не отошёл от пережитого страха, и всё у него внутри тряслось мелкой дрожью. Подняв на своего спасителя глаза, он с трудом выдавил:

– Спасибо… большое…

Паук хмыкнул. Огладив свой пышный ус, он внимательно оглядел Ника и вдруг улыбнулся:

– Кушайте с булочкой! Да, ты не ссы – такое бывает! Меня в юнгах тоже с мачты снимали. Думал, там и помру, такой жути натерпелся!

Ник от удивления вытаращил глаза:

– Вас… снимали? – Видя, с какой легкостью Паук взлетает на самые верхушки мачт, Ник готов был поклясться, что лазить по вантам тот начал раньше, чем ходить.

– Угу… Было дело. Только я после того случая клятву себе дал, что никогда не позволю страху сделать из меня тряпку. Не на того напал! Вот так-то, малец. – Паук повернулся на юг и подставил лицо свежему ветру. – Крепчает, дьявол ему в глотку… Но это уж последний шторм… Ещё с неделю, и море станет ласковым, как портовая шлюха при виде золота… Хотя откуда такому сопляку, как ты, об этом знать…

И, чуть раскачиваясь, двинулся на бак. Никита проводил его взглядом и поплёлся искать Криса. Девчонка сегодня дежурила на камбузе и, тихонько напевая, драила медный котелок из-под жаркого, отправившегося в животы капитана и его помощников. Увидев бледное лицо друга, Крис оставила котелок в покое и бросилась выяснять, что случилось. Смущаясь, Ник рассказал всё. Свирт Рубака, резавший на ужин овощи, присвистнул:

– Счастливчик ты! Эта беда со многими случается, но не каждому успевают помочь. Пройдёт! Вот начнётся настоящая работа – про всё на свете забудешь, не то что про высоту. Главное – вниз не смотреть…

Ник кивнул. Он уже много раз поднимался на марс, и ни разу такого казуса с ним не случалось. Но сегодня «Ласточку» основательно качало на волне.

– Паук сказал, что надвигается шторм.

Кок кивнул, не прекращая своего занятия:

– Надвигается, будь он неладен! Придётся по камбузу за котелками гоняться! Этим же уродам всё жрать подавай! Шторм – не шторм, им бы только брюхо набить!

Ребята переглянулись, и Крис с новой силой заскрёбла по стенкам котелка. «Ласточка» была готова в любой момент сняться с якоря и отплыть в Остенвил, но приказ никак не поступал. На бриге ночевали только юнги, да те члены команды, которым на берегу негде было приклонить голову.

– А потом что, бурь совсем не бывает? Ну, когда лето наступит…

Свирт, яростно рубивший свёклу, ответил не сразу.

– Случаются, конечно, и даже весьма основательные. Но наше корыто не так-то легко напугать каким-то паршивым ветром. Убираем паруса, вёсла и дрейфуем себе по волне.

Ник удивлённо уставился на кока:

– Вёсла? А как они… Я не видел ни одной дырки в бортах!

Рубака усмехнулся:

– Они изнутри закрыты сейчас сиденьями, видел доски у бортов? Когда надо, их вытягивают и один конец вставляют в паз чуть ниже прорези с уключиной, а второй закрепляют железной скобой на палубе. Притаскивают из трюма вёсла, и по два гребца с каждой стороны начинают ворочать этими тяжеленными палками. Понятно?

Никита кивнул. Теперь он понял назначение небольших прямоугольных отверстий в палубе, наглухо закрытых плотно подогнанными заглушками. Отверстия шли вдоль обоих бортов на равном расстоянии друг от друга.

– А кто гребёт?

Кок хохотнул:

– Да кто придётся! Ты можешь, если захочешь! Но… команда обычно против. Вот мы и привлекаем к этому делу рабов… ну, кого захватим в пути. Зря кормить их никто не собирается!

Никита поёжился: «Пираты, блин…»

– А если нас захватят?

Свирт бросил на него насмешливый взгляд:

– Захватят, говоришь? Тогда… если повезёт и не уйдёшь под воду с разбитым корытом… от души помашешь вёслами, чтобы доставить вражьи задницы по месту назначения…

– А потом?

– А потом, – Свирт отбросил нож в сторону и повернулся к вытаращившимся на него ребятам, – если опять же повезёт и тебе, как пирату, сразу не отрубят голову и не насадят её на пику на стене Дворца Правосудия, то отправят до конца твоей никчёмной жизни добывать серебро и золото для господ в рудниках Триании.

Или обтёсывать глыбы мрамора в Сенторию. А уж там твоя душонка будет цениться не дороже дохлой крысы, малец.

Никита ошарашенно молчал. Крис, вздёрнув подбородок, выпалила:

– Но мы же не пираты! Мы едем на войну, чтобы добыть трон для нашего лангракса!

Свирт грустно посмотрел на ребят и, снова взявшись за нож, пробурчал:

– Вот то-то и оно… что трон…

Тван

Как они и ожидали, их рейд оказался далеко не лёгкой прогулкой. Для начала, уже почти спустившись со склона по крутой тропе, Дарт умудрился свалиться и вывихнуть себе плечо. Сугр кое-как его вправил, но рука у парня продолжала сильно болеть и почти не двигалась. Дарт кривил губы при каждом неловком движении, но возвращаться в лагерь категорически отказался.

На выходе с тропы их ждала засада, но им удалось без шума её обойти, пользуясь предутренним часом и плотным туманом, опустившимся в долину, на их счастье. Переждав пару часов в зарослях у берега ручья, они двинулись в сторону небольшой деревушки Тора.

Густой лес, росший по склонам Спящего Дракона, постепенно сменился перелесками, которые, в свою очередь, уступили место полям с редкими рощицами раскидистых деревьев. Весна была в самом разгаре, и возделанные участки, на которых митракийцы выращивали пшеницу, кукурузу и гречиху, уже весело зеленели дружными всходами.

В низинах небольших речушек, в изобилии протекавших по этой плодородной равнине, то там, то здесь виднелись рисовые чеки, где по колено в воде копошились трудолюбивые лантаки. Они с интересом разглядывали четвёрку шагавших по дороге мужчин и, удовлетворив острое любопытство, вновь сгибались над бледно-зелёными посевами.

– Не нравится мне всё это! – Ронгут мрачно оглядел очередного работника, гнувшего вдалеке спину. – Торчим тут у всех на виду, как прыщ на носу! Кто-нибудь из них точно доложит про нас старосте.

– А ты рожу повеселей сделай! Можешь даже ручкой помахать, поприветствовать честных тружеников. Они это любят…

– Ага. Может, им ещё песенку спеть и сплясать, чтоб они нас за бродячих артистов приняли?

– Во-во! Спляши! Хотя с твоей-то харей только Бога Тьмы и играть, как он волочёт несчастные трупы в Нижний мир.

– Ага! А Дарт будет у нас Богом Света – ишь, как от радости светится! – Ронгут ехидно улыбнулся, видя, как парнишка в очередной раз скривился, ухватившись за руку.

Тван шагал молча, настороженно поглядывая по сторонам. Ему тоже не нравилось их открытое передвижение, но Сугр заверил, что хорошо знает жителей этой части Митракии. Они

заняты своей работой, и больше ничего в целом мире их не интересует.

Впереди показались несколько всадников. Дорога была пустынной, и маленький отряд оказался на ней как на ладони.

– Спокойно, не дёргаться! – Сугр понизил голос, хотя всадники были ещё далеко и не могли его слышать. – Мы идём из Болотной Пустоши в Тамасту. В ваших мешках перо цапли, которое вы собрались обменять на кружево местных мастериц. И ни слова о войне! Да, чё я вас учу – мы эту историю уже раз пять пережёвывали, теперь эти сукины дети должны её проглотить! Головы пониже и побольше подобострастия в голосе, мать вашу, шлюху!

Всадники приближались. Первым скакал мужчина лет сорока на тёмно-рыжем жеребце. Зелёная форма клантора безупречно сидела на его плотной фигуре. На чёрной шапке блестела серебряная бляха, говорившая знающему человеку, что перед ним десятник разведчиков армии Нумерии. Пятеро клантеров следовали за ним.

Остановившись в паре шагов от замерших путников, десятник внимательным взглядом ощупал каждого из них и только потом отрывисто задал вопрос:

– Кто вы и что здесь делаете?

Сугр выступил вперёд и, низко поклонившись, зачастил:

– Мы, господин хороший, бедные жители Болотных Пустошей. И идём в город Тамасту. Поменять хотим… ну то, что смогли поймать в своих забытых Богами болотах… на прекрасные изделия ваших мастериц!

Десятник недоверчиво смотрел на стоявших перед ним мужчин.

– Ох, врёшь ведь! – Жеребец под ним беспокойно заплясал на месте, и десятник успокаивающе похлопал коня по шее. – Где Пустоши, а где мы! Далековато будет!

– Всё так, всё так, господин хороший! О-о-очень даже далеко! Но этот паршивец, – Сугр ткнул пальцем в Дарта, – уж сильно просился повидать свою сеструху. Вот мы крюка и дали.

– И где живёт его… сеструха? – Десятник ухмыльнулся, разглядывая насупившегося Дарта.

– Да рядом тут, в деревушке Сида. Эт прям за правой лапой Дракона и…

– Я знаю, где Сида. – Десятник нетерпеливо его перебил. – От неё до Лагусты совсем недалеко, а по ней на лодке до Тамасты – рукой подать. Только это совсем в другой стороне!

– Правда ваша, мой господин! Мы так и думали – проведаем сеструху, расскажем ей, что мамка с папкой померли, да и

подадимся к реке, чево ноги бить попусту. Но в Сиде нам сказали, что муж нашей Меризы – это девку так зовут – подался в наёмные работники в Гамбу. А эта деревушка, почитай, сразу за Торой и будет.

Десятник скривился и почесал рукоятью хлыста переносицу:

– Складно врёшь, паразит. А ну, показывай, что в мешках!

Он слегка кивнул, и два клантора спешились и направились к мужчинам. Сугр живо сбросил мешок со спины и, украдкой глянув на своих спутников, едва заметно покачал головой и начал суетливо развязывать узел, не переставая при этом причитать:

– Вот смотрите, сами смотрите – хорошее перо… богатое… и чего господин не верит мне? Боги Вечные и Истинные видят, что я никогда не вру, ну вот даже ни капельки!

А хотите – возьмите вот эти два пера вашей любимой жене… или не жене… Я с них всё равно не забогатею, а вам приятно…

Один из клантороров запустил руку в его мешок, второй в это время с интересом разглядывал содержимое груза Твана. Затем наступила очередь котомок Дарта и Ронгута. Последний едва сдерживал себя, злобно поглядывая на склонённую спину разведчика.

– Ничего нет, командир! Только вонючие перья да немного жратвы.

– Обыскать их!

Сугр возмущённо уставился на отдавшего приказ десятника:

– Эт с чево это вдруг в Митракии стали мирных путников обыскивать? Идём себе спокойно, никого не трогаем!

– А с того, что рожи мне ваши не нравятся! – Десятник рявкнул так, что конь под ним опять испуганно заплясал. – Знаем мы вас, мирных! Время больно неспокойное нынче, шастают тут всякие. Быстро выворачивайте карманы!

Кривясь и косо поглядывая на вплотную придвинувшихся к ним всадников, мужчины позволили себя обшарить.

– Командир! Вот это было у парнишки! – Клантор показал вытащенную из кармана Дарта пращу. – Может, они и правда с Пустошей?

– Может, и правда. – Несмотря на полное отсутствие улик, что-то всё же мешало десятнику взять и просто отпустить их с миром. – Пойдёте с нами! До Торы недалеко, там и посидите взаперти, пока мы выясним всё про эту вашу… сеструху!

И правда, дошли они быстро. Тора была маленькой деревушкой из двух десятков крепких деревянных домиков. Её жители явно не бедствовали – в каждом дворе галдели куры и гуси, имелись большие сараи для крупной скотины. Десятник спешился возле большого дома, стоявшего среди фруктовых

деревьев. От других домов он отличался ещё и тем, что посреди двора был разбит небольшой цветник из нескольких чахлых розовых кустов.

Почти сразу же в дверях появился невысокий суетливый мужичок с короткой пегой бородкой и хитрыми бегающими глазками. Скатившись с крылечка, он засеменил навстречу прибывшим:

– Господин десятник! Какая радость! Как я рад видеть вас и ваших доблестных воинов после столь долгой разлуки!

– А ты не слишком преувеличил, Изар? Так уж и долгой? Мы ведь только сегодня рано утром выехали из твоей деревни. Смотри, если ты мне и в чём другом так же приврал… – И десятник быстро прошёл мимо застывшего с выпученными от усердия глазами хозяина, безуспешно пытавшегося сообразить, что же он такого сказал, что вызвал явное неудовольствие гостя. – Устрой-ка лучше задержанных в каком-нибудь подвале.

Но, глянув на рожи Сугра и Ронгута, хозяин отправлять компанию в подвал поостерёгся – эти-то уж точно ополовинят его запас копчёных колбас и окороков, которые так славно можно запить недурным винцом из заветного бочонка. С этих клантороv и так вечно одни убытки, еще и их пленники грозят уроном его имуществу, нажитому непосильным трудом. Так недолго и по миру пойти! Припёрли, дьявол знает кого… Ничё, невелики птицы – и в амбаре посидят!

Едва дверь за хозяином закрылась, Ронгут дал волю чувствам:

– Ну, и чё я говорил, сваргова погибель! Вляпались, как зад в дерьмо, мать вашу! Это ж надо было такую дурь сморозить! «Мирные жители! Ничего не интересует»… А этих долбаных клантороv всё интересует! Даже чё ты вчера сожрал и сколько посрал сегодня! Облапали, как дешёвую шлюху! Глотка Вельзевула! Сами, как конченые недоумки, припёрлись прямо к ним лапы!

– Да заткнись ты! Чево разорался, как баба! Мы живы и здоровы, и у них на нас ничего нет!

– Нет?! Так завтра будет! Стаскаются в эту паршивую деревню… ну, куда ты их там послал… и всё! Нет там никакой вонючей девки и никогда не было!

– Дурак ты, Ронгут! Ой, дура-ак! Ну, нет девки, и чё дальше? Может, её муженьку по дороге моча в башку шибанула – он передумал и подался совсем в другое место? Мы что, за каждого придурка в стране отвечать должны?

Ронгут поглядел на своего командира, выразительно покрутил пальцем у виска, плюнул под ноги и отошёл в угол амбара, где завалился на сено. Дарт с Тваном потоптались на

месте и вскоре последовали его примеру. Сугр уселся на пустой бочонок и задумался.

Успокаивать своих товарищей – это одно, но десятник клановых вряд ли станет их слушать. Если бы поверил в их историю, отпустил бы сразу. Так нет, арестовал… И это было скверно. Здесь уже сильно попахивало войной, а значит, с уличёнными в шпионаже никто церемониться не будет. Вздёрнут на первом подходящем суку – и болтайся себе, корми митракийских ворон!

У них была всего одна ночь, и ему нужно всё хорошенько взвесить и обязательно придумать, как спасти себя и товарищей. Сугр обхватил голову руками и надолго замер.

Мирцея

Мирцея открыла глаза и посмотрела на едва посветлевший квадрат окна. Рассвет не торопился наступать. Теперь, когда сын отстранил её от управления государством, время стало тянуться невыносимо медленно. Она почти перестала спать. Даже если с вечера и удавалось заснуть, среди ночи она внезапно просыпалась, открывала глаза и до самого утра ворочалась в кровати, пытаясь отогнать тяжёлые вязкие мысли.

Эти мысли и днём вертелись в её голове, повторяясь с завидным однообразием, и иногда ей казалось, что она просто сходит с ума. Как несчастная Элида… Боги, две сумасшедший бабы в одном дворце! Не многовато ли… Хотя, если хорошенько поискать, сумасшедших здесь намного больше.

Вот взять её сына… Старшего, конечно. Любимчика… Внезапно свалившаяся на голову власть, о которой несколько лет назад он даже и помыслить не мог, настолько его потрясла, что Патарий стал совершать странные поступки. Захотел единолично принимать все решения… и бесцеремонно выставил её из Зала Совета! Её, которая столько сделала, чтобы её мальчик стал Повелителем! Слезинка, покинув глаз, скатилась к виску. За ней другая, третья. Мирцея кончиками пальцев стёрла слёзы. Всё, хватит рыдать, как побитая баба! Она – мать Повелителя, и, хочет он того или нет, своё слово она ещё скажет!

Женщина села в постели и, нашарив рукой шёлковый халат, натянула его на тонкую рубашку. Пол холодил босые ноги, но это было даже приятно – ночи становились жаркими. Она вышла на балкон. Предрассветный ветерок коснулся лица, скользнул по шее и запутался в её густых волосах. Мирцея прикрыла глаза и глубоко вдохнула пропитанный ароматом ночных цветов воздух.

«Боги, Боги! Какое всё-таки счастье, что я выжила… и смотрю сейчас на рождение нового дня… А ведь могла бы гнить в темноте… под боком у драгоценного муженька… – она вздрогнула, представив ледяной холод нижних залов пирамиды. – Ну, уж нет! Лучше пусть так, в немилости у любимого сына, брошенная неблагодарным любовником, но живая! И я не собираюсь навечно похоронить себя в этом проклятом дворце!»

После завтрака она отправилась в покои Патария. Но её не впустили, сославшись на занятость Повелителя, и ожидание аудиенции затянулось. Стоявшие на часах Золотые Мечи хранили невозмутимое спокойствие, но в глазах крайнего, стройного зеленоглазого юноши с пробивающейся бородкой она прочла плохо скрываемое презрение.

– Как твоё имя, юноша?

Лантар вздрогнул от обращённого к нему вопроса. Помолчав несколько мгновений, он произнёс:

– Лекус Загран, госпожа.

– Загран… Загран… Из Сентории, кажется… Дальняя родня тамошнего лангракса. – Мирцея окинула юношу внимательным взглядом, под которым его самоуверенность начала тут же испаряться.

– Да… госпожа. Я кузен… по матери… госпожи Элиды…

– Понятно… И как там поживает твоя… сумасшедшая сестрица?

Юноша сначала побледнел, потом кровь бросилась ему в лицо, и он, всеми силами сдерживая рвущийся наружу гнев, выдавил:

– Хорошо.

Мирцея ухмыльнулась и, недобро глянув на стража, наставительно заметила:

– В разговоре с матерью Повелителя не повредит всегда добавлять «госпожа», если не желаешь заиметь кучу неприятностей. Хотя что с вас, слабоумных, взять… – И, легко стукнув в дверь, решительно шагнула в покои сына мимо оторопевших стражей.

Патарий развалился в кресле у небольшого столика и потягивал вино из золотого кубка. Взглянув на мать, он отвернулся. Мирцея прошла к столу и уселась в кресло напротив, внимательно разглядывая лицо сына. Все эти дни Патарий почти не покидал своей комнаты, проводя время в компании с кувшинами красного гахарского и сладкого густого антубийского. Он зарос густой щетиной и, судя по сальным волосам, не мылся со дня злополучного обеда.

Женщина поморщилась:

– Доброе утро, сынок! Лантары мне сказали, что ты очень занят. – Патарий бросил на неё яростный взгляд и уже собрался открыть рот, но Мирцея невозмутимо продолжила: – Врут ведь, паршивцы! И кому осмелились врать – матери Повелителя! И ведь посмели держать меня у твоей двери!

– Что вам угодно? Я не посылал за вами. И совершенно не желаю вас видеть!

Мирцея встала со своего кресла и, обойдя его, опёрлась о спинку:

– Это понятно. Но только дело не во мне, мой милый… Ты получил первый урок власти – Повелителя делает его окружение! И вместо того, чтобы хорошенько его усвоить, ты, как сопливый мальчишка, обиделся на всё и вся и забился в эту дыру, заливая

свою обиду вином!

Лицо молодого человека пошло красными пятнами.

– Я не собираюсь выслушивать ваши нравоучения! Я – Повелитель Нумерии и обойдусь без чьих бы то ни было советов!

– Ты забыл добавить «пока»! Пока… ещё Повелитель Нумерии! Я думала, ты умнее, Патарий. Но теперь я вижу, как была неправа…

Тот исподлобья посмотрел на мать и выдавил сквозь зубы:

– Интересно, в чём?

– В том, что в постоянной борьбе за трон для Рубелия не уделяла должного внимания тебе. Не приложила всех усилий, чтобы научить тебя править. Это искусство, мой милый, и тот, кто не овладеет им в полной мере, в один прекрасный день проснётся в нижней камере Саркела… Или не проснётся вовсе, если упустит из виду второе правило власти.

Патарий потёр лоб и презрительно скривился:

– Я как-то не расположен сегодня разгадывать загадки…

– Вижу… хотя никакой загадки здесь нет. Повелитель, желающий не только вскочить на трон, но и усидеть на нём, обязан день и ночь быть настороже. Он должен знать, чем дышит, что ест и с кем спит каждый мало-мальски значимый человек в его государстве. И конечно же о чём болтают, а главное, о чём думают приближённые к нему люди. Только так он сможет остаться Повелителем.

Патарий молчал. Мирцея не прерывала этого тягостного раздумья, внимательно следя за выражением его лица. Наконец он шевельнулся и посмотрел на мать:

– Что-то случилось?

Мирцея обошла кресло и вновь уселась в него, расправив складки на пышной юбке:

– Слава Богам, пока ничего. Но… если ты продолжишь сидеть здесь, опустившийся, как портовый пьянчужка, будь уверен, случится. И весьма скоро! Сейчас тяжёлые времена, и стране нужен сильный мужчина, а не истеричный подросток, хлопающий дверью на каждое сказанное ему поперёк слово!

Патарий снова потянулся к кубку, но вдруг отдёрнул руку, резко встал и подошёл к окну. Постояв минуту, он обернулся:

– Грасарий, наверно, злорадствует? Он ещё не всех министров скупил на корню?

– Не знаю. После смерти ребёнка он как-то потух, и его сейчас заботит одно – уберечь Динария любой ценой. А значит, может на время затаиться. И ты должен всегда держать в поле зрения этих двоих, чтобы они не смогли создать тебе новых проблем. И не дуйся на Тостина. Он, конечно, сволочь ещё та, но

уж лучше иметь его в друзьях… Галигана сильно к себе не приближай, но и не отталкивай – этот бабник всё время должен чувствовать, что ещё чуть-чуть, и он точно станет твоим другом. Правда, я не уверена, что на него можно будет положиться.

Патарий с удивлением смотрел на мать:

– Такое ощущение, что вы даёте мне последние наставления. У вас всё в порядке… со здоровьем?

Мирцея ошарашенно взглянула на сына и вдруг рассмеялась:

– Боги милостивые! Надо же, я и не подумала, что со стороны это может так выглядеть! Ну… я не могу сказать, что всё совсем прекрасно, но относительно твоего отца – просто замечательно!

– Тогда к чему эти поучения? – Патарий натянуто улыбнулся.

– Дело в том, что я собралась уехать. В Гахар. И зашла предупредить тебя об этом.

– В Гахар? Сейчас? – Патарий удивлялся всё больше. – В такое неспокойное время…

– Там сейчас всё совершенно спокойно. А родные стены помогут мне быстрее прийти в себя после болезни. – Мирцея ненадолго замолчала, решая про себя, стоит ли говорить следующие слова. – К тому же ты ведь сам не очень хочешь, чтобы я путалась у тебя под ногами.

Патарий с интересом разглядывал рисунок на ткани, которой были обтянуты стены его покоев. Мирцея с замиранием сердца ждала, что сейчас ответит ей сын. Стоит ему только попросить, только намекнуть, чтобы она осталась…

– Пожалуй, так будет лучше всего. Когда ты планируешь отправиться?

Сердце сжалось в холодный комок, но она заставила себя улыбнуться:

– Через пару дней. Да, я хочу взять с собой Рустия. Пусть подышит гахарским воздухом и немного развеется. Он тут совсем от рук отбился, пора хоть как-то заняться его воспитанием.

Патарий кивнул. Уже в дверях Мирцея обернулась:

– Надеюсь увидеться с тобой за ужином, мой мальчик.

Влетев в свою комнату, она бросила испуганно взглянувшей на неё прислужнице:

– Быстро найди и приведи Рустия!

Мальчишку отыскали только через час и в совершенно неожиданном месте – в читальне. С ногами забравшись на диван, он увлечённо читал какую-то толстую книжку. Увидев запыхавшуюся прислужницу матери, Рустий скорчил недовольную рожу и, захлопнув книгу, вразвалочку отправился за ней.

Мирцея ласково улыбнулась при виде сына, обняла его и

прижала к груди вихрастую голову. Рустий напрягся, пытаясь отстраниться, но мать уселась на диван и усадила его рядом:

– Я хочу поговорить с тобой об одном деле… – Мирцея не закончила фразы, страшно удивившись реакции мальчика на её слова. Рустий вздрогнул, побледнел и уставился в одну точку остановившимся взглядом. – Что-то случилось, дорогой? Тебя кто-то посмел обидеть?

Говоря это, она взяла его судорожно сжатую руку в свои ладони, и чуть не задохнулась. В её сознании вдруг начали вспыхивать яркие картины, с бешеной скоростью проносившиеся перед её внутренним взором. То, что она увидела, заставило её содрогнуться. Её маленький сын, её последыш, которого она любила, как никого другого в этом мире, оказался хладнокровным убийцей…

Она дикими глазами смотрела на Рустия, в ужасе сжавшегося на диване. Резко отбросив его руку, Мирцея несколько раз глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

– Значит, это ты… – Мальчик молчал. – Я тебя спрашиваю! Ты?!

Рустий кивнул, ещё ниже свесив голову. Женщина потёрла виски, морщась от внезапно вспыхнувшей в голове боли.

– Через два дня мы с тобой уезжаем в Гахар. Изволь пойти и собраться!

Мальчик неуклюже сполз с дивана и пулей вылетел из комнаты.

Патарий

– Повелитель Нумерии Патарий Первый!

Патарий неторопливо вошёл в распахнутую дверь Малого Зала и окинул взглядом собравшихся там. Вокруг огромного стола стояли, приветствуя Повелителя, все члены Большого Совета, командующие армейскими подразделениями и его братья – Норсий и Динарий.

Пройдя во главу стола и усевшись на позолоченное кресло с высокой спинкой, молодой человек ещё раз оглядел озабоченные лица мужчин и небрежно махнул рукой:

– Можете садиться.

Как только все заняли свои места, поднялся Главный сигурн и, получив от Повелителя молчаливое разрешение, взял слово:

– До известной вам даты осталось всего одиннадцать дней, и Повелитель желает знать, что вами сделано. Начнём с финансов.

Самус Марталь, слегка похудевший и осунувшийся за последние дни из-за невыносимых душевных страданий по поводу рекой утекающих из казны литов, сегодня выглядел лучше. Он бодрым голосом доложил, что почти все ланграксы уже сдали в казну оговоренную приказом сумму, и теперь он может уверенно сказать, что денег на выплату жалованья солдатам и наёмникам хватит.

Брови Патария удивлённо поползли вверх:

– Что значит «почти все»? Кто-то посмел ослушаться моего приказа!

Марталь бросил косой взгляд вдоль стола и повернулся к Патарию:

– Ланграксы Унарии и Дастрии сдали в казну по тридцать тысяч литов вместо оговоренных пятидесяти, а лангракс Болотных Пустошей – тот даже свои двадцать пять не сдал, привёз только пятнадцать.

После его слов над столом повисла зловещая тишина. Патарий ухмыльнулся:

– Оберин Горк! – В середине стола поднялся высокий сутулый мужчина и почтительно поклонился Повелителю. – Большой Совет желает знать, откуда у вас такое неуважение к приказам Повелителя.

Опершись руками о стол, Горк громко заговорил:

– Господин Повелитель Нумерии! За всё время моего правления я никогда не осмеливался ослушаться приказов из Остенвила! И всегда мой небогатый лан платил налоги полной мерой! Но эта зима по своей жестокости превзошла все известные

мне зимы, и скромные запасы, сделанные моим народом, подошли к концу ещё задолго до весны.

Я, как хороший господин и отец своему народу, выделил немало литов из своей казны, чтобы поддержать бедствующих жителей Болотных Пустошей. И теперь моя казна совершенно пуста! Разве мы могли себе представить, что весна принесёт в Нумерию войну, а это повлечёт огромные дополнительные расходы. И я прошу милосердного Повелителя уменьшить мою долю выплат – поверьте, мы выскребли всё, до последнего лита!

Патарий задумчиво смотрел на лангракса, барабаня по столу пальцами. Тот терпеливо ждал, уставившись на Повелителя.

– Лангракс Болотных Пустошей! Я отказываю в твоей просьбе! Ты должен отдать в казну всё, что положено. И мне безразлично, где ты добудешь эти деньги. Занимай в долг у соседа или потряси своих жабьих торговцев, но через три дня золото должно быть в казне!

Оберин Горк сел с каменным лицом. Патарий поискал глазами следующую жертву:

– Мортон Тупс! Только предупреждаю сразу – я не собираюсь тут выслушивать твой жалкий лепет, что все литы из казны лана ушли на кормёжку кабанов и медведей в лесах Унарии этой голодной зимой!

За столом кое-где раздались придушенные смешки. Толстый Тупс, стирая с лица обильный пот, шумно отдувался и старательно таращил свои маленькие круглые глазки.

– Что вы, господин Повелитель! Какие кабаны и медведи! Вы ведь знаете, какое огромное несчастье постигло наш лан прошлой осенью! Гудвуд сгорел почти дотла, и все отложенные в казне на чёрный день литы ушли на его восстановление! Если бы не этот страшный пожар, разве ж я осмелился бы не выполнить ваш высочайший приказ!

– Потряси-ка своим жирком, Тупс! Я точно знаю, что у тебя имеется заначка не на один чёрный день! Потом с того же Гудвуда и возьмёшь… насколько мне известно, там теперь твой зятёк вейстором. Или тебе твое кресло стало жать?

– Я всё понял, Повелитель, всё понял… – Тупс энергично закивал головой, покрываясь красными пятнами. Он упал на свой стул и снова схватился за платок.

– У нас остался Герген Вотран. Прошу! Крайне любопытно услышать, какие такие проблемы вдруг возникли в любимой всеми Богами Дастрии!

Вотран, высокий черноволосый мужчина лет сорока, мрачно смотрел из-под насупленных бровей.

– Вам разве не доложили ваши министры, Повелитель, что

моя Дастрия оказалась не настолько любима Богами! Иначе они никогда не наслали бы на неё это жуткое проклятие – кровавую лихорадку!

За столом зашумели. Ланграксы переглядывались друг с другом, обсуждая вполголоса слова Вотрана. В далёких южных землях эта болезнь была хорошо известна, но уже давно никто не слыхал о ней в пределах Нумерии.

– И как она может помешать тебе выплатить в казну свою долю? – Патарий был неприятно удивлён столь бурной реакцией Совета на заявление лангракса. – В нашей стране нетнет да и заведётся какая-нибудь зараза, жители болеют, но при этом все налоги платятся исправно!

– Эта болезнь слишком опасна, чтобы я просто сидел и ждал, когда она сама собой прекратится! Люди вымирают семьями и целыми деревнями, и я уже потратил целое состояние на то, чтобы обеспечить несчастным хоть какое-то лечение. – Герген Вотран окинул взглядом всех сидевших за столом. – Я прошу Большой Совет оказать Дастрии помощь… – Его слова потонули в шуме, но лангракса это не смутило, и он громко закончил: – Ведь если зараза расползётся по Нумерии, то предстоящая война покажется вам просто детской забавой!

Патарий поднял руку, призывая всех замолчать.

– Мне известно, конечно, про «кровавую лихорадку». Но при всей серьёзности угрозы, я не могу сейчас закрыть глаза на действия Солонии и заняться какой-то паршивой болячкой! Для этого в Нумерии имеется достаточно лекарей! Пусть эти дармоеды делают своё дело! Единственное, на что я ещё могу согласиться, – распределить твой долг казне между остальными ланами. Галиган, подготовь приказ!

Дальше совещание потекло по заранее намеченному плану. Турс Либург отчитался о готовности армии и приведении в порядок немногих имеющихся на восточной границе укреплений. Адмирал Лекс отрапортовал, что на стороне Нумерии, кроме имевшихся на флоте десяти штатных кораблей, готовы выступить ещё почти два десятка вольных капитанов со своими командами. За чисто символическую плату, естественно…

Дольше всех пыхтел и мямлил Кестин Пундор, выступавший в непривычной для себя роли главного строителя великой остенвильской стены. Он хватался то за один, то за другой исписанный его каракулями листок, но в итоге, красный и потный, совсем замолк, испуганно глядя на Повелителя.

В конце концов, ему на помощь пришёл министр тайного приказа. Арвидол в нескольких словах поведал окружающим, что толстяк Пундор оказался весьма эффективным управляющим и

при его неусыпном руководстве рабочие на стенах трудятся круглые сутки, едва успевая использовать непрерывно подвозимые из каменоломен камни и плиты.

Стену обновляли сразу с трёх сторон, больше внимания уделяя всё-таки западной и северной сторонам. Кузнецы срочно укрепляли железными листами створки всех ворот, землекопы старательно углубляли ров, который потом будет до краёв заполнен морской водой.

– А как вы защитите город со стороны моря? – Патарий переводил взгляд с одного на другого.

– Наш флот не пропустит противника к городу, Повелитель. Но если вдруг случится что-то непредвиденное… – Тостин обвёл присутствующих взглядом, – между сторожевыми башнями в устье реки мы натянем огромную цепь, закреплённую на плавучих платформах. Она остановит вражеские корабли, которые мы с берега забросаем бочонками с горящей смолой.

Патарий согласно кивнул. Выждав ещё минуту, он встал и заговорил не терпящим возражения тоном:

– Я принял решение… – он искоса взглянул на сидевшего от него по левую руку Турса Либурга, – лично возглавить моё войско! Вы все… – он неторопливо оглядел уставившихся на него мужчин, – будете в моём Военном Совете! Пожалуй, кроме Пундора, Марталя и Главного судьи – не вижу никакого толка от их присутствия на поле боя. И в предстоящем походе я желаю видеть возле себя моих ланграксов или их прямых наследников! Каждый из вас в это смутное время должен доказать преданность своему Повелителю не только своими кошельками, но и собственными жизнями! А уж моим любимым родственникам – дяде Грасарию и моим братьям, Норсию и Динарию, – я отведу в этом Совете самые почётные места! – Насмешливо глядя на хмурые и озадаченные лица присутствующих, Патарий стукнул ладонью по столу и объявил: – Мы выступаем через пять дней!

Тван

Тван лежал в засаде на опушке небольшой рощицы и, стараясь не сбиться, считал проходивших по дороге лучников. Когда пальцы на двух руках заканчивались, он срывал одну травинку, укладывал перед собой и снова начинал загибать пальцы.

Когда последний велант скрылся за поворотом, он пересчитал сорванные травинки. Их было десять и ещё пять. Тван вздохнул. В математике он никогда не был силён, научившись считать только до десяти. Правда, большего от конюха вейстора Прилесья никто и не требовал.

Он понаблюдал ещё пару часов, но больше ничего интересного не происходило. В животе громко урчало, и Тван справедливо решил, что пора бы и подкрепится. Внимательно оглядев дорогу в обе стороны, он отполз в глубь рощицы и, пригнувшись, быстро побежал к небольшому овражку.

Там его уже ждали. Ронгут сразу поднялся и полез наверх – была его очередь наблюдать у развилки. Пожевав вяленого мяса и запив его холодной водой из ручья, Тван рассказал, что по дороге в сторону Солонии протопали веланты. И сунул в руки Сугра перемотанный травинкой пучок. Тот, уже привыкший к таким подсчётам местного математического гения, пересчитал их и, закатив глаза, начал усердно шевелить губами.

Парень поискал глазами Дарта. Тот сидел в сторонке с Игнаком, и они о чём-то тихонько беседовали. Точнее, долговязый подросток с торчащими ушами, курносым носом и небольшими голубыми глазами что-то увлечённо рассказывал, а Дарт, открыв рот, слушал.

Милостивая судьба в лице Игнака свалилась на их головы именно в ту минуту, когда попавший в переделку отряд крайне нуждался в чьей-нибудь помощи. Они почти свернули мозги, пытаясь найти выход из безвыходного положения, но ничего умного не придумывалось. Быстро стемнело, что только добавило мрачности их унылому настроению. И этот самый момент полного отчаяния в проёме открывшейся двери вдруг возник долговязый силуэт, окружённый светящимся ореолом… или это им это только показалось? Силуэт ступил внутрь, а сопровождавший его клантор задержался снаружи, чтобы перекинуться острым словечком с проходившей мимо разбитной девахой.

Поставив на пустую бочку кувшин молока и положив круглый каравай, вестник судьбы, оказавшийся худым парнишкой, шепнул

примостившемуся рядом Сугру:

– Вам надо бежать. Я слышал, как военный сказал моему хозяину, что вы точно шпионы и завтра на рассвете вас казнят. – И быстро добавил, стрельнув глазами в сидящих чуть поодаль мужчин: – Я знаю, что нужно делать. Ждите через полчаса у задней стены.

Развернувшись, парнишка быстро вышел… ещё до того, как клантор дослушал колкий ответ раскрасневшейся девицы. После его ухода товарищи по несчастью бурно заспорили. Сугр считал, что мальчишка – явный провокатор, которого подослали, чтобы вынудить их наделать глупостей и удариться в бега. А сбежавших конечно же поймать, и уж тогда с чистой совестью точно повесить!

Ронгут, напротив, полагал, что мальчишка действительно что-то услышал и решил им помочь, хотя в бескорыстность такой помощи и ему верилось слабо. Тван, сам не понимая почему, мальчишке поверил сразу – что-то в его поведении было такое, что настораживало и успокаивало одновременно. Неожиданно всех примирил Дарт. Почесав нос, он изрёк:

– Пацан скоро явится. Мы его расспросим обо всём, тогда и решим.

Предложение было столь очевидным, что спорить стало не о чем. Поужинав принесённым хлебом с молоком, они уселись ждать. Время тянулось безобразно медленно, и, когда в стенку сарая тихонько стукнули, арестованным казалось, что прошло уж никак не меньше трёх часов.

Все метнулись к задней стене, и переговоры начались. Парнишка, которого звали Игнаком, рассказал, что собственными ушами подслушал разговор хозяина с командиром разведчиков и что на рассвете им совершенно точно придётся расстаться с жизнью.

Компания приуныла, но то, что они услышали дальше, снова вдохнуло в них маленькую пока, но надежду. Оказывается, что всего каких-то два месяца назад сам Игнак находился в их нынешней шкуре – был пойман и сидел, ожидая суда, в этом самом сарае. И чтобы не терять время зря, ковырял подкоп под эту самую стену.

Лаз был почти готов, и парень уже собирался с чистой совестью покинуть негостеприимное место, как его вдруг повезли на суд в ближайший город. И вейстор, толстый красномордый мужик с лоснившимся от пота лицом, основываясь на каких-то там дурацких законах, присудил ему год подневольных работ у старосты этой деревни, препаскуднейшего мужика Изара Борока.

За что Игнака наказали, арестанты так и не поняли. В этом

месте парнишка замолчал, и молчал так долго, что мужчины даже забеспокоились, не спугнул ли кто их благодетеля. Но нет, он был на месте, просто по хлюпнувшему носу стало ясно, что тот плакал. Этот Изар устроил ему такую весёлую жизнь, что парень готов был бежать куда угодно, да хоть к чёрту на рога, лишь бы подальше от этой толстопузой сволочи.

План Игнака был прост. Арестованные общими усилиями заканчивают подкоп, а он, стащив у хозяина побольше вяленого мяса, заманивает им спущенных на ночь собак в коровник. И как только эти волкодавы будут изолированы, беглецы быстренько спустятся к реке, где привязаны несколько лодок. А если они поторопятся, то к рассвету окажутся уже далеко отсюда.

Мужчины переглянулись. То, что они услышали, было весьма убедительно. И при удачном стечении обстоятельств через пару часов они уже могли быть на свободе. А при неудачном… Но чем они, собственно, рискуют? Точку в колебаниях поставил всё тот же Дарт, который веско буркнул:

– Этот мальчишка знает, что говорит. Он точно не на их стороне.

Сугр попытался выяснить, с чего он так решил, но Дарт только упрямо мотал головой и угрюмо сопел. Отодвинув в указанном месте от стены сено, беглецы нашли под стеной глубокую яму. Расколов кувшин на две половины, они принялись выгребать оттуда землю, сваливая её прямо в углу сарая.

Дело шло быстро, и уже через час Тван смог высунуть голову наружу, вдохнув свежий ночной воздух. Вспомнив свой казус с предыдущим подкопом, он быстро огляделся, но вокруг всё было спокойно. Они ещё совещались, ждать им парнишку или самим отправляться к реке, как у стены раздался тихий свист. Мужчины замерли, а Дарт кашлянул в ответ. Снаружи зашептали:

– Можете выходить. Собаки закрыты. Только тихо, чтоб стражник у двери не проснулся.

Один за другим они нырнули в подкоп. Игнак ждал снаружи и сильно нервничал, то и дело поглядывая за угол сарая, но на сей раз удача им улыбнулась. До реки беглецы добрались за несколько минут, вошли в воду и тихонько побрели вдоль берега, чтобы сбить со следа собак, если вдруг за ними пустят погоню. За ближайшими кустами, как и обещал парнишка, оказались мостки, у которых покачивались три лодки.

Игнак нырнул в кусты, откуда выволок пару вёсел. Беглецы уселись в ближайшую лодку, оттолкнулись от берега и, стараясь не шуметь, начали выгребать на середину. Течение подхватило посудину и понесло. Десяток томительных минут, и деревушка скрылась за поворотом. Выждав ещё чуть-чуть, друзья налегли на

вёсла.

Рассвет они встречали уже далеко от места заточения. Сугр вовремя предупредил, что за следующим поворотом реки новое селение, и они решили больше не рисковать. Хватит торчать на виду и искушать судьбу – едва ли им ещё раз так несказанно повезёт.

При дневном свете беглецы разглядели наконец своего спасителя. Парень залился краской, когда они начали горячо благодарить его и пожимать ему руки. Когда волна восторгов схлынула, Игнак извлёк из своего мешка, прихваченного в хозяйском доме, два каравая чёрного хлеба, несколько сухих колбас и большой кусок окорока. На радостный возглас мужчин он скромно заявил:

– Пора подкрепиться! Кой-чё от собак урвал, хоть эти проглодиты всё были готовы сожрать! А хозяин, жмотяра, чтоб сдох от жадности! – И весело улыбнулся.

Теперь днём они прятались, стараясь передвигаться только ночью. На третий день своих скитаний они нашли укромное местечко на развилке дорог и почти два дня наблюдали, как мимо них то и дело проходили отряды армии Нумерии. Игнак предложил считать воинов, чтобы раздобытые ими сведения были более точными. И сам взялся за точные подсчёты, которые давались ему удивительно легко.

На свободе, в мужской компании парень оттаял и разговорился. Главными его слушателями стали конечно же Дарт с Тваном. Сугр в некоторых местах его рассказов удивлённо поднимал брови и хмыкал, а вот Ронгут, когда Игнак заявил, что попал в Нумерию два месяца назад совершенно непонятным образом из небольшого городка в Чехии, плюнул под ноги и покрутил пальцем у виска.

При первых же словах мальчика Дарт выразительно посмотрел на Твана и жарко зашептал ему на ухо:

– Ты понял? Ну? Он же оттуда… как Ник… из их мира! Вот клёво! Мы должны взять его с собой и обязательно свести с Ником и Кшыстей! Это же… это же… – Дарт чуть не задохнулся от избытка чувств, но не нашёл подходящих слов и просто махнул рукой.

Ронгут недовольно запыхтел, когда Тван, глядя себе под ноги, твёрдо заявил, что без этого мальчишки они с Дартом с места не двинутся. Он окинул парня злым взглядом и ехидно поинтересовался, на кой ляд им сдался этот чокнутый малец. А он точно чокнутый, если несёт такую ахинею! И кто знает, какие фокусы тот ещё выкинет в будущем. Сугр хмыкнул, слушая не скрывавшего своего раздражения товарища, минутку помолчал и

вынес окончательный вердикт:

– Пойдёт с нами. Но если будет болтаться под ногами и лезть, куда не просят, пусть пеняет на себя!

Опасения Сугра оказались напрасными. Их спаситель оказался не только шустрым, но и на удивление сообразительным пареньком. Он брался за любое дело и вскоре стал полноправным членом их команды. В свободное время Дарт учил его метанию камней, Тван – обращению с ножом, а Сугр снизошёл и показал несколько приёмов борьбы.

Ронгут возвратился, когда окончательно стемнело. За часы, проведённые в дозоре, он не увидел ничего интересного, и Сугр, собрав всех вместе, торжественно объявил, что завтра они отправляются обратно – хватит валяться по кустам и кормить комаров. Они узнали достаточно, и теперь нужно было поторопиться в Солонию.

Тван повернулся на бок и закрыл глаза. Прошёл ещё один день, и кто знает, что ждёт их всех завтра.

Мелеста

Дартон Орстер открыл глаза и, увидев склонённое над ним лицо, растянул в неуверенной улыбке свой беззубый рот.

– Ой, ты мой маленький! Солнышко моё! Да, как он мамочке своей обрадовался, сыночек мой сладенький! – Мелеста заворковала над сыном, разворачивая пелёнку. – Мой мальчик выспался, сейчас мы его переоденем, и мой сыночек будет кушать! Рула! – Мелеста позвала мигом примчавшуюся прислужницу. – Ты только посмотри на это чудо! Мой Дартон сегодня первый раз улыбнулся!

Лицо Рулы расцвело. Девочка поставила таз на низкую скамеечку возле кроватки и приготовилась поливать тёплой водой попку ребенка. Быстро помыв и запеленав сына, Мелеста уселась в кресло, чтобы покормить его. Она всё делала сама. Ей доставляло невероятное удовольствие гладить его мягкие волосики, целовать круглые пяточки и чувствовать, как он с жадностью хватает её сосок, быстро глотая брызжущее из груди молоко.

– Что там наши гости? Уже встали?

Девочка радостно закивала. С первой минуты знакомства она без ума была от Леи и, если бы не её безграничная любовь к Мелесте и малышу, была готова всё своё время проводить возле девушки.

– Сейчас мы покушаем, а потом Дартон пойдёт гулять. Да, мой сыночек? В саду так тепло и такие чудесные запахи. А то твой дядюшка Лугар опять ночью чем-то надымил, до сих пор в коридоре дышать нечем.

Мальчик жадно сосал, поглядывая на Мелесту круглыми голубыми глазами, словно прислушиваясь к её словам. Она провела рукой по его пушистым волосам и улыбнулась. Несмотря на опасения Бракара, роды прошли благополучно. Ребёнок появился на свет на две недели раньше срока, но оказался крепким и абсолютно здоровым. Перерезав пуповину, лекарь покрутил младенца в руках, даже зачем-то перевернул его вниз головой, а потом радостно объявил Мелесте и присутствовавшей здесь её тётке Бегите:

– Мальчик! Хороший здоровый мальчик!

Обмыв ребёнка тёплой водой, он завернул его в мягкую пелёнку и сунул под грудь уставшей, но безмерно счастливой молодой матери:

– Нужно, чтобы он сосал. Давай, парень, не ленись! Вот так, правильно, хватай, хватай титьку – это теперь для тебя самое

первое дело! – И, видя, что тот деловито зачмокал, удовлетворённо вздохнул.

На следующий день отдохнувшая Мелеста показала сына родне и торжественно объявила, что называет его Дартоном Орстером – в честь брата своего мужа. Находившийся тут же писец вейстора Таграса сделал соответствующую запись в Книге рождений, и младенец обрёл имя, а с ним и права наследника вейстора Прилесья. Правда, об этом пока никто всерьёз не думал.

Бракар, ежедневно наблюдавший за самочувствием ребёнка и его матери, через неделю заявил, что вполне доволен состоянием их здоровья и они больше не нуждаются в столь пристальном внимании. Теперь он стал приходить только два раза в неделю на торжественные ужины, которые тётушка Бегита регулярно устраивала для своих родственников и лучших друзей.

Дартон наелся, и теперь его глаза закрывались. Мелеста осторожно вытащила сосок из его губ, и ребёнок, вздохнув, сладко засопел. Передав свёрток в руки Руле, она набросила на плечи лёгкую накидку, и они отправились в сад, где под огромной грушей стояла скамейка со множеством мягких подушек – любимое местечко Мелесты. Лея уже ждала там. Она поднялась им навстречу и радостно расцеловалась с девушкой, погладила по голове заулыбавшуюся Рулу и провела пальцем по щёчке спящего ребёнка. Дартон смешно сморщился и снова улыбнулся.

– Леечка! Он сегодня мне улыбнулся первый раз, а тебе вот второй! – Мелеста громко зашептала, усаживаясь поудобней. – Он чудо как хорош, ведь правда?

Лея согласно кивнула, разглядывая круглое маленькое личико, в котором она с первой их встречи старалась разглядеть черты любимого человека.

– Он просто прелесть! Я до сих пор не могу в себя прийти от того, что вижу Дартона Орстера – живого и невредимого!

Мелеста кивнула. Она сама никак не могла забыть своего удивления, когда десять дней назад утром за завтраком увидела новых людей. Тётушка Бегита представила домочадцам племянника своего давно умершего мужа Хадрела, его жену Леду и её отца Лугуса, торговца шерстью из Кватраны.

Едва взглянув на девушку, Мелеста обмерла. Светловолосая красавица с голубыми глазами была как две капли воды похожа на Лею, дочь бывшего Повелителя Нумерии, в которую безнадёжно был влюблен её деверь, несправедливо обвинённый в прелюбодеянии. Она никак не могла отделаться от этой мысли и почти ничего не ела, вызвав тем самым беспокойство тётки.

– Мелеста, что с тобой, дорогая? Ты здорова, девочка моя?

– Да, тётушка, всё хорошо! Просто сегодня из подвала поднялся такой чудный запах, что у меня даже голова разболелась от восторга!

Все дружно засмеялись. Лугар, с волчьим аппетитом поглощавший жареного цыплёнка, виновато улыбнулся и с набитым ртом пообещал немедленно исправить свою ошибку.

– Да, ладно уж! Отдохни, будь так добр! А то наши гости и вправду решат, что ты ни на минуту не дашь им покоя! У нас здесь есть прекрасный сад, и там пахнет куда приятнее, чем из твоего подвала!

Туда-то всех и пригласили, как только завтрак был окончен. Мелеста вышла с сыном и, усевшись на скамье, принялась ждать. У неё появилась одна идея, и она решила немедленно претворить её в жизнь. Через несколько минут появилась Леда, рядом с которой шагал её муж. Пара подошла к Мелесте, и девушка улыбнулась, увидев лежащего на подушке ребёнка:

– Какой чудный малыш! Я и не знала, что у вас есть ребёнок! Он такой маленький…

– Ему завтра будет три недели. И он очень похож на своего дядю.

– Да? И как же зовут его дядю?

– Так же, как и его самого… Дартон Орстер!

Леда вскрикнула и страшно побледнела. Она уставилась диким взглядом сначала на Мелесту, а потом на малыша:

– К-как… как вы… сказали?

– Дартон. Он сын Улафа Орстера, наследника вейстора Прилесья. И племянник Дартона Орстера, командира Золотых Мечей Повелителя Нумерии Палия. И я думаю, вам хорошо знакомо это имя… Лея.

Девушка вздрогнула, как от удара, и виновато посмотрела на Хайрела:

– Я же говорила тебе, что из этой затеи не выйдет ничего хорошего. – И, повернувшись к Мелесте, серьёзно заговорила: – А вы – Мелеста. Мне Дартон о вас много рассказывал. Он говорил, что вы очень добрая и умная девушка и никогда никому не делали гадостей. И нам ничего сейчас не остаётся, как только надеяться на вашу порядочность.

Мелеста кивнула. Она была не меньше Леи потрясена этой встречей, вновь всколыхнувшей и поднявшей со дна души тяжёлые воспоминания. Хайрел, увидев слёзы в их глазах, тихо отошёл, оставив девушек вдвоём. Почти до самого обеда они взахлёб рассказывали друг другу о недавних событиях, приведших их такими непростыми путями к этой удивительной встрече. И, вставая со скамейки, они были уже не просто

подругами, они стали ближайшими родственницами, которых неразрывными узами связало одно имя – Дартон Орстер. Мелеста поклялась хранить доверенную ей тайну и всем, что было в её силах, помочь друзьям.

Погода была прекрасной. Ночью прошёл небольшой дождь, и отмытая зелень радовала глаз своей свежестью. Цветы под утренним солнцем раскрыли свои чашечки, наполнив всё вокруг восхитительным ароматом, на который слетелись с самого рассвета трудившиеся пчёлы. Лея полюбовалась на спящего малыша и вдруг поманила крутившуюся рядом Рулу:

– Принеси нам, девочка, воды. Что-то пить хочется…

Рула радостно кивнула и понеслась по дорожке к дому. Мелеста с удивлением посмотрела на подругу. Та проводила девочку взглядом и тихонько проговорила:

– Не надо, чтобы она слышала. Вчера в кабинете у твоей тётки мы совещались, что делать дальше. Наше пребывание здесь скоро перестанет быть секретом, а это значит, что вейстор Таграса должен будет выполнить приказ Патария и арестовать нас. И если это произойдёт, живыми из Саркела нам уже вряд ли удастся выбраться.

Глаза Мелесты округлились от страха. Она даже думать не хотела о том, что Лею может ждать такая ужасная судьба, но их наивная уловка действительно мало кого из знающих людей могла ввести в заблуждение.

– И… что же теперь делать?

Лея тяжело вздохнула:

– Мы будем пробираться к Юнарию. Как ни странно это звучит, но он – наша последняя надежда на спасение, а Солония – единственное место в Нумерии, где нас не достанут. Здесь мы – опаснейшие преступники, хотя наша вина лишь в том, что мы вывели из дворца ни в чём неповинного Лабуса. – Лея грустно улыбнулась, вспомнив их маленькую хитрость.

– Но ведь Юнарий может не обрадоваться вашему появлению… – Мелеста разволновалась и заговорила громче. – Вы – дети двух самых ненавистных для него людей. Правда, твой отец действительно мог не знать о его существовании.

Лея кивнула:

– Ты забыла, что я ещё и племянница Рубелия, отдавшего приказ об убийстве его матери. Но нам ничего больше не остаётся, как испытать судьбу. – Она подняла на Мелесту свои огромные голубые глаза. – Правда, Хайрел с Лабусом категорически против того, чтобы я ехала с ними.

– Почему?

Девушка помолчала, крутя в пальцах сорванную травинку.

– Не хотела тебя пугать, но всё равно это скоро станет известно всем. Боюсь, что лангракс Солонии в ближайшие дни начнёт войну с Остенвилом за трон. – Мелеста так и застыла с открытым ртом. – И мужчины считают, что мне не место в той рубке, которая начнётся в Митракии. Но я всё равно поеду! – Лея упрямо тряхнула головой, и её прекрасные золотистые локоны рассыпались по плечам.

– Но… ведь война… действительно не место для женщины!

– Может, и так. Но я с ума сойду тут от беспокойства о… них!

Мелеста уже открыла рот, чтобы возразить, но на дорожке показалась Рула с кувшином в руках, и девушки замолчали.

Юнарий

Дожди шли несколько дней, превратив хорошо наезженные дороги в сплошное вязкое месиво. Плащ промок, с надвинутого на голову капюшона капала вода, и в его душе была такая же свинцовая тяжесть, как в нависшем над землёй свинцовом небе.

Юнарий ехал молча. Всё, что он хотел сказать этим людям, ехавшим с ним рядом, уже было сказано, и теперь только со своими мыслями, навязчиво крутящимися в голове, мог он вести нескончаемый диалог. Суан Дейлоп и Нидар Лимп пытались уговорить ланкракса переждать непогоду и на время отложить выступление войск, но в того как дьявол вселился. Он, бешено вращая глазами и кривя тонкогубый рот, так саданул по столу кулаком, что стоявший там кувшин с вином свалился и разбился вдребезги. Густое красное гахарское растеклось по полу, и со стороны казалось, что ланкракс стоит в луже крови.

С трудом оторвав взгляд от этого зрелища, Дейлоп настойчиво произнёс:

– Это совершенно неразумно, Юнарий! Зачем начинать поход с трудностей? У людей сейчас приподнятое настроение. Но будет ли оно таким, когда армия выйдет из Кишки Дракона и двинется по Митракии? Нас там уже ждут, и встреча не обещает стать радостной… Зачем лезть в непролазную грязь, в которой кони тонут по брюхо! Я уж не говорю о пеших воинах…

Юнарий сверкнул на друга яростным взглядом и глухо выдавил, стараясь унять клокотавшее в груди бешенство:

– Дожди в это время не бывают долгими. Завтра мы выступаем!

Ланкракс ошибся. Затянутое тучами небо, казалось, решило вылить на землю весь запас летних дождей сразу. И теперь солдаты брели по дороге, с трудом выдёргивая из грязи раскисшие сапоги, ругая на чём свет стоит всё, что попадалось под горячую руку.

Доставалось, естественно, и ланкраксу. Дейлоп был прав – войско Солонии готово было воевать лишь в хорошую погоду и желательно с бегущим от него в страхе противником, бросающим всё своё вооружение и ценности прямо под ноги победителю. Первая же трудность внесла в их ряды уныние и раздражение, и сотникам с большим трудом удавалось поддерживать в войске хоть какой-то боевой дух.

Конь Юнария заскользил копытами в жиже и с трудом выбрался на небольшой участок твёрдой почвы. Ланкракс повернулся, оглядел длинную вереницу угрюмых людей и

взмыленных лошадей, волокущих повозки, затем перевёл взгляд на низкое небо и грязно выругался. Дейлоп, остановивший своего коня рядом, снял перчатку и стёр бегущую по лицу дождевую воду:

– Вот дерьмо! Ни одного просвета на этом проклятом небе! Одна надежда – до Дракона недалеко осталось, а там земля пополам с камнем. Веселей пойдём…

Юнарий молчал. Они ещё вчера днём должны были подойти к сторожевым башням у входа в Кишку, но дождь всё спутал. На последнем совете было потрачено немало времени на то, чтобы скоординировать свои действия с рвущимся в бой флотом. И вот теперь все их тщательно продуманные планы летели прямиком псу под хвост!

На том совещании Эйлин Крок, покручивая свой рыжий ус, громогласно заявил, что его ребятишки настолько застоялись, что готовы бежать в Остенвил впереди своих кораблей.

– Ты их совсем не знаешь, Юнарий! Они уже так озверели, что зубами будут рвать остенвильские глотки! Кар-рамба!

Дай приказ, и через неделю мы ворвёмся в столицу! И к твоему приезду вывесим над их вонючим дворцом флаг с гербом Солонии! Дьявола им в глотку!

Его едва удалось отговорить. Крок уселся крайне недовольный, и долго ещё бурчал, что терпение у всех почти закончилось и его остатков хватит разве, что на пару дней. А там… даже он, адмирал Солонии, будет бессилен. Правда, оставалась ещё одна надежда – отсутствие попутного ветра. Немного найдётся на кораблях любителей махать вёслами до самой бухты Двух Близнецов… молнию им в зад…

Юнарий снова бросил взгляд на небо. Тяжёлые тучи ползли, цепляясь подбрюшьем за макушки деревьев, и из этих рваных ран на землю безостановочно сочилась и сочилась влага.

– Глотка Вельзевула! Отправь немедленно гонца к Кроку! Пусть держит своих волкодавов ещё четыре дня, кошку ему в брюхо! Если и за Драконом такое же болото, то мы никак не поспеем к сроку… Полное паскудство!

К вечеру голова колонны почти вплотную приблизилась к горной гряде. Тучи укутали вершины плотным одеялом, но внизу дождь прекратился. Идти стало чуть легче, и солдаты приободрились. В предвкушении скорого ночлега на некоторых лицах даже замелькали улыбки, а в одном из отрядов нестройные голоса затянули песню.

Юнарий, занявший место на небольшом возвышении, прислушался. Разобрав слова, он с удивлением понял, что солдаты поют про него. Грубые голоса выводили немудрёный

мотив недавно сочинённой баллады.

Когда собрался на войну
Юнарий, наш лангракс,
Оставил дома он жену,
Сказав в последний раз:
«Я не могу жить во дворце,
Тебя любить, ласкать,
Когда лежит в чужой земле
Моя родная мать!
Рубелий плюнул ей в лицо
И, дав приказ, убил.
И я клянусь сровнять с землёй
Проклятый Остенвил!»
И войско, верное ему,
Собралось в тот же час.
И в наступившей тишине
Им так сказал лангракс:
«Я верю в вас, мои друзья,
И будет враг сметён!
Я точно знаю, скоро я
Займу проклятый трон!
Вас от души вознагражу
За пролитую кровь!
Отдам всё золото земли
За верность и любовь!
Снесу проклятый Остенвил,
Затру его следы!
И Эльмой город назову,
Что встанет у воды!»
Так славься, храбрый наш герой!
Пусть в страхе враг падёт!
Сметёшь ты их поганый трон,
Твой меч летит вперёд!

Дейлоп усмехнулся, покосившись на лангракса:

– Многообещающая песенка! Правда, насчёт «летит», они что-то погорячились…

Юнарий взглянул на друга и хмыкнул:

– Зато в остальном правы. Особенно про…

Договорить мужчина не успел. Возле него осадил коня вестовой. Конь, в грязи по самую шею, заскользил по раскисшей земле и чуть не сбросил всадника. Тот громко чертыхнулся и выпалил:

– Господин лангракс! Передовой отряд достиг сторожевых башен! Но там… – Парень замялся.

– Сваргова погибель! Что ещё?! Говори!

– Проход затоплен, господин!

Яростно сверкнув глазами, Юнарий сорвался с места. Дейлоп поскакал следом. Через несколько минут они были у входа в ущелье и остановились, с изумлением наблюдая открывшуюся картину. Ров между двумя башнями, по дну которого протекала небольшая речушка, теперь превратился в бурлящий поток. Вода не успевала уходить в узкий проход под правой башней, и сейчас перед армией Солонии красовалось приличных размеров озерцо.

– Проклятие! Паршивый ручей, который курица перейдёт, хвоста не замочив, и тот строит мне пакости! Дейлоп! Чем все мы прогневали Богов?

Суан Дейлоп внимательно оглядел плескавшееся у его ног озеро, сторожевые башни, залитые водой до половины нижнего этажа, и невозмутимо произнёс:

– Если дождь прекратится, армия пройти сможет. А пока нужно устраивать привал. Люди должны обогреться и отдохнуть.

Ночью поднялся сильный ветер, и, поднявшись до рассвета, Юнарий с облегчением увидел, что небо совсем очистилось. Солнце сначала робко выбросило свои лучи из-за горизонта, а потом весело засверкало, старательно раскрашивая в яркие цвета серую, унылую картину вокруг.

Вода заметно спала, хотя и не опустилась ещё ниже уровня настила. Отдав команду готовиться к переправе, лангракс отправился к ближайшей башне. Стражники вовсю суетились, приводя в порядок подъёмный механизм. Начальник, седой бородатый толстяк с сизым носом, уперев руки в бока, не скупился на крепкие выражения, а двое его подчинённых сгребали лопатами и сваливали в вёдра принесённую рекой грязь.

– Шевелите задницами, уродцы! Если вы за час не запустите механизм, я шкуры с вас спущу, мамой клянусь! Ну, чево ты гребёшь, будто уже помер? Ложками в котелке у вас шустрей получается шурудить, раздолбаи! Живей! Живей ворочайтесь!

Юнарий хмыкнул. Начальник резко обернулся, тут же вытянулся, пытаясь поджать свой предательски выступающий живот, и залепетал:

– П-приветствую тебя, досточтимый ла-ангракс! Вот мы тут… порядок н-наводим.

– Угу. Тряпка есть?

Начальник от неожиданности быстро заморгал маленькими, утонувшими в складках щёк глазками:

– Есть…

– Тащи сюда.

Начальник метнулся куда-то в угол и быстро вернулся с куском холста. Юнарий критически оглядел трясущуюся в его руках тряпку и удовлетворённо кивнул:

– Пойдёт! А ну, вперёд! Давай оттирай механизм! – И, предваряя готовые сорваться с уст начальника слабые возражения, рявкнул: – Не хрен стоять столбом – работай!!

Толстяк бухнулся на колени перед зубчатым валом прямо в жижу и, под довольными взглядами своих подчиненных, принялся лихорадочно стирать с него прилипшую грязь.

– Проследи, чтоб всё было сделано в лучшем виде! Через час войско должно начать движение. – И, окинув суровым взглядом заработавших с удвоенным рвением стражников, Юнарий вышел.

Дейлоп усмехнулся, кивнул командиру второй сотни клантороов и отправился за ланграксом.

Через час, скрипя и поминутно останавливаясь, обе части настила поползли вниз и чуть ниже уровня воды сцепились друг с другом, как пальцы огромных рук. Первыми двинулись всадники, за ними потянулись повозки с сопровождавшими их воинами. А ближе к обеду настал черёд пешего войска. Вода уже не хлюпала под ногами, и солдаты повеселели. Над толпой полетели шуточки, зазвучал смех. Промокшие плащи высыхали, и над колонной вился лёгкий парок.

Сразу за башнями дорога ныряла в ущелье и около мили петляла между высоких голых скал. Речка, всё ещё полноводная, грозно шумела вровень с дорогой, обдавая идущих холодными брызгами. Серые скалы нависали, почти смыкаясь в вышине, и редкие лучи солнца с трудом рассеивали царивший здесь полумрак.

Юнарий с Дейлопом пересекли мост, когда большая часть войска уже втянулась в ущелье. Они пришпорили коней и двинулись следом за отрядом бодро шагавших лучников во главе с вёртким жилистым сотником, щеголявшим в широкополой шляпе с чёрным орлиным пером. Тот зычно скомандовал принять вправо, и веланты дружно потеснились, приветствуя своего лангракса.

Это-то и спасло большинству из них жизни. Со страшным треском часть нависавшей над дорогой скалы вдруг отвалилась и рухнула вниз, погребая под собой идущих по дороге людей. От жуткого удара глыба раскололась, и её куски почти завалили русло речушки.

Едва над головой послышался треск, Дейлоп схватил под уздцы коня Юнария и дико закричал:

– Берегись! Все к стене!

Кони испуганно шарахнулись, сбивая идущих людей. Поднявшийся шум перекрыл страшный грохот рухнувшей глыбы, сменившийся, в свою очередь, криками ужаса уцелевших и жуткими воплями умирающих, раздавленных огромными камнями. Отлетевший осколок ударил Юнария в лоб, и сквозь кровь, заливающую глаза, он с нарастающим отчаянием смотрел на страшную картину – десятки убитых и покалеченных людей и ручейки крови, стекающие в бурлящий горный поток.

Дейлоп, коню которого камнем переломило переднюю ногу, оставил бьющееся животное и кинулся к спешившемуся Юнарию:

– Ты ранен? Лекаря сюда!

Лангракс стёр бегущую по лицу кровь и зарычал:

– Дьявол! Лекаря для этих солдат! Быстрее!

Вокруг уже суетились уцелевшие веланты. Они пытались сдвинуть упавшие камни, при этом с опаской поглядывая на скалы и готовясь в любое мгновение бросить всё и бежать прочь от этого страшного места.

Юнарий уже рванулся к ним на помощь, но внезапно его взгляд упал на ползущего по дороге человека. С трудом лангракс узнал в нём сотника велантов, всего несколько минут назад раздававшего бодрые приказы. Мужчина полз, переставляя в грязи руки и с усилием волоча свой раздробленный таз. Одна его нога была оторвана, и за несчастным тянулся широкий кровавый след. Подняв искажённое невероятной мукой лицо, раненый уставился на лангракса мутными от боли глазами и, едва разлепив сухие губы, прохрипел:

– Проклято… всё проклято… все умрут… если пойдут… туда…

И, видя, что застывший в ужасе Юнарий смотрит на него, сотник, собрав последние силы, выкрикнул:

– Убей же меня! Умереть… хо-чу-у…

Дейлоп выхватил свой меч и, приставив острие к основанию шеи сотника, резко вогнал его внутрь. Умирающий дёрнулся и, закатив глаза, рухнул лицом в вязкую жижу.

– Он был смелым человеком! – Дейлоп исподлобья глянул на дрожавшего Юнария. – Мы достойно его похороним.

– Ты слышал его слова?

Дейлоп кивнул. Юнарий вдруг схватил его за грудки и заорал, в бешенстве раздувая ноздри и захлёбываясь слюной:

– Ты слышал, что он сказал!? Что мой поход проклят! Проклят!

Дейлоп перехватил его руки и рванул их так, что с камзола дождём посыпались пуговицы:

– Заткнись! – Его голос взлетел и сразу же упал до

свистящего шёпота. – Прекрати орать! Ты хочешь, чтоб о его словах узнало всё войско?

Юнарий сразу сник и, устало опустив плечи, медленно двинулся к своему коню.

Дейв Шорт

Громче всех орал Ворон. Он вскарабкался на бак и, размахивая худыми руками, истошно вопил:

– Краба вам в глотку! Сидим тут, как вонючие крысы в норах! Когда наш долбаный адмирал оторвётся от сисек своей молодой бабёнки и погонит нас в Остенвил? Ветер-то уж давно сменился!

– Верно! Сколько можно трахать ундаракских шлюх! Хочу белую и гладкую! Из столицы!

Рувик Нос выскочил вперёд, пару раз дёрнул худыми бёдрами и, закатив глаза, попытался изобразить на своём хитром лице неземное блаженство. Толпа разразилась дружным хохотом и улюлюканьем.

Боцман, вцепившись в ремень и покачиваясь с пятки на носок и обратно, пробасил:

– Уймись ты, Нос! У тебя мозга с палец, да и тот лишь о бабах и думает!

– А чево?! Не имею права высказаться? Ты, босс, мне пасть не затыкай!! Мы воевать собрались, а не дерьмовую кашу на берегу жрать! Ваш лангракс нам много чево наобещал, вот пусть и выполняет теперь!

Толпа согласно загомонила. Долгое безделье на берегу сводило с ума, и матросы, как застоявшиеся жеребцы, уже давно били копытом. Известие о том, что армия Солонии двинулась через Драконовы горы, привела эту массу в лихорадочное возбуждение, и с утра на «Ласточке» команда устроила настоящий бунт.

Капитан с помощниками стояли на мостике, невозмутимо поглядывая на галдящую толпу матросов. Они полностью разделяли нетерпение команды. Дейв Шорт за кружкой пива пару раз заводил с другими капитанами разговор, что пора бы уже и сниматься с якоря, но те только ухмылялись и отмалчивались.

– Кэп! – Вперёд выступил Шерстяной Вик и, оглядев притихшую под его взглядом толпу, пробасил: – Мы с ребятами решили, что хватит уже жопы давить! Время идёт, и люди притомились тут дурака валять! Мы драки хотим! И вот этими самыми руками пошарить в сундуках остенвильских богатеев!

Команда поддержала его слова дружным рёвом.

Вик поднял руку и, дождавшись, пока крики затихли, продолжил:

– Ты, кэп, не обижайся, но сегодня ночью мы так надумали – если ты к вечеру не скомандуешь нам поднять паруса, то завтра это сделает уже другой капитан!

В наступившей тишине все взоры устремились на Дейва Шорта, спокойно поглаживающего свои усы.

– Кар-рамба! – Боцман в ярости заорал на матросов. – Вы совсем, паскудники, очумели?! Да как ты смеешь угрожать капитану, щенок? – Скорпион зарычал. Его глаза налились кровью, на лице заходили желваки, и он выдернул из-за пояса свой кнут.

Толпа отпрянула, хватаясь за ножи, но Вик остался стоять, даже не шевельнувшись.

– Для нас он капитаном в море будет! А на берегу такая же сухопутная крыса, как мы! И я бы предостерёг тебя, босс, без толку махать своим кнутом. Правда, не советую…

Красный как рак боцман в бешенстве сверкал глазами, и уже открыл рот, чтобы поставить наглеца на место, как с мостика раздался невозмутимый голос капитана:

– Всем заткнуться, вражьи дети, и слушать сюда! Если вы думаете, что я сплю и вижу, как подольше проторчать на этом вонючем берегу, то сильно ошибаетесь, засранцы! Меня тоже тошнит от потасканных портовых шлюх и грязных задниц местных пидоров!

В толпе раздались редкие смешки. Все знали, что кэп не отказывал себе в удовольствии попользоваться и теми и другими дырками.

– И многие капитаны, – Шорт возвысил голос, – думают так же. Сегодня мы идём на совет к адмиралу, и я передам ему ваши душевные пожелания.

Толпа разразилась радостными криками. Капитан удовлетворённо улыбнулся и поднял руку, призывая к тишине.

– И я клянусь щелью первой матери, что завтра мы поднимем паруса! Или к утру у вас будет другой адмирал!

Громкие вопли, поднявшиеся на палубе после этих слов, привлекли внимание команд стоявших рядом кораблей, и на посудину дружно потянулись любопытные. Узнав подробности, они бегом возвращались к себе, и вскоре по всему берегу разлетелась весть, что «Ласточка» взбунтовалась.

Капитан Дейв Шорт ближе к обеду покинул свою каюту и обосновался в ближайшей таверне, куда один за другим начали подходить капитаны с соседних посудин – «Фортуны», «Шалуньи» и ещё почти двух десятков кораблей. В отличие от своих команд, капитаны не орали и не спорили – всё давно уже было оговорено и решено. Выпив по кружке тёмного густого пива, они толпой двинулись на совет в дом командующего флотом Солонии Эйлина Крока.

Окинув недобрым взглядом рассевшихся за огромным столом

мужчин, Крок откинулся на резную спинку стула и насмешливо протянул:

– Ну, бунтовщики, валяйте учите меня, как надо флотом командовать! Сосунки! Или вы забыли, что все сидящие тут теперь не какая-то там пиратская шваль, а командиры кораблей флота его милости, лангракса Солонии! Будущего Повелителя Нумерии! Глотка Вельзевула! И с каких это пор вами стало командовать всякое отребье, гордо именующее себя «матросы»?!

В середине стола встал высокий лысеющий мужчина лет сорока, командир брига «Касатка». Он откашлялся и произнёс неожиданным для него густым басом:

– Адмирал Крок! Мы пришли не для того, чтобы выслушивать твоё мнение о нас и наших командах, мы его и так хорошо знаем. Наши люди требуют от нас действий, и они, краба им в глотку, правы! – Капитаны одобрительно загудели. – Ещё немного, и они сами сорвутся с якорей и двинутся на Остенвил, куда их так пламенно призывал Юнарий!

– Ты всё сказал, Ворсин?! Можешь сесть! И вы все, жалкие каракатицы, внимательно послушайте, что я вам скажу! Мы с ланграксом заранее обговорили сроки выступления флота. Оно должно было начаться завтра… – И, перекрывая возникший шум, Крок повысил голос: – Завтра! Но погода, сучка подлая, устроила нашему войску западню. Эти дохляки по самые яйца увязли в непролазной грязи у вонючей Кишки, и лангракс просит нас подождать с выступлением… всего на три дня!

Последние слова Крок выкрикнул уже в невообразимом гвалте и для пущей убедительности грохнул кулаком по столу. Все вокруг спорили и кричали, размахивая руками и чуть ли не хватая друг дружку за грудки. Крок молча ждал.

Когда спорщики наорались вдосталь и исчерпали все имевшиеся аргументы, адмирал вновь поднялся и внимательно осмотрел собравшихся:

– Вы не хуже меня знаете, что в драке лучше неожиданно садануть кулаком, чем издали ткнуть противника растопыренными пальцами. Я не буду никого удерживать, так и передайте своим пиратам. И если они – с вами во главе или сами собой – рискнут сняться с якорей и податься к Остенвилу, пусть даже не думают, что я побегу следом! Когти дьявола! И никому не стану подтирать сопли, когда флот Нумерии по одной переколотит ваши гнилые посудины! Пусть даже не надеются, что мои корабли возьмут на борт хоть одного тонущего ублюдка с этих свинячьих корыт! И пусть ещё спасибо скажут, если им удастся сдохнуть сразу – акулы в Красном море всегда любили позабавиться с таким дерьмом! – И вдруг дико заорал, вытаращив

глаза: – Я сказал – три дня!! Флот снимется с якоря на восходе в день святого Остина, мать вашу! И ни на минуту раньше! Карамба!!

Возвращения капитана команда ждала с нетерпением. Поднявшись на борт, Дейв Шорт сначала не спеша прошёл в каюту, где промочил горло полным кубком доброго вина и перебросился несколькими фразами со своими помощниками. Узнав последние новости, Сесвил Грумм, самый младший из них, замер с вытянувшимся лицом. Жемар Ройз, как обычно навеселе, пьяненько хохотнул, хлопнул юношу по плечу и весело пробасил:

– Не боись, Грумм! Кэп своё дело знает. Засранцы прижмут хвосты и будут сидеть, как мыши в головке сыра! Идём, сам всё увидишь.

Капитан поднялся на мостик и, опершись о поручень, оглядел матросов тяжёлым взглядом.

– Короче, ребятки, дело обстоит так! – Далее последовало краткое изложение разговора с адмиралом Кроком, но с такими собственными комментариями, что слова «ублюдок» и «пидор» были среди них самыми ласковыми.

Команда угрюмо молчала.

Ворон прочистил горло и первым заорал:

– Кэп, мы ж тебя по-хорошему предупреждали! Или мы выходим, или ты уже не наш капитан!

– Ты прав, Ворон! Только вот ошибся малость. Не… твой капитан! Армада выйдет через три дня, и я не собираюсь нестись перед ней, как чокнутый заяц перед сворой гончих! Понял, говнюк? Можешь сгребать своё вонючее барахло и катиться на другую гнилую лохань! Если, конечно, найдёшь такую, где у кэпа задница вместо башки! Желаю всяческих успехов! Ну, – его зычный бас разносился по всему кораблю, – кто ещё жаждет попытать счастья вместе с Вороном?

Матросы уныло молчали, переминаясь с ноги на ногу. Каждый, кто хоть раз участвовал в морском сражении, прекрасно понимал, что одному кораблю ни за что не выстоять против целого флота. А набивать собой животы так и снующих повсюду акул как-то не хотелось.

Ворон, обиженно вскинув голову, огляделся по сторонам и, не найдя поддержки, злобно уставился на Шорта:

– Твоя взяла, кэп! Пока… взяла. Ладно, шлюхи в Остенвиле три дня меня подождут. Но не больше, кэп… не больше!!

И, крутнувшись на месте, он вразвалку двинулся через расступившуюся толпу.

Ночь прошла спокойно, но капитан с помощниками в полном вооружении по очереди несли вахту у дверей своей каюты. Так, на

всякий случай.

Тван

Первая стычка не заставила себя долго ждать. Едва передовой отряд в три сотни разведчиков миновал сторожевые башни на митракийской стороне ущелья, как с подступающих к дороге холмов в них полетели стрелы. Идущий рядом с Дартом долговязый клантор охнул и схватился за бедро, из которого торчало короткое древко.

– Все в укрытие!

Сугр первым бросился под защиту придорожных кустов. За ним дружно последовала вся его сотня, оставив на дороге трёх раненых.

– Глядеть по сторонам! Стрелять во всё, что шевелится!

Арбалеты в их руках были взведены, и разведчики обшаривали цепкими взглядами заросшие густой зеленью склоны. Щелчок спущенной пружины – и на холме кто-то обречённо вскрикнул.

– Получи, паскуда! – Хмурый и неразговорчивый Расмуд Свинт удовлетворённо хмыкнул и начал деловито заряжать в арбалет новую стрелу.

Дерин Ворт, получивший рану первым, полз к кустам, истошно вопя:

– Не бросайте меня, братцы! Ой, я же раненный!

Сугр сплюнул и пробурчал:

– Кто тебя, дурака, бросает? Орёшь, как рожающая баба! – И громко добавил: – Веселей ползи, вояка!

Стрелы дружно свистели с обеих сторон, и вскоре ещё несколько человек получили ранения. Сугр, пригибаясь, пробежал вдоль кустов и упал возле Эрина Ардуса, командира второй сотни.

– Эти суки засели вон в тех деревьях. Оттуда самый хороший обзор. Надо их выкурить с высотки, а то перестреляют нас тут, как паршивых куропаток.

– Давай. Пусть твои ребятишки обойдут деревья справа и ударят с тыла. Мои вас прикроют. Да всех не перебейте, хоть одного оставь для допроса.

Сугр криво ухмыльнулся, кивнул и резво метнулся обратно. Через минуту два десятка разведчиков из его сотни бесшумно двинулись к вершине холма, забирая вправо. Ещё три десятка поползли по густому подлеску, заходя к противнику с другого боку.

Дарт с Игнаком сунулись было с ними, но Сугр отмахнулся от них, как от назойливых мух, и зашипел:

– Лежать здесь, сопляки! – И ужом исчез в высокой траве.

Всё произошло быстро. Солонийцы обошли место, где засели веланты, и, сняв по дороге охрану, одним броском расправились со стрелявшими. Многие лучники даже не успели выхватить висевшие на поясе короткие мечи. Собрав оружие противника и стрелы от своих арбалетов, разведчики занялись ранеными, а три сотника приступили к допросу невысокого плотного мужчины не старше тридцати лет, сидевшего под деревом со связанными руками.

Сугр присел возле пленника на корточки и, внимательно оглядев его одежду и лицо, вкрадчиво спросил:

– Смотрю, ты из клантоpов, парень.

Пленник промолчал, угрюмо глядя в сторону, где солонийцы резво стягивали с убитых пояса с мечами, обчищая по ходу дела их карманы.

Сугр невозмутимо продолжил:

– И не из простых… – На рукаве зелёного камзола мужчины красовались две вышитые золотой нитью змейки.

Тот бросил на Сугра быстрый взгляд и опять уставился в одну точку.

– Мы не хотим тебя убивать, брат, – голос Сугра растекался, как мёд, – но ты ведь сам понимаешь, что всё не так просто. И чтобы жить дальше, ты нам должен кое-что сообщить… Сущую ерунду, приятель.

Клантор молчал. Сугр переместился чуть вправо, чтобы взгляд пленника упал на него. Но всё оказалось напрасно – нумериец просто закрыл глаза.

– Ну-у-у, так не пойдёт, дружище! Эдак я могу и обидеться! Нам, понимаешь ли, некогда ждать, пока ты соизволишь выспаться! Нам идти нужно. Топать до твоего грёбаного Остенвила! И мы о-очень бы желали знать, где ваш вонючий доланит посадил следующую засаду!

Пленник открыл глаза, презрительно скривил губы и сплюнул на сапоги Сугра. Тот распрямился, обиженно шмыгнул носом и, растягивая слова, произнёс:

– Вот так, значит… Ладно… а я ведь хотел по-хорошему…

Носок его сапога с такой силой врезался пленнику под рёбра, что тот, охнув, завалился на бок.

Сугр за волосы рывком поднял его с земли и приставил к горлу нож:

– Ублюдок остенвильский! Некогда мне тут с тобой душевно беседовать! Героя из себя корчишь?! Тогда сдохнешь сейчас! Другой найдётся, поразговорчивей! Ну, последний раз спрашиваю!

– В миле отсюда… у чёрной скалы… – Голос мужчины звучал глухо. От боли по его лицу катился крупный пот.

– Сколько их?

– Д-две сотни…

– Вот, и славненько! – Сугр отпустил пленника и спрятал в чехол свой нож. – Тумп, прикончи его!

– Но, командир… – На конопатом лице Тумпа рыжие брови удивлённо метнулись вверх.

– Кончай, я сказал! Не хватало ещё таскать за собой это дерьмо!

С засадой у чёрной скалы пришлось повозиться. Несколько уцелевших в первой стычке нумерийцев успели предупредить своих товарищей, и те были настороже. Пятерых первых солонийцев, неосторожно сунувшихся в небольшой овражек вдоль дороги, сразу же срезали стрелами. Ещё с десяток упали замертво от метко брошенных в них ножей. После недолгого совещания, разведчики из сотни Сугра начали обходить позиции нумерийцев с тыла, в то время как остальные отчаянно бросились на противника в лоб.

Два отряда схлестнулись врукопашную. Звон мечей, стоны раненых, яростные крики атакующих и оборонявшихся отражались от окружающих скал, делая воздух вокруг плотным и вязким. Командующий нумерийскими сотнями, высокий жилистый мужчина, резким голосом выкрикнул команду, и солдаты начали дружно отступать, отбиваясь от наседавшего противника. Они пытались обогнуть скалу, чтобы раствориться в зелёном море леса. И им это точно бы удалось, если бы сотня Сугра неожиданно не встала на их пути.

Схватка была стремительной и безжалостной. Тван едва успел отскочить от бегущего на него верзилы, бешено вращавшего огромным мечом. Но, споткнувшись, парень не удержался на ногах и повалился на спину, пытаясь увернуться от нацеленного в него острия. Он уже распрощался со своей жизнью и приготовился встретить жестокий удар, как верзила вдруг замер с поднятыми руками, и на его лице появилось озадаченно-изумлённое выражение.

В следующее мгновение в сознание Твана ворвался дикий крик Дарта «А-а-а!», а из груди нумерийца выскочило окровавленное острие меча. Тван едва успел откатиться, как убитый рухнул на землю, так и не издав больше ни звука.

– Фу-у! – Тван начал подниматься с земли, как вдруг истошно заорал: – Сзади!!

Дарт, так и не успевший выдернуть свой меч, застрявший в спине верзилы, бросился в сторону. И теперь уже Тван кинулся на

защиту друга. Первым же ударом он ранил противника в руку и уже надеялся, что тот сейчас сдастся, но мужик ему попался упорный. Среднего роста, поджарый, он медленно кружил вокруг Твана, стараясь держаться так, чтобы Дарт тоже всё время был в поле его зрения и не смог добраться до своего оружия.

Видя, что противник не собирается сдаваться, Тван решил действовать. Хитрый приём, показанный когда-то Ронгутом, достиг своей цели, и левая штанина нумерийца окрасилась кровью. Тот, чувствуя, что с двумя ранами он быстро слабеет, яростно бросился вперёд, и теперь уже Тван получил глубокую рану в бедро.

Парень охнул и присел от неожиданности, открыв противнику живот. И всё грозило закончиться для Твана весьма плачевно, но внезапно из ближайшего куста вылетел нож и вонзился прямо в глаз воспрявшему духом нумерийцу. Его ноги подкосились, и мужчина со стоном рухнул на землю.

Дарт вырвал наконец свой меч из трупа и, дико озираясь, завертелся на месте. Но бой уже был закончен. Немногие прорвавшиеся через сотню Сугра противники растворились в лесу, оставив на поле боя десятки убитых и раненых. Тван сидел на земле и, сморщившись от боли и подступающей дурноты, зажимал рукой обильно кровоточащую рану. Из куста высунулась лохматая круглая голова на худой шее, и Игнак со всех ног бросился к другу, на ходу стягивая со спины свою котомку:

– Надо перевязать, а то кровь не остановится!

Тван озадаченно глянул на парнишку и процедил сквозь стиснутые зубы:

– Я где велел тебе быть?

Игнак вытащил из котомки кусок льняного холста и оторвал от него длинную полосу:

– Ну, велел… За поворотом дороги сидеть… Ты давай штаны снимай, чево смотришь! – Сквозь надвигающуюся муть Тван с негодованием уставился на взявшегося командовать подростка, но подчинился. – И хрен я вас, умников, в следующий раз послушаю! Да быстрей ты, чё копаешься! Вас же на минуту оставить нельзя… Прижми вот тут! Вояки фиговые… да сильней ты дави! Если бы не я, он бы тебе запросто пузо продырявил и в кишках поковырялся… Дарт! Давай сюда! Прижимай ты, а то Тван щас, похоже, отключится…

И вправду, раненый страшно побледнел и начал заваливаться на бок. Дарт подхватил друга и мягко уложил на землю. Игнак, не переставая бурчать, живо бинтовал холстиной глубокую рану.

– Так это ты был, что ль? – Дарт кивнул в сторону клантора, убитого метким броском ножа.

– А то кто ж? – Игнак хмыкнул и смущённо добавил: – Ужас, как страшно было… Аж трясло всего… Я же страсть как покойников боюсь…

– А этому ты где научился? – Дарт ткнул пальцем в аккуратно наложенную повязку, которую Игнак закреплял сейчас двойным узлом.

– В скаутах все это умеют… – И, видя, что Дарт продолжает непонимающе смотреть на него, вздохнул: – Ну, в общем, потом как-нить объясню.

Тван вдруг зашевелился, открыл глаза и рывком сел. Друзья в два голоса заорали на него, требуя, чтобы раненый оставил свою ногу в покое, но тот упрямо засопел и мотнул головой. Пять минут яростных споров, и Тван, поддерживаемый парнишками с обеих сторон, заковылял по тропе.

Сугр, закончивший допрос очередного пленника, критически осмотрел подошедших друзей и объявил:

– Потопаете назад. Всё равно от вас тут сейчас никакого толку. Найдёшь Юнария и передашь ему на словах – нумерийцы устраивают засады на каждой миле, и так до самого Бербена. Нас так надолго не хватит! Нужно подкрепление! Мы будем ждать здесь, у чёрной скалы. Да поторопитесь! Скоро вечер, и дьявол их знает, какие штуки они выкинут ночью!

Тван кивнул, и друзья, подхватив его с двух сторон, бодро устремились в обратный путь. Туда, где в нескольких милях позади разведчиков двигались основные силы армии Солонии.

Никита

На рассвете дня святого Остина, после нескольких суток мёртвого штиля, подул наконец слабый западный ветер, и снующие по реям и мачтам матросы тихонько передавали друг другу: «Хороший знак!»

Боцман «Ласточки» почти сорвал голос, покрикивая на «этих идиотов» и «тупых свиней», гроздьями повисших на грот и фок мачтах. Дейв Шорт, усевшись в своё кресло на шканцах с кубком вина в руке, изредка посматривал на суетящуюся команду.

– Подать трап!

Несколько матросов бросились к левому борту, и вскоре по перекинутому на причал деревянному настилу затопали сапоги доброй сотни мужчин. Их командир, высокий широкоплечий верзила лет сорока в коричневом камзоле и лихо сдвинутой на бок зелёной шляпе с чёрным пером, зычно скомандовал размещаться и, увидев капитана, решительно полез на мостик:

– Ривай Гутс, кэп! Я и мои охотники к вашим услугам! Надеюсь, мои ребятки сработаются с твоими морскими волками, когда мы схлестнёмся с корытами Остенвила!

– Надеюсь… Надеюсь…

Статус капитана разрешал ему единственному сидеть на юте, но учтивость хозяина заставила его встать и предложить гостю вина.

– Смотрю, ребятишки у тебя бывалые… – Капитан с интересом разглядывал разношёрстную команду, устраивающуюся прямо на палубе под строгим надзором Скорпиона.

Ривай согласно кивнул и сделал жадный глоток гахарского.

Охотники были вооружены до зубов. У каждого на поясе висели меч и длинный нож, кое-кто из них нёс короткие луки и большие пучки стрел с особыми трёхгранными наконечниками, способные пробить самый толстый кожаный доспех. У остальных из-за спины выглядывали тяжёлые арбалеты.

– Ты за своими-то волкодавами приглядывай… чтоб они к моим не цеплялись. Сам понимаешь – мои орлы и так недовольны, что полный корабль чужаков. Перережут друг другу глотки, и не видать нам Остенвила как своих ушей.

Ривай снова кивнул. Прикончив кубок, он вытер рот тыльной стороной ладони и пробасил:

– Договорились! Только, и ты своих на коротком поводке держи. А то вон у них какие рожи ласковые… лишний раз глаза закрыть не захочешь!

Дейв Шорт довольно улыбнулся. Спустя несколько минут он представил охотнику поднявшихся на мостик помощников и кивнул на разорявшегося на палубе боцмана:

– Скорпион! Лучший боцман на всём этом долбаном флоте!

– Странное имя для моряка! Для пустыни это я ещё понимаю…

– Ничего, как-нибудь узнаешь!

С марса на грот-мачте раздался истошный вопль дежурившего там Ворона:

– Сигнал, кэп! На «Морском дьяволе» подняли сигнал!

Капитан живо развернулся в сторону адмиральского фрегата, уже поставившего паруса на всех трёх своих мачтах и неторопливо двинувшегося к выходу их бухты. На верхушке его грот-мачты алел треугольный вымпел. Один за другим, красуясь новенькими парусами, все двадцать шесть кораблей флота Солонии покинули Ундарак. «Ласточка» шла в середине армады, на расстоянии арбалетного выстрела от шхуны «Золотая лань», а прямо за ней пристроился галеас «Везунчик».

Юнги сбились с ног, с самого рассвета носясь по кораблю и выполняя поручения боцмана. Ник в очередной раз сбегал в трюм и теперь тащил на камбуз полную охапку поленьев. Возле фок-мачты он за что-то зацепился ногой и чуть не грохнулся на палубу со своим грузом.

– Лучше под ноги смотри, сопляк!

Никита вскинул голову и едва не заорал от неожиданности. На него хитро щурился Куртис, привалившийся спиной к мачте.

– Ты? – Никита чуть не запрыгал на месте от радости. – Как ты тут очутился?!

– Как все! – Куртис небрежно кивнул на устроившихся возле бортов охотников. – Что-то мне подсказывает, что весёлая морская прогулка на этом старом корыте намного интересней, чем любование задами кобыл господина Рагона. Да и… – его губы сложились в ехидную улыбочку, – кто ж за тобой, охламоном, присмотрит?

Счастливая улыбка мгновенно сползла с лица мальчика.

– Или… ты не рад? – Мужчина смотрел на него со всё возрастающим удивлением.

– Да, что ты! Всё нормально! – Никита переминался с ноги на ногу, с беспокойством оглядывая палубу. – Рад, конечно… Просто… просто у нас кок ужас какой злой! Если увидит, что я стою и болтаю, сразу шкуру спусти!

– Ну, тогда беги! – Мальчик кивнул и сорвался с места, а Куртис задумчиво уставился на его быстро удаляющуюся спину.

Свалив дрова у плиты, Никита немного покрутился на

камбузе и, улучив момент, прошмыгнул в капитанскую каюту, где Крис усердно наводила порядок. Убедившись, что они одни, Ник плюхнулся в кресло и уныло выдал:

– Полный писец! Всё, приплыли! Каюк нам!

Крис с тряпкой в руках вытаращилась на друга:

– Чё случилось-то?

– Кранты…

– Ты, блин, толком можешь сказать?

Ник придушено выдавил:

– Куртис на корабле…

На лице Криса отразилось полное непонимание.

– Кто такой Куртис? – И тут Крис вспомнила. Она побледнела и уставилась на Ника круглыми от ужаса глазами: – Матка Боска, он же знает, что я…

– Вот то-то и оно. Чёрт!

– Он видел тебя?

– Ага. Мы с ним минутку поболтали. Он думает, что я здесь один… и если увидит тебя… Даже не знаю, что он сделает… Засада!

В каюте повисло тягостное молчание. После разговора с Куртисом Ник старался придумать, как избежать нежелательной для Криса встречи с давним знакомцем, но ничего умного в голову не приходило. «Ласточка» была слишком мала, чтобы за несколько дней пути не удалось столкнуться со всеми её обитателями. И даже не по одному разу.

– Слышь, может, тебе заболеть? Ну, типа, понарошку… поваляешься в трюме, подальше от чужих глаз…

– Ага, чтобы привлечь к себе излишнее внимание? Тут такое поднимется! Это ж все сразу на уши станут – зараза на корабле! Не, не пролезет это. Ройз хоть и пьяница, но не дурак же – он чё, больного от здорового не отличит? Да и… – Крис замялась и покраснела.

– Что «да и…»?

– Что-что! Ну, ты Ник полный дебил! Он же сразу увидит, что я девчонка!

– Как это – увидит?

Та посмотрела на него, как на убогого, и повертела пальцем у виска.

– О-о-о, как всё запущено! Грудь у меня есть. Теперь понятно?

Ник вытаращился на неё, открыв рот, потом громко сглотнул слюну и выдавил:

– Теперь… понятно…

Они опять помолчали, и Крис решительно тряхнула уже начавшими отрастать волосами:

– Придётся всё ему рассказать! Я скажу, что сама всё придумала, а ты тут вааще ни при чём! Ты даже не знал ничего! И если будут казнить, то пусть меня одну казнят!

– Ну, ты чокнутая, Крис! Ещё чего выдумала! Оба – значит, оба!

– Ага, щас прям! Ты совсем придурок? – Крис зло глянула на мальчика, а потом как-то сразу сникла и опустила голову: – Слушай, а может обойдётся? Вдруг он меня не узнает?

– Ты его глаза помнишь? – Крис отрицательно помотала головой. – Да я таких цепких глаз в жизни не видел… Вот же хрень! Влипли, как…

– Ладно. Я постараюсь просидеть тут подольше, а ты попробуй затащить его в какое-нибудь тихое местечко, чтоб поговорить. И мне сразу свистнешь… Будем вдвоём уламывать…

– Замётано. Только с местом чё придумать… Народу вокруг, как в выходные на Арбате…

Найти уединённое место получилось только после обеда, когда почти вся команда подалась в трюм, а охотники улеглись на палубе, нежась на солнышке. Усевшись у одной из шлюпок, Ник взволнованным шёпотом, постоянно прерываясь и оглядываясь, поведал Куртису их с Крисом тайну. Когда смысл сказанного дошёл до мужчины, тот только и смог выдать:

– Ну, вы, засранцы, даёте! – Сдвинув на лоб шляпу, бывший возчик почесал затылок. – А мы-то башку сломали, куда это запропастил… ся помощник садовника. Вроде всё на месте, ничего не украдено, а как сквозь землю провалился. И никто не догадался?

Ник отрицательно помотал головой. Куртис с уважением покосился на парнишку и надолго замолчал. И чем дольше тянулось это молчание, тем муторней становилось у мальчика на душе. От накатывающего отчаяния он даже закрыл глаза и едва не подпрыгнул на месте, когда на его плечо легла тяжёлая рука.

– Ладно. Крис, так Крис. Тащи сюда этого паршивца. Будем знакомиться заново!

Турс Либург

С возникающими на каждом шагу препятствиями, неся небольшие пока потери, войско Солонии настойчиво двигалось к Остенвилу. Окружающие Спящего Дракона холмы, поросшие диким лесом, оно проскочило с лёту, ненадолго застряв лишь у городка Трибуста, многие жители которого в панике разбежались при приближении солонийцев, стараясь спасти всё, что можно было унести или увезти.

Несмотря на строгий приказ Юнария не чинить митракийцам зла, передовой отряд, едва были снесены хлипкие деревянные ворота, кинулся в город и начал обшаривать все попадавшиеся на пути дома и домишки. И всё, что мало-мальски могло быть отнесено к разряду военной добычи, тут же перекочёвало в карманы, кошели и мешки завоевателей, невзирая на вполне справедливые возражения возмущённых хозяев.

Правда, к чести Юнария, грабёж он прекратил быстро. Сотники громогласно возвестили своим подчинённым, что если только у кого-то из них заплечный мешок раздуется от награбленного так, что начнёт высовываться из-за спины, счастливого обладателя сказочного богатства немедленно повесят. Дорога до Остенвила дальняя, и впереди их ждёт совсем другая добыча, а не эти убогие черепки.

Солдаты вознамерились хотя бы напиться с горя, но тут же последовал новый жёсткий приказ. Того, кто выпьет больше одной кружки вина (слава Богам, хотя бы платить за неё было не нужно!), лангракс приказал высечь прилюдно. Ну, а если кто-то, несмотря ни на что, решится напиться до потери памяти, то проснётся он уже в ином мире. С новым пеньковым галстуком на шее.

Некоторые роптали, срывая зло на всём, что подворачивалось под руку, но даже эти недовольные прекрасно понимали – сейчас не время для праздников. Враг вездесущ, он в своём доме, и от него приходится ждать самых разных и далеко не приятных сюрпризов.

Патарий стоял у стола в огромном шатре и разглядывал вылепленный из глины и раскрашенный план местности по обе стороны от реки Лагусты. Невысокий холм на её правом берегу, где сейчас и стоял шатёр доланита Нумерии, был отмечен на макете маленьким зелёным флажком с золоторогим быком.

Турс Либург, занявший своё место напротив Повелителя, внимательно наблюдал за ним, стараясь определить реакцию Патария на только что произнесённые слова. Притихшие члены

Большого Совета с любопытством поглядывали то на того, то на другого.

– Значит, ты хочешь, чтобы моё войско продолжило отступать?! – Голос Патария зазвенел от с трудом сдерживаемого гнева.

– Да, Повелитель!

Лицо Патария исказилось от ярости, и он бросил доланиту:

– Это явная трусость! Я не ожидал от тебя подобного, Турс Либург! Не-ет, это даже не трусость! Это попахивает предательством! Сильно попахивает! Воняет!! Мне, Повелителю Нумерии, предлагают бежать от каких-то говнюков поджав хвост, как побитому кобелю?! Да ты вообще понял, что предлагаешь?

Турс Либург невозмутимо выслушал покрывшегося красными пятнами Патария и спокойно заявил:

– Вряд ли то, что я предложил, стоит называть трусостью, а тем более предательством, Повелитель. В военном деле такие действия имеют совсем другое определение – тактика. Отступая в глубь страны, мы измотаем противника мелкими, но крайне болезненными стычками из засад. Мы позволим этим бандитам поживиться в Митракии, – он бросил острый взгляд на стоявшего рядом с Патарием ланкракса Митракии Тобуса Марисара, лысого толстяка с потным от злости лицом, – и набить свои котомки здешним барахлом… – И, взмахом руки прерывая готовые сорваться с губ Морисара категорические возражения, продолжил: – А потом мы дадим бой! Ударим всей мощью Остенвила! И быстро погоним врага, добивая по дороге тех, кто не сможет слишком резво бежать. Хотя… – Либурга ничуть не смущал поднявшийся в шатре шум, – я больше чем уверен, что при виде нашей истинной силы большая часть этих доморощенных вояк повернёт назад ещё до боя.

Патарий молчал, упёршись взглядом в изображённую на столе местность. Зато вокруг него шло бурное обсуждение. Галиган что-то доказывал ланграксу Ланджлании Мармусу Тидору, пыхтевшему в узком камзоле тёмно-синего цвета. Толстяк Мортон Тупс подпрыгивал как мячик, тыча пальцем в грудь невозмутимому Дортубу Вермоксу, скалой нависшему над своим оппонентом.

Повелитель поднял руку, и шум постепенно стих. С нескрываемым презрением глядя в лицо доланита, он произнёс ледяным тоном, чеканя каждое слово:

– Армия Нумерии даст бой самозванцу здесь! – Палец Патария уткнулся в равнину между двумя холмами, выходившую своей узкой стороной к реке. – И моя армия не сделает больше ни одного шага назад, иначе… – губы Повелителя скривились, – я

найду того, кто сможет командовать ею не так бездарно!

Доланит изменился в лице. В наступившей мёртвой тишине он уже открыл рот, чтобы возразить, но внезапно передумал. Вместо этого Турс Либург кивнул и, попросив разрешения отправиться объявить решение Повелителя войску, вышел из шатра.

– Жалкий трус! Готов бежать от какого-то вонючего засранца до самой столицы, там спрятаться за крепкими стенами и сидеть поджав хвост, пока мой самозваный родственничек будет рыскать по стране как шакал! – Патарий тяжёлым взглядом обвёл замерших мужчин. – И я вижу, что кое-кто из вас вполне разделяет его мнение… Не так ли, господин Вермокс?

Лангракс Барлонии невозмутимо пожал плечами:

– На то он и доланит, мой Повелитель, чтоб знать, как вести войну.

– Сваргова погибель! Вести войну!? Да последняя война у нас была лет двадцать назад, и тот мелкий бунт только идиот рискнул бы назвать войной! Жалкий ссыкун! Только и умеет, что в игрушки играть! – Патарий швырнул серебряный кубок в макет с такой силой, что куски глины полетели в разные стороны. Мужчины шарахнулись от летящих в них острых обломков.

– Ха-ха-ха! – Повелитель громко захохотал, глядя на испуганные лица. – Вон! Пошли вон, бараны! Обделались, вояки, молнию вам в зад!

Всё ещё смеясь, он повернулся к Галигану, который без тени улыбки на лице наблюдал за этим неожиданным приступом веселья.

– Ну, не уроды? Готовы забиться в свои норы, выставив наружу толстые зады, и ждать, когда Юнарий придёт и с радостью их поимеет! Привыкли воевать с кроликами на охоте! Они и кабана не каждый-то смог завалить…

Главный сигурн, который в последние недели без поддержки Мирцеи начал самостоятельно вести активную игру на сближение с Патарием, и весьма, кстати, в этом преуспел, согласно кивнул:

– Ты абсолютно прав, мой Повелитель! Жалкое стадо тупых овец, которые даже о своём загоне позаботиться не могут. Годны только, чтобы блеять и метаться перед волчьими зубами.

Патарий недовольно поморщился:

– Где ты тут волка увидел? Полудохлый спрут, выползший на сушу… Да я лично раздавлю эту гадину!

Галиган задумчиво поглядел в спину стремительно вышедшего из шатра юноши и, ещё пару минут постояв возле безнадёжно испорченного макета, направился в шатёр доланита.

Дейв Шорт

На пятый день они увидели корабли противника. Западный ветер, старательно раздувавший паруса солонийских кораблей при выходе из Ундарака, вскоре сменился устойчивым южным, и команде «Ласточки» пришлось попотеть, чтобы корабль продолжил бодро идти правым галсом. На бушприт установили кливер, и рулевой Дрон Туча, ставший мрачнее обычного, щедро сыпал отборными ругательствами, стараясь удержать пляшущую на коротких волнах «Ласточку» на заданном курсе.

Чужие паруса первым заметил дежуривший в этот день на марсе Шило.

– Корабль, кэп!

Дейв Шорт, с раннего утра меривший беспокойными шагами мостик на носу корабля, резко остановился и уставился вперёд. На соседних кораблях тоже заметили противника. Там протяжно запели боцманские дудки, и на верхушки мачт стремительно взлетели белые вымпелы – тревога!

Утреннее солнце било прямо в глаза, и капитану пришлось приставить руку ко лбу, чтобы среди ярких бликов разглядеть неприятельский корабль.

– «Белая лошадь»! Зуб даю, что она! И если мне не изменяет память, ею всё ещё командует красивый блондинчик Гарус Форт.

Жемар Ройз, с утра мучимый жестоким похмельем по случаю принятой вчера изрядной порции гахарского, скривился:

– Да у него вся команда один краше другого – хоть на продажу выставляй! Ни одной гадкой рожи! И что самое страшное, кэп, не пьют! Ни капли спиртного! Это где ж такое видано!

Дейв покосился на своего помощника и ехидно пробурчал:

– Счастливчик этот Форт! Надо ж, как ему повезло с командой!

Ройз тяжело вздохнул, но промолчал. Голова жутко трещала, грозя лопнуть, но с сегодняшнего утра, ввиду непосредственной близости противника, пить что-либо, кроме воды, на бриге категорически запрещалось.

– Кэп, ещё парус! – Шило едва не вывалился из корзины, размахивая руками. – Кэп, он синий! С огромной золотой звездой посерёдке!

– «Звезда востока». Дьявольски быстрый галеас, краба ему в глотку. У них одних гребцов под сотню. Капитаном там мой давний знакомец, будь он неладен, Огарст Ливси.

– Это не тот, у которого левый глаз из горного хрусталя?

– Тот самый! Не сдохнет никак, старый урод. Только вряд ли тебе удастся поглазеть на эту диковинку. Перед боем он прячет его в специальный сундучок в своей каюте, а на пустую глазницу накидывает чёрную повязку. Но этот кривой дьявол и с одним глазом видит лучше, чем некоторые с двумя.

Теперь уже вся команда и большинство охотников толпились у бортов, цеплялись за ванты и висели на верёвочных лестницах, чтобы лучше разглядеть на той линии, где небо сливалось с морем, появлявшиеся один за другим корабли.

Вскоре их уже насчитывалось с десяток, и опытные моряки, не один год проведшие в море, безошибочно определяли их названия.

Ворон, забравшийся по лесенке и болтавшийся теперь чуть ниже марсовой площадки, истошно заголосил:

– Братцы! Второй справа, гадом буду, «Чёрная вдова»! До чего ж поганая посудина, ой, поганая-я! У неё под днищем таран с пол нашей «Ласточки»! А команда – одни отъявленные бандиты и головорезы!

– Тебя, Ворон, послушать, так у нас тут кучка невинных младенцев собралась! Ты там смотри не обгадься со страху! А то народ ведь церемониться не станет – заставит тебя палубу от собственного дерьма языком своим поганым отмывать!

На палубе дружно засмеялись, а Ворон зло проорал сверху:

– Больно смелый ты, Скорпион, как я погляжу! А я уже разок с этой серьёзной бабёнкой встречался! Из всей команды один только в живых и остался – остальные на дне рыб кормят!

Скорпион ухмыльнулся и вкрадчиво так спросил:

– А знаешь, почему тебе так сильно повезло? – И, не дожидаясь ответа Ворона, скривил рожу и громко ответил сам: – Да потому, что такое говно, как ты, утонуть вообще не может!

Теперь ржал уже весь корабль. Даже стоявший на вахте молодой помощник капитана Сесвил Грумм не смог сдержаться в общем веселье и громко захохотал, невзирая на свою высокую должность.

– Эй, Шило! Во втором ряду у крайней шхуны слева нижние паруса полосатые?

– Ага! В красную и синюю полоску!

Шерстяной Вик, задавший этот вопрос, удовлетворённо хмыкнул и пояснил стоявшим рядом охотникам:

– Бриг «Плохая девочка»! Хм… Дерьмовая лохань! Я на нём начинал, пока не вылетел…

Распространяться дальше о причинах своего бесславного убытия с флота Повелителя он не стал, а только зло сверкнул глазами и оскалился.

Ник взгромоздился на шпангоут и, придерживаясь рукой за ванты, во все глаза разглядывал вражеские корабли. В центре неприятельской армады выделялся красавец фрегат с белоснежными парусами, на котором реял адмиральский вымпел. Он спросил о нём Куртиса, прислонившегося рядом.

– Это адмиральский… Хороший корабль, только название дурацкое – «Перст Повелителя». «Хрен Узурпатора» звучало бы лучше.

Стоявшие рядом засмеялись, и вскоре уже все вокруг повторяли удачно брошенную фразу.

– Кэп! На командоре зелёный вымпел!

Дейв Шорт крякнул и, прихватив свою шляпу, начал спускаться с мостика. Боцман живо скомандовал «Шлюпку на воду!», и четвёрка гребцов дружно замахала вёслами, доставляя своего капитана на «Морского дьявола». Вскоре в просторной каюте фрегата собрались все капитаны. Встав вокруг большого стола, они с интересом разглядывали схему будущего сражения. Маленькие деревянные кораблики выстроились двумя рядами на синем атласе и приготовились дать бой.

Силы обоих флотов были почти равны, но у нумерицев всётаки было небольшое, но крайне неприятное преимущество – быстроходная галера «Мой цветочек», несущая только экипажа полторы сотни человек, галеас «Барракуда» с мощным тараном под брюхом и вёрткая шхуна «Игла».

Эйлин Крок, основательно утвердившись на своих чуть кривоватых ногах, подкрутил роскошный ус и окинул собравшихся внимательным взглядом. Многих из них он знал давно, но с некоторыми – капитанами бригов «Проныра» и «Дикий пёс» и шхуны «Шалунья» – ему предстояло впервые оказаться в одном сражении.

– Этот засранец Лекс собрал неплохих ребяток. Со многими мне уже приходилось встречаться в море. И скажу вам честно, если бы я мог выбирать, предпочёл бы с десятком из них сражаться на одной стороне!

Капитаны непонимающе загудели. Крок минуту помолчал, совершенно не реагируя на их недовольство, и продолжил:

– Это я вам не для того сказал, чтоб кто-то тут вздумал сомневаться в моей смелости! Дело в другом… Враг силён, и просто так нам его не одолеть. Потребуются вся наша хитрость, наглость и бесшабашность, чтобы смести с пути эту преграду!

Кое-кто согласно кивнул, но большинство ждали, что адмирал предложит дальше.

– Но если мы и умудримся через задницу вывернуться, всё может кончиться полным дерьмом. Если только завтра у нас не

окажется главного… – он снова оглядел хмурые озабоченные лица, – маленькой и вёрткой паршивки, которую все зовут Удачей…

Крок замолк, разглядывая игрушечные корабли, а потом опёрся о стол и прогудел:

– А сейчас я хочу от каждого из вас услышать ваше виденье боя. Ну, вражьи дети, не стесняйтесь!

Совещание закончилось, когда солнце начало клониться к закату. Шорт, вернувшийся на корабль в мрачном расположении духа, сразу же собрал в своей каюте помощников, боцмана, рулевого и командира охотников:

– Поздравляю вас, дьявол вам в глотки! Нам предстоит почётная миссия – сдохнуть завтра первыми! – И, глянув на вытянувшиеся лица присутствующих, хмыкнул: – Только хрен они от нас этого дождутся!

По задумке адмирала Крока два брига – «Ласточка» и «Бриллиант» – должны были с двух сторон атаковать флагманский корабль, пойти на абордаж и захватить его, перебив команду и взяв в плен адмирала Лекса. Крок надеялся, что, оставшись без головы, флот Остенвила не станет сопротивляться слишком уж упорно и дружный натиск всех остальных кораблей быстро рассеет противника.

На палубе «Ласточки» тем временем закипела работа. Из трюма было вытащено и собрано на носовой палубе странное приспособление, похожее на огромный арбалет. Ник с Крисом вертелись рядом, с интересом наблюдая, как стреломёт – а это оказался именно он – прикрутили к тяжёлой станине и натянули на деревянном вороте кожаные ремни.

Но долго любоваться на то, как другие работают, юнгам не удалось – Скорпион, выйдя из капитанской каюты, рявкнул на ребят и отправил их наполнять водой четыре огромные бочки, поставленные на носу и корме судна. Они очень пригодятся, если неприятель вздумает забросать «Ласточку» горящими стрелами. Другие матросы и часть охотников устанавливали гребные скамьи, фиксируя железные скобы в отверстиях палубы. С каждой стороны теперь могли усесться по восемь пар гребцов, помогая ветру разгонять быстрый бриг.

Выйдя на мостик, Шорт окинул взглядом приготовления и глухо пробурчал:

– Всем советую сегодня ночью усердно помолиться. Не уверен, что известные мне Боги имеют хоть какое-то влияние на того своенравного баламута, в чьей полной власти мы сейчас находимся, но попробовать стоит. Больше нам всё равно надеяться не на что!

Караулы на кораблях были усилены втрое, но и без того вряд ли на всём флоте нашёлся бы хоть один человек, спавший этой ночью безмятежным сном. Ник долго вертелся на своей койке в душном трюме, пока лежавший рядом Паук не прошипел:

– Если не угомонишься, врежу… Дай поспать, шкиря!

Мальчик притих, свернувшись клубком. Сон упорно не шёл. Несмотря на отчаянно-бесшабашное настроение большинства членов команды, во взглядах, бросаемых на стоявшие вдалеке корабли, чувствовалась тщательно скрываемая тревога, которую Ник ощущал всем своим существом. Крис тоже весь вечер напряжённо молчала, и Ник прекрасно понимал, что испытывает девчонка, если даже некоторые закалённые морские волки отказались от ужина. Куртис, глянув на ребят, уныло ковырявших в своих мисках, толкнул Ника локтем в бок и приказал:

– Ну-ка, веселей мечите, сопляки! Завтра коку будет не до каши, а с голодным пузом воевать я и врагу не пожелаю!

Утро выдалось ярким и удивительно тихим. На рассвете капитан поднялся на мостик, повертел головой и грязно выругался. Сбывались худшие его опасения – ветер, дувший в нужном направлении, напрочь исчез. Немного успокаивало, что отсутствовал и встречный ветра. А значит, противникам тоже придётся рассчитывать только на силу гребцов.

На обоих флагманских фрегатах почти одновременно заиграли боевые сигналы и взвились чёрные вымпелы.

– Вёсла на воду!

Зычный рёв Скорпиона пролетел над палубой. Первая команда гребцов схватилась за огромные вёсла и дружно опустила их в воду. Горвин Краб встал в проходе с небольшим барабаном на боку и здоровой рукой начал бить по нему колотушкой, задавая темп гребле:

– Раз!.. Два!.. Раз!.. Два!.. – Помощник боцмана хрипло выкрикивал счёт, стоя у кормового мостика.

Ещё до рассвета команда убрала паруса, оставив на мачтах только самые верхние – брамсели, но и они сейчас безжизненно висели, безнадёжно пытаясь ухватить хоть какой-нибудь ветерок.

– Раз!.. Два!.. Раз!.. Два!..

Линии кораблей начали медленно сближаться. Идущий справа «Бриллиант» стал вырываться вперёд, и его команда громкими криками начала подзадоривать соседа.

– Раз!.. Два!.. Раз!.. Два!.. – Счёт зазвучал чаще, сопровождаемый барабанным боем. – А ну, поднажать, слабаки!

На носу раздался громкий хлопок – стреломёт отправил в неприятеля первую стрелу. Но то ли «Перст» был ещё вне её досягаемости, то ли стреляющий взял слишком низко, но стрела

упала, не долетев до корабля. С фрегата тут же ответили, но не более удачно.

– Поднять прицел! – Тамин Грис командовал стрельбой. Шерстяной Вик покрутил какое-то колесо, и нос стреломёта чуть приподнялся. – Заряжай!

Сыска схватил одну из лежавших в ящике огромных тяжёлых стрел с коваными четырёхгранными наконечниками и уложил её в отполированное ложе. Вик начал бешено вращать вал, натягивая ремни. Спусковой крючок бойко защёлкал по бороздкам.

– Готово!

Грис наклонился, пытаясь определить направление полёта стрелы, и, видимо удовлетворившись увиденным, потянул за крючок. Выстрел был более успешным – стрела воткнулась в неприятельский борт, правда, не нанеся ему никакого ущерба.

– А почему не обматывают стрелы чем-нибудь горючим и не поджигают? – Ник, с любопытством наблюдавший за стрельбой, повернулся к Куртису. – Так толку было бы больше.

Тот хмыкнул и с интересом покосился на мальчишку:

– Стреломёт сгорит, если стрелы на нём поджигать будешь.

– Фигня! Просто надо жёлоб из железа сделать, и всех делов-то…

Дальше развить рационализаторскую мысль Никите не удалось. По правому борту кто-то дико закричал – стрела противника достигла своей цели.

– Свали-ка ты в трюм… от греха! – Куртис подтолкнул парнишку в сторону открытого люка. – Нечего теперь тут болтаться… Топай, топай…

Ник потопал, но не в трюм. Он присел за одной из стоявших на корме бочек и стал наблюдать. Корабли сходились, регулярно обстреливая друг друга убийственными стрелами, и теперь уже на «Персте» кто-то упал замертво.

– Арбалеты к бою! – Голос первого помощника капитана перекрыл боцманское «Раз!.. Два!..».

Охотники выстроились вдоль правого борта, меряя глазом расстояние. Те, у кого были самые мощные арбалеты, попробовали выстрелить, но только одна стрела на излёте воткнулась в борт неприятельского фрегата.

– Приготовиться! – Грис командовал стрелками, не забывая регулярно нажимать на курок стреломёта. – Залп!

Стрелы изредка свистели над палубой, не нанося пока особого вреда, но мокрые от пота гребцы уже начали беспокойно поёживаться – прилетит такая дурында в спину, и шлите привет подружке!

– Лучники – к бою! Залп!

Десяток охотников с огромными луками заняли позиции. Острия приготовленных стрел обмотали паклей, и перед выстрелом они поджигали её от горящих факелов, воткнутых в несколько выставленных прямо на палубе ящиков с песком. Горящие стрелы противника тоже начали доставать «Ласточку», и теперь пришла очередь Ника носиться взад и вперёд с ведром воды, заливая начинающие дымиться деревяшки и канаты.

Оба брига стремительно захватывали нумерийский фрегат в клещи, готовые сомкнуться и сдавить горло врага. Уже можно было разглядеть искажённые злобой лица противника и расслышать доносившиеся с вражеского корабля яростные крики. Дейв Шорт прочистил глотку и заорал, перекрывая весь этот шум:

– Право руля! Идём на таран! Абордажная команда, товьсь!

Три десятка матросов «Ласточки» и вызвавшихся охотников расхватали «кошки» и заняли удобные позиции. На «Персте» им уже готовили радостную встречу, прекрасно понимая, что фрегату никак не удастся увернуться от двух прущих на него наглецов.

– Убрать вёсла! Быстрей, свиньи косорылые! Без рук захотели остаться!?

С оглушительным треском нос «Ласточки» под острым углом вонзился в правый борт фрегата. Ник не успел как следует ухватиться за леер и полетел на палубу, больно ударившись рёбрами о какую-то деревяшку. Вокруг него творилось что-то невообразимое. Матросы истошно орали, швыряли «кошки», цепляя ими неприятельский борт и подтягивая корабли друг к другу. И, едва расстояние между бортами позволило перепрыгнуть на «Перст», они дружно бросились туда с длинными ножами и кривыми абордажными саблями в руках.

Адмиральский фрегат снова содрогнулся – это «Бриллиант» протаранил левый борт противника. Почти сразу команда «Бриллианта» посыпала на палубу «Перста», и остенвильцам теперь пришлось сражаться на два фронта. На корабле шла ужасающая резня. В диких криках атакующих тонули вопли раненых и стоны умирающих, громкие команды боцманов и капитанов. За первой волной атакующих на флагманский корабль хлынули остальные матросы, и спустя несколько минут всё было кончено.

У капитанской каюты потерпевшего поражение фрегата, залитый кровью из раны на плече, стоял молодой мужчина в синем камзоле с золотыми пуговицами. Его шляпа была давно потеряна, и густые белокурые волосы слиплись от крови – своей или чужой. Он морщился от боли, но не выпускал меч из руки. Три зарубленных трупа валялись у его ног, и обступившие

храбреца матросы нерешительно переминались на месте, не горя желанием разделить их судьбу.

– Ща, я его уделаю! – Шерстяной Вик с огромным окровавленным мечом выступил вперёд, готовясь броситься и добить раненого.

– Отставить! – Дейв Шорт протиснулся сквозь толпу и встал напротив мужчины. – Я приказываю вам сдаться!

– У меня есть свой капитан! – Молодой мужчина пошатнулся и скривился: – И он мне приказывает сражаться!

– Это будет бесполезная смерть! Вы проиграли! Ваш ублюдочный «Перст» наш! – Слова капитана потонули в дружном рёве команды. – Так что самое разумное в вашем положении – сдаться!

Мужчина качнул головой. Он уже едва стоял на ногах, скорее опираясь на свой меч, чем угрожая им кому-нибудь.

– Кэп! Дай, я его добью! Ну, чево он так мучается?

– Я кому сказал – нет!

– Он же трёх наших положил, остенвильская сволочь!

– Он мой пленник! И я башку оторву тому, кто посмеет его тронуть!

Чем бы закончилась эта перепалка, так и осталось неизвестным – в этот самый миг с «Ласточки» донёсся истошный крик:

– Пожар! Горим! Паруса!

Обернувшись, матросы увидели страшную картину. На грот-мачте пылали два нижних свёрнутых паруса, и огонь уже полз по мачте к третьему. Видимо, последние выпущенные перед тараном стрелы противника достигли своей цели, а в суете завязавшегося боя никто не обратил на это внимание.

– Все на «Ласточку»! Тушить пожар!

Большинство матросов бросились исполнять команду, но Вик и ещё парочка его товарищей решили всё-таки дождаться конца спектакля и пошарить наконец в капитанской каюте. Впрочем, ждать пришлось недолго. Дверь каюты открылась, и их взорам предстал шатающийся адмирал Лекс с пропитанной кровью повязкой на голове и с абордажной саблей в руке.

– Жейс Кармон! Я приказываю тебе сдаться! Дейв Шорт, я надеюсь, этому храброму юноше будет оказана достойная помощь?

– Можешь не сомневаться, Лекс. И тебе тоже.

– Ну, обо мне беспокоиться не стоит! Я остаюсь со своей командой!

И не успели стоявшие вокруг матросы кинуться к нему, как Лекс вонзил саблю себе в горло. Кровь хлынула потоком, и

адмирал рухнул на пороге своей каюты. Его помощник, бледный как полотно, осел рядом.

На «Ласточке» команда во главе с боцманом пыталась потушить разгоревшийся не на шутку пожар, но было слишком поздно – уже пылала вся грот-мачта, и огонь, раздуваемый невесть откуда взявшимся свежим ветром, грозил перебраться на фок-мачту.

– Рубить мачту! Ванты, ванты рубите!

Топоры дружно застучали, и через несколько минут мачта со всем своим пылающим такелажем рухнула на левый борт и, подталкиваемая баграми, шипя, погрузилась в воду.

Сражение, кипевшее вокруг, постепенно затихало. Четыре корабля шли ко дну с пробитыми бортами, несколько полыхали, застилая всё вокруг густым чёрным дымом. И судя по всему, с обеих сторон не осталось ни одного неповреждённого судна.

«Перст» тонул. Вода заливалась в широкие пробоины в обоих бортах, и корабль начал сильно крениться набок, грозя увлечь за собой на дно и оба намертво сцепившихся с ним брига.

– Все на «Ласточку»!

Голос боцмана перекрыл шум, и члены команды, быстро обшарившие погибающее судно, один за другим начали спрыгивать с задранного борта фрегата на палубу своего корабля.

Несколько охотников перенесли на «Ласточку» трёх оставшихся в живых членов команды «Перста», и Скорпион зычно скомандовал:

– Вёсла на воду! Багры в борт!

Матросы налегли на багры, отталкивая бриг от тонущего фрегата, и гребцы дружно взмахнули вёслами. На «Бриллианте» тоже сыпались команды, и вскоре оба корабля торопливо покинули место боя.

Оказавшись без флагмана, потрёпанные нумерийские корабли один за другим потянулись на восток. Адмирал Крок, оценив свои немалые потери, решил всё-таки преследовать противника, чтобы у бухты Двух Близнецов окончательно добить флот Повелителя.

«Ласточку» со срубленной мачтой и «Золотую лань», получившую приличную пробоину в носовой части и кое-как державшуюся на плаву, было решено отправить на срочный ремонт в Балос. До этого городка, уютно расположившегося в бухте Синих Крабов, при хорошем ветре было не больше дня ходу. И команда, ворча и посылая проклятия метким стрелкам «Перста», уже отправившимся кормить акул, очень надеялась, что они обернутся быстро, и даже успеют к основному сражению.

Большинство охотников с этих кораблей перебрались на

другие суда, а их места заняли тяжелораненые, которых тоже следовало оставить в Балосе. Вёсла ударили по воде, и «Ласточка», подгоняемая попутным ветром, взяла курс на северо-запад.

Патарий

Войско Солонии появилось на краю долины ранним утром. В густом тумане всадники и солдаты скользили как призраки, заполняя собой широкую западную часть долины. Эта долина, постепенно сужаясь, как бутылочное горлышко, выходила к реке Лагусте, в этом месте довольно широкой, но не слишком глубокой.

Юнарий с Суаном Дейлопом и членами военного совета стояли на небольшом пригорке, оглядывая поле предстоящего боя. Разведчики заранее доложили, что Патарий готовится дать бой его армии именно здесь, и они весь вчерашний вечер обсуждали, какую им выбрать тактику наступления.

Понимая, что у противника было достаточно времени подготовиться и что он мог устроить солонийцам множество неприятных сюрпризов, ударить в лоб всей массой было бы самым неразумным решением. Нидар Лимп, начальник охраны Юнария, в этом походе ведавший координацией всех подразделений, предложил пойти на хитрость – укрыть в леске, оставшемся сейчас за спиной Юнария, арбалетчиков и, путём обманного отступления, заманить нумерийцев под их губительные стрелы.

Это было замечательно, но оставшиеся в резерве Повелителя силы могли быстро свести на нет полученное преимущество. Тем более что у того в запасе была прекрасно обученная кавалерия – мерланы под командованием Сарина Адруса, которого вряд ли кто рискнул бы назвать трусом.

Из тех же докладов разведчиков выходило, что Патарий свои основные силы выстроил в узкой части долины между двух холмов, на одном из которых он расположил свой шатёр командующего. У подножия холма для охраны встали три сотни сланитов – солдат в тяжёлом вооружении – и пара сотен лучников, призванных прикрывать их своим огнём.

У другого холма расположились всадники, готовые сорваться в бой по первому же приказу. Лёгкая пехота и лучники заняли весь центр поля, а за их спинами сверкала своими тяжёлыми доспехами основная часть неуклюжих сланитов, способных принять на себя удар вражеской конницы, прорвавшейся через строй смятой пехоты.

Прикрывшись рукой от бьющего в глаза солнца, Юнарий окинул взглядом приготовившиеся к бою войска противника и удовлетворённо хмыкнул. Всё было именно так, как и докладывала разведка, а значит, их план, выстраданный в

многочасовом споре, имел право на успех.

– Ну что, мелкий ублюдок, посмотрим, на что ты способен! Как только туман начнёт редеть – трубить наступление!

Стоя возле шатра в окружении членов Большого Совета, Патарий с не меньшим интересом разглядывал вытекающее из леса войско противника. Над клоками тумана на высоких пиках колыхались флаги и вымпелы всех цветов и оттенков, среди которых выделялся синий квадрат с золотым осьминогом, сжавшим в щупальцах корабль.

– Смешно! – Патарий оглянулся на толпу мужчин за своей спиной. – Смешно видеть морскую гадину посреди леса! Доползла, тварь! Ну, ничего, сегодня я ей щупальца пообрываю! И с огромным наслаждением воткну свой меч в её зловонную пасть!

Турс Либург внимательно вглядывался в ряды войска Юнария, постепенно проступавшие в рассеивающемся тумане. И на его спокойном до этой минуты лице всё более заметным становилось волнение.

– Повелитель! Вы обратили внимание на одну странность?

– Какую ещё… странность? – После состоявшегося два дня назад совещания любое высказывание доланита вызывало у Патария только плохо скрываемое раздражение.

– Я вижу у Юнария намного меньше воинов, чем мне докладывала наша разведка!

Патарий резко обернулся к говорившему и смерил его презрительным взглядом:

– И что же здесь странного, Либург? Едва эти недоноски поняли, что боем буду командовать я, а не мой храбрейший доланит, они сразу же разбежались в разные стороны!

В толпе послышались подобострастные смешки. Патарий, весьма довольный собой, снова повернулся лицом к противнику, полностью проигнорировав сказанное Либургом вполголоса:

– Надеюсь, что это так… мой господин.

Поднявшееся из-за горизонта солнце развеяло наконец туман, и в войске Юнария протяжно запела труба. Забили барабаны, ряды наступающих колыхнулись и медленно двинулись по полю, подбадриваемые криками своих командиров.

На другой стороне поля тоже заиграли трубы и послышались крики, и стройная шеренга лучников приготовила своё оружие к бою. Стоящие за их спинами норланы в коротких пластинчатых доспехах и круглых шлемах обнажили мечи, готовясь броситься на приближающегося противника.

Когда до нумерийцев оставалось не более четверти мили, из рядов наступавших вылетели первые короткие стрелы, выпущенные из арбалетов. Но расстояние было ещё слишком

велико, чтобы они могли достичь своих целей. В ответ нумерийцы дали залп из тяжёлых луков, и их стрелы оказались куда точнее – в рядах наступающих со стоном упало несколько человек. Барабаны забили быстрее, и солонийцы, оставляя на поле раненых и убитых, почти побежали, быстро сокращая расстояние.

Теперь их арбалеты били без устали, выбивая одного за другим лучников из рядов обороняющихся. Еще пара-тройка минут, и две шеренги с дикими криками схлестнулись. Скрежет железа, сверкание мечей и вопли сражающихся заполнили собой всю долину.

Под бешеным напором ряды обороняющихся чуть заметно дрогнули, но тут произошло непредсказуемое – в шеренгах солонийцев вдруг запела труба, и войско, не переставая сражаться, начало отступать. Сначала медленно и как бы неохотно, затем всё быстрее, а потом часть воинов сорвалась и откровенно побежала, не обращая внимания на грозные окрики командиров. За ними кинулись нумерийские лучники и лёгкая пехота, разгорячённые боем, а от дальнего холма вдогонку отступающим со свистом и гиканьем рванули четыре сотни мерланов.

Патарий повернул к доланиту сияющее лицо с горящими глазами и заорал:

– Ну, что я говорил! Они бегут! Трусливые вонючие ублюдки! Мои конники сейчас добьют этих тварей! Смотрите, все смотрите на торжество Нумерии!

Солонийцы и правда бежали. Они дружно неслись к лесу, из которого только сегодня на рассвете вышли на поле боя. Трубач ещё пару раз протрубил отступление, но тех, кому требовалось напомнить приказ, среди солдат Юнария не оказалось.

Турс Либург, не разделявший всеобщего ликования, угрюмо молчал и пристально вглядывался в темнеющую кромку леса. Его не оставляло тяжёлое предчувствие, что Юнарий именно там решил устроить засаду, и он обшаривал взглядом каждое дерево на опушке. Внезапно в зелёной массе что-то сверкнуло.

– Повелитель! Прикажите им немедленно остановиться! Немедленно! Там засада!

Патарий резко повернулся к нему и, изменившись в лице, завизжал:

– Что-о?! Не-ет, Либург! Не выйдет! Я не остановлю победного наступления своих воинов! Ты жалкий трус, а трусам всегда и везде мерещится западня! Вперёд, Остенвил! Вперёд!!

Доланит скрипнул зубами и отвернулся. Винт Бригор, стоявший рядом с ним, тихонько пробурчал:

– Это ясно даже безмозглому барану, но у нашего командира

мозгов, похоже, ещё меньше…

Галиган, услышавший эти слова, оглянулся на говорившего, но Бригор тут же скорчил идиотскую рожу и кивнул на доланита. Главный сигурн снисходительно ухмыльнулся.

– Дьявол! Везде уши… – Лангракс зло процедил сквозь зубы и отошёл на пару шагов от Главного сигурна, увлекая за собой Либурга. – Ты как планируешь спасать это стадо в случае поражения?

– Никак. Пусть каждый на своей шкуре почувствует гениальность нашего Повелителя…

– Согласен! Но… я бы предпочёл вернуться к своей жене живым, а не завёрнутым в несколько слоёв просмолённой ткани.

Доланит искоса поглядел на Бригора и кивнул в сторону спуска с холма:

– Внизу ждут кони. А чуть ниже по течению, у переправы, есть лодки…

Бригор кивнул в ответ и с интересом уставился на разворачивавшуюся на поле картину. Солонийцы уже достигли кромки леса и, мелькая между стволами, начали углубляться в заросли. За ними, почти не отставая, громко вопя и размахивая оружием, неслись солдаты Патария. Некоторые всадники, обогнав свою лёгкую пехоту, тоже влетели в лес, когда в стане Юнария снова запела труба.

И лес ожил. Бегущие солонийцы мгновенно попадали, а на их месте словно из-под земли возникли лучники и арбалетчики, принявшиеся в упор расстреливать всадников и норланов.

Стрелы полетели и с деревьев, откуда засевшие там солдаты безнаказанно разили ошарашенных таким приёмом нумерийцев. Всадники живо развернулись и попытались вырваться из западни, но земля перед ними вдруг вздыбилась, и оттуда высунулись длинные пики с острыми зубчатыми наконечниками. Бедные животные, натыкаясь на эту преграду, дико ржали и вставали на дыбы, сбрасывая наездников.

Всё ещё не понимая, что происходит в лесу, Патарий с радостной улыбкой махнул рукой, приводя в движение тяжело вооружённую пехоту. Сланиты медленно качнулись вперёд, делая первые шаги, когда у подножия холма вдруг раздались яростные крики. Оглянувшись, стоявшие у шатра мужчины с ужасом увидели, что внизу идёт настоящее сражение. Три сотни вооружённых короткими мечами, ножами и арбалетами воинов, пробравшись по неширокой лощине, зашли в тыл охраняющим Повелителя сотням. В упор расстреляв не ожидавших нападения нумерийцев, они теперь сцепились с оставшимися в безжалостной схватке.

Члены Совета уже схватились за мечи, но внезапно на поле боя появилась новая, куда более серьёзная опасность. Несколько сотен совершенно мокрых всадников на таких же мокрых лошадях со стороны реки ворвались в узкое пространство между двух холмов и ударили в спину топающим к лесу сланитам, круша их неуклюжие ряды.

Томившиеся в резерве мерланы поспешили на выручку своим товарищам, горя желанием сразиться с кавалерий солонийцев. Но их яростный порыв имел мало успеха – свои же собственные сланиты встали у них на пути вязкой неповоротливой преградой, и быстрая атака захлебнулась.

Патарий с искажённым от страха лицом смотрел на долину, которая за каких-то четверть часа превратилась из места триумфа в место жестокого избиения его войска.

– Что они там возятся? – Патарий в гневе повернулся к Либургу. – Прикажи мерланам бросить в лесу этих недобитков и разделаться с конницей Юнария! Трубите же!

Либург, окинув взглядом опушку леса, с усмешкой проговорил, указывая рукой на жалкую кучку окровавленных всадников, вырвавшихся из западни:

– Зачем, мой Повелитель? Они и так уже спешат на выручку!

В долине сланиты были наконец сметены, и теперь всадники, дико визжа, рубили друг друга короткими мечами. Нумерийцы сражались отчаянно, но перевес в силе был на стороне противника, и постепенно схватка начала откатываться к середине поля, куда из леса уже потянулись солдаты Юнария.

– По-моему, всё ясно! – Видя, что бой у подножия холма тоже складывается не в их пользу, Либург зло посмотрел на Патария. – Приказываю трубить отступление! Пора спасать то, что осталось! А вам сюда, Повелитель Нумерии! – И доланит махнул рукой в сторону заросшего густым кустарником овражка, где были спрятаны их лошади.

Бросив последний взгляд на поле боя, Патарий начал резво спускаться по едва заметной тропинке. За ним, пыхтя и спотыкаясь, заспешили члены Большого Совета.

Никита

Шторм налетел внезапно. Ещё с вечера ничего не предвещало такой перемены, а к середине ночи всё вокруг уже превратилось в безумный кошмар.

Первый же порыв сумасшедшего ветра разорвал в клочья два верхних паруса на фок-мачте, и теперь они болтались бесполезными лохмотьями на чудом уцелевшей рее. Гребцы бросились к своим местам, пытаясь развернуть корабль с помощью вёсел, но подоспевшая огромная волна, словно издеваясь, выбила из их рук и переломала почти все вёсла, покалечив острыми, как пики, обломками несколько человек.

– Нас несёт к югу! – Скорпион вскарабкался на мостик, где Дейв Шорт, цепляясь за поручень, отдавал команды повисшим на штурвале Дрону Туче и его помощнику Туску.

– Не удержим, кэп! – Дрон отплёвывался от окатившей их волны, намертво вцепившись в рулевое колесо. – Нас всё время разворачивает бортом!

– Держать, сучьи дети! Носом к волне! Босс, давай сюда пару ребятишек покрепче! А то эти салаги уже визжат! Ещё в штанишки от усилий наделают!

– Кэп! В этом районе полно старых рифов! – Скорпион орал почти в ухо капитану, стараясь перекрыть рёв ветра. – Это дьявольски опасное место для нашего корыта!

– Ты предлагаешь мне залезть на марс и оттуда пялиться в это паскудное море? Поставь кого-нибудь на нос! Да погорластей! Глотка Вельзевула! Пошёл!

Очередная волна ударила по палубе «Ласточки» с такой силой, что всё судно затрещало. Валы шли один за другим, и казалось – ещё мгновенье, и чудовищная сила похоронит в пучине непокорное судёнышко. Но пока «Ласточка» умудрялась выскакивать из этих ям, стряхивая с себя тонны воды.

В приоткрывшуюся крышку люка просунулось туловище боцмана, и он тяжело спрыгнул с лесенки в трюм:

– Шерстяной Вик и Сыска! Кэп зовёт штурвал держать! – И, видя, что те не горят желанием лезть наверх, рявкнул: – Карамба! Живей шевелите задами, вшивые ублюдки!

Крис с зажмуренными от страха глазами тихонько подвывала, мёртвой хваткой вцепившись в не менее напуганного Ника. Ребят точно швыряло бы по всему трюму, если бы их не зажал в угол Куртис, упёршийся ногами в переборку.

– Ни-ик… я бо-оюсь… Мы утонем, да? Ни-ик… ой, мамочки!

– Ничё мы… не утонем… Кэп у нас… что надо… Да же,

Куртис?

Тот молчал, стиснув зубы. Когда очередная волна с шумом прокатилась по палубе, плеснув в трюм щедрую порцию холодной воды, он грязно выругался и проорал:

– Вы плавать хоть умеете, сопляки?

Ник, отплёвываясь от окатившей его воды, попробовал пожать плечами, но, поняв, что это вряд ли кто заметит, проорал в ответ:

– Не… не очень!

– А… она?

– Не… знаю!

– Ясно… Тогда… если чево… меня… дер…

Договорить Куртис не успел. «Ласточка» вдруг резко дёрнулась, словно наткнулась на какую-то преграду, а потом внизу что-то жутко заскрежетало, и пол в трюме вздыбился. Корабль затрясся всем корпусом и с оглушительным треском начал разваливаться.

Вода, бешено бурля, хлынула в огромную пробоину. Всех находившихся в трюме закрутило в огромном водовороте и бросило сквозь торчащие в страшном оскале искорёженные доски палубы туда, где их уже с нетерпением ждала нависшая над погибающим кораблём коварная волна.

Их сразу же оторвало друг от друга, и Ник с трудом уже мог понять в этой безумной круговерти, где он и куда его несёт. Он попробовал открыть глаза, но в царившей вокруг тьме ничего невозможно было разглядеть. Инстинкт выживания погнал его наверх, и парень начал изо всех сил молотить руками и ногами.

Воздух в лёгких быстро закончился, перед глазами заплясали яркие круги, но Ник упорно молотил по воде, стараясь вырваться на поверхность и глотнуть спасительный кислород.

Внезапно его резко подбросило, и он уже приготовился вынырнуть из водяного плена, как вдруг что-то с силой ударило ему в голову. Окружающие звуки сразу исчезли, всё погрузилось в абсолютную темноту, и Ник потерял сознание.

28 декабря 2014 г.